

М.П. Айзенштат

Власть и общество
Британии
1750-1850 гг.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ОТДЕЛ СОЦИО-КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЦЕНТР ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ**

М.П. Айзенштат

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО
БРИТАНИИ
1750-1850 гг.**

**Москва
2009**

УДК-94

ББК 63.3

А – 36

Рецензенты

Доктор исторических наук Г.С. Остапенко
Доктор исторических наук, профессор Т.Н. Гелла

Айзенштат М.П.

Власть и общество Британии 1750-1850 гг. М.: ИВИ
РАН, 2009. – 398 С.

На основе разнообразных по характеру документов в монографии анализируется динамика развития властных институтов Британии. Параллельно автор исследует глубокие перемены в социальной сфере, зарождение и развитие различных общественных организаций, многочисленных общественных движений, выдвигавших требования проведения преобразований. Длительный период времени позволил автору проследить эволюцию взаимоотношений властных институтов и общества, определить характер и особенности взаимного влияния. В работе даны портреты политических и общественных деятелей эпохи.

Монография подготовлена при поддержке гранта РГНФ №06-01-00-50-19а

ISBN 978-5-94067-287-6

© Институт всеобщей истории РАН, 2009

Содержание

Предисловие.....	5
Глава 1. Властные институты Британии в середине XVIII в.	17
Особенности формирования государственно-политической системы	17
Монарх, кабинет и парламент в середине XVIII в.	51
Глава 2. Британское общество во второй половине XVIII в.	71
Зарождение общественной жизни.....	71
Общественные организации Англии второй половины XVIII – начала XIX в.	91
Начало радикального движения, политические организации... ..	103
Глава 3. Институты власти и общество в конце XVIII – начале XIX в.	133
Монарх, правительство и оппозиция.....	133
Семейная жизнь Ганноверов и общество.....	144
Глава 4. Общественная жизнь 1815 – конца двадцатых годов и политика правящих кругов.	165
Подъем радикального движения 1815-1819 гг.	165
«Дело» о разводе Георга IV	178
Пресса и либеральные движения 1820-х годов.	186
Социально-экономические проблемы десятилетия.	190
Аболиционистское движение в 1820-х годах	198
Глава 5. Начальный этап реформирования институтов «старого порядка».....	203
Глава 6. Парламентская реформа 1832 г.....	227
Борьба за изменение системы представительства.....	227
Основные положения и результаты парламентской реформы .	250
Глава 7. Общественные движения и законодательная деятельность пореформенного парламента 1830-х годов.	261
Выборы 1832 г. и расстановка сил в палате общин.	261
Акт об отмене рабства в британских владениях.....	264

Продление хартий Ост-Индской компании и Английского банка.	268
Борьба за фабричное законодательство.....	272
Новый закон о бедных.	278
Реформа городского самоуправления.....	286
Законы о гражданской регистрации.	288
Борьба за снижение налога на прессу.....	290
 Глава 8. Укрепление традиционных и становление новых форм и методов в стратегии и тактике общественных движений и политических партий.....	297
Проблема объединения политических сил в парламенте. Первый кабинет Р.Пиля.	297
Зарождение чартистского движения.....	311
Образование Лиги борьбы против хлебных законов и ее агитация в обществе и парламенте.	327
Стратегия и тактика консерваторов в борьбе за власть в 1835-1841 гг.....	330
 Глава 9. Власть и общество в 1840-е годы	351
Агитация фритредеров и чартистов в первой половине сороковых годов. Политика кабинета Р.Пиля	351
Отмена хлебных законов и раскол консервативной партии.....	370
Власть и общество Британии в середине XIX в.	377
 Заключение.....	385
 Список основных документов и литературы	390

Предисловие

Исследование проблемы взаимоотношения власти и общества, зарождение их взаимодействия в Новое время, может быть наиболее успешным, когда оно проводится на основании длительного временного отрезка. В истории Британии одним из значимых периодов становления новых принципов такого взаимоотношения стали 1750 – 1850-е годы.

Середина XVIII столетия отмечена важными событиями. В 1745 г. страна пережила острейший политический кризис. Внук свергнутого в ходе Славной революции Якова II Стюарта предпринял, ставшую последней, попытку государственного переворота. Сторонники возвращения Стюартов на британский престол оказали ему существенную поддержку, что позволило мятежникам подойти к Лондону, где их разбила правительственная армия. Молодая Ганноверская династия, правление которой началось в 1714 г., сохранила власть и укрепила положение. Через несколько лет ситуация вновь обострилась. В 1751 г. скончался сын престарелого Георга II, и наследником престола объявлен его малолетний внук. В 1756 г. Британия вступает в Семилетнюю войну. Из-за «дипломатической революции», свершившейся незадолго до ее начала, страна была вынуждена противостоять Франции, Австрии, России, Швеции, Саксонии и Испании в союзе лишь с одной Пруссией. Сражения велись на европейском континенте, в Америке и в Индии. Победа укрепила положение Британии в мире и расширила ее колониальную империю.

Несмотря на все тяготы, связанные с войной, благодаря обширной торговле и развитию промышленности страна богатели. Казалось, что наступает период стабильности и процветания. При этом власть находилась в руках аристократических кланов. Они занимали прочные позиции в парламенте, в верховной исполнительной власти и местном самоуправлении. Сложившаяся система выборов, цензовое активное и пассивное избирательное право отстраняли основную часть населения от участия в решении государственных и политических вопросов.

Социальное недовольство, проявлявшееся в крестьянских волнениях, спонтанных городских бунтах, со второй половины века начинает принимать иной характер. Зарождалась новая политическая сила в виде радикального движения, выдвинувшего требование проведения реформы системы представительства, сокращения государственных расходов и изменения экономической политики. Появлялись многочисленные общественные объединения, ширилось аболиционистское движение. Семилетняя война, война с восставшими американскими колонистами, войны с революционной, а затем наполеоновской Францией тяжким бременем налогов ложились на плечи жителей королевства. Социально-экономический и политический протест вылился в набиравших силу общественные движения, которые достигли своего пика в 1830 – 1840-х годах. Они апеллировали к парламенту, правительству и монарху с требованиями проведения широких преобразований. 1820 – 1840-е годы стали временем осуществления экономических, политических, социальных, гражданских реформ.

К середине XIX в. Британия изменилась неузнаваемо, став лидером мирового производства и крупнейшей колониальной державой. Глубокие сдвиги произошли в расстановке сил внутри властных институтов и их взаимоотношениях с обществом. Они проявлялись в изменении статуса монарха, роли кабинета министров и политических партий, зарождении общественной жизни, упрочении в повседневной жизни демократических прав и свобод граждан. Процессы, происходившие на стыке государственно-политической и социальной сфер, и будут рассмотрены в этой книге в контексте истории страны на протяжении столетия

Столетие – продолжительный период в истории государства и общества. В одной работе невозможно осветить все стороны и сюжеты, связанные с историей власти и общества. Круг рассматриваемых проблем ограничен также в связи с тем, что в современной научной литературе понятие «власти» претерпело существенные изменения в сторону расширительного его толкования. Под властью в книге подразумеваются высшие органы законодательной и исполнительной власти: монарх, парламент, кабинет министров, а также политические партии. Неправоммерно рассматривать общество, как единое целое. Оно разделено на классы, страты, слои, бедных и богатых, которые различным

образом связаны между собой. Все они имеют неодинаковое отношение к власти, различно их отношение к ней и связи с нею. Отчасти искусственное разделение власти и общества позволяет с большей достоверностью проследить содержание процесса эволюции властных институтов и изменений в социальной сфере с точки зрения развития их взаимоотношений, установления и упрочения каналов связи. В данном ракурсе немаловажным представляется изучение реакции представителей власти на общественные движения и требования, степени и эффективности реального воздействия общества на принятие тех или иных решений и т.д.

Обращение к британской политической и социальной истории на протяжении столь длительного периода продиктовано возможностью проследить характер, выявить этапы и результаты происходивших изменений. Однако интерес к этой проблеме обусловлен и другими факторами. Прежде всего, необходимо отметить, что такой подход позволяет раскрыть механизм зарождения гражданского общества в Новое время, выявить особенности его становления, динамику и характер развития на примере британского исторического опыта.

Читатель, заинтересованный в более основательном осмыслении термина "гражданское общество", понимании того, что подразумевается под ним, имеет возможность ознакомиться с обширной литературой. Политики, публицисты, философы, политологи и социологи активно оперируют им, вкладывая разный смысл в его толкование. Это происходит не только от условности, размытости самого термина, но и его длительного присутствия в философской и политической мысли¹. Так, только в XX веке этот термин использовался А.Грамши для обозначения совокупности партий, печати, профсоюзов и церкви. При этом для него важнейшей организацией гражданского общества являлась политическая партия. Ю.Хабермас под гражданским обществом подразумевал негосударственные и неэкономические союзы на добровольной основе. Оно рассматривалось им как разделение между частным и общественным, между обще-

¹ Наиболее удачно история трактовки термина представлена в книге Д.Л.Козн и Э.Арато. / Козн Д.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. Пер. с англ. М., 2003.

ством и государством. Иными словами, под гражданским обществом он подразумевал общественность, не вовлеченную в исполнение властных функций. Э.Гелнер полагал, что термин раскрывает нормы социального существования, институционального и идеологического плюрализма, «препятствующего установлению монополии власти и истины и уравнивающего центральные институты»¹. Можно и дальше приводить различные высказывания о сути гражданского общества. При всех отличиях в нюансах перечисленные выше и многие другие определения отражают взгляды на идеальное, либо современное им общество. Автор этой книги склонна согласиться с мнением британских исследователей в трактовке гражданского общества, как поля приложения частных, неформальных действий, обусловленных интересами, целями и ценностями. Теоретически, институциональные формы гражданского общества имеют существенные отличия от государственных, семейных форм и рынка. Однако, на практике, границы между государством, гражданским обществом, семьей и рынком зачастую более сложные и размытые. Гражданское общество обычно охватывает также и многообразие мест действия, действующих лиц и институциональных форм, различных по уровню формализации, автономности и силы. Гражданское общество часто олицетворяют с организациями. К ним относят: благотворительные объединения, негосударственные организации и сообщества, женские, религиозные объединения, профессиональные ассоциации, группы взаимопомощи, социальные движения, и др.² В Новое время его формирование явилось следствием многостороннего развития социальной, политической и правовой сфер, и в то же время важнейшим фактором упрочения в повседневной жизни демократических свобод и прав. Становление гражданского общества сопровождалось коренной ломкой традиционных социальных

¹ Гелнер Э. Условия свободы. Пер. С англ. М., 1995.

² <http://www.lse.ac.uk/collections/CCS/introductio.htm>. 22 March 2004. См. также: Morris R.J. Clubs, societies and associations. / F.M.L.Thompson (ed.). The Cambridge Social History of Britain. Cambridge, 1990. P. 395-443; Tilly Ch. Popular contention in Great Britain, 1758-1834. Cambridge, 1995; Harris J. (ed.) Civil society in British History: Ideas, Identities, Institutions. Oxford, 2003; The English Historical Review. V. CXXII, N. 496, April 2007; etc.

связей, институтов «старого порядка» и государственного политического устройства.

Задача историка – проследить сложный процесс эволюции общества, в основе которой лежат изменения в экономической, политической, социальной и интеллектуальной сферах. Исследовать зарождение и развитие важнейших сегментов гражданского общества: формирование правового, национального, гражданского самосознания, становление общественной жизни. Создания и функционирования общественных и политических организаций, в том числе и политических партий. И тем самым предоставить возможность читателю лучше понять современные политические и социальные процессы¹.

Не только содержание термина «гражданское общество», но политическая и социальная история Британии стали предметом разногласий историков. Политическая история рассматриваемого столетия является одной из традиционных тем исследований британских историков. Истории парламента, политических партий и лидеров, жизни и деятельности монархов посвящены многочисленные тома книг. В них на протяжении прошедших веков не просто реконструировались факты и события, но и неоднократно подвергались пересмотру устоявшиеся традиционные взгляды. Так, на смену утвердившейся в XIX столетии либеральной концепции поступательного позитивного развития в межвоенный период XX века пришел консервативный взгляд на те же события и явления. С конца 1950-х годов наступило время пересмотра, опровержения и тех и других концепций, провозглашение новых взглядов и новой интерпретации сути событий. Однако неизменно в центре внимания историков находились ключевые моменты британской истории. Что касается рассматриваемого в книге периода, то следует упомянуть следующие дискуссионные сюжеты: личность и характер правления Георга III, уровень политического размежевания и соотношения сил в парламенте в конце XVIII в., причины проведения и суть первой парламентской реформы, преобразований

¹ В отечественной исторической науке исследование широкого круга проблем, связанных со становлением гражданского общества в Новое время только начинается. См.: Основные этапы формирования гражданского общества в странах Западной Европы и России в XIX – XX вв. М., 2007.

1830-1840-х гг., зарождение политических партий и др.¹ Невозможно дать серьезный, основательный обзор того, что было сделано историками за прошедшие столетия. Для этого бы потребовалось написание специального исследования, что не входит в задачи автора этой книги. Тем более что такого рода труды историками уже написаны².

Остановлюсь лишь на наиболее дискуссионных вопросах последних лет, которые имеют непосредственное отношение к рассматриваемым ниже проблемам. Интерес к этим сюжетам был спровоцирован работами Ю.Хабермаса, который связал зарождение гражданского общества в Англии с победой аболиционистов в 1807 г. и первой парламентской реформой 1832 г. Утверждение Хабермаса явилось своего рода побудительным мотивом обращения исследователей к социальной истории Британии XVIII в.: общественным движениям, организациям, клубам и кофейням, прессе. Их работы стали убедительным показом общественной жизни, которая развивалась с конца XVII в.³

Значительное внимание уделено историками сути, содержанию самого XVIII столетия. Джонатан Кларк в работе, посвященной исследованию идеологии, социальной структуре и политической практике Британии от Славной революции до первой парламентской реформы, утверждал, что Англия XVIII в. – это традиционное общество «старого порядка». К этому выво-

¹ Namier L. The structur of politics at the accession of George III. 2 vols. L., 1928; Namier L., Brooke J. The history of parliament: the House of Commons 1754-1790. 3 vls. L., 1964; Butterfield H. The whig interpretation of history. L., 1931; Gash N. Reaction and reconstruction in English politics 1832-1852. Oxford, 1965; Black J. A new history of England. Sutton, 2001; Cannon J. Parliamentary reform 1640-1832. Cambridge, 1973; Cannon J. George III. Oxford, New York, 2007; Clark J.C.D. The dynamics of change. The crises of the 1750-s and English party system. Cambridge, 1982; etc.

² См., например; Виноградов К.Б. Очерки английской историографии нового и новейшего времени. 1975; Согрин В.В., Зверева Г.И., Репина Л.П. Современная историография Великобритании. М., 1991; History and Historians in the Twentieth Century. Ed. by P. Burke. Oxford, 2002; etc.

³ Newspaper history from the seventeenth century to the present day. L., 1978; Cronin J.E. Schmeer J. (ed.) Social conflict and Political Order in Modern Britain. L., 1982; Slack P. (ed.) Rebellion, Popular Protest and Social Change in Modern England. Cambridge, 1984; Cooley L. Britons. Forging the nation 1707-1837. New Haven, L., 2005. 1st ed. 1992; Garrad J. Democratization in Britain: Elites, civil society and reform since 1800. Basingstoke, 2002

ду он пришел, исходя из анализа социальной жизни, сходства развития и устройства Британии со странами Европы¹. Это сходство он нашел в сильной церкви и религиозной вере, патриархальных воззрениях, силе монархии, которая проистекала от всеобщей поддержки, социальном преобладании наследственной землевладельческой аристократии. Политический радикализм, по его мнению, олицетворял собой в реальности лишь маленькую незначительную группу. Исследования Кларка, по словам отечественного историка, «стали своего рода сенсацией в современной английской историографии»². Его концепция получила широкое распространение, многие исследователи согласились с ней, хотя и с некоторыми оговорками³.

Разделяя взгляд Кларка в принципе, Дж. Блэк подвергает его сомнению в частности. Было бы ошибкой игнорировать те глубокие изменения в экономике, росте численности населения, возвышении городов и т.д., которые явственно обозначились в середине века – писал он⁴. В своем исследовании Блэк обратил внимание на проблему традиционализма и модернизации. И в таком контексте, утверждал он, неконструктивно лишь подчеркивать сохранение прежних черт и критиковать коррупцию. На протяжении всего века развивалась британская административная машина, этого требовали развивавшиеся финансы, колониальное управление и торговля. Однако если подходить с точки зрения возможности общества обсуждать и получать разъяснение политики верхов, то столетие отличало церковное государство и идеологический консерватизм, а не открытое общество⁵.

В ином ракурсе проблему истории XVIII в. рассмотрела Ханна Смит⁶. В исследовании природы монархии первых Георгов, их политики и монархической культуре она попыталась по-новому взглянуть на правление представителей Ганноверской

¹ Clark J.C.D. *English society 1688-1832. Ideology, social structure and political practice during the ancient regime*. Cambridge, 1985.

² Семенов С.Б. Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII века. Самара, 2008. С. 25.

³ См., например: Porter R. *English society in the Eighteenth Century*. L., 1982.

⁴ Jeremy Black. Introduction. *British politics and society from Walpole to Pitt 1742-1789*. L., 1990. P. 4.

⁵ Ibid. P. 10

⁶ Smith H. George I: Elector and King. L., 1978; *Georgian monarchy: Politics and culture, 1714-1760*. Cambridge, 2006.

династии. Ее работы серьезно изменили устоявшееся мнение. Она убедительно показала перемены в образе монарха, потери им сакральности прежних времен, столь характерной для «старого порядка». Двор короля окончательно потерял политическую функцию еще до 1760 г., то есть до вступления на престол Георга III, но играл важную социальную роль в жизни элиты, утверждает Х.Смит¹.

Таким образом, в британской историографии сосуществуют две взаимоисключающие концепции. Первая состоит в утверждении буржуазного характера развитой публичной сферы и незначительной роли монарха. Вторая отстаивает традиционный характер общества, и в качестве его важного компонента монархию, поддержанную аристократией и Англиканской церковью. Надо отметить, что традиционализм является важной чертой британского общества не только XVIII века. Но в то же время едва ли можно не принимать во внимание те глубокие кардинальные сдвиги, которые происходили в Англии в XVII столетии. Революция середины века и Славная революция, преобразования в экономике в XVIII и XIX вв., хотя и не такие существенные, как считалось прежде², рост городов и городского населения – эти и другие факторы должны учитываться при анализе социальных и политических явлений XVIII в.

Не менее дискуссионной представляется проблема датировки зарождения политических партий. Одни историки связывают их появление с исключительным кризисом периода реставрации. Другие с борьбой за парламентскую реформу на рубеже 1830-х годов. Третьи – с созданием Либеральной и Консервативной партий во второй половине столетия³. Акцентируя внимание на том или ином отрезке длительного периода трансформации парламентских политических группировок в политические партии, каждый из авторов имеет свои основания. Одна-

¹ Smith H. *Georgian monarchy*. P. 242-246.

² См., например, Crafts N.F.R. *British economic growth during the industrial revolution*. Oxford, 1985.

³ Cambridge modern history. L., 1909; Blake R. *The Conservative Party from Peel to Thatcher*. L., 1985; Stewart R. *The foundation of the Conservative Party 1830-1867*. L., N.Y., 1978; O'Gorman F. *The emergence of the British Two-party system. 1760-1832*; L., 1982; Coleman B. *Conservatism and the Conservative party in nineteenth-century Britain*. L., 1988; Mitchell L. *The Whig World. 1760-1837*. L., 2007; etc.

ко кардинальными сдвигами в этом процессе все-таки можно считать два периода. Первый – это время Французской революции. Второй связан с борьбой за первую парламентскую реформу. Именно тогда началось реальное размежевание либеральных и консервативных сил, выработка идеологических платформ и создание организационных структур¹. К числу проблем, которые вызывают различное толкование, относится и проблема парламентской реформы 1832 г. Либеральная концепция, состоявшая в утверждении, что виги, осуществившие реформу, спасли страну от социального взрыва, подверглась существенному пересмотру².

В целом, отказавшись от традиционного акцента на парламентскую историю, британские историки за последние десятилетия существенно расширили сферу исследования как XVIII, так и XIX столетий. В центре их внимания находятся истоки, причины формирования британской государственной мощи, формирования нации, политического и коммерческого развития. Предметом изучения становится не старая вигская аристократия, а история народа, среднего класса, рост антицерковных настроений³.

В отечественной историографии интерес к теме «власть и общество» только начинает проявляться после длительного перерыва. Дореволюционные историки обращались к политическому и философскому опыту Запада, а либералы особенное внимание уделяли политической истории Британии. В ней они зачастую видели идеальный образец для дальнейшего развития России. В XIX в. переводились на русский язык и издавались произведения И.Бентама, Д.С.Милля, Т.Карлейля, речи Р. Кобдена и другие. Исследования М.М.Ковалевского, В.Ф.Дерюжинского, И.Г.Мижучева, П.А.Покровского были по-

¹ Айзенштат М.П. Британия нового времени. Политическая история. М., 2007.

² Cambridge modern history. L., 1909; Trevelyan G.M. British history in the nineteenth century and after. L., 1937; Gash N. Reaction and reconstruction in English politics 1832-1852. Oxford, 1965; Cannon J. Parliamentary Reform 1640-1832. Cambridge, 1973; The Great Reform Bill of 1832. Liberal or Conservative? Ed. G.A.Cahill. Lexington, 1969; etc.

³ Brewer J. The Sinews of Power. L., 1991; Longford P. A Polite and commercial people: England 1727-1783. Oxford, 1989; Rogers N. Whigs and Cities: Popular politics with age of Walpole and Pitt. Oxford, 1989; Wilson K. The Sense of the people: Politics culture and imperialism in England. Cambridge, 1995; Porter R. Enlightenment: Britain and the creation of the Modern World. L., 2000; etc.

священы изучению государственно-политического устройства, истории утверждения и реализации демократических свобод; политической мысли Британии XIX столетия¹. После Октябрьской революции историки-марксисты акцентировали внимание на массовых движениях, и, прежде всего, на истории чартизма². В освещении социальной и политической истории Британии Нового времени преобладал классовый подход³. А исследование осуществлялось в русле высказываний К.Маркса и Ф.Энгельса. Это предопределило трактовку основных событий рассматриваемого в книге столетия⁴. Авторитет наших старших коллег настолько велик, что представление о парламентской реформе 1832 г., как о победе промышленной буржуазии, можно порой встретить и в современных исследованиях⁵.

За последние годы произошел новый поворот в отечественном англоведении. На смену социальной истории на первый план вышла проблематика, связанная с политической историей. Появляются статьи и монографии по широкому кругу проблем⁶.

В целом же, как для российской, так и британской историографии характерно разъединение политической, социальной, экономической истории. Между тем, комплексные исследования

¹ Ковалевский М.М. История Великобритании. СПб., 1911; Его же. Английская конституция и ее история. М., 1880; Дерюжинский В.Ф. Из истории политической свободы в Англии и Франции. СПб., 1906; Мижуев П.Г. Политическая история Англии в XIX веке. СПб., 1908; и др.

² Гингор С.В. Первое политическое рабочее движение в Англии. (Чартизм). Л., 1925; Кунина В.Э. Чартистское движение в Англии. М., 1959; Ерофеев Н.А. Чартистское движение. М., 1961; Черняк Е.Б. Демократическое движение в Англии 1816-1820. М., 1957 и др.

³ Татаринова К.Н. Очерки по истории Англии 1640-1815 гг. М., 1958; Ерофеев Н.А. Очерки по истории Англии 1815-1917 гг. М., 1959.

⁴ Подробнее об этом см.: Айзенштат М.П. Первые годы советского англоведения. / История и общество. Отечественное англоведение 1917-1991 гг. М., 2008. С.142-147.

⁵ См., например; Жолудов М.В. Парламентская реформа 1832 г. и трансформация партийно-политической системы Великобритании в середине XIX в. / Британия: история, культура, образование. Тезисы докладов международной научной конференции. Ярославль, 2008. С. 80-82.

⁶ Лабутина Т.Л. Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005; Апыщенко В.Ю. Уния и модернизация. Становление шотландской национальной идентичности в XVIII – первой половине XIX в. Ростов-на-Дону, 2008; Семенов С.Б. Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII века. Самара, 2008.

на стыке политической и социальной истории должны занять свое место в исследовательском пространстве, что позволит полнее высветить многообразие реальной жизни.

Завершая предисловие, не могу не высказать слова благодарности. Родным и друзьям, которые поддерживали меня в моей работе. Коллегам по Институту всеобщей истории РАН, принявшим участие в обсуждении рукописи и высказавшим ряд ценных замечаний. Работникам московских библиотек и архивохранилищ. Моим рецензентам, которые нашли время прочитать рукопись.

Глава 1. Властные институты Британии в середине XVIII в.

Особенности формирования государственно-политической системы

Сложившаяся к середине XVIII столетия государственно-политическая система Британии явилась результатом длительного формирования правовых основ и парламентской практики. В становлении юридических норм британского общества значительную роль сыграла Великая хартия вольностей. В 1215 г. король Иоанн Безземельный был вынужден уступить настояниям мятежных баронов и их союзников. Подписанный им перечень их требований и получил позднее название "Великой хартии вольностей". Король подтвердил привилегии церкви, определил права светских и духовных феодалов, рыцарей, свободных держателей земли и горожан. 39 статья Хартии специально оговаривала, что ни один свободный человек не может быть арестован, подвергнут конфискации имущества и изгнанию без предварительного суда пэров. Как только удовлетворенные победой бароны удалились, Иоанн отказался от соблюдения хартии. Тем не менее, эта статья заложила одну из важнейших правовых норм общества.

Новая гражданская война привела к рождению парламента¹. Тогда войско недовольных рыцарей, горожан, студентов Оксфордского университета и некоторых баронов возглавил

¹ Рождению английского парламента и его истории посвящена обширная литература британских и российских исследователей. См., например, Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента. М., 1960; Ковалевский М.М. Английская конституция и ее история. М., 1880; Он же. История Великобритании. СПб., 1911; Из истории европейского парламентаризма. Великобритания. М., 1995; Минеева Т.Г. Конституционное развитие Англии XIV-XV вв. Арзамас, 2005; Айзенштат М.П. Британия нового времени. Политическая история. М., 2007; История Великобритании. Пер. с англ. М., 2008; Cannon J. Parliamentary reform 1640-1832. Cambridge, 1973; MacKenzie K.R. The English parliament. Harmondsworth, 1965; Namier L., Brooke J. The History of Parliament: The House of Commons 1754-1790. v.1-3. L., 1964; etc.

Симон де Монфор. Он добился победы над королевскими отрядами и захватил короля Генриха III и принца Эдуарда. 20 января 1265 г. в Вестминстере состоялось заседание первого английского парламента. Де Монфор основывался на средневековой традиции держать совет со знатью королевства. Но, вместе с тем, он вышел за ее пределы и кроме верных прелатов и баронов пригласил на совещание представителей "общин" – по 2 рыцаря от каждого графства и по 2 горожанина от наиболее крупных городов. После гибели Монфора и восстановления власти монарха король Эдуард I сохранил и использовал парламент в борьбе с баронами¹.

Представительство от низшего дворянства и городов по два человека утвердилось не сразу. Впоследствии оно было зафиксировано законом в 1292 г. В таком составе с относительной регулярностью парламент собирался с конца XIII века. Почти через 50 лет была выработана структура представительного органа, разделенного на две палаты – лордов и общин. В верхнюю палату вошли представители древних родов на наследственной основе, а также иерархи церкви и все те, кому было даровано такое право монархом за заслуги перед ним и страной.

На протяжении XIV-XVI вв. на основе прецедента и складывавшихся традиций в парламенте постепенно вырабатывалась процедура заседаний, характер законодательной и судебной деятельности, взаимодействия между палатами и всего парламента с короной. Интенсивность процесса формирования парламентских институтов и принципов деятельности непосредственным образом зависела от конкретной обстановки в стране. В те периоды, когда возрастала потребность королей в дополнительных финансовых средствах, либо же в укреплении позиций в борьбе за власть, корона опиралась на заинтересованный в сильной верховной власти представительный орган. В результате он окреп и превратился в важный фактор политической жизни средневековой Англии, что составило ее существенное отличие от большинства европейских стран, где становление абсолютизма сопровождалось постепенным упадком сословно-представительных учреждений.

¹ The Political history of England. In 12 vols. L., 1930. . V.3. P. 121-123, 139.

С XIV в. парламент участвовал во всех сферах политической жизни общества. Более того, без него стало невозможным функционирование правительства, так как парламент давал согласие на взимание налогов. Нередко в качестве оппонента королевской власти парламент выходил за пределы своей компетенции, хотя и не всегда успешно. Получили дальнейшее развитие и упрочение функции парламента, явившиеся результатом парламентской практики. Поначалу их было две: давать согласие на экстраординарные налоги и право принимать и обсуждать петиции, поступающие на имя короля, а впоследствии и самого парламента. На протяжении XIV-XV вв. обозначились и закрепились иные функции. Парламент превращался в арену политической борьбы, отчасти направляя ее в легальное русло; становился центром информации и жалоб с мест; изредка выступал в качестве судебного органа, в компетенции которого находились политические дела; порой осуществлял внешнеполитическую и законодательную деятельность. Результатом прецедента и парламентской практики стали привилегии членов нижней палаты: депутатская неприкосновенность, свобода прений, что вытекало из задач, стоявших перед представителями с мест, и являлось непременным условием нормального функционирования самого парламента; выборы спикера¹.

Поначалу парламент рассматривался обществом как некая высшая инстанция, куда можно было обратиться с жалобой на несправедливость. Мелкое дворянство и горожане представительство рассматривали как тяжкую повинность, сопряженную со многими неудобствами. С укреплением позиций парламента происходят важные и качественные изменения в отношении к нему, явившиеся одновременно и показателем формирования правового самосознания жителей королевства. В то же время складывается слой политически активного дворянства, участвовавшего в деятельности парламента².

Результатом инцидентов, сопровождавших выборы в графствах, стал закон 1430 г., вводивший имущественный и воз-

¹ Гутнова Е.В. Первое столетие английского парламента. / Из истории европейского парламентаризма. М., 1995. С.4-19.

² Дмитриева О.В. У истоков английского парламентаризма. / Британия и Россия. М., 1997. С. 29.

растной ценз. Закон предоставил избирательные права в графствах мужчинам, достигшим 21 года и имевшим не менее 40 шиллингов годового дохода с земельной собственности, определил места, где должны были проводиться выборы. Помимо этого закон 1430 г. оговаривал и пассивное избирательное право. Теперь оно распространялось на "наиболее уважаемых" граждан, т.е. среднее и крупное дворянство. В итоге значительный слой фермеров, не имевших требуемого дохода, а также все те, кто не мог приехать в столицу графства, где отныне проходили выборы, отстранялись от участия в них. Число городов и местечек, имевших право избрать своих кандидатов, со временем возросло за счет предоставления такой привилегии короной. Политика королей в XIV-XVI вв. была связана с необходимостью укрепления позиции монархии за счет увеличения своих сторонников. В результате появлялись разнообразные мелкие округа, которые имели различный характер представительства в нижней палате.

К возвышению власти монарха привел и разрыв с Римом. С 1529 по 1536 г. в парламенте был принят ряд законов, направленных на утверждение английского короля главой церкви, получившей название Англиканской. Реформация, проводившаяся «сверху», носила частичный, неполный характер. «Став главой английской церкви, король получил право определять вероучение, причем ни один из католических догматов не был отменен. Церковь стала с этих пор как бы частью государственного аппарата, а все ее имущество – имуществом короля»¹.

В XVI в. произошли серьезные сдвиги в институциональном становлении английского парламентаризма. Утвердились процедуры торжественного открытия сессии, ритуалы деятельности депутатского корпуса, возрастало количество дел, которые рассматривали члены парламента. Одним из важнейших итогов развития английского парламента в первые столетия его истории стало, как отмечала отечественная исследовательница, «утверждение новых форм политической культуры: внутренней дисциплины, уважительного отношения к депутатскому статусу и деятельности этого органа, традиций, поддерживающих его престиж»².

¹ Штокмар В.В. История Англии в средние века. С.-Пб., 2000. С.164.

² Дмитриева О.В. Указ. соч. С. 28.

Восшествие на английский престол в 1603 г. новой династии Стюартов положило начало изменениям в политической ситуации в стране. Политика Якова I, а затем и его сына Карла I была направлена на усиление власти монарха и ослабление парламента. Она явилась результатом абсолютистских устремлений как отца, так и его наследника, не желавших учитывать сложившиеся в стране обстановку и традиции, а потому редко собиравших парламенты. К представителям королевства они обращались в тех случаях, когда казна истощалась, и не предвиделось иных путей поступления доходов, как с согласия парламента. В период правления Якова между его сторонниками и сторонниками парламента велась дискуссия о правах последнего. Если первые рассматривали привилегии и вольности (личную неприкосновенность и свободу слова, право выбирать спикера, представлять протесты против мероприятий правительства, привлекать к суду министров) парламента как милость короля, то вторые – как законное наследие, доставшееся от предков¹.

Различное толкование prerogatives короны и прав парламента постепенно привело к обострению отношений между королем и представителями королевства, которое усилилось при Карле I. Борьба с его политикой уже в первые годы правления приняла форму защиты свобод, обретенных в Средние века. Находясь под впечатлением от роскоши испанского и французского дворов, король стремился уничтожить религиозную и политическую оппозицию. Карл не учитывал исторически сложившихся традиций парламентской практики, правовое сознание, силу пуританства, отсутствие армии чиновников, постоянной сильной армии, что в конечном итоге и явилось одной из причин конфликта короля и парламента и Английской буржуазной революции.

Важнейшим свидетельством жизнестойкости сложившейся в Англии политической системы явилось ее сохранение в период усиления абсолютистских тенденций, когда представительные собрания собирались редко. В начальный период революции парламент превратился в центр политической оппозиции и сыграл важную роль в жизни общества. В его стенах были подняты практически все политические вопросы, которые впо-

¹ Айзенштат М.П. Британия нового времени. Политическая история. М., 2007. С.15-18.

следствии, на протяжении двух столетий решались обществом. К ним следует отнести соотношение прав парламента и прерогатив короны, ответственность министров перед парламентом, характер системы представительства (активное и пассивное избирательное право, размеры округов), права и свободы личности, пределы сопротивления монарху, нарушающему законы страны и т.д. В этот период политические вопросы тесно переплетались с религиозными проблемами. Наиболее наглядно это проявилось в разделении парламента и страны, которое поначалу носило религиозный характер, переросшее в политическое и социальное противостояние "кавалеров" и "круглоголовых".

За относительно краткий исторический период в Англии произошла смена типов политической власти: от монархии к конституционной монархии, от нее к республике, затем к единоличной военной диктатуре (протекторат О.Кромвеля) и, наконец, реставрации монархии.

После смерти Кромвеля в 1658 г. и отречения его сына Ричарда в 1659 г. обострился вопрос о государственно-политическом устройстве страны. В условиях глубокого экономического и политического кризиса реставрация дома Стюартов стала результатом компромисса, к которому стремилось, практически, все общество. 26 апреля 1660 г. Конвент (парламент без короля) принял важнейшее решение. Он постановил, что в соответствии с древней конституцией королевства правительство Англии должно состоять из короля, лордов и представителей общин¹. Сыну казненного короля Карлу Стюарту представители парламента предложили вернуться в Англию и занять престол. 29 мая после вынужденной 17-летней эмиграции Карл II Стюарт торжественно въехал в Лондон. Жители страны встречали его с надеждой на мир и благополучие, которые должно было бы принести восстановление монархии.

Реставрация Стюартов на английском престоле не стала полным возвращением к прежним дореволюционным порядкам. Карл II восстановил избирательную систему и структуру парла-

¹ Подробнее о Конвенте см. : Павлова Т.А. К вопросу о составе Конвента 1660 г. / Проблемы британской истории. М., 1973. С. 179-194.

мента, подвергшихся изменениям в период революции¹. Помимо имущественного ценза вводились ограничения политического характера. Права голоса были лишены все те, кто принимал участие в борьбе против его отца, либо же поддерживал римских католиков. Сохранялась территориальная диспропорция округов. Основную массу избирателей составило дворянство, зажиточные слои фермеров, городская и сельская буржуазия.

Пассивное избирательное право распространилось на состоятельных людей старше 21 года. Избирательные кампании отличались острой борьбой, в ходе которой соперники вели интенсивные памфлетные "войны". Патроны стремились обеспечить места своим сторонникам, нередко используя коррупцию и подкуп избирателей. В целом представительство в парламенте носило наследственный характер, зачастую депутатские места занимали фамильные кланы. В силу чего социальный состав парламентариев отражал интересы главным образом аристократии и джентри.

Вместе с тем в политической сфере происходили некоторые изменения. Постепенно усиливалось влияние нижней палаты — без ее согласия не могла быть дана ни одна субсидия, законопроект становился статутом только при ее согласии. Одновременно обозначилось уменьшение влияния верхней палаты. В значительной мере это было связано с тем, что революция и гражданские войны существенно подорвали позиции аристократии, как из-за физического сокращения численности этого слоя населения, так и уменьшения размеров его собственности. Тем не менее, состоявший из представителей аристократии Тайный совет (прообраз кабинета министров) стал основным совещательным органом короля.

За время правления Карла II было созвано пять парламентов, в ходе деятельности которых постепенно сформировались две группировки². Партия Двора, поддерживавшая политику монарха и его министров, и партия Страны (оппозиции), которая

¹ В отечественной историографии этот период исследован Т.Л. Лабутиной и Д.О. Гордиенко / Лабутина Т.Л. Политическая борьба в Англии в период реставрации Стюартов. 1660-1681. М., 1982; Гордиенко Д.О. Корона в эпоху Реставрации Стюартов в Англии. Самара, 2005. Дис. к.и.н.

² Лабутина Т.Л. Политическая борьба. С.94-120.

выступала с ее критикой. Противостояние поначалу было продиктовано прокатолической, профранцузской политикой короны, которая вызывала негативную реакцию значительной части подданных. Религиозные вопросы продолжали занимать важное место в идеологической и политической сферах жизни не только английского, но и европейского общества¹.

Борьбой с католическим влиянием был продиктован ряд актов парламента. Он утвердил церковное единообразие и положение англиканства как государственной церкви; ограничил гражданские и политические права тех, кто принадлежал к другим конфессиям. Среди законов этого периода истории страны важное место занимает Хабеас корпус акт, принятый парламентом в 1679 г. Акт был направлен на обеспечение свободы личности, ее защиту от произвольных арестов, широко использовавшихся властями в борьбе с оппозицией. Этот закон предоставил каждому заключенному право требовать или немедленного разбирательства его дела в суде или отпуска на свободу под залог и поручительство.

В конце 1670-х годов набирала силу кампания против католиков, которую возглавлял граф Шефтсбери. Он выступил за исключение из числа наследников престола, не скрывавшего свою приверженность католицизму герцога Йоркского – Якова, брата Карла II. С этим кризисом, получившим название "исключительного", связано зарождение названий британских партий тори и вигов. В 1679 г. дважды проводились выборы в парламент. Их результаты отразили настроения жителей королевства, а именно – нарастание антикатолического большинства. Сторонники исключения Якова получили насмешливое прозвище пресвитериан, восставших на юго-западе Шотландии и разбитых армией короля летом 1679 года – Whiggamores, Whigs (на шотландском жаргоне это слово означало "скисшее молоко"). Многие виги придерживались теории договора между государем и народом, права подданных оказать власти неповиновение в том случае, если она нарушит закон. Королевская партия стала именоваться по прозвищу ирландских католиков – Tories. Было бы преувеличением полагать, что все жители королевства в эти

¹ Aylmer G.E. The struggle for the constitution. L., 1963. P.189.

годы занимали ту или иную позицию, поляризация сил поначалу коснулась лишь политически активного слоя населения¹.

Таким образом, размежевание парламентского корпуса получило дальнейшее развитие. Противостояние партии Двора и партии Страны приобретало политическое звучание. Однако нельзя и говорить о зарождении политических партий в современном смысле этого слова. Следует лишь отметить, группировки, обозначившиеся в разгар "исключительного" кризиса, не воспринимались обществом как нормальное явление. Современники видели в разделении парламентского корпуса скорее нарушение конституционных норм.

В первые годы существования эти протопартии не имели серьезных различий во взглядах и социальном составе. Речь может идти лишь о том, что виги являлись сторонниками ограничения королевской прерогативы, выступали против постоянной армии. Тори же поддерживали Церковь Англии и королевские прерогативы, т.е. отстаивали англиканскую монополию на веру и придерживались теории непротивления законному правителю. Партия Двора защищала божественное происхождение королевской власти. При этом на той и другой стороне обозначились свои экстремистские и умеренные течения.

Поначалу действия вигов проходили успешно, нижняя палата одобрила закон об исключении Якова. Однако слабость оппозиции, отсутствие основательной поддержки в обществе обнаружилось довольно быстро. Карл II был решительно настроен против билля, утверждение которого поставило бы парламент в более высокое положение по сравнению с короной. Свою задачу он видел в сохранении наследственных прав семьи на трон. Успешная в конечном итоге борьба Карла II с вигами находила позитивный отклик и в обществе, опасавшегося любых проявлений оппозиционности, которые могли бы спровоцировать начало новой гражданской войны. Вместе с тем оно не одобряло и усиления королевской власти.

Проблема католическая все теснее переплеталась с политической и социальной в период правления Якова II. Глубоко религиозный король, принявший католицизм, стремился вернуть Церковь Англии в лоно католичества. Его политика заклю-

¹ Айзенштат М.П. Британия нового времени. С. 28-29.

чалась в попытке ввести веротерпимость, которая рассматривалась им в качестве первой ступени к осуществлению заветной мечты. Он назначал католиков на ответственные посты министров, в университеты, армию, гражданскую службу. Позитивные, но поспешные действия монарха не встретили поддержки у неконформистов, и вызвали негативную реакцию в стране в целом. Роспуск парламента в 1685 г. без объявления срока новых выборов был расценен как начало атаки на парламент, что способствовало возрастанию недовольства правлением и объединению тори и вигов в противостоянии королю.

Взоры оппозиции обратились к Вильгельму Оранскому, единственному на тот момент представителю мужского пола, который мог бы претендовать на английский трон в силу приверженности протестантской религии. Вильгельм Оранский был незаурядной личностью, энергичным, твердым и искусным политиком. Современники характеризовали его как человека сдержанного, даже скрытного, достаточно осторожного. Он тщательно обдумывал свои действия, но твердо придерживался принятого решения. Даже недоброжелатели признавали его храбрость и мужество¹.

Вильгельм был сыном дочери Карла I, т.е. племянником и одновременно зятем Якова II после того, как в 1677 г. женился на его дочери Марии, своей единственной серьезной сопернице женского пола, которая по настоянию Карла II воспитывалась в протестантской вере. Брак укрепил позиции принца Оранского как претендента на трон либо в качестве наследника, либо принца консорта. Еще до воцарения Якова II Вильгельм трижды посетил Англию, где близко сошелся с некоторыми представителями аристократических кланов. Его кандидатура в значительной мере устраивала вигов, в силу его принадлежности к протестантской религии (хотя он был кальвинистом), и налаженных тесных связей с королевством.

Протестантская Голландия в период реставрации Стюартов превратилась в пристанище для англикан, гонимых королями, что неизбежно усиливало интерес Вильгельма к событиям,

¹ Burnet G. Supplement to Burnet's History of My Own Time; Fitzjames J. Memoirs. / English historical documents. (далее EHD). V. VIII. P.904-905; см. также: Ogg D. William III. L., 1956. P. 11-13.

происходившим на острове. Принц Оранский рассматривал Англию как неотъемлемую часть Европы. А обстановка в последней складывалась неблагоприятно для Голландии, независимому существованию которой угрожало близкое соседство с католической Францией. Религиозный аспект в этих сложных взаимоотношениях играл весьма существенную, хотя и не первостепенную роль. Тем не менее, как справедливо утверждал британский исследователь, "протестанты всей Европы, осознавали общую опасность и общие интересы, невзирая на границы, они оглядывались вокруг в поисках союзников и лидеров"¹. Для Голландии таким естественным союзником могла стать Англия. Немаловажным фактором среди причин, побуждавших Вильгельма к дальнейшим шагам, была и надежда на престол.

Начались переговоры вигской оппозиции с принцем Оранским. В конце зимы и на протяжении весны 1687 г. голландский посол установил тесные связи с оппонентами короля.

Ход событий ускорили начатая Людовиком XIV тарифная война с целью предотвращения дальнейшего проникновения голландских товаров на французский рынок и неожиданное известие, что королева – вторая супруга Якова – ждет ребенка. Весной – летом Вильгельм намеками обсуждал со своими английскими корреспондентами вопрос об интервенции. При этом он не собирался начинать задуманное предприятие без предварительного письменного обращения к нему ответственных лиц Англии, где была бы изложена просьба подобного рода. 20 июня 1688 г. королева родила мальчика. Никто не сомневался в том, что он будет воспитан в католической вере, и в начале июля поступило "приглашение", которого ждал Вильгельм. В нем говорилось: "У нас есть веские основания полагать, что с каждым днем наше положение будет только ухудшаться ..., лучшее, что мы могли бы сделать – информировать Ваше Высочество как о положении дел в стране, так и о тех трудностях, что встают перед нами. ... народ повсеместно недоволен нынешней политикой правительства в религии, свободах и по отношению к собственности, и находится в ожидании ее ухудшения, так что Ваше Величество можете быть уверены: в любой части королевства 19 человек из 20 мечтают о переменах, и с готовностью примут в

¹ Clark G.N. The Later Stuarts 1660-1714. Oxford, 1940. P. 124.

них участие ...", если будут обеспечены и защищены их права. Авторы письма утверждали: армия Якова II слаба и раздираема противоречиями, давая понять тем самым, что претендент не встретит серьезного сопротивления с ее стороны. Они также подчеркивали, что именно теперь пришло время для активных действий и просили Вильгельма сообщить о своем решении¹.

Получив одобрение Генеральных штатов, Вильгельм стал набирать войско, готовить корабли. Свою цель он официально определил, как обеспечение условий для действия закона против католиков и оказание помощи парламенту в "свободном исправлении злоупотреблений". Эти доводы Вильгельм изложил в декларации, которая была выпущена перед началом похода. 11 ноября флот Оранского отбыл в направлении Англии. Он насчитывал 200 транспортных кораблей, сопровождавшихся 49 легкими судами. Там располагалось большое дисциплинированное войско, ядро которого составляли три английских и три голландских полка, всего — 11 тыс. человек и 4 тыс. лошадей².

Яков II бежал из Лондона в Солсбери. Шаткость его положения очевидна всем, и показателем его слабости и отношения к нему является тот факт, что единственным из дипломатического корпуса в этой поездке монарха сопровождал лишь французский посланник. Опасаясь за жизнь семьи, Яков II решил вывезти наследника во Францию. Вскоре и сам тайно отправился туда же. В Лондоне начались погромы и нападения на католиков. Сити сотрясали паника и всевозможные слухи. Армия была деморализована и дезорганизована.

Вильгельм Оранский взял управление в свои руки. Он принял командование английской армией и временное управление государством, судьбу которого должен был решить конвент (парламент без короля). 23 декабря обнародована прокламация Вильгельма. В ней он объявил о выборах и приглашал собраться членов палаты общин всех парламентов Карла II. Вильгельм не имел ни времени, ни возможности подготовиться к выборам и оказать влияние на их исход. Современники, а впоследствии и историки отмечали особую свободную атмосферу, которая сопутствовала

¹ Letter of invitation to William of Orange, 30 June 1688. / EHD. V. VIII. P.120.

² Clark G.N. The Later Stuarts 1660-1714. Oxford, 1940. P. 124.

выборам. В формировании общественного настроения определенную роль сыграла и пресса. Уже на второй день после отъезда Якова II только в Лондоне появилось 3 новые газеты.

В ходе выборов четко определились 4 партии, предлагавших выход из политического кризиса. Первая настаивала на возвращении на престол Якова II, вторая — провозглашении королем его малолетнего сына и установлении регентства, третья — короновании принцессы Марии, жены Вильгельма, четвертая — короновании самого Вильгельма. При этом последняя группировка была наиболее влиятельной. Лоялисты, сторонники возвращения Якова II на престол, были немногочисленны и искали пути для объединения с представителями второй группировки. Их могла сплотить общая идейная платформа, основанная на убеждении в том, что Англия являлась государством с наследственной монархией. Немаловажную роль в формировании их альянса сыграли опасения, что прецедент может привести к нарушению вековых традиций и установлению монархии выборной. Третья группировка опиралась на мнение значительной части общества, убежденного в приоритете прав Марии на престол. Действительно, до рождения сына Якова II Мария являлась его законной наследницей.

Обе палаты собрались на заседания в январе 1689 г. Палата общин состояла из 551 депутата, при этом 392 депутата уже участвовали в работе парламента, обладали некоторым политическим опытом. Около 70 % представителей страны были сельскими джентльменами, не вовлеченными ни в торговые, ни в производственные сферы экономики. В палате лордов заседали 181 пэр, 11 герцогов, 2 маркиза, 66 эрлов, 9 виконтов, 67 баронов, 2 архиепископа, 24 епископа. Заседания конвента отличала высокая посещаемость и вместе с тем значительная доля “заднекамеечников”: 2/3 лордов и 4/5 представителей общин ни разу не выступили в прениях. Только 28 января конвент приступил к обсуждению главного, конституционного вопроса. С самого начала четко обозначилось разделение парламента на две партии лоялистов и вильямитов, причем первые преобладали в верхней палате. Однако они были менее сплочены, чем их противники, которые лидировали среди выступавших ораторов.

Сразу же суть разногласий обозначилась из-за различных взглядов на права парламента и статус монархии. Виги были

склонны объявить Якова II низложенным. Тори опасались создания прецедента и настаивали на признании престола вакантным вследствие отречения короля, которым фактически стал его отъезд из страны. После длительных дебатов в конечном итоге победила формулировка тори: в палате общин она прошла большинством лишь в три голоса. Не менее драматично складывалась обстановка в палате лордов, когда при голосовании играли роль буквально 2-3 голоса. В Декларации конвента отъезд короля признавался равносильным отречению. Вместе с тем в ней проскользнуло и убеждение вигов в существовании определенного рода договора между монархом и народом, основных законов государства¹.

Вильгельм отказался от регентства, и объявил, что в случае коронации Марии он покинет королевство. Мария спасла положение. Она выразила готовность передать власть мужу, на что дала согласие и ее сестра Анна. В этой сложной ситуации виги предложили компромисс, заключающийся в возведении на престол обоих супругов с передачей реальной власти одному Вильгельму, на что было получено его согласие. Тем самым произошла передача престола одновременно наследнице Якова II и лицу, избранному парламентом. Как только они оба приняли титул, конвент преобразовался в парламент и утвердил акт, определивший взаимоотношения короны и парламента "Билль и декларация прав", который обычно упоминается как "Билль о правах". Мария и Вильгельм обещали исполнять его положения, подписавшись под ним.

"Билль о правах" состоял из трех частей. В первой перечислялись поступки Якова II, вызвавшие недовольство народа, и говорилось о его бегстве из страны. Во второй – о вмешательстве Вильгельма Оранского, возведении на престол Вильгельма и Марии, их согласии на условия, выдвинутые парламентом. Последний раздел содержал изложение "древних прав и вольностей".

Третья часть определила prerogatives короны, права парламента и подданных. «Билль» провозгласил незаконным приостановление законов или их исполнение королевским повелением; взимание сборов в пользу короля и его распоряжение ими без согласия парламента; набор и содержание войска в мирное

¹ Айзенштат М.П. Британия нового времени. С. 36-37.

время в пределах королевства разрешались только с согласия парламента. «Билль» подтверждал свободу выборов в парламент, свободу слова и прений в его стенах, а также принятие актов парламента; оговорил частые и регулярные его созывы. Ряд положений касался религиозных вопросов: отменялся суд комиссаров по церковным делам; протестантам было дано право носить оружие в соответствии с их социальным положением. Восстановлен порядок функционирования суда присяжных; объявлены незаконными пожалования от сумм, поступивших от штрафов и конфискаций имущества обвиняемых, до приговора суда. Запрещено требование чрезмерных залогов, наложение чрезмерных штрафов, жестоких и необычных наказаний. Подтверждено право обращения к королю с жалобами.

События осени – зимы 1688-1689 гг. позднее были названы Славной революцией. Государственный переворот и последовавшее утверждение «Билля о правах» с полным правом можно рассматривать как политическую революцию, которая подвела окончательный итог бурного XVII столетия и закрепила победу парламентского образа правления, утвердив новый государственный режим и политический строй в Англии – конституционную монархию. «Билль о правах» для Британии, не имевшей писанной конституции, стал первым в мировой истории конституционным законом, действующим и поныне.

“Билль” разграничил королевские prerogatives и власть парламента положениями конституционного характера. Парламент стал высшим органом законодательной и судебной власти, монарх – главой исполнительной власти. Обладая правом вето на законы, принятые парламентом, монарх в то же время не мог ни приостановить их действие, ни отменить их. В ведении короля оставалось объявление войны и заключение мира, заключение договоров и союзов с иностранными державами, право помилования, жалование титулов и почетных званий, управление зависимыми колониями, созыв и роспуск парламента, назначение главы кабинета, право помилования. В то же время “Билль о правах” закрепил и конституционные гарантии, препятствовавшие попыткам реставрации абсолютизма.

Отдельным актом провозглашалась свобода вероисповедания для диссентеров (сектантов), а в 1791 г. – для католиков.

Вместе с тем сохранялись ограничения в политических и гражданских правах тех и других.

Среди важнейших решений парламента конца XVII в. была также и отмена цензуры в 1695 г. В 1688-1692 гг. появилось 26 новых газет, и в обществе нарастало недовольство существовавшими ограничениями в издательском деле. Отказ от цензуры был не продуманным шагом, а результатом действий оппозиции, которая отказалась проголосовать за продление неудачно сформулированного проекта, выдвинув 18 претензий. На следующей сессии парламент не вернулся к рассмотрению данного вопроса, что закрепило создавшееся положение. Однако едва ли возможно говорить о полной свободе прессы, так как она была ограничена строгими лицензионными актами, высокими налогами и рядом других положений. Согласно лицензионной системе в 1695 г. лишь один орган – London Gazette – был признан в качестве официального издания для распространения новостей. В нем печатались отчеты о речах короля в парламенте, королевские прокламации и решения Тайного совета. К 1704 г. тираж газеты составлял 6000 экземпляров¹.

Сохранение сильной королевской власти, достаточно широких полномочий монарха, несмотря на акты, укреплявшие положения «Билля о правах», предоставляли исполнительной власти значительное преимущество. И в этой ситуации многое зависело от личности короля, влияния его окружения и prevailing обстоятельств. Именно эти обстоятельства и оказались решающими в дальнейшем развитии британской политической системы, которое заключалось в последующем фактическом сокращении прерогатив короны, усилении власти парламента, формировании принципов парламентаризма.

Коронация Вильгельма и Марии состоялась 13 февраля 1689 г. Однако и после нее парламент принял ряд актов, направленных на дальнейшее ограничение прерогатив короны. Важным шагом стали Акт о мятеже 1689 г. и ограничение доходов монарха.

Акт о мятеже ужесточил положения о наборе и содержании армии в мирное время, которые король мог проводить лишь с согласия парламента. Этим шагом законодательный орган

¹ Айзенштат М.П. Британия нового времени. С. 39-40.

стремился обезопасить себя от возможных попыток восстановления абсолютизма насильственным путем, а в марте 1690 г. утвердил размер субсидии королю на четыре года. Она составляла 1 200 000 ф.ст. и была значительно ниже, чем содержание Якова II, которое выражалось в сумме 2 000 000 ф.ст. При этом парламент оговаривал, что 600 000 ф.ст. должны идти на нужды двора, а оставшаяся сумма — на содержание армии и флота.

Одновременно парламент настаивал на том, чтобы доходы связывались с определенными статьями расходов. На практике это означало необходимость представления ежегодного специального билля. Относительно небольшой размер доходов, оговоренные сроки их поступления и отчет о тратах увеличивали экономическую зависимость монарха от парламента. В этом заключалась важная особенность нового правления: усилив ограничение короля в финансовых средствах, поставить его перед необходимостью регулярно собирать парламент.

Нужда Вильгельма III в дополнительных средствах была велика и связана с сохранением поста статхуудера в Соединенных провинциях и их европейской политикой. С воцарением Вильгельма Оранского в Британии произошла переориентация ее внешней политики от дипломатического подчинения Франции в годы правления Карла II и Якова II к упорной борьбе с нею в союзе с недавним врагом — Голландией. Король втягивается в европейские войны, требовавших значительных затрат. В связи с этим Вильгельм был вынужден управлять королевством, регулярно созывая парламент. Для усиления позиций в нем он использовал уже опробованные прежде средства: подкуп, раздачу пенсий, должностей и титулов. Продажность политиков заставила Вильгельма III однажды посетовать: дескать, если бы у него имелось в наличии достаточно должностей и денег, то вскоре было бы покончено с оппозицией, а партии объединились¹. Поначалу он назначал министров произвольно, балансируя между лидерами обеих влиятельных группировок. Его выбор определялся не деловыми качествами политиков или их достоинствами, а диктовался личными соображениями. Министрами становились те, кто мог бы наилучшим образом служить его интересам и вести диалог с парламентом. Но предпочтение

¹ EHD. V. VIII. P.265

Вильгельм все-таки отдавал вигам, в большей мере, чем тори, способствовавшим его приходу к власти.

Разногласия между министрами, принадлежавшими к различным партиям, затрудняли и тормозили принятие решений по текущим делам. Желание Вильгельма III избежать ненужных размолвок привело к формированию в 1693 г. кабинета вигов. Это было первое правительство, составленное из партии, добившейся большинства мест в парламенте. Партия тори, оказавшаяся в меньшинстве, составила оппозицию Его Величества. Согласно сложившейся к тому времени практики монарх не мог сохранять за министрами их посты против воли парламента. А это, в свою очередь вело к усилению противостояния между тори и вигами в борьбе за власть в законодательном органе.

К середине XVIII века углубился процесс размежевания в политической сфере, который начался в период реставрации Стюартов, когда водоразделом послужило различное отношение к короне, ее прерогативам, правам парламента и народному представительству. Объединяло тори и вигов то, что обе группировки имели дворянское происхождение и были привержены конституционной монархии. Славная революция способствовала углублению процесса выработки принципов и тех, и других. Виги все более становятся сторонниками принципа ограниченной конституцией монархии, нежели божественного ее происхождения. Вигизм все более ассоциируется с аристократией, землевладельцами, связанными с новыми формами хозяйствования, крупными финансистами и богатыми слоями среднего класса. В конце восьмидесятых – начале девятых годов тори находились в довольно сложном положении. В целом они приняли нового монарха, но не смогли связать с ним свои представления о принципе наследственности королевской власти. Они оставались партией церковной, настроенной против как католиков, так и диссентеров. Идеология партии тори все чаще ассоциировалась с интересами землевладельцев, не втянутых в различные предприятия. Однако было бы ошибкой ставить знак равенства между вигами и предпринимателями, либо тори и землевладельцами. И те, и другие были на той, или иной стороне.

Некоторое время после Славной революции не наблюдалось серьезного политического разделения, скорее речь должна идти о различных симпатиях и склонностях. Представительство

вигов и тори, партий Двора и Страны, в годы правления Вильгельма отражали ситуацию в королевстве, демонстрируя небольшую разницу между ними и некоторое преимущество первых. Так, в 1695 г. большинство правящей партии в палате общин составляло 1 голос при 9 колеблющихся; в 1698 г. разрыв увеличился до 14, при 26 колеблющихся¹.

В 1694 г. парламент принял Трехгодичный акт, который постановил, что законодательный орган должен избираться не реже 1 раза в 3 года, и его полномочия не могли простирались дольше этого срока. При Вильгельме III заседания парламента проходили ежегодно. В связи с тем, что дела требовали его присутствия на континенте летом, сложилась практика проводить сессии зимой. Они начинались поздней осенью или в начале зимы и продолжались до весны. Регулярные выборы и функционирование парламента явились важным фундаментом дальнейшего формирования слоя профессиональных политиков. Происходят изменения и в деятельности парламента. Устанавливается практика посланий, обращений монарха к парламенту и ответ последнего. Возвращаясь в Британию, король стал информировать членов обеих палат. Поначалу его выступления касались внешней политики, министров, использования монархом права вето, позднее тематика расширилась. Начинается также и постепенное возвышение палаты лордов. Вильгельм III вслед за Карлом II и Яковом II расширил ее состав, что диктовалось стремлением увеличить число сторонников в верхней палате.

В палате общин происходила борьба за власть, оппозиция стремилась к учреждению своего министерства. Подвергая критике политику вигов, тори дискредитировали их, а это вело к увеличению числа их сторонников. Во время сессии парламента 1699-1700 гг. оппозиция обвинила лорда Сомерса в том, что тот подписал Рисвикский мир, как они полагали, не выгодный для Англии. Ссылки министра на приказ короля не удовлетворили палату общин, которая передала на суд лордов всех членов кабинета. По сути, это являлось первой попыткой привлечь правительство к солидарной ответственности. Критические выступления вылились в политический кризис, Вильгельм был вынужден распустить парламента. Зима 1701 г. принесла тори успех на вы-

¹ Roberts Cl. Schemes and undertakings. Ogio, 1985. P.137-138

борах, их большинство в палате составило 10-12 голосов. Показав свою силу, они стремились к переговорам с королем, демонстрируя готовность служить монарху.

Внезапная смерть Марии от оспы и последовавшая за нею кончина единственного сына Анны выдвинула на первый план необходимость решения проблемы престолонаследия. Основная цель парламентского Акта о престолонаследии 1701 г. состояла в удалении из числа претендентов на корону сына Якова II и тех членов дома Стюартов, которые исповедовали католичество. В акте объявлялось, что занимать английский престол должен протестант. Престол было решено передать внучке Якова I, представительнице единственной ветви династии, которая оставалась в протестантской вере, но в силу преклонных лет она не дождалась английской короны. Наследовать ей должен был ее сын правитель Ганновера – Георг. Закон предусмотрел возможность коронования иностранца. Специальный пункт оговаривал, что нация не обязана вести войны в защиту его владений за пределами Англии, но позволял делать это с согласия парламента. В акте помимо основных положений, касавшихся порядка замещения английского престола, говорилось, что все решения, принятые королем, будут подписываться теми членами Тайного совета, которые дали согласие на данное решение. Появление этого пункта вытекало из постулата, что “король не может быть неправ”, а значит, он не мог подвергаться критике. Актом парламента ответственность за принятое решение переносилась на министра, которого можно лишить должности за действия, не отвечавшие интересам нации в целом, той или иной группировки. По мнению большинства британских исследователей, введение подобной меры означало установление принципа ответственности министерства. Однако в реальности от принятия Акта до утверждения на практике принципа политической ответственности всего кабинета было еще далеко¹. Механизм его деятельности вырабатывался на протяжении столетия. Вместе с тем нельзя и преуменьшать значение этого положения, ту роль, которую оно играло в контексте становления британского парламентаризма: законодательным путем установлена политическая ответственность министров.

¹ Из истории европейского парламентаризма. Великобритания. С.83-92

В марте 1702 г. Вильгельм III скончался. На английский престол взошла королева Анна. С юности, когда виги поднимали вопрос об исключении Якова из числа наследников на престол, у нее сохранилось негативное отношение к этой партии, напротив, тори, отстаивавшие интересы ее отца и позиции государственной церкви, вызывали симпатии. В управлении страной с помощью партий Анна видела ущемление своей прерогативы, стремилась лично принимать участие в совещаниях министров¹. Ее царствование отмечено последним применением права вето монархом, обострением политической борьбы, а также объединением Англии и Шотландии.

С вступлением на английский престол Стюартов в начале XVII в. Англия и Шотландия оставались независимыми государствами при едином короле. Когда произошла Славная революция, шотландский парламент, как и английский, постановил, что Яков II отказался от короны, которая была предложена Вильгельму и Марии, но позднее не утвердил Акт о престолонаследии. Таким образом, для Шотландии вопрос о будущем монархе оставался открытым. В 1703 г. шотландский парламент принял акт, который провозгласил право избрать короля после смерти Анны. Хорошо известная приверженность многих шотландцев свергнутым Стюартам давала веские основания рассматривать этот акт, как намерение их восстановления на престоле, что неминуемо могло бы повлечь за собой противостояние Англии и Шотландии. В первом же послании парламенту Анна заявила о необходимости разработки условий заключения Унии, объединения двух королевств. Правительство вигов экономическими санкциями и прямым подкупом сумело добиться признания Шотландией английского закона о престолонаследии. С большим трудом, несмотря на сопротивление и восстания шотландцев, соглашение об Унии было достигнуто в конце 1706 г. В марте 1707 г. было провозглашено о соединении двух государств в одно королевство под именем Великобритании с 1 мая. Парламент, самостоятельно действовавший в Эдинбурге, упразднился. Шестнадцать из двадцати четырех аристократических родов получили право быть представленными в палате лордов; восемь со временем возведены в звание лордов Соеди-

¹ The Letters of Queen Anna. Ed. by B.C.Brown. L., 1968. P. VII

ненного королевства. Статьи договора включали свободу торговли между обеими частями королевства, ряд шотландских товаров на некоторое время освобождался от таможенных пошлин. В Шотландии сохранялись все привилегии, полученные ранее. Предусматривалось создание единой армии. Была также предусмотрена выплата компенсации за экономические потери в связи с вступлением в действие Унии. Установленная «система управления Шотландией XVIII копировала английскую с ее сильной централизованной исполнительной властью, основываясь на патронаже и использовании влияния, на продаже должностей, посредством которой отдельные отрасли общественной жизни на протяжении многих лет находились в ведении отдельных семей»¹. Они управляли, используя институты центрального правительства, хотя сбор налогов проводили самостоятельно. Лорд Секретарь шотландского Тайного совета после его упразднения переехал в Лондон и имел возможность отстаивать интересы своей страны в столице². И хотя не все шотландцы примирились с Унией, со временем ликвидация таможенных барьеров способствовала оживлению торговли и экономическому подъему Шотландии.

В годы правления Анны усилилось противостояние тори и вигов. Поначалу она свободно назначала правительство и выбирала тори. Помимо личных симпатий это решение было продиктовано двумя важными причинами: они выразили готовность принять ее условия, а, кроме того, они обладали большинством мест в парламенте.

Смена монархов на престоле повлекла за собой роспуск парламента и проведение новых выборов. Отсутствие четкого политического размежевания в стране сказалось на их результатах. На волне восторга, вызванного началом нового правления, избиратели проголосовали за ту партию, симпатии к которой выразила королева при роспуске парламента. Выборы 1702 г. принесли решительную победу тори, получившим большинство в 133 голоса в палате общин. Они сформировали правительство. Министры могли заседать и обсуждать различные проблемы, но

¹ Апрыщенко В.Ю. Клановая система горной Шотландии: традиции и модернизация. Ростов н/Д., 2006. С.180

² Там же. С.178

не могли диктовать свою волю королеве и ее окружению. Тори оправдали надежды Анны: на континент было отправлено 40 тыс. человек для участия в военных действиях, выделены субсидии для союзников, пересмотрен земельный налог.

В период правления Анны выборы в парламент проходили согласно трехгодичному акту. Такая практика оказала существенное влияние на процесс формирования политических группировок, которые в ходе кампаний спланировались, формулировали свои позиции, отличные от платформ соперников. В эти годы активизировалась деятельность своего рода партийных функционеров – агентов по выборам. Однако в основе политической полемики лежала борьба за власть, которая помимо политического влияния предоставляла возможность распоряжаться должностями, пенсиями и патронажем. Тори и виги использовали все доступные средства – подкуп, коррупцию, патронаж, обвинения противников в нечестности и продажности, звучавшие в стенах парламента и прессе. Их противостояние отражалось на страницах газет, оно было главной темой многочисленных памфлетов. Тем самым полемика тори и вигов способствовала укреплению позиций прессы. Только в Лондоне за это время вышло 18 новых политических газет. Историки нередко называют XVIII столетие великим веком журналистики, когда Свифт, Стиль, Болингброк, Аддисон создавали литературный английский язык, новый стиль и формы политической полемики¹. Парламент принимал жесткие меры для обуздания прессы, ввел высокие денежные штрафы и тюремное заключение за нарушение лицензионного акта. Закон 1712 г. о гербовом сборе ввел уплату налога с каждого листа и объявления, а также увеличил налог на бумагу, нанеся ощутимый удар по прессе, разорив многих издателей.

Серьезного, реального политического размежевания в стране не наблюдалось. Восторженное настроение первых дней нового правления прошло. Уже в 1705 г. ни одна партия не получила значительного преобладания: тори имели 267 депутатов, виги – 246. Большинство сократилось до 21 человека. В той и другой партии в совокупности насчитывалось около 80 членов

¹ Эти сюжеты подробно рассмотрены Т.Л. Лабутиной. См.: Лабутина Т.Л. Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005.

парламента, представлявших интересы двора¹. Именно это обстоятельство позволяло королеве балансировать между группировками, направлять прения в любую сторону и оказывать влияние на принимаемые решения. Однако наличие собственного лобби не освобождало королеву и правительство от необходимости альянса с тори или вигами.

Тори, придя к власти, предприняли шаги по уменьшению влияния вигов в парламенте и провели новый закон о пассивном избирательном праве, который установил высокий имущественный ценз, предполагавший обладание недвижимой собственностью. Отныне членом парламента мог стать человек, получавший доход в 600 ф. ст. в год в случае избрания от графства, либо 300 ф.ст. – от городов. Тем самым мелкие, средние сквайры и предприниматели лишались права быть избранными в палату общин. Закон существенно сузил социальную и политическую базу парламентариев и упрочил позиции крупного дворянства в нижней палате.

Таким образом, к концу правления королевы Анны упрочился государственно-политический режим, установленный в ходе Славной революции. Вместе с тем явственно обозначились тенденции эволюции парламентской системы. Они проявлялись в дальнейшем укреплении взаимосвязи законодательной и исполнительной ветвей власти и упрочении статуса кабинета министров как органа исполнительной власти, развитии партийной структуры.

Болезнь Анны вынудила ее позаботиться о престолонаследии, обезопасить переход короны к протестантскому преемнику. Последний ее акт касался передачи управления страной в руки умеренного по своим взглядам Чарльза Тэлбота герцога Шресбери, который и осуществил после ее смерти руководство воцарением Ганноверов на британском престоле.

События, последовавшие за смертью Анны, имели важное значение для дальнейшего политического развития страны. Они были связаны с началом правления Ганноверской династии. Первым ее представителем стал курфюрст Ганновера Георг Людвиг, коронованный в 1714 г. под именем Георга I.

Георг после Акта 1701 г. стремился позиционировать себя в глазах английского общества человеком нейтральным, не вы-

¹ Roberts Cl. Op. cit. P. 173

казывая публично симпатии ни к одной политической группировке. С этого времени для укрепления своих позиций среди аристократии он стал выплачивать различные суммы в виде ежегодных пенсий некоторым наиболее влиятельным лордам. Но подкуп не принес ему прочных связей в обществе. В силу особенностей характера правления первых Ганноверов не имевших традиционных связей в аристократической среде, парламент начинает превращаться в центр политической жизни королевства. Это было обусловлено не столько уходом из дворцовой повседневной жизни пышности и блеска периода реставрации, а привязанностью Георга I к родному Ганноверу. Оставаясь полновластным правителем герцогства, он проводил там значительную часть времени своего непродолжительного правления (1714-1727 гг.). Та часть его приближенных, которая по закону имела право переехать с ним в Британию, едва ли претендовала на более высокую роль в чужой стране, чем ту, что они играли в Германии.

Между тем, происходят знаковые изменения в функционировании исполнительной власти. Георг I не знал английского языка, это обстоятельство привело к фактическому самоустранению монарха и усилению влияния Тайного совета. Ничего не понимавший из произносимых речей на его заседаниях, Георг I перестал присутствовать на них, что явилось поводом установления новой конституционной практики. С этого времени монархи, как правило, уже не участвовали в совещаниях Тайного совета, а лишь получали информацию о позиции министров и их окончательном решении. В данной связи следует отметить, что акты конституционного характера Британии не предусматривали и не предусматривают до сих пор существование такого органа исполнительной власти, как кабинет министров. Они оговаривали наличие именно Тайного совета, число членов которого со средневековья по традиции нередко насчитывало несколько сотен представителей аристократических семейств, призванных давать «совет и согласие» суверену. Такой многочисленный орган не мог реально регулярно и плодотворно функционировать. В связи с этим постепенно выделился Малый совет, своего рода внутренний кабинет (получивший название по комнате, где проходили его заседания), в состав которого входили некоторые министры. Ими были поначалу главным образом фавориты монарха. Малый совет действовал уже на протяжении XVII века.

Его члены — министры — обычно занимали наиболее важные посты: первого лорда казначейства, статс-секретарей, в руках которых было сосредоточено управление финансами, внутренними, иностранными и колониальными делами, т.е. наиболее значимыми вопросами государственной политики. Еще с XVI в. вошло в традицию избрание в парламент некоторых министров, что способствовало становлению связей между обоими институтами. Такая политика утвердилась впоследствии, когда министры назначались из числа членов парламента, что закрепляло взаимодействие исполнительной и законодательной ветвей власти.

Практика управления страной через кабинет упрочилась во время пребывания во главе правительства Роберта Уолпола в 1721-1742 гг. На протяжении двух десятилетий Уолпол удерживал в своих руках важнейшие правительственные посты и являлся лидером палаты общин¹. В период его нахождения у власти обозначились черты будущего партийного лидера и партийного организатора.

Р. Уолпол родился в 1676 г. в Норфолке в семье землевладельца, получил обычное образование для своего круга — обучался в Итоне, затем Кембридже. Его политическая карьера началась в 1701 г., когда он переступил порог палаты общин как представитель Кастл Ризинга. Это “карманное” местечко в парламенте он получил в наследство, доставшееся ему от отца. Сельский джентльмен, представитель относительно стабильного слоя общества, Уолпол обладал практичным умом, был реалистом в политике. Он довольно быстро разобрался в сложившейся практике, понял, что правящий класс Британии рассматривал государственную машину со всеми ее должностями, пенсиями и титулами в качестве источника доходов, поступление которых зависело от результатов голосований в парламенте. О том, насколько подобная практика пронизала политическую верхушку, говорят такие цифры: в парламентах Георга I до 270 членов парламента обладали должностями, пенсиями, синекурами², полученными от монарха или администрации. Иными словами, половина депутатов, заседавших в нижней палате, получала раз-

¹ Pike E.R. Britain's prime ministers from Walpole to Wilson. L., 1968; Taylor G.R.S. Robert Walpole and his age. L., 1931.

² Taylor G.R.S. Op. cit. P. 75

личного размера финансовые средства от короны в качестве завуалированного подкупа.

С первых дней после избрания в палату общин Уолпол показал себя активным политиком, резко отстаивал вигскую точку зрения по всем вопросам. Блестящий парламентский оратор, он был человеком, полностью принявшим систему патронажа, в рамках которого существовала политическая система. Он довольно быстро вошел в число ведущих политиков. С 1705 г. периодически занимал различные посты в правительствах. Когда в 1711 г. тори победили на выборах, Уолпол был удален из верхних эшелонов власти. В этот период жизни он включился в полемику, которая велась в публицистике, писал памфлеты, где подвергал критике действия тори. В ответ они обвинили его во взяточничестве (которое имело место), парламент признал его виновным, исключил из своего состава. Так Уолпол оказался в Тауэре. Как это уже было в английской истории и повторится в последующие десятилетия, преследования власти принесли гонимой персоне национальную известность и популярность. Немногие сомневались в том, что в основе “дела Уолпола” лежали политические мотивы, продиктованные стремлением тори расправиться с ним. В это время публиковались памфлеты и баллады, в них его чаще превозносили, чем ругали. Внимание публицистов лишь усилило популярность политика. Отбыв заключение, к началу правления новой династии Уолпол становится одним из признанных лидеров группировки вигов в палате общин.

Приход Георга I к власти вновь привел к переориентации внешнеполитического курса страны. Если при Анне он был подчинен конфронтации с Францией, то новой ситуации сопутствовал выход на первый план интересов Ганновера, союз с Францией и Германией. Это вынуждало британских политиков в условиях быстро менявшейся обстановки отстаивать позиции страны, о которой они имели более, чем слабые представления.

Уолпол отказался поддержать кабинет. Он являлся противником вмешательства Британии в европейские дела в связи с вовлечением Ганновера в Северную войну. Создание сильной и влиятельной оппозиции было возможно лишь в союзе с тори, Уолпол и его зять решились на этот альянс, который усилил тори и в конечном итоге привел к расколу вигов. Финансовый кризис 1720 г. способствовал упрочению положения Уолпола

как ведущего оратора в палате общин. Он успешно решил трудную задачу защиты вигов, вовлеченных в махинации Компании южных морей, а последовавшая смерть лидеров вигов позволила Уолполу укрепить позиции в правительстве и среди вигов. Являясь, фактическим их лидером, он стал единственным кандидатом на пост главы кабинета. Будучи противником смешанного правительства, Уолпол сформировал кабинет из министров-вигов.

Землевладелец и финансист Р.Уолпол был убежден, что страна, претерпевшая бурные события на протяжении десятилетий прошедшего столетия, теперь нуждается в отдыхе и спокойной жизни. Это мнение определило характер его внешней и внутренней политики. Взаимоотношения со странами континента он подчинил основному принципу – воздерживаться от любых обязательств настолько долго, насколько правительство сможет проводить подобный курс. Что касается внутренней политики, то она была направлена на поощрение развития торговли и мануфактурного производства.

Со временем взвешенная позиция Уолпола начала вызывать недовольство группы политиков, именовавших себя “молодыми патриотами”, сторонников активной внешней и колониальной политики. Они полагали, что Великобритания должна занимать более заметное место в решении вопросов европейской политики и усилить колониальные завоевания.

Географическое положение Британии способствовало раннему развитию мореходства. С конца XVI в. складывалась британская колониальная империя. Обладание заморскими территориями рассматривалось как возможность накопления богатств в Англии за счет создания благоприятных условий для торговли пряностями, шелковыми тканями, чаем, хлопком и другими товарами. Религиозные преследования привели к переезду части неконформистов за океан, созданию колониальных поселений. Эмиграция со временем стала ответом на политический и социальный гнет, привлекала авантюристов, стремившихся к быстрому обогащению. Британия вступила на путь захватов заморских земель позднее Испании, Португалии и Голландии. Соперничество с ними, а в XVIII в. с главным противником – Францией во многом предопределило внешнеполитическую линию Британии в Европе. Участие в так называемой войне за испанское наследство (1701-1714 гг.) было вознаграждено

благоприятными для Британии статьями Утрехтского мирного договора. Франция уступила остров Ньюфаундленд и обширные территории в Канаде. Испания – отдала крепость Гибралтар, имевшую важное стратегическое значение в Средиземном море. Помимо этого, Испания предоставила английским купцам право торговли рабами в испанских владениях в Америке. Этот вид деятельности был чрезвычайно выгоден, так как приносил баснословную прибыль. И на протяжении столетия Британия заняла ведущее место среди стран, торговавших рабами.

Обладание заморскими владениями не только приносило выгоду торговцам. Оно предоставляло возможность младшим сыновьям дворянских семейств разбогатеть, поступив на морскую или военную службу. Кроме того, в метрополии широко распространяется практика назначений на необременительные, но доходные должности, связанные с управлением колоний.

Подоплекой критики умеренного курса Уолпола явились результаты его успешной экономической политики, которая привела к росту богатства буржуазии и связанного с различного рода предприятиями дворянства. Они, в свою очередь, стремились к захвату новых владений и усилению роли королевства в прибыльной мировой торговле. Социальной базой оппозиции стали круги, обогатившиеся за счет ограбления колоний, центром – принц Уэльский Фридрих, сын Георга II. Вокруг него собирались те, кто был недоволен Уолполом. А таких становилось все больше в силу негибкой тактики министра, заключавшейся в отстранении неугодных ему лиц. Среди «обиженных» выделялся ярый противник сэра Роберта граф Бат, тщетно добивавшийся поста министра. Некоторое время организатором и вдохновителем оппозиции был Г.Болингброк, сумевший сплотить оппонентов главы кабинета.

Накануне предстоявших выборов в 1730-е годы оживляется политическая борьба. Для наступавшего периода характерно наличие противоречий как между вигами, находившимися у власти, и оппозицией, так и в рядах самой оппозиции. Тори сформировали оппозицию кабинету Уолпола в союзе с теми группировками вигов, которые были недовольны его политикой. Пестрый состав оппозиционеров неизбежно вызывал противоречия и разлад. Важной чертой этой новой оппозиции стала по-

требность в выработке идеологии блока, противостоявшего политике правительства.

В 1730-е годы в процессе борьбы между партиями утверждался институт постоянной оппозиции. До этого времени оппозиционные настроения и действия были направлены против какого-либо отдельного лица, действия, билля и т.п. и прекращались с достижением цели. В 1730-е годы «оппозиция, хотя и преследовала конкретную цель – смещение министерства Уолпола, она все же приобретала черты атрибута политической системы», отмечает отечественная исследовательница¹. Деятельность оппозиции тех лет можно с полным правом рассматривать в качестве важного шага на пути к реальному становлению двухпартийной системы. Политическая полемика вышла за стены парламента и выплеснулась на страницы прессы, которая стала важным средством борьбы представителей всех враждующих сторон. Появляются новые журналы и газеты, которые публиковали политические статьи и памфлеты. В них получила дальнейшее формирование торийская или вигская платформа.

Тори повели активную агитацию в прессе против администрации Уолпола, стремясь завоевать симпатии избирателя. Их журналы помещали острую критику деятельности правительства. Кроме того, они издавали памфлеты, эссе, стихотворения, исторические трактаты. Вся пресса тори была довольно воинственна, замечала все промахи и оплошности правительства. Среди их изданий выделялся журнал «Craftsman», который с 1726 г. издавал Генри Болингброк, человек литературно одаренный, прекрасно владевший пером.

Помимо критики текущей политики правительства оппозиционные издания затрагивали проблемы государственного устройства, соотношения исполнительной и законодательной ветвей власти, общественного договора, революционных преобразований, конституции. Они уделяли внимание экономическому состоянию королевства, таможенным пошлинам, политике в американских колониях и т.д. Особо выделялась тема коррупции, продажи постов и званий. Примечательно, что именно в прессе, тори стали выступать защитниками тех же принципов, что и виги, при этом позиционировали себя истинными защит-

¹ Из истории Просвещения: экономика, политика, идеология. М., 1982. С.7-8

никами свобод личности и собственности, которым угрожала политика Уолпола. Поэтому они выдвигали лозунг объединения всех против правящей партии.

Пресса вигов, напротив утверждала, что делу защиты свободы и прав народа угрожает опасность, исходящая от тори. И призывали к объединению вигов против тори. В их публикациях постоянно звучали опровержения обвинений в коррупции и злоупотреблениях, усилении власти министра, отстаивался курс правительства.

Острый характер приобрела дискуссия по вопросам внутренней политики вигов и системы налогообложения. Тори были противниками введения акцизов и доказывали, что они затруднят жизнь мелких ремесленников и торговцев. «Удивительно, что так много джентльменов готовы в угоду мнению наказать свой собственный карман. Но при этом вполне понятно, какие мотивы продиктовали другим лицам действовать в этом направлении. Каждый, кто имеет «место», выиграет на сборе налога, начиная от высокопоставленного джентльмена и кончая самым мелким акцизным чиновником» – писал орган тори¹. Не углубляясь в финансовые вопросы, пресса вигов доказывала, что введение акцизов на предметы роскоши будет способствовать выплате земельного налога.

Однако в 1734 г. Уолпол одержал победу на выборах, Болингброк вынужден уехать во Францию, что на время значительно ослабило оппозицию. С 1735 г. начинается восхождение ее нового лидера – Уильяма Питта².

Уильям Питт Старший выходец из семьи небогатого дворянина. Его дед Томас Питт разбогател на службе в Ост-Индской компании. Он стал одним из первых набобов (так называли обогатившихся чиновников компании, возвращавшихся в Англию). Нажитые богатства Томас вложил в поместье и парламентские места. Уильям обучался в Итоне, не завершив курс в Оксфорде, оставил университет в связи с болезнью. В парламент он прошел от “карманного” местечка Олд Сарум в 1735 г., где примкнул к партии «патриотов», группировавшейся вокруг на-

¹ Цит. по: Из истории Просвещения. С.33

² Подробнее о нем см.: Бугашев С.И. Уильям Питт Старший: политическая биография. Спб., 1998.

следного принца, и руководимой Болингброком. С первых дней пребывания в парламенте он проявил выдающиеся ораторские способности. Популярности Уильяма способствовала также репутация человека честного и порядочного.

В 1738 г. ухудшились отношения с Испанией, которая стремилась сохранить за собой право на монопольное владение американским континентом и запретила ведение торговли в его водах купцам других стран. Несмотря на запреты, англичане продолжали ее контрабандным путем. В ответ испанцы начали обыскивать и захватывать британские суда. “Патриоты” требовали любыми средствами принудить Испанию открыть английским торговцам доступ на континент. В качестве предлога в нагнетании анти-испанских настроений они использовали жалобу капитана шлюпки Роберта Дженкинса, обвинившего испанцев в том, что они в 1731 г. избили его и отрезали ухо.

Уолпол пытался уладить конфликт мирными средствами. Однако конвенция, заключенная правительствами Испании и Англии, вызвала в Великобритании бурный протест, так как право обыска английских кораблей сохранилось за Испанией. И хотя послушный парламент одобрил соглашение, Уолпол под давлением “патриотов” вынужден вступить войну с Испанией. Она вылилась в войну против Франции, а затем – в общеевропейскую войну за австрийское наследство (1740-1748 гг.).

Военные действия протекали для Британии неудачно. Поражения и рост расходов, которые сопровождало увеличение налогов, привели к падению авторитета Уолпола. С 1739 г. в парламенте раздавались требования отставки правительства. Однако в реальную силу оппозиция стала превращаться с начала 1741 г. после нового объединения тори с оппозиционными вигами. Эффективность этого союза сказалась на результатах выборов, когда правительственное большинство сократилось до 19 человек. Уолпола обвинили в том, что он покинул союзников, возвеличил врагов, предал торговые интересы королевства, подверг опасности колониальные владения. Среди упреков в его адрес звучали также обвинения в присвоении поста, не предусмотренного конституцией – поста первого министра. По традиции, сложившейся в средние века, правительство возглавлял

монарх. И политики обвинили министра в “узурпации” власти¹. Уолпол поначалу пытался действовать, однако сторонники покинули его, несколько поражений правительства, не имевшего поддержки в палате общин, привели к отставке. Она состоялась в феврале 1742 г. Альянс оппозиции быстро распался после достижения главной цели, виги продолжали удерживать большинство в парламенте и оставались во главе правительства.

Так, на протяжении периода, продолжавшегося с конца XVII и до середины XVIII вв., определились и закрепились основные тенденции государственно-политического развития Великобритании, эволюции властных институтов. Они заключались в дальнейшем фактическом ограничении прерогатив короны, оформлении парламентских группировок вигов и тори. Как и в Средние века такого рода ограничения связаны с возникавшими прецедентами, а не согласно продуманным целенаправленным действиям. Усиление экономической зависимости короны от парламента вынуждало монарха регулярно собирать парламенты. Ежегодные сессии, выборы каждые три, а затем семь лет становились важным фактором углубления процесса политического размежевания, полемики между представителями обеих группировок. Именно предвыборная борьба, дискуссии по наиболее острым вопросам внутренней и внешней политики способствовали выработке политической идеологии, появлению более широкого круга лиц, втянутых в политическую сферу. Это были не только парламентарии, но и журналисты, писатели, включившиеся в обсуждение разнообразного круга проблем. Своей деятельностью они способствовали упрочению прессы в жизни общества. В первой половине века это были, главным образом, столичные газеты и журналы, которые получили распространение в лондонских кофейнях и клубах. Провинциальная пресса еще значительно отставала по количеству наименований и тиражам.

Полемика между правящей партией и оппозицией 1730-х годов стала важным этапом в упрочении статуса оппозиции, формирования двухпартийной системы. Состав оппозиции не был однородным, она включала как тори, так и вигов, недовольных политикой правительства. Существенным сдвигом явилось

¹ Айзенштат М.П. Британия нового времени. С. 65-66.

формирование своего рода идеологической «программы» на страницах оппозиционной прессы. Эта программа представляла собой разработку позиции по ключевым вопросам конституционного устройства, соотношения ветвей власти, статуса монарха и кабинета министров, экономической, колониальной и внешней политики правительства. Однако оппозиция была довольно слаба и не смогла добиться победы на выборах в 1734 г. Тем не менее, именно благодаря мощной критике и объединению усилий удалось отправить кабинет Р.Уолпола в отставку.

Новым явлением становится деятельность кабинета министров как органа исполнительной власти. Двадцатилетие, когда Уолпол возглавлял его, было временем укрепления этого относительно нового парламентского института, выработки его функций, задач и механизма деятельности. На протяжении почти двух десятилетий Уолпол удерживал в своих руках три важнейших правительственных поста и, по сути, являлся лидером палаты общин. Это, в свою очередь, укрепило сложную взаимосвязь законодательной и исполнительной ветвей власти, что негативно воспринимали современники. В определенной мере период нахождения у власти Р.Уолпола обозначил черты будущего партийного лидера, партийного организатора и главы кабинета. Политика министра способствовала экономическому подъему Британии и одновременно формировала политическую оппозицию в связи с умеренностью внешнеполитического курса.

Упрочение государственно-политического режима концентрировало власть в руках аристократии. Помимо межличностных связей каналами взаимоотношений власти и общества оставались выборы и петиции. В отдельных округах продолжали следить за деятельностью своих представителей, однако увеличение срока полномочий парламента и ограничение возможности прессы освещать прения существенно сужали информирование общества о состоянии государственно-политических дел.

С середины столетия оживляется философская и политическая мысль в обществе. Она направлена на осмысление возникшего порядка, совершенствовавшегося парламентского механизма. В 1752 г. Д.Юм опубликовал «Политические рассуждения». Главная мысль автора состоит в отрицании божественного права королей и утверждении теории общественного договора. Обосновывая социологический и исторический подход,

Юм писал, что правительство покоится на мнении, так как физическая сила находится на стороне тех, кто является объектом управления. Таковые мнения он связал с общественными экономическими отношениями. Он восхвалял концепцию разделения властей, отстаивал свободу прессы, как гарантию функционирования и сохранения «смешанного правления».

Конституционное право, сущность складывавшейся политической системы становится предметом размышлений и трудов юристов. В 1760-е годы выходят «Комментарии к законам Англии» У. Блэкстона. Он сосредоточил внимание на правовой форме британской системы, рассматривая ее в качестве идеального устройства. В это же десятилетие выходят сочинения А.Фергюсона «Очерк о гражданском обществе» и Дж.Таккера «Трактат о гражданском правительстве». Эти работы содействовали распространению идеи господства права.

Дальнейшее направление философской и политико-правовой мысли определило развитие промышленной революции и те изменения, которые она принесла с собой в социальной сфере: слом старой структуры общества, преобразование социальных связей, появление среднего класса, рост городов и городского населения. Новые реалии нашли отражение в философии утилитаризма И.Бентама и политэкономии А.Смита.

Монарх, кабинет и парламент в середине XVIII в.

Правивший в середине столетия король Георг II родился в 1683 г. в Ганновере. В 1682 г. его отец женился на кузине Софии Доротеи. После рождения двоих детей брак расторгнут в 1694 г., а бывшая супруга князя, заподозренная в измене, сослана до конца жизни в отдаленный замок Альден и лишена возможности видеть детей¹. Взаимоотношения отца и сына были далеко не дружественными. Враждебность не способствовала ни укреплению в британском обществе позиций молодой династии, ни росту авторитета царствовавшего короля. Как писала исследовательница, «англичане не могли смириться с «неджентльменской» личной жизнью» монарха². Георг I в пору его правления в

¹ Шад М. Виндзоры. Пер. с нем. М., 2004. С. 12.

² Шад М. Виндзоры. С. 14.

Британии регулярно уезжал в Ганновер на длительный срок, но лишь однажды оставил своего сына временным регентом. Затем произошла ссора, и принца с женой попросту изгнали из королевского дворца. Причина раздора – разногласия в выборе крестного для родившегося ребенка – является свидетельством накопившихся недовольства и раздражения в семье. Недоразумения между отцом и сыном вкупе с личностными чертами Георга I становились тем кирпичиком, который укреплял фундамент еще молодого института исполнительной власти – кабинета министров, в то же время, они привлекали на сторону наследника престола лиц, недовольных правительством.

Двор принца Уэльского, будущего Георга II, становится одним из значимых центров притяжения писателей и политиков. В немалой степени этому обстоятельству способствовала молодая принцесса – Каролина фон Ансбах. Образованная, привлекательная женщина стала центром интеллектуального круга, сложившегося в их резиденции. Ее безоговорочная преданность мужу продолжала вызывать удивление потомков. В XIX столетии известный английский писатель, уделивший много внимания изучению истории правления первых Георгов, У.Теккерей не преминул задаться вопросом, «Какими чарами обладал этот низенький человек? ... Чем объяснить, что принцесса Каролина, самая красивая и блестящая невеста в Германии, избрала в мужа маленького краснолицего и пучеглазого князька и отказала императору? Почему до смертного часа она его так любила? Так любила, что погибла из-за своей любви. У нее была подагра, а она всегда готова была промочить по слякоти ноги, лишь бы пойти с ним на прогулку»¹. Не только в глазах последующих поколений, но и в глазах современников-британцев он ничем не заслужил такого обожания супруги.

По словам оппозиционера лорда Честерфилда, черты характера будущего Георга II «были мелки, и у него были свои слабости натуры мелкой и ни одной добродетели, и даже ни одного порока человека незаурядного. Он любил разыгрывать из себя короля, но плохо понимал свою роль, и место королевского достоинства в игре этой занимала курфюршеская спесь. Так уж

¹ Теккерей У. Четыре Георга. / Теккерей У. Собрание сочинений в двадцати томах. Т. 11. М., 1979. С. 545.

он был воспитан, и расширение сферы его владений отнюдь не привело к расширению его кругозора»¹. Другой современник – Горацио Уолпол отмечал, что Георга II характеризовала сосредоточенность на собственной персоне, «другими предметами его страсти были немцы, армия и женщины. При этом в его погоне за женщинами явно проявлялась натура солдафона»².

Став в 1727 г. королем, Георг II, как и отец, подчинил европейскую политику Британии интересам родного и любимого Ганновера³. Такой перекося в управлении компенсировало невмешательство монарха во внутренние дела Великобритании. Это позволяло избегать возникновения конфликта между иностранным монархом и народом⁴. А таковая проблема могла бы обязательно появиться как в силу непопулярности короля, так и его отношения к Англии и англичанам. Управлявший двором Георга в 1730-40-х гг., лорд Гервей позднее вспоминал: «По правде говоря, он ненавидел англичан, смотрел на них всех как на царубийц и республиканцев. Ему в одинаковой степени были ненавистны как их богатство, так и свободы»⁵. Георг был совершенно уверен, что ни один англичанин не способен ни приготовить приличный обед, ни как следует подать его. Кроме того, они не умели обращаться с лошадьми, одеваться, вести беседу⁶. Когда возникала необходимость, то во внутренних делах он полагался на мнение своей супруги – королевы Каролины⁷.

¹ Честерфилд Ф.Д.С. Письма к сыну. Максимум. Характеры. Пер. с англ. М., 1971. С. 252-253

² Walpole H. *Memoirs of King George II*. V. 1. L., New Haven, 1985. P.117.

³ О том, насколько значительную роль играли интересы Ганновера в европейской политике Британии, наиболее ярко свидетельствует курс правительства накануне начала Семилетней войны, который стал одной из причин изменения расстановки сил на континенте. См., например: Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. IX (X) Трактаты с Англией 1710-1801. СПб., 1892. С. 177, 180-183, 184, 203, 206 и др.; см. также: Яковлев Н.Н. Европа накануне Семилетней войны. М., 1997.

⁴ The Cambridge modern history. V. VI. Cambridge, 1909. P. 42.

⁵ John, Lord Hervey. *Some Materials toward Memoirs of the Reign of King George II*. V. II. P.485-88. Цит. по: EHD, v.X. P. 101.

⁶ Ibid.

⁷ См., например, свидетельство сына Роберта Уолпола Горацио: Walpole H. *Memoirs of King George II*. V. 1. L., New Haven, 1985. P. 119.

Вмешательство Каролины в политические дела стало, чуть ли не единственным прецедентом открытого участия супруги короля Ганноверского дома в делах управления государством. Она настояла на том, чтобы монарх оставил во главе кабинета министров Роберта Уолпола после смерти Георга I в 1727 г. Каролина имела большое влияние на супруга. Едва ли стоит, как это делают некоторые исследователи, преувеличивать ее чувство благодарности за то, что в свое время Уолпол спас семью наследника престола от позора в связи с разразившимся скандалом, вызванным крахом авантюры Компании Южных морей. Скорее всего, проницательная Каролина разглядела в Уолполе сильного политика, способного сохранить стабильность при смене монархов на троне. А, если учитывать молодость династии и не прекращавшихся притязаний свергнутых Стюартов на престол, то фактор стабильности в тот момент играл важную роль для дальнейшей судьбы Ганноверского дома.

После падения Уолпола в середине столетия виги продолжали занимать доминирующее положение в парламенте, они по-прежнему обладали политической властью и пользовались королевским покровительством. Тори и оппозиционные виги, сыгравшие основную роль в отставке всесильного министра, по-прежнему группировались вокруг наследника престола принца Фридриха. Особое фрондерство такому альянсу придавал не только сам факт сложных отношений между королем и принцем Уэльским¹. Его усиливало то обстоятельство, что Георг II не любил своего старшего сына. Таким образом, близость к принцу становилась определенного рода демонстрацией теплых отношений с ним в пику монарху, который после отставки Уолпола перестал разговаривать с Фридрихом, вполне справедливо обвиняя его окружение в падении первого министра².

Тактика глав правительств с уходом Уолпола меняется. Отныне она направлена не на отстранение оппозиционных, а на примирение, достижение согласия недовольных политиков. Проведение такого курса привело к расширению правительственной базы в обеих палатах.

¹ Поводом к ссоре послужил отказ короля оплатить долги сына, которые он сделал в Ганновере до переезда в Британию.

² Walpole H. Memoirs of King George II. V. 1. P. 52.

Георг II имел возможность назначать главу кабинета по своему усмотрению. В 1742-43 гг. правительство возглавлял Джон Картерет (впоследствии лорд Грэнвилл). Потомок елизаветинского адмирала, он обучался в Оксфорде, хорошо знал современные европейские языки. В палате лордов Д.Картерет заседал с 1711 г. Он находился в числе тех вигов, которые способствовали утверждению Ганноверской династии после смерти королевы Анны. Будучи некоторое время послом в Швеции, имел возможность расширить представление о состоянии европейских дел. То обстоятельство, что Картерет свободно говорил по-немецки, способствовало его более тесному сближению с Георгом II, который плохо понимал английскую речь¹. Причиной скорой отставки стало недовольство кабинета политикой Британии в войне за австрийское наследство. Картерет исходил из того предположения, что поражение Австрии усилит Францию. А так как последняя рассматривалась им в качестве главного соперника Британии, то его симпатии были на стороне Марии-Терезии, а не Пруссии в их противостоянии. Для короля в этой войне главными были лишь интересы Ганновера, и защита герцогства от возможного вторжения войск неприятеля стала для него единственной целью. В связи с отсутствием у Картерета поддержки в палате общин Георг II с большой неохотой был вынужден согласиться и удовлетворить требования министров о его отставке. Перемены в составе правительства способствовали вливанию новых сил во главе с Генри Пелхемом. С небольшим перерывом, связанным с неудачной попыткой Георга II в 1745 г. вернуть на должность главы правительства Картерета², он занимал этот пост в 1743-54 гг.

Генри Пелхем принадлежал к старинному аристократическому клану. Генри был младшим сыном и заседал в нижней палате с 1717 г., титул наследовал его старший брат лорд Нью-

¹ Горацио Уолпол полагал, что, кроме того, симпатиям Георга II способствовала и неумеренная лесть Грэнвила, который сильно преувеличивал роль короля в германских делах: Walpole H. *Memoirs of King George II*. V. 1. P. 119.

² Георг II руководствовался личными симпатиями и антипатиями. Так, он не любил Пелхема и У.Питта Старшего, что и породило правительственный кризис 1746 г., когда монарх не пожелал утвердить состав кабинета, предложенный Пелхемом. / EHD, v. X. P. 109.

касл. С 1721 г. Пелхем неоднократно входил в состав правительства, тогда же обозначились его дарования как блестящего финансиста и партийного лидера¹. Возглавив кабинет, он сформировал широкую коалицию вигов, придерживавшихся различных взглядов, в которую включил также и тори. Во внутренней и внешней политике Пелхэм руководствовался тактикой Р.Уолпола, что, довольно быстро принесло свои плоды. После завершения войны за австрийское наследство и заключения мира в 1748 г. Пелхем решительными мерами сократил численность армии и флота, стабилизировал бюджет. Состояние финансов улучшилось, сократился государственный долг, а это позволило первому министру осуществить снижение налогов. В 1751 г. парламентом проведена реформа календаря, введено летоисчисление по григорианскому стилю², что сблизило королевство с большинством европейских стран и ввело единое летоисчисление в метрополии и всех колониальных владениях.

Из 140 депутатов – тори, по крайней мере, более 50 человек, придерживавшихся крайних взглядов, в той или иной степени приветствовали бы возвращение Стюартов на британский престол. Однако они не оказали серьезной поддержки Карлу Эдуарду Стюарту, сыну Якова III, провозглашенного английским королем во Франции. В 1745 г. “молодой претендент” предпринял последнюю, шестую попытку восстановления династии на британском престоле. В июле он достиг берегов Шотландии, по его словам, без войска, без денег, в сопровождении только семерых друзей. Судя по его дальнейшим поступкам, он не имел и конкретного плана действий. Весть о том, что претендент находится в Шотландии, поступила в столицу только в начале августа. Король в это время пребывал в Ганновере, и намеревался вернуться лишь в конце месяца, во Фландрии находилась и армия. Правительство было совершенно неподготовлено к подобному ходу развития событий. Первым его действием стал выпуск прокламации, обещавшей 30 тыс. ф.ст. за арест Карла Эдуарда.

¹ The Cambridge modern history. V. VI. P.74.

² Инициатором реформы был лорд Честерфилд, который подробно и с иронией описал свое выступление в палате. Ему пришлось неожиданно столкнуться с непониманием и преодолеть сопротивление противников билля. / Честерфилд. Письма к сыну. Максимы. Характеристики. С. 178-179; см. также: Parliamentary history. L., 1813, v. 14. P. 979-981.

(Последний ответил тем, что предложил ту же сумму за арест Георга). Кабинет срочно отозвал войска с континента.

Тем временем претендент продвигался по Шотландии. Поначалу поддержку предприятию Карла Эдуарда оказали сторонники Стюартов в горных районах страны. А она, в свою очередь, способствовала притоку новых сил в его небольшую армию. К концу октября войско насчитывало 4,5 тыс. пехоты и 400 всадников. В Перте он объявил своего отца Якова III королем. Несмотря на предостережения окружения, Карл Эдуард не остался в Шотландии, и двинулся в Англию, не имея серьезной надежды на поддержку англичан. Опасность сплотила население королевства вокруг правительства. Прошли митинги и демонстрации, был осуществлен сбор денег на содержание армии, формировались отряды добровольцев. В английских районах, занятых претендентом, разворачивалась партизанская война. Он подошел довольно близко к столице королевства. Армия Стюарта находилась в 130 милях от Лондона, что вызвало страшную панику в городе. Несмотря на начавшийся банковский кризис, Сити предложило королю необходимые для подавления восстания средства¹. Карл Эдуард, не получив ожидаемой иностранной помощи, был вынужден повернуть назад². В нескольких сражениях войска лорда Камберленда разбили немногочисленную армию претендента. После непродолжительного скитания по Шотландии он бежал во Францию. Эти события явились серьезным испытанием для молодой Ганноверской династии и английской политической элиты. Однако негативное отношение к потомкам Якова II и католицизму перевесило непопулярность представителей Ганноверского дома, недовольство злоупотреблениями и интригами вигов. После поражения Стюартов даже крайние тори отказываются от дальнейшей поддержки низвергнутой династии и переходят на сторону царствовавшего монарха, что способствовало упрочению положения Георга II. Надо заметить, что это не исключало критики в адрес Ганноверов,

¹ The Greville Papers. Ed. By W.J. Smith, Esq. L., 1852. v.1. P. 39-40. Надо отметить, что Английскому банку удалось избежать банкротства благодаря выдаче требуемых сумм шестипенсовиками, что загасило ажиотажный спрос.: Ibid. P. 40. Note.

² См., например,: Memoirs of George Selwyn and his contemporaries. L., 1843, v.1. P. 100.

которая порой звучала в памфлетной литературе¹. На укрепление союза с Шотландией была также направлена и политика правительства после подавления мятежа. Законодательство 1747 г. имело целью «сделать Унию более тесной»².

В середине XVIII в. парламент располагался в Вестминстерском дворце. Нижняя палата насчитывала 558 членов. Зал заседаний имел продолговатую форму. «Особых удобств для публики не предусматривалось: ведь заседания парламента — дело внутреннее, келейное. Достаточно, что члены палаты знали друг друга — им незачем было знать, кого бы то ни было еще. Они составляли все вместе узкое, замкнутое в своем кругу собрание бонвиванов с красными носами, ... Они сидели плечом к плечу, плотными рядами, так что прения в парламенте внешне напоминали дневной прием при дворе, где присутствовали только мужчины», несколько иронично писал исследователь³. Несмотря на явную насмешку, автор выделил как раз те черты, которые составляли особенность политической ситуации середины века. Вместе с тем, они ярко характеризовали расстановку сил в парламенте в 1750-е годы. Действительно, это было узкое, замкнутое собрание отпрысков, племянников и ставленников аристократических кланов. Их объединяло причудливое переплетение семейных, родственных и дружеских отношений, обеда, скачки, охота, игра в карты, поездки на воды и флирт⁴. Их волновали в одинаковой мере дарование королем титулов, назначения на государственные должности, получение синекур, свадьбы, рождение детей и похороны. Разъединяли же их амбиции и принадлежность к различным группировкам. Это обстоятельство стало причиной того, что исследователи нередко партийную систему тех лет именуют системой «персональных партий». Лидирующее положение в ней в то время занимали Картерет, Пултини, лорды Кобхэм и Честерфилд, герцог Бедфорд и

¹ Так, в 1751 г. распространялся памфлет «Constitutional Queries», где выдвигались обвинения против королевской семьи. Он был широко известен в столице. Обнаруженные властями экземпляры сожжены. / *The Parliamentary history of England*. L., 1813, v. 14. P. 868-870.

² *The Cambridge modern history*. V. VI. P.119.

³ Шервин О. Шеридан. Пер. С англ. М., 1978. С.134.

⁴ См., например.: *Memoirs of George Selwyn*. L., 1843, v. 1. P. 268-269, 271-272, 302, etc.; *Walpole H. Memoirs of King George II*. V. 1. L., New Haven, 1985. P. 1-6.

другие¹. В возникавших конфликтах особую роль играла застарелая вражда именно в силу замкнутости этой «корпорации», когда люди знали друг о друге, буквально, все. Они хорошо помнили старые обиды, нанесенные не только им самим, но и их предкам². На взаимоотношениях членов парламента и тональности дебатов сказывались раздача пенсий и синекур, а также близость недавних наиболее важных событий – отставки Р.Уолпола, вторжения претендента и уже мнимая к тому времени угроза якобитизма.

Сессия 1750 г. открылась несколько позднее, чем всегда. Георг II задержался в Ганновере и приехал не как обычно в конце октября, а в начале ноября³. К этому времени заметно обозначился разлад в кабинете, но он не сильно сказался на рутинной работе парламента. Наиболее четко и последовательно против всех предложений правительства выступала лишь небольшая по численности оппозиция, тесно связанная с наследником престола Фридрихом. Не всегда голосованием был доволен король. Однажды он воскликнул, обращаясь к лорду Ньюкаслу: «Разве они не подобны молокососам, которые постоянно изменяют свое мнение. Эти ваши Питты и Кавендиши, о которых вы так много говорите мне. Вы знаете, я никогда не любил их»⁴.

В начале марта 1751 г. появились первые слухи о болезни Фридриха, а уже к 18 числу стала ясной серьезность ситуации. 20 марта принц скончался от плеврита. На этот момент его сыну было только 13 лет, а король достиг 68 лет. После похорон Фридриха юный Георг стал наследником престола и получил титул принца Уэльского. Однако его молодость и преклонный возраст монарха несли в себе явную угрозу прочности положения династии. Остро встает вопрос об учреждении регентства. В

¹ Christie I. The changing nature of Parliamentary Politics, 1742-1789. P. 103.

² Ознакомление с мемуарами Г.Уолпола предоставляет прекрасную возможность увидеть, как это происходило в реальности. Когда он писал о том, или ином политике Уолпол не забывал отметить его взаимоотношения, а также ту роль, которую он играл/ или не играл в падении кабинета первого министра. А это, в свою очередь, определяло его собственное отношение к такому политику.

³ Георг II закрыл заседания в апреле 1749 г. и вскоре уехал в Ганновер. Летом прошли серьезные волнения в западных графствах. Однако сессия открылась только в январе. / Parliamentary history. V. 14. L., 1813. P. 787.

⁴ Walpole H. Memoirs of King George II. V. I. P. 15.

случае смерти короля до исполнения 18 лет принцу в руки регента переходила бы власть. Парламент срочно приступил к обсуждению этой проблемы, руководствуясь посланием Георга II. Хотя свои симпатии он отдавал любимому второму сыну Эдуарду, регентом стала мать наследника престола¹. Затем король приступил к формированию регентского совета. В него вошли высшие должностные лица государства и епископ Кентерберийский². Одновременно король меняет часть окружения принца на тех людей, которым мог доверить его воспитание.

Кончина Фридриха стала также и потерей высокопоставленного покровителя оппозицией, с которым она связывала надежды на будущее возвышение. Окружение принца Уэльского и так имело ограниченные возможности, а после его смерти, буквально, потеряло почву под ногами. Их прежние столь демонстративные попытки противостояния всем предложениям правительства становятся едва заметным, а то и отсутствует вовсе, что наиболее явственно проявилось уже в следующую сессию парламента³. Такое поведение оппозиции создавало иллюзию полной поддержки кабинета и установление мира в парламенте. Но это была именно иллюзия. Вместо соперничества тори и вигов все большее место начинала занимать борьба между кланами вигов. Как отмечали современники, противостояние «Двора» и «Страны» теряло свое бывшее значение, возникала оппозиция иного рода. Она формировалась в пределах той же правящей партии вигов — среди друзей правительства⁴. Тем не менее, выборы в 1754 г. правительство сумело провести таким образом, чтобы всемерно укрепить свое положение. Примером действий власти могут служить выборы в Оксфордшире, где на 2 места претендовали четыре человека. Успеха добились кандидаты правительства, жалобы в парламент как проигравших, так и из-

¹ В разговорах с Фоксом в то время король заявлял, что придерживается хорошего мнения о матери принца, но совершенно не знает ее. Гораздо больше его задевала непопулярность любимого сына: «английский народ столь изменчив. Я не знаю, почему они не любят его: во всем виноваты шотландцы, якобинцы и те англичане, которые не любят дисциплины», заключал Георг II. Цит. по: Walpole H. *Memoirs of King George II*. V. 1. P. 103.

² *Parliamentary history*. V. 14. P. 992-997, 999-1000.

³ : Walpole H. *Memoirs of King George II*. V. 1. P. 140, 143, 164, etc.

⁴ *Parliamentary history*. V. 14. P. 294.

бирателей на подтасовки не изменили конечного результата¹. Лишь в 42 округах критически настроенные претенденты смогли добиться успеха.

Смерть Пелхема в 1754 г. стала неожиданным ударом по лагерю вигов. Испытав шок, они тут же приступили к обсуждению состава будущего кабинета. Одновременно виги размышляли об усилении влияния принцессы Уэльской – матери наследника престола – с тем, чтобы предотвратить непредвиденные неприятности в случае неожиданной кончины короля². После непродолжительных переговоров Георга III с ближайшим окружением и политиками, интриг самих политиков правительство возглавил брат Пелхема герцог Ньюкасл. На тот момент перед ним стояла двойная задача: упрочить свое положение и избежать возможного усиления оппозиции, особенно наиболее опасных для него лидеров – Генри Фокса и Уильяма Питта. Возникшие политические кризисы и особенно тот, который был вызван смертью Пелхема, отразили сокращение возможности короны назначать министров, так как выбор монарха все больше зависел от баланса сил и интересов между различными группировками.

Маневры вигов постепенно привели к изоляции тори. В середине века их численность в палате общин не превышала 130-140 человек из 558 членов парламента. В этот период, рассматривая себя как партию “Страны”, тори высказывались против преобладания вигов, которое вело к увеличению числа раздаваемых должностей и пенсий. Они выступали за “свободные” выборы, отмену семилетнего срока полномочий парламента; дальнейшее сокращение армии и уменьшение налогов. Тори подвергали критике внешнюю политику и позиционировали себя сторонниками отказа от дорогостоящего вмешательства в дела европейских государств. Таким образом, их программа все больше отразала интересы землевладельцев, сельского населения страны.

В то же время длительное пребывание у власти и незначительная роль оппозиции тори привели к определенному застою в партии вигов. Она все более расплывалась, выкристаллизовывалась новая политическая структура, основанная на персональных группах. Вокруг боровшихся за власть лидеров возникали

¹ Ibid. P. 395.

² Parliamentary history. V. 15. P. 289; The Grenville Papers. V. 1. P. 106-107.

парламентские фракции, которые не отличались между собой ни взглядами, ни убеждениями, ни позициями.

Правительство быстро теряло авторитет в стране, что в условиях только завершившейся и в преддверии надвигавшейся новой европейской войны ставило под угрозу возможность получения кабинетом кредитов, столь необходимых для ее ведения. В обстановке политической нестабильности¹ Британия в 1756 г вступила в Семилетнюю войну. Вскоре Георг II был вынужден сформировать коалиционный кабинет У.Питта – герцога Ньюкасла, в который вошел также и Генри Фокс.

У.Питт Старший к этому времени стал одним из наиболее популярных политиков, и ему достался ключевой на тот момент пост военного министра. Его стратегия и тактика в войне состояла во всемерном ослаблении Франции, обеспечении торговых и колониальных интересов своей страны. С этой целью он широко раздавал субсидии единственному союзнику – Пруссии, сражавшейся на полях Европы. Основные силы британской армии были сосредоточены в колониях, они удачно воевали в Америке, где были поддержаны английскими колонистами, и в Индии. Успешные результаты деятельности Питта принесли ему репутацию национального лидера и безоговорочную поддержку финансового и торгового центра Британии – лондонского Сити. Вместе с тем росло недовольство землевладельцев и народа из-за резкого повышения налогов и роста государственного долга. Семилетняя война стала более дорогостоящим предприятием, чем предыдущие конфликты, в которых участвовала Британия.

¹ Ощущение нестабильности в 1750-е годы было вызвано не только сменой кабинета и внутриполитической борьбой. Ее усиливали известия о событиях на континенте, о столкновениях с французами в Америке, обсуждения в парламенте количества сухопутных и морских военных сил. Нервозность обстановки сказалась и в попытке лордов предотвратить отъезд Георга II в Ганновер весной 1755 г., когда они в апреле попытались инициировать обсуждение возможных последствий пребывания монарха на континенте в такой сложный момент. Высказывались опасения, что его могут захватить французы, либо же просто воспрепятствовать возвращению в Британию. / *Parliamentary history*. V. 15. P. 520-523. Более подробно и в ином свете этот эпизод освещен Г.Уолполом. Он акцентировал внимание на дружном хохоте, который раздался в парламенте во время выступлений противников отъезда короля. Тем не менее, Георг II уехал, как обычно, а регентом королевства стал герцог Ньюкасл. / *Walpole H. Memoirs of King George II*. V. 2. P. 48.

К 1759 г. военные расходы возросли до 20 млн. ф.ст. в год. А в начале 1760-х гг. национальный долг с предвоенной цифры в 75,8 млн. поднялся до 132,7 млн. ф.ст.

В октябре 1760 г. скончался Георг II, началось долгое правление его внука Георга III (1760-1820). Едва ли смерть престарелого короля стала неожиданным ударом, но страна вела войну и смена монархов в такой момент могла осложнить ситуацию. Лорды Тайного совета немедленно собрались в резиденции молодого Георга с тем, чтобы провозгласить его королем. В своей декларации он обещал приложить все усилия во славу королевства, счастья его подданных, возвысить страну и Англиканскую церковь. Он заверил, что приведет Британию к почетному и длительному миру в согласии с союзниками¹.

Правление Георга III стало важным этапом длительного процесса трансформации “персональной” монархии в монархию парламентскую. Он был первым королем Ганноверской династии, который родился на английской земле². Блезненный, хрупкий мальчик рос в обстановке враждебного отношения к Георгу II, его политике и министрам-вигам. После смерти Фридриха в 1751 г. руководство его воспитанием и образованием полностью легло на вдовствующую принцессу Августу. Немецкая принцесса с детства вынесла представление о политике как о семейном деле небольшого двора, и с этих позиций представляла наследника престола. Он был убежден, что король в Англии должен не только царствовать, но и править в соответствии с положениями «Билли о правах». Тогда как его прадеды, занятые делами Ганновера, передали управление королевством в руки вигов, принесших в политику подкуп и коррупцию. Входя на трон на двадцать третьем году жизни, Георг III полагал, что старая конфронтация вигов и тори – нежелательное явление в политике и намеревался покончить с ней. Позднее в автобиографических заметках Георг III писал: «Единственное отличие линии, которой я придерживался, заключалось в том, чтобы положить конец тому несчастному разделению на партии, назы-

¹ The Annual register for the year 1760. L., 1781. P.138. Описание в ежегоднике кончины короля было кратким и формальным.

² Это обстоятельство в первые дни правления особо подчеркивалось не только молодым королем, но и его окружением, политиками, а также в приветственных обращениях к Георгу III. / Ibid. P. 138-140.

вавшимся Виги и Тори; объявляя об этом, я намеревался под- держать каждого сторонника правительства, а тем самым того правления, которое было провозглашено революцией. ... И те, кто был отстранен, возненавидели меня»¹.

Из-за существовавшей вражды и в силу молодости Георг III был далек от королевского двора и парламента, не имел представления о реальном положении дел, которое существенно изменилось по сравнению с предыдущими десятилетиями. Политическая сцена в начале 1760-х годов представляла многочислен- ные фракции вигов, соперничество политиков в парламенте, изредка объединявшихся в целях достижения власти и контроля над патронажем, раздачей должностей и пенсий. Вражда разно- образных группировок мешала объединению, равно как и често- любивые устремления лидеров, несоизмеримые с их талантами и способностями. Тори, число которых несколько превышало 100 человек, являли собой группу, потерявшую чувство единства. Ска- залось отсутствие притока свежих сил: среди них преобладали лю- ди молодые, не имевшие административного опыта².

Молодой монарх намеревался искоренить коррупцию и патронаж вигов. Об этом ярко свидетельствует один из первых его шагов, направленный на укрепление независимости судей и повышение им жалованья³. Но в политических делах он начал действовать методами вигов и назначать на должности тех лю- дей из своего окружения, которым он мог доверять, в том числе и тори. Тем самым, исходя из благородных побуждений, Георг III невольно только упрочил и развил сложившуюся систему злоупотреблений⁴. Произошла лишь замена вигов «друзьями» короля. Первым среди них был его наставник и самый близкий в то время друг – Джон Стюарт граф Бьют.

Граф Бьют (1713-1792) принадлежал к небогатой ветви семьи шотландских вигов. В юности изучал математику и меха- нику. В 1737 г. избран как представитель Шотландии в палату лордов. На протяжении 10 лет он не принимал активного уча-

¹ Цит. по: Butterfield H. George III, Lord North and the people. L., 1949. P. 3.

² Christie I. Op. cit. P. 112.

³ Parliamentary history. V. 15. P. 1007, 1013.

⁴ Г. Баттерфильд справедливо замечал, что, когда мы обращаемся к исто- рии правления Георга III, то должны всегда помнить: результат был очень далек от намерений короля. / Butterfield H. Op. Cit. P. 5.

ствия в политической жизни. В 1747 г. вошел в круг принца Уэльского, пользовался его расположением и получил высокую должность при его дворе¹. После кончины Фридриха Бьют стал советником вдовы и воспитателем наследника престола. Ученик обожал его в силу привязанности, доверительных отношений, сложившихся между ними на протяжении длительного времени. Особо молодой человек ценил чувство порядочности, чести своего наставника². Воцарение Георга III принесло с собой и возвышение Бьюта.

Смена монарха на престоле повлекла роспуск парламента и новые выборы, результат которых не принес изменений в составе палаты общин. Несмотря на то, что многие современники рассматривали кабинет как один из наиболее удачных в силу его коалиционного характера и сильных с точки зрения способностей лиц, вошедших в него,³ Георг III принял традиционную по такому случаю отставку Питта, затем Ньюкасла, и неожиданно назначил Бьюта первым лордом казначейства. Несмотря на обозначившуюся практику, еще не сложилось представление о кабинете, как едином органе, и его коллективной ответственности. Министры продолжали работать независимо друг от друга⁴, и их замена не выглядела актом чрезвычайным. Так кабинет возглавил человек, не обладавший ни опытом управления, ни навыками политической борьбы. Его влияние было невелико и распространялось лишь на 45 шотландских членов парламента и 16 пэров. А перед ним стояли трудные задачи – завершение войны, заключение мира и стабилизация финансового положения королевства. Для усиления позиций кабинета в глазах общественного мнения Бьют задумал выпуск газеты, которая бы поддерживала его курс и была бы благосклонна к нему лично. В мае 1762 г. появился первый номер «Британца». Он выходил под руководством известного английского романиста Т.Смоллета, который придерживался торийских взглядов. Это не переломило отношения общества к министру. С назначением Бьюта в английском обществе резко возросли анти-шотландские настроения, по

¹ Walpole H. *Memoirs of King George II*. V. 1. P. 32-33.

² См., например, одно из высказываний Георга о Бьюте. / *The correspondence of King George the Third*. V.1, P. 167.

³ *Parliamentary history*. V. 15. P. 977.

⁴ *The Political history of England*. V. X. P. 7, 11-13.

Лондону распространялись анекдотические истории о привязанности молодого короля к нему. При этом король был выставлен в самом неприглядном виде¹.

В 1763 г. завершилась Семилетняя война. Она, как отмечалось выше, привела к ухудшению экономического положения страны; налоги взимались практически со всех товаров, а национальный долг тяжким бременем лег на плечи налогоплательщиков. Бьют ускорил подписание Парижского мирного договора. Его статьи зафиксировали поражение Франции и ее союзников. Британия сумела сохранить за собой захваченные в ходе военных действий земли к востоку от Миссисипи и Флориду в Северной Америке, Канаду. В Индии позиции французов были подорваны окончательно, им удалось удержать лишь несколько незначительных факторий, являвшихся скорее складами для товаров. Успехи в Семилетней войне, расширение колониальных владений способствовали возвышению Британии, превращению в могущественную колониальную империю. Однако отдельные условия мирного договора привели к дипломатической изоляции Англии, длившейся на протяжении последующих 30 лет. Кроме того, Бьют пошел и на некоторые территориальные уступки, возвратив уже завоеванные земли за океаном. По сути, Бьют действовал разумно. Он поспешил закончить войну путем малых, незначительных уступок; попытался оказать влияние на формирование общественного мнения. Но изменение внутренней политики монарха, удаление от управления королевством старых кланов вызвало политические столкновения. Еще буквально накануне современники полагали, что с существованием оппозиции покончено². Но это впечатление было обманчивым, первый серьезный кризис привел к усилению противостояния в парламенте. Часть вигов, отстраненных от власти при молодом короле, перешла в оппозицию, теперь они промахи правительства подвергали критике. Так, в глазах оппозиции, Бьют предстал человеком, не справившимся с решением важ-

¹ The Grenville Papers. v.1. P. 21-22.

² Так, Дж. Уильямс писал: «Такое впечатление, что оппозиция находится на смертном одре». / *Memoirs of George Selwyn and his contemporaries*. V. 1. P. 325.

нейших проблем. В условиях обострения социально-экономического кризиса он вышел в отставку¹.

Первые десять лет правления Георга III отмечены как социальной, экономической и политической нестабильностью, так и постепенным ухудшением состояния его здоровья. В 1765 г. появились первые признаки душевной болезни короля². Она была проявлением тяжелого недуга, развитие которого завершилось окончательным помешательством и слепотой. Несомненно, что поведение короля в кризисных ситуациях, когда действия оппозиции он воспринимал, как выступления, направленные против него лично, объяснялось заболеванием. В стране возростало недовольство политикой правительств, сменявших друг друга. Она была непоследовательна и недальновидна. Предпринимавшиеся шаги одного кабинета, отменялись решениями следующих правителей. Тем не менее, история с назначением Бьюта со всей очевидностью обнаружила новые реалии, в политической практике утверждался один из важнейших принципов парламентаризма, а именно – функционирование солидарного, ответственного правительства в виде кабинета министров, глава которого должен опираться на свою фракцию в парламенте. Становилась все более очевидной необходимость идти по стопам деда и назначать первым министром человека, обладающего не только доверием монарха, но и поддержкой парламента. Однако осознал монарх это не скоро. Георг III все больше внимания уделял дебатам, проходившим в обеих палатах парламента. Особо его интересовали результаты голосований, которые отражали реальную расстановку сил³.

После отставки Бьюта выбор Георга III пал на Джорджа Гренвилла (1712-1770), имевшего значительный опыт административной деятельности, так как он неоднократно занимал различные посты в кабинетах прежде. Гренвилл был хорошим ор-

¹ Лишь непродолжительное время после этого ему удавалось сохранять влияние на короля. Юношеская, романтическая привязанность Георга прошла довольно быстро. / Cannon J. George III. Oxford, 2007. P. 16-17, 69.

² Д. Кэннон склонен рассматривать состояние здоровья короля в этот период как проявление недовольства Д.Гренвиллом, нежели проявлением первых признаков болезни. / Cannon J. George III. P. 63-64.

³ The correspondence of King George the Third. V.1, P. 425, 451, 453, 454, 466, 465, 463-464, etc.

ганизатором, человеком волевым и целеустремленным, однако его поддерживал лишь один аристократический клан. Выход из послевоенного финансового кризиса глава правительства нашел во введении новых налогов, в том числе, на сидр в Англии, а затем и в обложении налогами американских колонистов. И то и другое имело непредвиденные им последствия. В колониях нараставший протест со временем привел к войне с метрополией.

Введение новых поборов в самой Британии было неизбежной и необходимой мерой. Однако налог на сидр сразу же вызвал серьезные возражения в парламенте. Изготовление сидра было широко распространено в Центральной и Юго-Западной Англии, и предполагалось, что налог на него значительно пополнит казну и частично решит финансовые трудности правительства. В обход существовавших норм акцизные чиновники законопроектом наделялись правом обыскивать частные дома¹. Лорд Хардвик вполне справедливо возмущался тем, что налогом облагался не продавец напитка, а его производитель. Иными словами, тот человек, который уже уплачивал поземельный налог. Тем самым, получалось двойное налогообложение. Аргументировано выступили лорды Темплъ, Болтон и Фортескью, высказав возражения, прежде всего, против того, что теперь акцизные чиновники наделялись правом входить в дома и проверять, изготавливается ли сидр². Эти обстоятельства стали поводом развернувшихся в южных графствах выступлений землевладельцев и фермеров. Их лозунгом была защита древнего права неприкосновенности жилища британца, нарушение которого и вызвало бурю возмущения в тех регионах, где производился сидр³.

Исследование Дж.Рюде убедительно показало, что для Британии XVIII в. были характерны часто возникавшие волнения в деревне и бунты в городах, в которых аккумулировалось социальное напряжение столетия. Его взрывы носили спонтанный характер, а вызвать их мог порой любой, даже незначительный повод: пронесшийся слух, незначительное повышение цен, задержка с подвозом муки в пекарню и т.д.⁴ Движение на юге

¹ Семенов С.Б.Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу. С.42.

² Parliamentary history. V. 15. P. 1311, 1314-1316.

³ Annual Register, 1763. P. 35; Nobbe G. The North Briton. N.-Y., 1939. P. 188-190.

⁴ Рюде Дж. Народные низы в истории, 1730-1848. Пер. с англ. М., 1984.

Англии стало первым выражением недовольства экономическим притеснением, принявшего форму протеста против нарушения властью прав жителей страны. Тем самым, эти события явились показателем, как укрепления правового самосознания, так и первым сигналом о подспудных переменах в общественной жизни. Необходимо отметить также и то, что размах движения вынудил правительство отказаться от этого налога и попытаться добыть средства иным путем, путем обложения колонистов.

Курс, проводимый Гренвиллом, вызывал недовольство не только в обществе и колониях. Его политикой был раздражен и король, называвший ее абсурдной¹. В 1765 г. лорд Гренвилл ушел в отставку. В политических кругах за исключением ближайшего окружения его уход с поста был воспринят с удовлетворением².

Итак, властные институты в середине столетия носили традиционный характер. В наибольшей мере такая традиционность проявлялась в социальном составе парламента и особенно – палаты общин, тематике и характере дебатов. Система выборов – наличие мелких избирательных округов, открытое голосование, высокий имущественный ценз пассивного избирательного права – использовались аристократическими кланами для упорочения политического положения. Личность монарха, его симпатии и антипатии оставались важным фактором политической жизни, так как пребывание у власти той или иной группировки зависело от его предпочтений, что особенно заметно в начале правления Георга III.

Изменения в принципах формирования и деятельности кабинета министров являлись скорее проявлением новых тенденций, нежели четко обозначившимся явлением. Тем не менее, король все более вынужден считаться с расстановкой сил в нижней палате, с конкретной ситуацией при выборе первого министра. Четче обозначается характер требований к личности главы кабинета. Он становится политиком, который не просто обладал поддержкой сторонников, но и политическим и административным опытом.

Новой чертой в расстановке сил властных институтов было дальнейшее фактическое сокращение некоторых прерогатив

¹ The correspondence of King George the Third. V.1, P. 452.

² Memoirs of George Selwyn and his contemporaries. V. 1. P.387-388.

монарха. Его влияние как главы исполнительной власти было велико, что поддерживалось почтением придворных и внешне порой уничижительным обращением политиков. Однако в силу особенностей правления первых двух Георгов, а именно – регулярные длительные отлучки Георга II, относительная скромность двора, а затем и болезнь Георга III – происходило постепенное перемещение центра политической жизни в парламент.

Глава 2. Британское общество во второй половине XVIII в.

Зарождение общественной жизни

В отличие от политической сферы, где изменения носили в основном скрытый, латентный характер, в социальной сфере перемены были более явными. Новые явления отражали основные тенденции и особенности развития общественной жизни Британии. Они были связаны с начавшейся промышленной революцией, постепенным в XVIII и бурным в следующем столетии ростом городов и городского населения; увеличением численности и укреплением экономических позиций среднего класса. Это было время формирования национального и гражданского самосознания, общественного мнения, зарождения общественной жизни. Позднее историки называли ее «публичной сферой». При всей условности такой термин позволил подчеркнуть ее обособленность от мира государственного и личного, частного. Обычно ее рассматривают как область общения горожан за пределами их домов, отмеченного большей открытостью и новыми формами, как продукт длительного развития национальных государств и буржуазного общества и важный компонент гражданского общества¹.

В середине XVIII столетия Британия являлась страной аграрной. Однако тенденции установления арендных, капиталистических отношений, ориентация производства на рынок, обозначившиеся в предыдущие столетия, получили дальнейшее развитие². Практически одновременно происходило преобразование экономики в деревне и городе. Промышленная революция

¹ Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Burgeois Society. Cambridge, 1989; Calhoun C. (ed.) Habermas and the Public Sphere. Cambridge, 1992; Becker M. The emergence of Civil Society in the Eighteenth Century: A Privileged Moment in the history of England, Scotland and France. Bloomington, 1994; etc.

² Подробнее см.: Винокурова М.В. В мире английского манора. М., ; От аграрного общества к государству всеобщего благоденствия. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. М., 1998. С. 74, 79, 90-91 и др.

явилась катализатором сложных процессов в социальной сфере и привела к углублению изменений в структуре британского общества. Они состояли, прежде всего, в усилении его дифференциации, с одной стороны, и размывании граней между дворянством и буржуазией, наемным работником и мелким собственником-производителем – с другой. Один из ведущих современных исследователей социальной истории профессор А.Бриггс отмечал, что во второй половине XVIII – первой половине XIX столетия существовали различного рода группы, характеристика которых не могла бы уложиться только в определения аристократии, буржуазии, фермеров и рабочих, бедных и богатых¹.

Действительно, структура общества отражала переходный характер экономики, когда наряду с рассеянной мануфактурой, ремесленным трудом и монопольными торговыми привилегиями развивалось фабричное производство, торговля и финансовые операции, непосредственно связанные с ним. И в силу этого она характеризовалась наличием классов и слоев как феодального, так и раннего капиталистического общества. Среди них – дворянство (от крупных магнатов до разорявшегося дворянства); буржуазия (крупная, средняя и мелкая); наемные рабочие; городская и сельская беднота, безработные; представители интеллигентных профессий (юристы, врачи, учителя, журналисты, конторские служащие); служители церкви. При этом внутри каждой из групп происходило дальнейшее расслоение. Дворянство, предприниматели, торговцы и финансисты могли быть связаны как со старым укладом производства, так и – новым. При этом подобная дифференциация касалась и непосредственно самих производителей – ремесленников, рабочих и фермеров. Возможность быстрого обогащения, либо разорения также влекли за собой переход из одного слоя в другой, сглаживая порой границы между классами и слоями общества.

Надо отметить, что исторически сложившейся особенностью структуры британского общества являлось отсутствие жестких сословных перегородок между имущими классами. "Английская история совсем не развила замкнутых сословий с особыми правами и привилегиями", писал отечественный либе-

¹Briggs A. How they lived. V.3. P.93-105.

ральный историк Н.И.Кареев¹. Землевладельцы могли быть связаны с привилегированными слоями крупных финансистов и купцов деловыми, реже кровнородственными узами. "Со времен Елизаветы, — отмечал французский историк Ф.Бродель, — именно высшее дворянство, пэры, охотнее всего вкладывало капиталы в торговлю на дальние расстояния"². Участие в управлении на местном и центральном уровне привело к усилению положения и возрастанию политической активности аристократии и джентри на протяжении XVIII в. Вовлечение в экономические предприятия и наследственное право, действовавшее в Великобритании, а именно право первородства, способствовали укреплению связей дворянства и купечества. Титул и земли наследовал старший сын (либо ближайший родственник мужского пола), а младшие отпрыски дворянских семейств были вынуждены избирать политическое поприще, идти на военную или гражданскую службу, нередко пополняли ряды среднего сословия. Их дочери порой находили себе супругов среди людей более низкого положения³. "Эта система, — писал О.Егер, — держалась крепко, создавая род династий среди знати, но, вместе с тем, она служила как бы мостом, соединявшим дворянство с народом, придавала жизнеспособность аристократии, не давая ей вырождаться в касту, сообщая, в то же время, третьему сословию аристократические элементы и поддерживая тем взаимодействие обоих классов"⁴.

Выше сказанное в полной мере относится к мелкопоместному и частично среднему дворянству в том, что касается экономических и кровнородственных связей. Но было бы ошибкой преувеличивать степень открытости социальных слоев. Высший слой дворянства — аристократия — оставался закрытой «корпорацией». Она была готова вкладывать деньги в различные торговые, финансовые и другие предприятия, но не допускала в свой круг людей более низкого положения, тем более не была готова родниться с ними. Так, аристократы-виги заключали браки только в

¹ Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. т. 3. С.60, см. также с.93-94.

² Бродель Ф. Игры обмена. М., 1988. С.498.

³ Ковалевский М.М. Английская конституция и ее история. М., 1880. С.19.

⁴ Егер О. Новая история. Т.1. Спб., 1999. Т.1. С.691.

своим довольно узким кругом¹. Снобизм и социальная исключительность оставались важной чертой, присущей аристократии.

В силу обладания крупной земельной собственностью, рассматривавшейся в качестве основы, фундамента общества, аристократия сохраняла исключительное положение, оказывала воздействие на социальную жизнь в городе и в сельской местности. От земельного магната, практически, все зависело в его владениях, в том числе результаты и характер выборов. Размывание социальных связей не поколебало не только социального, но и политического превосходства аристократии. Представители могущественных кланов и их ставленники преобладали в обеих палатах парламента и кабинете, определяли политический курс правительства. Так, в середине XVIII в. 294 из 558 депутатов нижней палаты являлись сыновьями членов парламента, а 400 были родственниками бывших или действовавших парламентариев².

Модернизация производства и технологических процессов привела к расширению товарно-денежных отношений. Следствием изменений стало усиление темпов формирования среднего класса города и деревни, т.е. того слоя, который занимал срединное положение между относительно однородными, но резко отличающимися друг от друга высшим и рабочим классами³. Средний класс не представлял собой единую социальную категорию в структуре общества. Он состоял из разнообразных, различавшихся по занятиям, образованию, достатку, групп людей интеллигентных профессий, а также самостоятельных предпринимателей и работников. Это были владельцы приносящих доход орудий производства, фондов, собственности: владельцы небольших мануфактур, ремесленных мастерских, фермеры, лавочники, которые производили товары или услуги для рынка. Большинство из них занимались своей деятельностью, привле-

¹ Mitchell L. The Whig World. L., 2007. P. 17-18.

² F.O'Gorman. The Long Eighteenth century: British political and social history 1688-1832. L., 1997. P.107.

³ Термин «средний класс» возник в начале XIX в. применительно к специфической социальной группе, которая сформировалась к этому времени, и не вписывалась в традиционные рамки стратификации общества. В последние годы в отечественной историографии заметно возрос интерес к этой категории населения, ее сути и значению в социальной структуре общества. / Средний класс в современном российском обществе. М., 1999.

кая членов семьи, слуг, наемных работников. Семья еще и в XVIII – XIX вв. оставалась центром экономической, религиозной, социальной и эмоциональной жизни мелкого собственника, что в значительной мере определило изменения в традиционном домашнем укладе, архитектуре и размерах жилья, взаимоотношениях с прислугой и работниками и т.д. Общая численность людей, принадлежавших к среднему слою, в XVIII в. оставалась невысокой относительно всего населения королевства. Достаточно упомянуть, что к 1814 г. в Британии насчитывалось около 25 тыс. различного рода мануфактур. Вместе с тем по мере расширения этих групп и возрастания доходов изменялся их социальный статус и роль в жизни общества¹. Средний класс характеризовался динамичностью, предприимчивостью по сравнению с другими группами населения, что в значительной степени было связано с религиозным фактором. Несмотря на провозглашение свободы вероисповедания неангликане по законам страны в XVIII столетии были отстранены от государственной и военной службы, не могли выбрать политическую карьеру. Наиболее энергичные неконформисты находили применение своим силам в экономической сфере. В период промышленного переворота именно они составляли почти половину всех предпринимателей и изобретателей.

Возвышение социального статуса повлекло за собой браки представителей среднего класса с выходцами из семей джентри. Торговцы, нажившие капитал, нередко стремились приобрести поместье, занять тем самым иное, более высокое положение в обществе. Это хорошо видно на примере разбогатевших служащих Ост-Индской, либо других компаний. По возвращении в Англию они приобретали поместья, покупали места в парламенте, где составляли хоть и небольшую, но весьма серьезную поддержку своей компании.

Результатом усложнения производственного процесса явилось и возрастание численности людей, занятых умственным трудом, повышалась их квалификация, расширялась сфера деятельности. Войны, которые вела Британия на протяжении XVIII

¹ Подробнее о среднем классе в Британии см.: Фадеева Л.А. Очерки истории британской интеллигенции. Пермь, 1995; King R., Rayer J. The middle class. L., 1981.

в., повлекли за собой разрастание государственного аппарата и увеличение числа чиновников. А расширение финансовой сферы — увеличение числа брокеров, финансистов, агентов, управляющих и т.д.¹ Все чаще младшие отпрыски аристократических семейств и джентри становились врачами, юристами, священниками. Появлялись новые профессии, а среди них относительно многочисленным слоем стали печатники, редакторы газет и журналов, журналисты.

Среднему классу промышленная революция принесла ощущение общности, отличия от старых традиционных групп, с которыми он, как правило, не стремился сближаться. Представители этого слоя не принимали ценности аристократии и джентри, а низшие слои среднего класса рассматривали как часть обширного слоя работников. Подобное отношение было связано, скорее всего, с шаткостью положения мелких торговцев и предпринимателей, по словам Ф.Броделя, все время находившихся на краю финансового краха². Формирование классового сознания усиливалось рядом факторов, способствовавших укреплению чувства единения. Быстро богатеющий средний класс играл важную роль в экономической сфере, уплачивал высокие налоги и при этом был лишен политических, а диссентеры еще и гражданских прав. Выступление против всевластия аристократии, за сокращение государственных расходов отражали стремление среднего класса принять участие в управлении государственными и местными делами.

Таким образом, сравнительная открытость общества способствовала его большей мобильности³. Структура общества представляла собой пеструю картину. Но изменения не ограничивались только ее перестройкой, но и дальнейшим размыванием традиционных патерналистских связей. Их разрушению в немалой степени способствовал рост численности горожан и самих городов.

В XVIII в. еще не проводилось переписей населения, однако специалисты смогли с большой долей достоверности опре-

¹ British politics and society from Walpole to Pitt 1742-1789. Ed. by J.Black. L., 1990. P.33.

² Бродель Ф. Игры обмена. М. 1988. С.58.

³ От аграрного общества к. С. 157-158.

делить динамику роста численности населения, и городского – в частности. Картина была примерно следующей. Если к 1700 в Британии проживало 6,5 млн. человек, то к 1800 – около 9 млн.¹ В 1700 г. доля горожан составляла 19%, в 1750 – 23%, в 1800 – около 30%, в 1850 – 50%, к началу XX столетия – 80%. При этом наблюдался не только рост старых, но и появление новых городов: в 1700 г. их было 68, в 1800 г. – 188, в 1850 – свыше 2 000.. Быстрыми темпами росли промышленные центры, портовые и курортные города². Эти темпы особенно заметны на фоне европейского общества того времени. Британцы составляли примерно 8% населения всего континента, при этом 70% прироста городов приходилось на их страну³. Наиболее динамично развивался Лондон, являвшийся крупнейшим городом Европы того времени. Если к 1700 г. там проживало не менее 530 тыс. человек⁴, к 1800 г. число столичных жителей превышало 1 млн. человек, а в середине XIX в. – достигало 2,6 млн. «Это был гигантский мегаполис, растянувшийся на несколько десятков миль и вмещавший в себя 1/10 часть населения Британии. Лондон был центром торгово-финансовой деятельности, экономической, культурной и, разумеется, политической жизни» – отмечал С.Б.Семенов⁵.

Процесс урбанизации принес с собой трансформацию больших сообществ, объединенных родственными и соседскими связями, в общество масштабных городских поселений. Это явление оказывало разрушающее действие на привычки, идеи, стиль жизни, веками формировавшихся под влиянием традиций общины или прихода. На смену им шли ощущения оторванности от родных мест и изоляции. Социальная структура городов отличалась большим разнообразием, чем относительно одно-

¹ Briggs A. *How they lived*. V.3. P.57. Указанные цифры принимают не все историки, зачастую приводящие иные данные. Однако все сходятся в оценке быстрого прироста населения. / Porter R. *English society in the Eighteenth century*. P. 38.

² Morgan M. *Manners, morals and class in England, 1774-1858*. Hong Kong, 1994. P.43-45; *Culture and society in Britain*. Ed. J.Black. Manchester, 1997. P. 70; *The nineteenth century*. Oxford, 2000. P.255, etc.

³ Wrigley E.A. *Poverty, progress and Population*. Cambridge, 2004. P. 23.

⁴ Уоллер М. Лондон. 1700. Смоленск, 2003. Пер. с англ. С.3.

⁵ Семенов С.Б. *Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу*. С.51.

родная социальная среда деревни. Со средневековья городские поселения обладали также и большими правами и вольностями и разнообразием традиций¹. Эти факторы и определили превращение городов в центры зарождения общественной жизни.

С конца XVII в. она уже не ограничивалась рамками аристократических салонов придворной знати и домов крупной корпоративной буржуазии, в которых обсуждались последние сплетни и новости, речи депутатов, борьба тори и вигов. В нее постепенно включалось городское население столицы, развивавшихся экономических центров. Новые формы общения вырастали на базе существовавших традиций встреч, церемоний и обедов, связанных с корпорациями, гильдиями и приходскими собраниями. Изменение стиля общения было результатом быстрой урбанизации, когда рост городов опережал возрастание численности населения в стране в целом; а также увеличением национального богатства. Немаловажным фактором являлось и то, что они предоставляли вновь прибывшим в город информацию, знакомства, а то и покровительство. Помимо всего прочего, важную роль играл и экономический аспект – новые формы общения приносили магистратам дополнительные средства и поэтому поощрялись ими². Сотни тысяч, а впоследствии и миллионы людей, сосредоточенные в городах, вовлекались в общественную жизнь благодаря избирательным кампаниям, прессе, возникавшим клубам, кофейням, обществам, различного рода движениям. О разнообразии существовавших объединений свидетельствуют следующие цифры. В середине XVIII в. в Лондоне функционировало, по меньшей мере, 40-50 типов обществ, а в каждом крупном провинциальном центре их насчитывалось до 20³. Это позволяло среднему классу не просто вырабатывать и высказывать свое мнение, но, порой, и оказывать определенное давление на политических лидеров.

¹ От аграрного общества к государству всеобщего благоденствия. С. 167-171.

² Кларк П. Время, пространство и социальный диалог: социальные изменения в британских городах в XVIII веке. / Социальная история. Ежегодник 1997. М., 1998. С. 271-273.

³ Кларк П. Указ. соч. С. 269.

Общественное мнение начинает играть важную роль¹. За- рождение фабричного производства, и связанное с ним форми- рование классов капиталистического общества, создавали пред- посылки для возникновения общественного мнения, критически настроенного по отношению к политике, проводимой верхуш- кой аристократии. Привилегированное положение, преоблада- ние в армии, флоте, церкви, политических и общественных де- лах, влияние на выборах подвергалось критике². В немалой сте- пени формированию и становлению подобных настроений спо- собствовали как традиционные, так и новые развивавшиеся об- щественные институты и формы.

Прежде всего, речь идет о митингах в графствах и горо- дах, различного рода открытых заведениях и объединениях, прессе, петициях. Право обращения с петициями было гаранти- ровано «Биллем о правах», и с конца XVII в. продолжало слу- жить средством выражения жалоб и просьб, обращенных к пра- вителям. Подготовка и оформление петиции заключались в дос- таточно сложной процедуре, а для подкрепления основательно- сти обращения обычно проводился сбор подписей под ней. С 1750 г. обозначилось важное изменение, наряду с продолжав- шимися жалобами на несправедливость, нарушение закона и т.д. петиции начинают превращаться в один из методов борьбы за осуществление своих требований. Митинги не оговаривались законом, т.е. они не запрещались, но и не разрешались законо- дательным путем. Тем не менее, на протяжении XVIII столетия они становятся обычной процедурой подготовки петиций и сбо- ра подписей под ними³.

Клубы, кофейни и таверны прочно заняли свое место в жизни горожан. Корпоративный характер многих заведений со временем был потеснен объединениями по научным, культур- ным, религиозным и политическим интересам.

Клубы возникли в Англии в XVI в. Во время революции середины XVII века они стали центрами оппозиции, прибежи- щем революционных элементов. В 1675 г. Карл II запретил их. Аристократические клубы возродились через столетие как

¹ Clark G.K.C. An expanding society . P. 20.

² См., например, Briggs A. How they lived. P. 470.

³ Williams E.N. The Eighteenth century constitution. P.408.

замкнутые учреждения со своим строгим уставом и довольно высокими взносами, как место отдыха, развлечений, встречи друзей. Вместе с тем в этот период создаются также и разнообразные клубы, членство в которых не только определялось рождением или высоким положением в обществе, но и общностью интересов, занятий. Так, например, разбогатевшие чиновники и служащие Ост-Индской компании создали Христианский клуб. Позднее возник Клуб путешественников, затем – Объединенный клуб и многие другие.

Кофейни, таверны и пабы были открытыми заведениями. Обычно в них собирались завсегдатаи, объединенные по профессиональному, либо политическому принципу. По мнению путешественников, именно они создавали ту особую атмосферу, которая отличала Лондон от столиц континентальных государств. "Характер Лондона и его жителей, – позднее писал князь Волконский, – можно понять в толпе людей, в тавернах, которые оставляют незабываемое впечатление"¹.

Первая кофейня, известная историкам, открылась в Оксфорде в 1650 г. Следом за ней появились и другие, но не все просуществовали долго в этот бурный период истории страны. Немногие пережили реставрацию Стюартов на престоле, Славную революцию. Однако к тем, которые сохранились, прибавлялись новые кофейные дома. Только в Лондоне за 1650-1850 гг. было открыто 2 тысячи заведений, причем значительное их число возникло в XVIII в. Так, в середине столетия в столице функционировало 550 кофейных домов. Уже в раннее время своего существования они ассоциировались с новостями, прессой, слухами. В них можно было получить или отправить письмо, отослать объявление в газету, справиться о пропавшей собаке. Судя по дневниковым записям литератора и юриста Д.Босвелла, кофейни занимали важное место в жизни людей его круга. Там они читали свежие газеты, пили чай или кофе, завтракали и обедали, назначали встречи и вели серьезные разговоры с друзьями². В декабре 1762 г. Босвелл отмечал: "Это место удивительно соответствует моему настроению. Комфортабельное и теплое,

¹ ОПИ ГИМ. Фонд 18, оп.1, д.85, л.62.

² Boswell J. The journals of James Boswell. L., 1991. P.16, 48, 63, 67, 284, 304, 307.

оно заполнено горожанами, которые весьма основательно и благоразумно, а порой и с юмором ведут политические беседы"¹. Посещение кофеен, общение, чтение газет, по мнению современников, превратилось в моду, которая распространилась на различные слои общества. Но раздавались и голоса противников чрезмерного увлечения такого досуга, связанного с «бездельем». Еще в 1695 г. «Бритиш меркури» писал: «лавочки и ремесленники проводят целые дни в кофейнях, чтобы услышать новости и поговорить о политике. В это время их жены и дети голодают дома, а дело пребывает в забвении»². Отрицательно отнеслись к появлению кофеен многие женщины. Мэри Астелл в «Трактате в защиту слабого пола» писала, что типичный завсегдатай «живет в кофейне, а домой приходит лишь переночевать. Он бежит от домашних забот, финансовых проблем и т.п., предпочитает постоянно вращаться среди людей, проводить время в праздных разговорах о политике и погоде, забывая, что у них есть обязанности перед семьей»³.

Практически с момента появления происходила своего рода специализация кофеен — коммерсанты, финансисты, служащие контор, люди интеллигентных профессий стремились собираться в каком-то одном заведении, расположенном неподалеку от театра, конторы, банка или биржи. Впоследствии дифференциация привела к формированию на базе кофеен клубов. Это по-прежнему было место встреч, обмена мнениями, объединения в группы людей, разделявших взгляды по различным вопросам. Превратившиеся в центр общения и обсуждения текущих, зачастую и политических, дел, кофейни получили название "университет за пенни". Некоторые исследователи склонны придавать большое значение социальной функции кофеен. Они полагают, что именно в их стенах берет начало формирование общественного мнения, а с их существованием они связывали культурную революцию в Британии⁴. В этом утверждении заложено зерно истины. Вместе с тем едва ли правомер-

¹ Ibid. P.24.

² Цит. По: Cranfield S.A. The development of the Provincial newspaper. 1700-1760. Oxford, 1962. P.9.

³ Цит. По: Уоллер М. Лондон. С. 227-228.

⁴ The eighteenth century. Ed. by P.Rogers. L., 1978. 44-46; Brewer J. Party ideology and politics. P.7.

но рассматривать кофейные дома в качестве единственного источника формирования общественного мнения из-за довольно узкого круга людей, посещавших их, а также разнообразия форм досуга и общения.

Растущая сеть дорог и почтовая служба способствовали распространению по всей стране известий из Лондона, внедрению новых форм досуга. К середине XVIII века, по крайней мере, в каждом городе открылось по одной кофейни, при этом в крупных центрах их было больше: 9 – в Бристоле, по 6 – в Ливерпуле и Нортгэмптоне. Однако не везде новшества приживались. Современник, упоминая о Бирмингеме, писал, что его жители довольно часто, но тщетно пытаются устроить у себя кофейный дом, порой собирая для этого деньги по подписке. "Прибежище и отдохновение жители Бирмингема находят в пабах и тавернах", заключал он¹. Причины такого положения могут найти объяснение в том факте, что город со второй половины века быстрыми темпами превращался в крупный центр металлургической промышленности, и рабочие составляли большинство жителей. А в тот период истории страны труженики не имели ни материальной возможности посещать кофейни, ни привычки проводить там время.

Вместе с тем, общая картина по всей стране была примерно сходной: подобно Лондону в городах открывались клубы, издавались газеты, устраивались дома, либо нанималось помещение для дискуссионных обществ, библиотек, выставок, лекций. Как и в кофейнях в них было много политической литературы и современных газет².

Газеты в этот период получили довольно широкое распространение. Н.М.Карамзин, побывавший в Англии в конце столетия, отмечал: "Я входил в разные кофейные дома: двадцать, тридцать человек сидят в глубоком молчании, читают газеты..."³ На протяжении XVIII века все большее значение приобретала пресса в жизни не только английского, но всего европейского общества. Издавались журналы, газеты, памфлеты. Великобри-

¹ Tompson W. Tour of England and Scotland 1788. // Цит. по: Briggs A. How they lived. v.3. P.71

² Brewer J. Op.cit. P.7.

³ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. / Собр.соч. в 8 т. Спб., 1803- 1804. Т.2 . С. 146

тания по количеству изданий и той роли, которую они играли, занимала ведущее положение среди других стран. Неизбежно встает вопрос, к кому обращались издатели и журналисты, к каким слоям населения. Среди беднейшей части британцев грамотность едва ли составляла 20-30%, причем многие могли лишь написать свое имя, несмотря на существование благотворительных и церковных школ. Это было связано с тем, что дети бедняков и рабочих составляли меньшинство обучавшихся в них¹. Однако новости основная масса неимущего и неграмотного населения могла узнавать из баллад, в содержании которых доминировала оппозиционная тематика. Именно они стали своеобразным инструментом пропаганды в XVIII в., распространяя печатную продукцию в традиционной устной форме. Достаточно сослаться на свидетельство Г.Уолпола. В «Мемуарах» он упоминает о реакции жителей столицы на сообщения о первых поражениях, которые потерпела Британия в начальный период Семилетней войны: «улицы и лавки захлестнула волна оскорбительных баллад, обвинений» в адрес кабинета. Не все они были справедливы по отношению к нему, замечал автор². Тем самым баллады, устанавливая связь между образованными и необразованными слоями населения, информировали его о наиболее важных событиях, которые происходили в стране или за ее пределами.

Материальный достаток способствовал повышению уровня грамотности и образования. В XVIII в. распространяются диссентерские учебные заведения с высоким качеством обучения, круг предметов в них приобретал более современный вид, отвечая потребностям времени³. К 1800 г. от 60 до 70% взрослых мужчин Англии и Уэльса могли читать. Уровень образованности женщин был ниже и составлял только 40%⁴. О распространении грамотности других слоев населения свидетельствует количество экземпляров листовок и плакатов, зачастую выпус-

¹ Rude J. The laboring classes in early industrial England, 1750-1850. L., 1986. P. 232, 234.

² Walpole H. Memoirs. V. 2. P. 158. См. также: The Grenville Papers. V.1. P. 173, где упоминается «сотня певцов», требовавших изменений в кабинете.

³ Фадеева Л.А. Указ. соч. С.37.

⁴ Brewer J. Party ideology and popular politics. P.10.

кавшихся в периоды выборов в парламент или политических кризисов. Так тираж политических памфлетов обычно составлял 500 экземпляров, однако порой он мог достигать и до 5 тысяч. А на выборах 1749 г. правящая партия использовала около 230 тысяч писем, объявлений и другой печатной продукции¹, что составляло значительную часть численности всего электората. Эти цифры свидетельствуют о том, что публиковавшиеся материалы были предназначены для людей среднего и более высокого достатка, как в столице, так и в провинции. В региональных центрах в 1720-е годы тираж изданий составлял 250-400 экземпляров в неделю².

До 1760-х годов газеты представляли собой небольшие по формату листы. Они извещали о ценах на товары, торговых новостях, медицине и театрах, сообщали о предстоящих городских мероприятиях. Всего было несколько разделов, без ведущих политических статей. Тираж исчислялся сотнями. Однако уже к концу века развитие торговли и промышленности привели к увеличению значения коммерческих объявлений, что позволило прессе достигнуть определенного уровня независимости от казначейства, которое их субсидировало. Привлечь объявления рекламного характера могли лишь те издания, которые были наиболее популярными и имели большой тираж³. Одной из проблем, привлекавших внимание читателя, становятся политические новости. Сказанное прекрасно иллюстрирует факт рождения 75 новых периодических изданий, появившихся в связи с политическим кризисом 1734 г.⁴, о котором говорилось выше.

Цензурные ограничения, как отмечалось выше, были отменены парламентом в 1695 г., когда депутаты отказались продлить Лицензионный Акт, действовавший с 1685 г. Акт создавал систему контроля над печатным делом, ограничив его Лондоном и двумя университетскими городами. При этом в типографии не должно было работать больше 20 человек. К середине девятых годов в королевстве оформилась оппозиция лицензионной системе, в значительной мере выросшая на аргументах Мильто-

¹ Brewer J. Op.cit. P.146,147, 155.

² Ibid. P. 144.

³ Aspinall A. Politics and the press. L., 1949. P.379-380.

⁴ Morgan M. Ibid. P.34.

на и недовольная существовавшей практикой. По замечанию исследователя истории британской прессы Дж.Крэнфилда, "политическая и экономическая реальность последнего десятилетия XVII в. привели к бесполезности существование традиционной политики цензуры и лицензирования". Активное участие в европейских делах в годы правления Вильгельма Оранского, постоянная угроза вторжения свергнутых Стюартов во главе французских войск создавали почву для усиления интереса к новостям. Оживление экономической деятельности, расширение внешней и посреднической торговли также порождали личную заинтересованность в ознакомлении с положением в стране и на континенте. И действия членов парламента отвечали интересам британцев, вместе с тем они создали неожиданное для правительства положение вещей¹. Хотя неприятие акта о цензуре благотворно сказалось на печатном деле, однако едва ли речь может идти и о полной свободе прессы. С одной стороны, периодические издания субсидировались правительством, той или другой партией, предпринимателями. С другой, правительство стало вводить новые ограничения, позволявшие правящей элите контролировать прессу. Это были – выдача лицензий на издание, высокий гербовый сбор, которым облагалась каждая страница и объявление, штрафы. Они не угрожали самому существованию прессы, но ставили ее в жесткие рамки, которые, тем не менее, печатники умудрялись обходить². Помимо того, без специального разрешения спикера палаты общин запрещалось печатать информацию о заседаниях парламента и сведения о политических событиях в стране и за рубежом. Как правило, разрешение распространялось на проправительственные издания, и использовалось для пропаганды политики кабинета, формирования благоприятного общественного мнения. Так, в 1695 г., когда вводилась лицензионная система, в качестве официального издания для распространения политических новостей была признана лишь "Лондон газетт". Она издавалась 3 раза в неделю и в 1710 г. ее тираж достигал 8500 экземпляров, что намного превышало тиражи оппозиционных изданий. Впоследствии чис-

¹ Cranfield G.A. The development of the provincial newspaper. 1700-1760. Oxford, 1962. P. 6, 7.

² Ibid. P. 9-10.

ло официальных изданий расширилось¹. В 1702 г. издавалась лишь 1 ежедневная газета. В 1714 г. общий тираж газет составлял 67 тыс экземпляров в неделю.² К 1760-у году в Лондоне издавались 4 ежедневные, и 5-6 выходили три раза в неделю. В середине века общее число провинциальных газет составляло 32 наименования, в периоды кризисов и войн оно увеличивалось³. В это же время появились новые журналы. Одновременно успешно развивалось книгопечатание и книжная торговля, создавались общественные передвижные библиотеки. Некоторые из них насчитывали до 3 тыс. наименований, к 1800 г. – отдельные библиотеки имели до 7 тыс. книг.

Увеличению числа газет способствовало оживление политической борьбы, связанной с выборами в парламент. С 1694 по 1716 гг. они проходили каждые три года и сопровождались острой борьбой между вигами и тори за власть. Политики, обращаясь к общественному мнению, все активнее использовали митинги, памфлеты, прессу как инструмент полемики. Издававшиеся оппозицией газеты политического характера существовали недолго, обычно на протяжении одной избирательной кампании или сессии парламента. Они концентрировали свое внимание на той или иной острой проблеме, обсуждавшейся в Вестминстере, "битве" по поводу какого-либо законопроекта.

Оппозиционная пресса и выражавшееся на ее страницах мнение вызывали раздражение парламента и кабинета. Каждый год в палате общин рассматривались меры по обузданию "губительной свободы книгопечатания". Раздавались голоса в пользу восстановления закона о цензуре. За малейшим намеком на парламентские прения в газетах следовало наказание издателя, варьировавшегося от денежного штрафа до стояния у позорного столба. Несмотря на это регулярно появлялись материалы, негодные парламенту. Не проходило сессии, чтобы редактор или журналист не вызывался на заседание парламента, где он должен был отвечать за нарушение закона. Противостояние парламента и прессы на протяжении десятилетий нарастало и привело к открытым конфликтам в 1760-1770-е гг. Первый – широко из-

¹ Hanson L. Government and the press. L., 1939. P.85.

² Фадеева Л.А. Очерки истории британской интеллигенции. С. 37.

³ Cranfield S.A. Op. it. P. 21-22.

вестен в исторической литературе. Он связан с именем Джона Уилкса, журналиста и члена парламента. Его критическая статья в адрес правительства стала поводом для ареста в нарушение его права неприкосновенности. Эти действия повлекли за собой взрыв общественного негодования. Подробнее эпизод, связанный с "делом Уилкса" будет рассмотрен ниже, в контексте истории общественных организаций.

Менее освещен в историографии другой эпизод столкновения парламента и прессы. Он связан с обсуждением в парламенте в 1770 г. вопроса о Фолклендских (Мальвинских) островах¹. Эти острова не были заселены, однако считались владением, принадлежавшим Испании. В 1764 г. на одном из них британцы основали поселение. В феврале 1770 г. испанские корабли вынудили британский 16-пушечный шлюп покинуть бухту острова, а в начале лета капитулировали поселенцы. Через месяц известия об этом достигли Англии, не вызвав сильного недовольства. Но уже в конце осени разразилась политическая буря. Если одни политики утверждали, что Фолкленды бесполезны для Англии, то другие говорили, что подорваны национальные интересы и престиж страны. Бурные дебаты поставили правительство в сложное положение. Кабинет не был готов идти на военный конфликт с Испанией, вместе с тем, казалось, что отсутствовала и почва для мирного урегулирования вопроса². Вмешательство Франции спасло ситуацию. Мадрид дезавуировал свои действия, а правительство Британии обязалось освободить острова. «Конвенция о мирном урегулировании конфликта стала предметом для острого обсуждения в парламенте в январе 1771 г. Оппозиция попыталась воспользоваться шансом для смещения Норта»³. В этих целях они привлекли прессу.

Оппозиционно настроенные депутаты передали информацию в прессу. Публикации в "The Gazetteer and New Daily advertiser" и "The Middlesex journal, or chronicle of liberty" вызвали гнев политической элиты. К этому времени действовало правило, по которому в период сессии газеты не могли публиковать речи, произносившиеся в парламенте. Это можно было делать

¹ The political history of England. V. X. P. 117-118.

² Соколов А.Б. Правь, Британия, морями? С. 116.

³ Там же. С.116-117.

только по окончании сессии и в пересказе общих положений. Король посчитал разгоравшийся конфликт удобным поводом для расправы с газетчиками. Георг III писал главе кабинета лорду Норту: "необходимо, чтобы был положен конец этому странному и незаконному обыкновению — публиковать прения в газетах. Не лучше ли всего, чтобы этих негодяев судила палата лордов в качестве высшего суда, имеющего права приговаривать и к денежным штрафам, и к тюрьме, тем более что плечи лордов легче вынесут всякие нападки, которые эта благотворительная мера может вызвать со стороны черни".¹ Желание короля поспешили исполнить. Однако дело застопорилось. Издатели не являлись в парламент, укрывшись в Сити². В обществе попытка судебного преследования издателей была воспринята как удар по свободе и правам граждан. Появились критические статьи, где обсуждались действия палаты и кабинета министров³. Городские власти Лондона выступили на стороне издателей. Как писал исследователь городских движений Д.Рюде, "Сити, гордившееся своей политической независимостью, почти непрерывно выступало против политики парламента и правительства на протяжении всего столетия, и особенно между 1730 и 1780 гг. и ... стало истинным политическим воспитателем лондонских "низших сословий"⁴. Городские власти не допустили тюремного заключения журналистов. Они арестовали комиссара палаты. Понадобилось обращение палаты к Георгу III, который выпустил специальную прокламацию о необходимости разыскать издателей и препроводить их на суд⁵. В марте 1771 г. по распоряжению правительства арестованы лорд-мэр столицы Кросби и олдермен Оливер, что свидетельствовало о поражении власти в этом конфликте. Как и в других случаях, кабинет действовал соответственно указаниям монарха. Георг III, воспринимая любое проявление недовольства как действия, направленные против лично

¹ Correspondence between George III and Lord North. Vol. 1. P. 57.

² The Parliamentary history. V. 17. L., 1813. P. 71, 72, 74.

³ Попытка привлечь издателей к ответственности также не увенчалась успехом. / Ibid. P. 75-77.

⁴ Рюде Д. Народные низы в истории 1730-1848. М., 1984. С. 68.

⁵ The Parliamentary history. V. 17. P. 75-76.

него, внимательно следил за ситуацией в парламенте, настаивал на тюремном заключении издателей¹.

Действия правительства спровоцировали протест. В условиях политического кризиса создан комитет по защите заключенных. Его представители отправились на заседание парламента. Сопровождавшая их толпа жителей Лондона, возмущенных покушением на права и привилегии города, атаковала прибывавших членов парламента и министров. Вестминстерская служба не могла ничего поделать с разъяренными обитателями Лондона. Узники вышли на свободу лишь после окончания сессии парламента. Их встречал весь городской совет и многочисленные жители столицы, превратившие это событие в яркую демонстрацию своих чувств. Ее дополнили салют, иллюминация и разбитые окна в домах лордов, наиболее активно выступавших на стороне правительства.

С этого времени право прессы полностью печатать прения палат не оспаривалось парламентом, однако и официально оно не было закреплено законом. Именно тогда редакторы лондонских газет стали посылать в парламент своих корреспондентов, которые вели записи дебатов. Расположившихся в галерее Вестминстера журналистов в насмешку стали называть четвертой властью, так как монарх, палата лордов и палата общин издавна в Англии рассматривались как олицетворение верховной власти королевства. Поздно вечером, а то и ночью материалы поступали в типографии, и утром можно было уже прочесть о прошедшем накануне заседании. Нередко отчеты содержали ошибки и неточности, так как журналисты не всегда поспевали записать выступление оратора, в шуме голосов что-то могли и не расслышать. Тем не менее, лондонские репортажи перепечатывали провинциальные газеты, новости становились предметом обсуждения в кафе, клубах, домах. И только 24 мая 1803 г. парламент принял решение, что двери галереи палаты будут открыты каждый день и журналисты смогут занимать там обычные места², которыми они до того пользовались не на всех заседаниях с семидесятых годов.

¹ The Correspondence of George III. V.2. P. 149, 220, 221, etc.

² Williams E.N. The eighteenth century constitution. Documents and commentary. P.421.

Роль прессы в жизни общества неоднозначна. С одной стороны, она выражает или отражает общественное мнение. С другой – зачастую и формирует его. По количеству продаваемых экземпляров редакторы могли судить о реакции общества на издательскую линию, учитывать его мнение, предугадывать и определять изменения в настроениях читателей. Как отмечал исследователь истории британского радикализма В.Томас, редактор в большей мере, чем агент по выборам, должен был иметь тесные связи с обществом, знать о его предпочтениях и склонностях¹.

Необходимо остановиться еще на одной важной функции прессы, которая проявилась в XVIII в. На протяжении столетия печать сыграла значительную роль в формировании национального самосознания. Зарождение чувства национального единства, идентичности историки связывают с объединением Англии и Шотландии и образованием Соединенного королевства Великобритании в 1707 г. Военные успехи, расширение колониальных владений стимулировали формирование чувства патриотизма и лояльности по отношению к национальному прошлому и династии. Идентичность национального общественного сознания англичан, уэльсцев и шотландцев в том числе базировалась и на протестантизме, а выражалась через публичные действия и прессу². Газеты, как лондонские, так и провинциальные, вовлекали читателя в соприкосновение с национальным языком, государственной политикой, приобщали к обсуждению государственных и общественных проблем, что способствовало возникновению чувства единения, причастности к делам страны. Тем не менее, во второй половине XVIII в. все еще сильными оставались местные связи, узы и интересы³.

Национальное сознание, отмечают исследователи, укрепилось в годы войны с Наполеоном. Связанные с ней трудности и угроза вторжения способствовали укреплению символического олицетворения национального характера – Джона Буля, а по-

¹ Thomas W. *The Philosophic Radicals*. Oxford, 1979. P.305-306.

² Cooley L. *Britons: Forging the nation 1707-1837*. New Haven and London, 1992; Newman Gerald. *The rise of English nationalism: A cultural history, 1740-1830*. N.-Y., 1987.

³ *Past and Present*, № 161, November 1998. P. 86.

пулярной эмблемой национальной мощи в это время стал лев¹. Добавим, что еще большую роль сыграли военные победы, рост экономики, в котором немаловажную роль сыграло субсидирование Великобританией союзников, поставка им вооружения и амуниции. И, наконец, расширение колониальной империи.

*Общественные организации Англии
второй половины XVIII – начала XIX в.*

Важным компонентом формирования публичной сферы и общественного мнения, а также и его выражения стали различного рода общественные объединения.

В XVI-XVII вв. в Англии создавались многочисленные объединения купцов. После Славной революции и образования Английского банка стабилизируется рынок государственных бумаг, расширяется внешняя торговля. Оживилась деятельность акционерных компаний, появлявшихся в этот период. Но в то же время возникают и объединения иного рода. Наиболее известное из них, учрежденное в раннее Новое время и сохранившееся в анналах истории, Общество собирателей (любителей) древностей, более известное как Общество антиквариев. Оно было создано в годы правления Елизаветы юристами и членами парламента. Яков I, стремившийся к упрочению прерогатив монархии за счет уменьшения влияния парламента, был недоволен обращением членов объединения к средневековым английским административным документам, к изучению прав парламента и прерогатив короны. В связи с этим он запретил его деятельность. В 1717 г. Общество возродилось, а позднее Георг II даровал ему хартию, придав тем самым определенный правовой статус². В 1662 г. по инициативе Карла II ученые учредили свое Королевское общество. Его цель заключалась в продвижении научных знаний. Наибольшего расцвета общество достигло, когда его президентом стал И.Ньютон, наиболее уважаемый ученый того времени в Англии. В 1698 г. несколько человек основали Обще-

¹ The Nineteenth Century Europe. 1789-1914. Edit. By T.C.W.Blaning. Oxford, 2000. P. 218.

² Williams B. The Whig supremacy 1714-1760. Oxford, 1942. P.369; Clark G.N. The Later Stuarts 1660-1714. Oxford, 1947. P. 366.

ство по распространению христианских знаний. Свою цель они видели в пропаганде знаний об истинной вере в Англии и за ее пределами. Реализация идеи заключалась в публикации и раздаче Библии и Молитвенников. Общество осуществляло свою деятельность на протяжении всего XVIII в. и к началу XIX в. численность его членов составляла около 2 тыс. человек. Они являлись жителями Британии и других стран, причем среди них было 4 женщины¹. В XVIII столетии они создавали церковные школы и библиотеки². Деятельность по распространению грамотности как этого, так и других возникших впоследствии обществ вызывала раздражение у правящих классов, недовольных распространением среди бедняков столь “опасной” привычки к чтению. Они полагали, что круг чтения неимущих слоев не должен выходить за пределы книг по религиозной тематике³. Среди организаций, созданных в середине XVIII века, Общество поощрения искусств (1753 г.). Оно объединило англичан и европейцев. Через двадцать лет в нем состояло 3000 человек, которые уплачивали довольно высокий ежегодный взнос в 2 гинеи и встречались по определенным дням и часам⁴.

Однако подлинный расцвет социальной активности по созданию объединений приходится на вторую половину XVIII – начало XIX в. Тогда основывались многочисленные научные, культурные, просветительские, религиозные, аболиционистские, благотворительные, политические, профессиональные и другие союзы. Британский исследователь социальной истории А.Бриггс отмечал функционирование многочисленных обществ во второй половине века по всей стране. При этом он подчеркнул, что это не было приметой лишь столичной жизни. В нарождавшихся промышленных центрах процветали региональные организации⁵.

Они имели различные названия (обычно – общества, ассоциации, лиги), разнообразные цели, численность их членов варьировалась от нескольких десятков до нескольких тысяч человек.

¹ The English Historical Documents. L. 1959. v.XI. P.657.

² Clark G.N. Op.cit. P. 152. Кларк справедливо подчеркивал, что деятельность по просвещению масс сыграла важную роль в подготовке движения за реформу парламента. // Clark G.N. Op.cit. P.400.

³ Harris R.W. Political ideas 1760-1792. L., 1963. P.18-19.

⁴ Briggs A. (ed.) How they lived. v.III. P.444.

⁵ Briggs A. Op.cit. P. 445.

Одни собирались еженедельно, другие – ежемесячно, третьи – ежегодно. Они существовали на добровольные пожертвования, либо – обязательные членские взносы, размер которых мог составлять небольшую, а то и довольно внушительную сумму. При всем многообразии организации объединяло то, что их создание являлось результатом инициативы отдельных людей, главным образом горожан, их стремления сообща обсуждать и решать какие-либо общественные, политические, культурные и другие проблемы. Для всех организаций характерна открытость, публичность деятельности. В прессе они извещали сограждан об учреждении и целях, о днях и месте собраний¹, о поступивших суммах и их расходовании, были готовы принимать в свои ряды новых членов.

Несмотря на ту роль, которую играли социальные объединения в процессе формирования и становления публичной сферы, им уделяется недостаточно внимания в отечественной исторической литературе. Ниже будут очерчены основные направления и характер деятельности, структура организаций, существовавших в рассматриваемый период.

Сведения об этих обществах можно найти в мемуарах, переписке современников, прессе и исторической литературе. Публикация документов Лондонского корреспондентского общества является, по сути, единственным специальным изданием. Оно предоставляет исследователю возможность подробно ознакомиться со структурой и организацией деятельности². Представление о количестве и разнообразном характере объединений можно получить из более поздней публикации либерального журнала “Эдинбург Ревью”, а также обширной зарубежной научной литературы³. Не может не вызвать у исследователя интерес к мнению самих современников о значительном числе появившихся объединений. Так, сравнивая английское и французское общество, автор приводит названия 76 обществ и обществ-

¹ См., например.: *Foundation Annoucement of the Society of suppoters of the Bill of Rights. / The English radical tradition 1763-1914. L., 1952. P. 22-23.*

² *Selections from the Papers of the London Corresponding Society. 1792-1799. Cambridge, 1983.*

³ Британские исследователи уделяли и уделяют большое внимание этим сюжетам именно в контексте изучения становления гражданского общества. См., например.: Кларк П. *Время, пространство и социальный диалог : социальные изменения в британских городах в XVIII веке. / Социальная история. Ежегодник, 1997. С.265-286.*

венных фондов, функционировавших в Британии во второй половине XVIII – начале XIX века¹. Этот список неполный, так как в нем отсутствуют политические и аболиционистские общества (весьма активно действовавшие в этот период), а религиозные представлены лишь 10 позициями. В действительности, последних было гораздо больше. Тем не менее, указанная публикация позволяет получить определенное представление об этой стороне общественной жизни британцев.

Значительную долю, из упоминавшихся автором журнальной статьи социальных институтов, составляли благотворительные общества. При этом шесть обозначили своей целью улучшение положения женщин и детей (бедных замужних женщин, женщин-заключенных, жен военных, вдов и детей врачей). В последнюю четверть столетия все явственнее проявлялись последствия социально-экономических результатов преобразований в аграрной и промышленной сферах. Обезземеливание крестьянства, разорение мелкого и среднего производителя в городе привели к резкому увеличению безработицы. Положение обездоленных слоев населения ухудшалось в связи с ростом численности населения, тяготами Семилетней войны, войны с американскими колонистами, а впоследствии войн с революционной и наполеоновской Францией. Вместе с тем это время отмечено и возрастающим вниманием к положению бедняков. Наряду с увеличением специального налога на бедняков расширялась поддержка приходами, усилилась частная инициатива. Учреждались филантропические организации, создавались частные заведения для детей – сирот, столовые, госпитали². Этой цели также служило созданное в 1796 г. Общество по улучшению условий жизни бедняков, не попавшее в указанный список, и около 30 больниц, содержавшихся на собиравшиеся по подписке средства³.

Автором статьи "Эдинбург Ревью" упомянуто 4 общества, созданных в научных целях, и 6 – по содействию образования детей.

¹ English and French Literature. // The Edinburgh Review, 1821, v.35, N. LXIX. P. 185-188.

² Лыскова Т.В. Благотворительность в Великобритании в XIX – XX вв. / Первые Петербургские Кареевские чтения по новистике, 17-21 апреля 1995. СПб., 1996. С. 69.

³ English and French Literature. P.186.

В области благотворительности и образования немало сделало Общество по распространению христианских знаний, упоминавшееся выше. Уже к 1723 г. его члены открыли более 1300 школ. На собранные деньги строились здания, оплачивалась работа учителей, порой – покупалась одежда для детей. Городские школы помимо грамоты обучали навыкам ремесла, сельские – только чтению и письму, в виде исключения там преподавалась математика. В Уэльсе деятельность Общества носила иной характер. Там педагогами стали добровольцы, не получавшие денег, при этом школы посещали не только дети, но и взрослые¹.

Подобного же рода деятельность осуществляли Общество по пропаганде Евангелия, Британское и зарубежное библейское общество (основано в 1805 г.), Лондонское миссионерское общество (1811 г.), Воскресное общество и многие другие, также не упоминаемые в списке. Появление значительного числа таких объединений связано с наличием в стране методистов, евангелистов, квакеров и др. Довольно часто – это были наиболее энергичные представители новой эпохи, которые, с одной стороны, в филантропической деятельности видели реализацию благочестия, а с другой – стремились к распространению влияния своей церкви. Нельзя также забывать, что для детей сектантов это был единственный путь получения образования, так как они могли учиться только в диссентерских школах и высших учебных заведениях. Учреждали организации и англикане, отстаивавшие положение государственной церкви. Все они искали пути возвышения своих церквей, своей религии, издавали и распространяли книги религиозного содержания, открывали школы, расширяли миссионерскую деятельность. В пересечении путей англикан и сектантов известный британский историк Дж.М.Тревелиян совершенно справедливо увидел показатель активности и независимости общественного сознания².

Значительную роль в создании многочисленных религиозных обществ сыграл акт парламента 1778 г., отменивший закон Вильгельма III о лишении католиков некоторых прав в Англии. Этот закон спровоцировал всплеск активного протестантского движения в Шотландии, которое было вызвано боязнью возник-

¹ Williams B. Op.cit. P.136-137.

² Тревелиян Дж.М. Социальная история Англии. М., 1959.С.500.

новения угрозы якобитизма (движения сторонников наследников свергнутой династии Стюартов). На севере Британии зимой 1778-1779 гг. объединялись жители Глазго, Эдинбурга, Перта и других городов. Возникло несколько местных протестантских ассоциаций. Их участники в обращениях, памфлетах, прокламациях и проповедях пытались пробудить у читателей и слушателей дух религиозного фанатизма. Этот протест довольно быстро охватил всю страну. Осенью 1779 г. в Лондоне создана Протестантская ассоциация Англии, которую возглавил Джордж Гордон. Деятельность Ассоциации заключалась в организации митингов и сборе подписей под петициями, направлявшимися в парламент. Многочисленные собрания, а их посещали тысячи людей, летом 1780 г. вылились в мятеж, потрясший страну. Примерно 40 тыс. членов Ассоциации и жителей столицы 2 июня направились к палате общин с лордом Гордоном во главе. Они намеревались передать петицию, под которой стояло 100 тыс. подписей. За тем последовали беспорядки. Неделью подвергались нападению и разорению дома католиков и их церкви, погромщики перекинулись на Сити, были подожжены тюрьмы и выпущены на свободу заключенные. Наиболее пострадали от действий толпы центральная и восточная части столицы. Только к 9 июня властям удалось навести порядок, а лорд Гордон препровожден в Тауэр. Всего за неделю убито и ранено 458 человек, примерно столько же арестовано. Из них к смертной казни приговорили 61 человека, включая женщин и детей¹. Подобного рода результаты деятельности общественной организации явились исключением.

В первой половине XIX в. религиозные благотворительные объединения не только продолжили, но и расширили свою работу. О ее размахе свидетельствуют следующие цифры. Так, в 1821 г. только в Лондоне функционировало 15 союзов, занимавшихся просвещением, миссионерской деятельностью, распространением Библии и т.д. Как правило, они проводили регулярные собрания своих членов и содержались на добровольные взносы. Общая сумма пожертвований, поступивших в этот год,

¹ The Common People. 1688-1800. L., 1960. P. 11.

составила 293 102 ф.ст.¹ Порой одни и те же люди могли состоять в нескольких организациях, либо учреждать новые.

Религиозную окраску носил и аболиционизм, подъем которого был вызван особенностями развития колониальной империи и внутренними факторами. Освоение заморских владений Англии потребовало большого притока рабочей силы, а с развитием плантационного разведения хлопка, сахара, каучука и табака нужда в рабочих руках возрастала. Ни эмиграция, ни ссылка преступников в колонии не могли удовлетворить ее. В XVII в. предприниматели занялись работоторговлей. По Утрехтскому миру 1713 г. Великобритания получила право поставки рабов, помимо своих, еще и в испанские колонии. Ее предприимчивые подданные, торговавшие людьми, заняли ведущее положение в мире в этом роде деятельности. Правительство всячески поощряло и регулировало торговлю, приносившую баснословную прибыль. Доходы позволяли значительному кругу лиц занимать прочные позиции в социальной и политической структурах общества. Крупные плантаторы предпочитали жить в Британии, зачастую заседаая в парламенте. Сильное вест-индское лобби доходило до 50-60 депутатов и могло играть существенную роль в голосовании. При этом вест-индский интерес был организован. С 1674 г. занимавшиеся торговлей с Ямайкой купцы и владельцы судов обычно встречались в одной из кофеен столицы. В 1730 г. возник плантаторский клуб. Доступ в него поначалу имели только плантаторы, затем к ним присоединились и купцы².

И именно в метрополии, в центре самой крупной колониальной державы, занимавшей работоторговлей и использовавшей рабский труд на плантациях, зародилось наиболее мощное аболиционистское движение. Огромную роль в его развитии и распространении сыграли общественные организации, являвшиеся организующим и направляющим центром. Их историю можно разделить на три этапа: 1. – От появления первых организаций до отмены работоторговли в 1807 г. 2. – движение за запрещение рабовладения, завершившееся актом парламента в 1833 г.

¹ English Historical Documents. v. XI. P.660. К концу XIX в. статья на благотворительность в расходах домовладельцев уступала лишь тратам на питание семьи. / The Cambridge Social history of Britain. Cambridge, 1990. V.3. P.358.

² Соколов А.Б. Правь, Британия, морями? С. 77.

3. — пропаганда отмены рабства в мире, начавшаяся с конца 1830-х гг. и протекавшая на протяжении второй половины XIX в. Во все периоды особое место abolitionисты отводили объединению усилий всех организаций, совместным целенаправленным акциям. В этой главе будет рассмотрен первый этап деятельности abolitionистов.

Зарождение abolitionизма в Англии связано, прежде всего, с деятельностью квакеров. В их произведениях институт рабства критиковался с конца XVII в. Отечественный исследователь А.Б.Соколов отмечал: «В протестантской Англии важное значение имели выступления известного религиозного деятеля и реформатора Дж.Уэсли. Впрочем, сами церковные деятели разделились в своем отношении к рабству»¹. Квакеры были наиболее последовательными борцами с рабовладением. Они начали протестовать еще с 1720-х годов². Их позиция по отношению к рабовладению и работорговле вытекала из вероучения, основные постулаты которого состояли в признании существования «внутреннего света», «частицы Бога» в каждом человеке независимо от пола, возраста, расы, социальной принадлежности. Именно эти постулаты определяли уважение квакеров к каждому человеку, поддержку униженных, отказ от любого насилия и т.д.³ С 1760 годов Гренвил Шарп пытался добиться запрещения работорговли парламентом. В значительной мере благодаря его усилиям в 1772 г. Королевский суд постановил, что раб-африканец, вступивший на английскую землю, становился свободным человеком. Деятельность Шарпа привлекла внимание общества к проблеме. Вскоре к нему присоединился и Уильям Уилберфорс. У.Уилберфорс был главой небольшого кружка своих единомышленников. Главную цель они видели в изменении «манер», образа жизни: внедрение в повседневности широкой благотворительности, отказ от спиртных напитков и табака. Запрет работорговли был важной частью этой борьбы за изменение человека, его подготовки к будущей жизни⁴. В 1780-е годы появились первые объединения. Для их учредителей (квакеров, баптистов, уни-

¹ Соколов А.Б. Правь, Британия, морями? С. 149.

² Harris R.W. Political ideas 1760-1792. L., 1963. P. 18.

³ Павлова Т.А. Дух Просвещения и ранние квакеры. / Человек XVII столетия. Часть 1. М., 2005. С.150.

⁴ Harris R.W. Political ideas. P. 19.

тариев, пресвитериан, методистов) вопрос о рабстве носил религиозный характер. Вместе с тем они самым тесным образом связывали рабовладение и с моральным аспектом – “варварством” негров, которые “нуждались” в обращении в “истинную” веру. Важную роль в становлении и массовом характере движения сыграли также политический и экономический факторы. Они отражали негативное отношение народа к рабовладельцам-аристократам, которые пользовались привилегированным положением в метрополии, а также фактом существования самих привилегий¹.

Влиятельные рабовладельцы и предприниматели, связанные с Вест-Индией, поначалу не обращали внимания на раздававшиеся отдельные голоса аболиционистов, ситуация изменилась с возникновением организаций, которые повели активную целенаправленную агитацию.

В 1787 г. Г.Шарп, У.Уилберфорс и Т.Кларксон учредили Общество за отмену работорговли. Его возглавил комитет, состоявший из 6 человек, а первым председателем стал Г.Шарп. Большую роль в распространении движения сыграл Томас Кларксон.

В 1785 г. в Кембриджском университете Кларксон получил премию за диссертацию на предложенную тему "Можно ли превращать людей в рабов против их воли?", в которой рассмотрел вопрос о работорговле. С этого времени его жизнь была связана с аболиционизмом. Он собирал документы и статистические данные, написал несколько книг, где обосновывал необходимость скорейшего запрещения работорговли. Кларксон совершил поездку по Англии с лекциями. За первые семь лет деятельности общества он проехал 35 000 миль, посетив многие города королевства. В противовес сторонникам сохранения рабства, убежденных в умственной неполноценности негров, аболиционисты стремились доказать несостоятельность их утверждений. В этом диспуте Кларксон помимо выступлений использовал оригинальный прием. Он демонстрировал выставку изделий африканских мастеров – ткани, ювелирные украшения, глиняную посуду и др. Как отмечает отечественная исследовательница,

¹ Подробнее об этом см.: Айзенштат М.П. Британский парламент и общество в 30-40 гг. XIX в. М., 1997. С.41-43; *Politics and the Public Conscience. Slave Emancipation and the Abolitionist Movement in Britain.* L., 1978. P.17-18; etc.

"целью этой необычной для своего времени выставки было наглядное опровержение рассуждений сторонников работорговли о том, что народы Африки якобы не имеют культурных традиций, не способны к созидательной деятельности"¹.

Вслед за столичным объединением в провинции возникали подобные общества, число которых быстро возрастало; к 1814 г. оно превышало 200, а в 1833 г. составило 1300².

На протяжении десятилетий структура и характер деятельности обществ претерпели незначительные изменения. Располагавшийся в Лондоне комитет отвечал за формирование политики. Обычно в его состав входили парламентарии и адвокаты. Многочисленные организации по всей стране собирали пожертвования и осуществляли агитацию. Они устраивали публичные лекции, издавали трактаты, листовки, плакаты и газеты, организовывали бойкоты колониальной продукции, выращенной при помощи рабского труда, выступали с инициативами в парламенте; направляли петиции с требованием запретить работорговлю, а затем и рабство. Зачастую количество подписей под ними исчислялось десятками тысяч.

Первую петицию в парламент с требованием запретить работорговлю аболиционисты подали в 1783 г. Однако регулярные обсуждения этого вопроса в парламенте начались после создания общества и протекали на протяжении 19 лет. Благодаря инициативам У. Уилберфорса и его сторонников парламент формировал специальные комитеты. В них выступали свидетели работорговли — путешественники, капитаны и матросы невольничьих кораблей, надсмотрщики с плантаций, служащие факторий и другие. Их показания рисовали удручающую картину гибели несчастных в пути от болезней и по прибытию на место, тяжелейший труд и издевательства на плантациях. По сложившейся традиции материалы работы комитетов издавались отдельными брошюрами, что также способствовало распространению идей аболиционизма.

Первой серьезной попыткой аболиционистов в парламенте стало выступление в мае 1789 г. Уилберфорса, которого поддерживали уже известные в это время виги Э. Берк, У. Питт, Ч. Дж. Фокс. С

¹ Абрамова С.Ю. Африка: четыре столетия работорговли. М., 1978. С. 120.

² Slavery and British Society 1776-1846. L., 1987. P.24.

этого времени, благодаря мощной пропаганде, «работоторговля превратилась в проблему, поглотившую интерес тысяч британцев. Такой отклик удивил даже аболиционистов», отмечал исследователь движения¹. Настроение общества вынудило плантаторов и купцов активнее противостоять усиливавшемуся протесту.

Весной 1791 г. Уилберфорс возобновил борьбу². В этот же год получило распространение обращение Ч. Фокса к народу Британии. Автор ополчился на высокие цены на сахар и ром. Более 70 тыс. копий памфлета было сделано только за первые 4 месяца. Широкое распространение призыва Фокса, буквально, спровоцировало национальный бойкот вест-индской продукции, в котором участвовало около 300 тыс. семей. К нему присоединилось даже королевское семейство. Это дало повод карикатуристам изображать чаепитие без сахара во дворце³. Особое место в кампании 1791-92 гг. занимали специальные обращения к женщинам Британии. Успех мощной пропаганды сказался быстро, несмотря на сопротивление сторонников работоторговли.

Большим достижением аболиционистов в 1792 г. было решение парламента о запрете работоторговли, который вводился с 1 января 1796 г.⁴ Однако осуществление на практике откладывалось в силу обострявшейся обстановки в Европе и самой Британии. Углубление французской революции вызвало негативную реакцию правящих кругов Англии, опасавшихся того, что радикальные настроения перекинутся через пролив (подробнее этот сюжет будет рассмотрен ниже). В этом отношении весьма показательно выступление лорда Абингдона в верхней палате. В мае 1794 г. он категорически высказался против запрета работоторговли. В требованиях аболиционистов он усмотрел реализацию "французских принципов – Свободы и Равенства", которые принесли "неподчинение, анархию, убийства и разруху". Абингдон также связал требования аболиционистов с нараставшими выступлениями в пользу реформы системы представительства в парламенте, которые негативно воспринимались в обеих пала-

¹ Oldfield P. Op. Cit. P.7.

² Соколов А.Б. Указ. Соч. С. 150. Именно Питт рекомендовал Уилберфорсу поднять вопрос о рабстве в парламенте, понимая, что работоторговлю поддерживали влиятельные силы в кабинете. / Там же. С. 149.

³ Oldfield P. Op. Cit. C.57, 177.

⁴ The Parliamentary history of England. V.29. P.1293.

тах. Подавляющее большинство лордов (45 против 4) согласилось с его доводами¹. Тем не менее, дискуссии продолжались. В феврале 1795 г. по инициативе Уилберфорса в палате общин вновь рассматривался вопрос о запрете работорговли. Доводы сторонников такого решения основывались на гуманистических началах. Они утверждали, что европейцы должны нести прогресс, распространять свет разума, моральное и социальное улучшение, а не варварство и тьму. На это их противники выдвигали собственные доводы: интересы страны и плантаторов Вест-Индии состоят в сохранении работорговли. В противном случае французы могут воспользоваться ситуацией, спровоцировать восстание рабов и тем самым подорвать позиции Британии в регионе. Они полагали, что в настоящее время подобное решение несвоевременно, неразумно и опасно, вместе с тем они не отвергали его в принципе. И голосование в палате свидетельствует об определенном переломе в настроениях депутатов: за предложение Уилберфорса – 61, против – 78. Очередная неудача не остановила аболициониста и он продолжал поднимать вопрос о запрете работорговли².

Решение парламента было принято только в 1807 г., что привело к некоторому спаду в деятельности обществ. Это было знаменательным событием. Впервые масштабное общественное движение, которое возглавили и направляли общественные организации, добилось важного успеха.

Невозможно переоценить значение деятельности аболиционистов. Прежде всего, они сыграли важную роль в процессе формирования правового, гражданского самосознания в силу гуманистического содержания их аргументации, провозглашения равенства людей. С другой стороны, их действия способствовали упрочению институтов и форм общественной жизни благодаря масштабной пропаганде идей, создания обществ и разнообразного использования прессы, силы печатного слова.

Дж.М. Тревельян писал: распространение фактов и аргументов, опровергавших утверждения сторонников рабства, брошюры, подписки, массовые митинги – все эти методы пропаганды, известные сегодня, “были чем-то новым и странным в те

¹ Ibid..L., 1818. v.31. P. 467-468.

² Ibid. P.1322-25, 1328, 1345, etc.

времена. Методам Уилберфорса впоследствии подражали мириады всяких лиг и обществ – политических, религиозных, филологических и культурных, – которые с этого времени стали артериями английской жизни. Публичное обсуждение всякого рода вопросов и агитация среди масс стали привычкой английского народа, установившейся в значительной степени как подражание успешной кампании Уилберфорса. Добровольные ассоциации для всевозможных целей и дел стали составной частью английской социальной жизни в XIX веке”¹.

С утверждениями автора можно согласиться лишь отчасти. Методы пропаганды не были изобретением У.Уилберфорса или его соратников. Как отмечалось выше, в политической жизни страны к этому времени утвердились собрания в графствах, подача петиций, митинги, пресса, апелляция к общественному мнению. Так, на выборах 1768 г. кандидаты широко использовали печатную продукцию для агитации. Группа поддержки одного из претендентов на место в парламенте от Эссекса распространила 33700 экземпляров памфлетов; а в то же время в Миддлсексе циркулировало 40 тыс. рекламных листов (при наличии только 3,5 тыс. избирателей в графстве)². Заслуга абolicionистов заключалась скорее в перенесении форм и методов агитации из политической в социальную сферу, а успешная деятельность, которую весьма существенно поддерживали квакеры материально, способствовала упрочению этих методов в общественной жизни. Более того, практически одновременно с абolicionистами развернули свою деятельность и политические общественные организации, прибегавшие к тем же приемам. Они имели несколько другие организационные приемы, ставили иные задачи.

Начало радикального движения, политические организации

Появление и деятельность дискуссионных клубов, обществ и ассоциаций политического толка свидетельствовали об углублении процесса формирования общественной сферы, которое нашло свое выражение в качественно новых явлениях – зарождении радикализма. Радикализм был сложным многоплано-

¹ Дж.М.Тревельян. Указ.соч. С.501-502.

² Melton J. Van Horn. Op.cit. P.24.

вым явлением в жизни британского общества, вобравшим политический и социальный протест, недовольство злоупотреблениями власти, стремление к усовершенствованию государственной системы. Укреплявший экономические позиции и быстро богатевший средний класс был практически лишен участия в решении государственных вопросов. Нарастало недовольство обездоленных слоев ухудшением социально-экономического положения. Выход из создавшегося положения многие увидели в кардинальном реформировании системы представительства в парламенте и изменении экономической политики (сокращении государственных расходов, снижении налогового бремени, а впоследствии и отказе от протекционизма). Обращение к парламентской реформе явилось проявлением мировосприятия, правового самосознания, сложившихся в ходе многовековой истории страны, в формировании которых парламент занимал особое место. Немаловажную роль играла историческая память, связанная с противостоянием парламента, представителей народа, королевскому произволу в годы Английской революции середины XVII в., период реставрации и дни Славной революции.

Порядок выборов сложился в Средние века и уже в XVII в. высказывалось мнение о необходимости преобразований в этой сфере, а в ходе Английской революции предпринимались попытки их осуществления. Система представительства подвергалась критике со стороны находившихся в оппозиции с 1714 г. тори, а с 1760 г. – вигов. К середине XVIII в. действовавшая система не соответствовала демографической, социальной, экономической и политической ситуации в стране. Электорат составлял в среднем 5-7% населения. Развивавшиеся торгово-промышленные центры, новые портовые города не имели права участвовать в выборах и посылать представителей в парламент тогда, как пришедшие в упадок регионы участвовали в них, избирая двух членов парламента. Особое недовольство вызывали злоупотребления на выборах, которые проводились путем открытого голосования; существование мелких избирательных округов, так называемых “карманных” местечек. При этом в округах было разнообразное активное избирательное право: им могли обладать все домовладельцы, либо люди, уплачивавшие налоги; либо отцы семейств и т.д. Миграция населения вследствие проходивших в деревне огораживаний привела к сокраще-

нию численности населения многих и без того малонаселенных округов. Но именно они служили источником коррупции и патронажа. Крупные магнаты, которые зачастую владели несколькими мелкими округами, определяли исход выборов в них. Места в парламенте открыто продавались, принося своим владельцам, как политическое влияние, так и материальные выгоды. Так, в середине XVIII в., по отзывам современников, выборы обходились от 3 до 4 тыс. ф. ст., порой цена превышала и 5,5 тыс. ф.ст.¹ В основном эти средства шли либо на непосредственный подкуп избирателей, либо уплачивались местному землевладельцу, часть – на оплату агента по выборам. Аристократические кланы Гренвиллов, Лоутеров, Ньюкаслов, Фоксов и др. по своему усмотрению распоряжались принадлежавшими им «карманными» местечками. Клан Ливсон – Гоуэров в отличие от них не имел твердой политической позиции, в зависимости от ситуации поддерживал то вигов то тори, обладая 18 местами в палате общин². Депутатами становились либо родственники, либо люди, угодные им. Однако в этом случае неременным условием становилась поддержка в парламенте той линии, которая соответствовала позиции, или интересам покровителя. Подобным образом действовало и правительство, распоряжаясь рядом мелких округов в период выборов, либо перекупая их, а после пенсиями и синекурами подкупая депутатов и т.д.³ Пороки сложившейся системы представительства позволяли аристократии, правительству и короне удерживать влияние в стране, сосредоточив все нити управления государством.

"Политикал реджистер" отмечал, что власть грандов возросла, как никогда прежде. Их привилегии, влияние на выборы, на законодательство, армию, флот, церковь, гражданскую службу – иными словами во всех сферах государственного управления увеличилось до беспрецедентного уровня⁴.

¹ The Grenville Papers. V.1. P. 125, 132.

² Пономарева В.В. Парламент и политическая элита Великобритании XVIII века. Красноярск, 2002. С. 43-49.

³ Иллюстрацией сказанному выше могут служить многие случаи. Сошлось лишь на один эпизод, возникший в связи со смертью члена парламента Гомери. / The Grenville Papers. V.1. P. 443-446.

⁴ Political Register. March, 1768. Цит. по.: Briggs A. How they lived. P.470.

Борьба за парламентскую реформу проходила в виде возникавших массовых движений, зарождения и распространения политического течения радикализма, направленного на утверждение демократических принципов. Она пережила за свою долгую историю подъемы и спады. На первом этапе идеологи выработали программу политических преобразований: расширение избирательных прав для мужчин, ликвидацию карманных местечек, тайное голосование на выборах, жалованье для депутатов, сокращение сроков полномочий парламента¹. Однако радикалы не были едины в трактовке таких вопросов, как, например, избирательное право. Одни предлагали ввести его для всех мужчин, другие только для тех, кто обладал недвижимой собственностью. Вызывали разногласия сроки полномочий парламента (распространялось мнение о необходимости введения ежегодных выборов) и другие пункты. Содержание требований радикалов формулировали Д.Картрайт в памфлете «Сделайте свой выбор!» и Д.Уилкс в парламентской речи. Важную роль в становлении и развитии радикального движения сыграли общественные организации политического характера, впервые появившиеся в связи с «делом» Уилкса².

Джон Уилкс, член парламента, журналист, с июня 1762 г. издавал газету «Северный британец». Уже самим названием она была противопоставлена про-правительственному «Британцу», издававшемуся по инициативе лорда Бьюта. На ее страницах вига повели борьбу с политикой торийского правительства, пришедшего к власти после вступления на престол в 1760 г. Георга III. Молодой король, воспитанный в атмосфере ненависти к вигам, видел в них источник зол, политических баталий и коррупции. Используя право персонального выбора министров, Георг III назначал лично преданных и угодных ему лиц. Среди них, как отмечалось выше, наибольшим влиянием на короля в первые годы правления пользовался его наставник и друг Джон Стюарт граф Бьют. Бьют способствовал ускорению заключения мирного договора и пошел на отдельные уступки побежденной

¹ Семенов С.Б. Политические взгляды английских радикалов XVIII века. Самара, 1995.

² Подробнее о нем см.: Семенов С.Б. Парадокс Джона Уилкса. / Новая и новейшая история. М., 1997, № 5.

Франции. Возвращение Франции островов Мари-Галанте, Мартиники и Гваделупы, сохранение за ней права вести рыбную ловлю в водах Ньюфаундленда, а также возвращение Испании Манилы и Гаваны (в обмен на Флориду) вызвали резкие возражения ряда политиков. Особое недовольство высказывал У.Питт Старший, который расценивал эти уступки, как предательство интересов народа и союзников, уничтожение славы прошедшей войны. Критика оппозиции не базировалась на анализе реальной ситуации. Добиться больших уступок можно было бы только в случае полного разгрома Франции, а продолжать войну с этой целью Англия уже не могла в силу истощения всех ресурсов. Более того, ошибался и Бьют, полагавший, что путем уступок он закладывает условия для длительного сотрудничества Франции и Британии. «Самым существенным для критики договора с точки зрения европейского устройства было то, что он не учитывал интересов главного союзника, “протестантского героя”, прусского короля Фридриха II. Эти обвинения имели под собой основания. Разногласия с Пруссией возникли вскоре после прихода Георга III к власти, а с отставкой Пита приняли весьма резкий характер», отмечал А.Б.Соколов¹.

Политика правительства стала объектом критики, звучавшей со страниц оппозиционного «Северного британца». Мастерство автора и редактора Джона Уилкса, его блестящие сатирические комментарии к действиям кабинета быстро вывели журнал в число самых популярных изданий и вызвали ненависть кабинета и монарха². Особо оппозиция нападала как на условия Парижского мирного договора, так и финансовые шаги правительства, прежде всего – введение налога на сидр. В очередном 45 номере резкой критике была подвергнута тронная речь короля. При этом особо подчеркивалось, что ответственность несут министры, администрация, подготовившая ее по новой укоренившейся традиции в период правления Ганноверов. Однако монарх посчитал, что оскорбление нанесено лично

¹ Соколов А.Б. Указ. Соч. С. 107. Любопытными представляются сведения о тираже газеты. Когда в 1763 г. Уилкс переиздал 45 номер, то напечатал 2 тыс. экземпляров, подписчиков же было не более 120. / The Grenville Papers. V.2. P. 75.

² Rude G. Wilkes and Liberty. Oxford, 1983. P. 21; Kronenberger L. The Extraordinary mr. Wilkes. N.-Y., 1974. P. 29.

ему¹. Конфискация номера журнала и арест Уилкса как редактора издания и предполагаемого автора анонимной критической статьи привлекли внимание общества в связи с нарушением права личной неприкосновенности Уилкса, обладавшего иммунитетом в качестве члена палаты общин. В глазах жителей столицы Уилкс стал жертвой произвола в связи с попранием законных прав членов парламента.

У тюрьмы, где находился Уилкс, собирались толпы людей, стремившихся своим приходом выразить протест против действий властей и продемонстрировать поддержку узнику. Благодаря провинциальным газетам новости быстро распространились и придали делу Уилкса национальное звучание. Когда толпа сопровождала выпущенного из тюрьмы журналиста, на улицах столицы впервые прозвучал лозунг «Уилкс и Свобода!». Чрезвычайно быстро эти слова стали символом борьбы за права простых граждан, а затем и реформу системы представительства в парламенте. Этот небывалый доселе подъем послужил началом радикального движения.

В экстраординарном порядке в обеих палатах началось разбирательство. Как откровенно заявил лорд Гренвилл 15 ноября 1763 г., он получил приказ короля наказать Джона Уилкса согласно закону за публикацию мятежной и опасной клеветы². Дебаты продолжались недолго. Поначалу 45 номер «Северного британца» был признан мятежной клеветой, которая настраивает народ против короля и побуждает его не исполнять законы королевства и бунтовать. По сему, этот номер парламент распорядился сжечь³. Только после того парламент приступил к рассмотрению вопроса о лишении иммунитета Уилкса как автора. Его попытка оправдаться не имела успеха. Но в данном случае в палатах не наблюдалось полного единодушия в немедленном исполнении повеления монарха. В палате общин при голосовании примерно третья часть присутствовавших депутатов проголосовала против предложения кабинета. Соотношение было 258 : 133, и тем самым нижняя палата все-таки одобрила меру⁴. Про-

¹ The Political history of England. V. X. P. 46.

² The Parliamentary history. V. 15. P. 1356.

³ Ibid. P. 1359-1360.

⁴ Ibid.. V. 15. P. 1362.

тив такого решения выступили некоторые представители верхней палаты. У.Питт, получивший к тому времени титул лорда Чаттэма, заявил, что лишение привилегий является крайне опасной мерой для дальнейшего существования свобод парламента. «Убрать привилегию и весь парламент окажется во власти короля», подчеркнул он¹. 18 лордов подписали протест. В нем неприкосновенность депутатов была названа фундаментальным принципом конституции и основой независимости самого парламента². Таким образом, не судьба автора, а права парламента обеспокоили часть его членов. Действительно, этот случай мог создать опасный прецедент. И в обстановке нараставшего недовольства согласие парламента только усиливало негодование общества. Оно проявилось при попытке сожжения 45 номера «Северного британца», когда собравшаяся толпа не позволила приставам сделать свое дело. При последующем разбирательстве власти столицы отрицали факт восстания, но подтвердили, что народ и сырая погода помешали исполнить распоряжение парламента³.

В середине 1760-х годов движение получило новый импульс в связи с попыткой правительства ввести гербовый сбор в американских колониях. Это вызвало мощное, возросшее со временем сопротивление колонистов, поставивших под сомнение право парламента вводить налоги на территории, которая не имела своих представителей в нем. Освещение конфликта способствовало дальнейшему распространению идеи о необходимости борьбы за реформу системы выборов в парламент в самой метрополии. В обстановке всеобщего недовольства политикой верхов, голодных выступлений в различных концах страны, в конце шестидесятых годов проходили очередные выборы в парламент. Их отличало усиление политической борьбы, которое проявилось в случаях выдвижения двух и более кандидатов в одном округе⁴. Вместе с тем, это были более коррумпированные выборы, чем кампания 1761 г., что привело к резкому росту цены на место в парламенте⁵.

¹ Ibid.. V. 15. P. 1363.

² Ibid. P. 1371-1372.

³ Ibid. P.1380-1386.

⁴ Джефсон Г. Платформа, ее возникновение и развитие. Пр., 1903. Т.1. С. 31.

⁵ The Political history of England, v. X. P. 94.

Попытка Д.Уилкса в 1768 г. вновь участвовать в выборах в парламент в Миддлсексе¹ встретила сопротивление правительства и короны. Четырежды жители графства избирали его, но парламент аннулировал результаты выборов под различными предлогами. В последний раз палата признала победителем проигравшего выборы ставленника правительства. Позиция палаты и кабинета в этом вопросе полностью отвечала желанию монарха. Георг III был оскорблен выпадами «Северного британца», хотя формально критика раздавалась только в адрес правительства. Король полагал, что и миддлсекские выборы затрагивают его лично. Исход дела он рассматривал как собственное сражение и мобилизовал все силы, чтобы не допустить появления Уилкса в парламенте. Исклучение журналиста в 1768 г. король посчитал своим триумфом². Позднее лорд Чаттэм (У.Питт Старший) сказал: если бы Уилксу позволили занять свое место в 1768 г. он стал бы незначительным членом палаты. Однако то преувеличенное значение, которое придавалось этим выборам Георгом III, привело к печальным для властей последствиям³. Эпизод с миддлсекскими выборами, которые проходили в момент обострения положения в американских колониях, послужил толчком дальнейшего расширения движения протеста в Британии.

Открытое вмешательство короны в формирование состава нижней представительной палаты являлось неконституционным шагом, выходило за рамки ее прерогативы. Более того, избранный представитель не был допущен в парламент не в силу закона, а только на основании одного постановления палаты общин. Это делало ее решение равносильным парламентскому акту, т.е. закону, принятому обеими палатами и утвержденному королем. Современники рассматривали присвоение палатой общин таких функций как посягательство на конституцию, как упразднение всей системы представительства и свободы избрания. Ни одна политическая акция со времени вступления на престол Ганно-

¹ Миддлсекс – одно из самых небольших графств Англии, на юго-востоке граничившее с графством Лондон.

² Harris R.W. Political ideas 1760-1792. L., 1963. P. 37-38. Ситуация в Британии была хорошо известна европейским монархам, которые в разгоревшемся конфликте видели проявление слабости правительства. / См., например.; Мартенс Ф. Указ соч. С. 272-273.

³ Harris R.W. Political ideas. P. 37-38.

верской династии не вызывала такого взрыва возмущения в стране¹. Выступая в палате общин, Э.Берк отмечал: «Народ не думал обращаться к престолу с выражением своего недовольства, пока бесчестность министров не стала угрожать государству неминуемой гибелью. До тех пор пока лишение фригольдеров их священных прав не преисполнило их страха за неприкосновенность свободы, они не нарушали королевского покоя своими жалобами. Но, когда гнет превзошел всякие размеры, когда топор со всей силой ударил по самому корню независимости граждан – английский народ не мог более молчать»². Противостояние короля, правительства, парламента, с одной стороны, и жителей графства, поддержавших Уилкса, – с другой, активизировало выступления протеста. В них было вовлечено население Лондона, Миддлсекса и других графств Англии: промышленники, ремесленники, рабочие, журналисты, джентри и фригольдеры³. По словам современника, на всех дорогах слышалось "Уилкс и Свобода!"⁴. В нем видели стойкого и последовательного борца, а повсеместно звучавший лозунг олицетворял сопротивление произволу, ущемлению прав личности, требование проведения реформ.

В условиях нараставшего недовольства по стране возникали различные ассоциации. Обычно они носили название того места, где собирались члены сообществ, обсуждавшие различные проблемы. В 1769 г. создана политическая организация иного рода – «Общество сторонников Билля о правах». Само название отразило негативное отношение к многочисленным нарушениям прав личности в «деле» Уилкса и стремление бороться против злоупотреблений. Общество объединило «респектабельных и зажиточных людей»: парламентариев-сторонников реформы, а также некоторых умеренных радикалов из среды предпринимателей, купцов, подрядчиков, адвокатов, судебных чиновников⁵. По словам американского исследователя, это был

¹ Annual register. 1769. P. 68.

² Parliamentary History. V. XVI. P. 879.

³ Rude G. The Middlesex Elector of 1768-1769. / English Historical Review. 1960. v. LXXV. P. 601-617.

⁴ Boswell. Op. cit. P.200.

⁵ Семенов С.Б. Политические взгляды английских радикалов. С. 10.

«первый политический клуб XVIII в.»¹. Первоначально цель его создания заключалась в оказании финансовой поддержки Уилксу, приговоренному судом к штрафу и 22-месячному заключению. Однако вскоре на первое место в деятельности его учредителей вышли более широкие политические задачи – защита конституции в том виде, в каком она была установлена Славной революцией. С.Б.Семенов подчеркивал, что «политические настрояния организаторов были сугубо лояльными и имели в основе твердое убеждение в справедливости и безусловных преимуществах английского конституционного устройства»². Один из активных участников Общества Джон Горн Тук позднее вспоминал: «В начале членов было немного, но все они были люди влиятельные и по положению и по своим способностям. Их митинги, речи и постановления пользовались большим влиянием; они возбуждали друг в друге соревнование и сообщали обществу свою энергию, пылкость и чувство недовольства»³. Подобно ряду других союзов они формулировали главные цели объединения и стремились к конкретной деятельности. Так, члены Общества пытались составлять инструкции для испытания кандидатов перед выборами в парламент, обучать электорат оказывать «давление», добиваясь реформы. Сторонники общества на своих митингах принимали петиции в поддержку реформы, при этом максимальное количество подписей под ними доходило до 3 тыс.⁴ Однако само Общество было немногочисленным, а возникшие раздоры привели его к распаду.

Конфликт с американскими колониями спровоцировал не только общественное обсуждение проблем суверенитета и представительства, но и распространение радикальных идей, создание объединений, которые отразили поворот страны к радикальным требованиям. Среди них наиболее заметный след оставила Йоркширская ассоциация, сыгравшая важную роль в мобилизации общественного мнения провинции. Ее созданию предшествовала большая подготовительная работа. В ноябре 1779 г. К.Уивил обсуждал с друзьями вопрос о создании организации.

¹ Dickinson H.T. *Liberty and Property*. N.Y., 1977. P.213.

² Семенов С.Б. Политические взгляды английских радикалов. С. 10.

³ *Memoirs of John Horn Tooke*. L., 1813, v.1. P.161. / Цит. по: Джефсон Г. Указ. соч. Т.1. С. 87-88.

⁴ O'Gorman F. *The Rise of party in England*. L., 1975. P. 251.

Он предлагал поднять вопрос об экономических мерах в условиях ухудшения состояния государственных финансов и положения жителей страны. Помимо этого Уивил полагал необходимым обратиться к вопросу о короне, ее влиянии в парламенте и вне его стен. Ему удалось заручиться поддержкой оппозиции. Маркиз Рокингем, имевший владения в Йоркшире, принял деятельное участие в подготовке митинга¹.

Замысел Уивила стал следствием ухудшения социально-политической обстановки в стране и совпал с намерением вигов поднять в парламенте вопрос об изменении экономической политики правительства. Ситуация, сложившаяся к этому времени, была крайне тяжелой. Летом 1779 г. поражения британского флота в войне с американскими колонистами вызвали панику, вылившуюся в ожидание высадки войск противника на британском побережье. Любопытно, что именно в то время Георг III высказал мысль об объединении дворянства графств. Он предлагал создавать ассоциации джентри и фригольдеров для подготовки вооруженного отпора неприятелю². Одновременно ухудшается обстановка в Ирландии. Правительство лорда Норта явно не справлялось. Особое негодование вызывали действия главы кабинета, главы адмиралтейства и секретаря по американским делам. На них общество возлагало ответственность за продолжение бесславной войны, слабость британских войск и т.д. Сессия парламента открылась в конце ноября. И сразу же обозначилось нарастающее противостояние правительственной партии и оппозиции. При этом лидеры оппозиции повели резкую критику в адрес короля³. Идеолог вигов Э.Берк разработал план по сокращению государственных расходов. И Рокингем и Берк намеревались использовать настроения в Йоркшире в своих целях с тем, чтобы нанести окончательный удар по слабому кабинету Норта, который держался только благодаря поддержке Георга III⁴.

В конце декабря митинг состоялся. Собравшиеся джентри, духовенство и фригольдеры решили создать комитет из 61 лица для создания общества и принятия мер по поддержанию требо-

¹ Burke E. The correspondence of E.Burke. Cambridge, 1963, v.4. P. 176-177.

² Butterfield H. Op. cit. P. 54.

³ Parliamentary history. V.XX. P. 1029.

⁴ Harris R.W. Political ideas. P. 87.

ваний экономического характера. О настроении, царившем на митинге, можно составить представление из одного прозвучавшего выступления: “Ничего нет естественнее учреждения ассоциации, как для преследования важных задач, так и во имя целей, не имеющих большого значения. Собранию известны *ассоциации для поимки мошенников* и даже *ассоциации для охраны дичи*; почему же фригольдеры не могут составить ассоциации и соединить свои голоса для борьбы с царящим злом и для охраны конституции?” (подчеркнуто мною – М.А. Благодаря оратору, существенно расширяется наше знание о разнообразии целей общественных объединений)¹. Члены комитета в январе 1780 г. учредили ассоциацию, структура которой была выработана в марте. К этому времени они вышли из-под контроля вигов, присовокупив к экономическим также и политические требования. Члены организации предлагали учредить 100 дополнительных мест в палате общин для представителей от графств и ежегодные выборы в парламент². На протяжении зимы и в начале весны окончательно сформулированы основные пункты требований, с которыми депутаты отправились в столицу. Как и в аболиционистских обществах, комитет стал руководящим органом объединения, в задачи которого входили сбор подписей под петициями и разнообразная деятельность, направленная на достижение поставленных целей.

Власти, извещенные о намеченном митинге, предпринимали попытки сорвать его проведение. Георг III настаивал, что друзья кабинета должны сделать все, чтобы не позволить Уивилу и лидерам оппозиции добиться намеченной цели. Когда стали известны результаты проведенного собрания в Йоркшире, Георг III заявил о необходимости в будущем серьезнее подходить к назначению шерифов. Монарх был уверен, что выяснение их политических настроений до вступления в должность, позволит избежать подобных митингов в будущем³.

Новость о создании Ассоциации довольно быстро распространилась по стране, в самом начале 1780 г. общества подобно-

¹ Джефсон Г. Указ.соч. С.104.

² О политической программе см.: A Second Address from the Committee of Association of the County of York to the Electors, 1781. / The English radical tradition. P. 39-40.

³ Butterfield H. Op. cit. P. 242- 243

го характера возникли в 29 графствах и городах. В организации и проведении митингов активную роль сыграла оппозиция¹. Группировка Рокингема не была склонна одобрить выдвижение политических требований. Ч.Фокс, напротив, согласился поддерживать политическую программу и возглавил движение. В феврале он был избран в парламент от Вестминстера, где также учрежден комитет. О размахе движения и его значении свидетельствуют слова современника – Г.Уолпола. В письме к одному из друзей он писал: "Я уже упоминал наши провинциальные комитеты, петиции и ассоциации. Они распространились почти в половине английских графств. Их авторитет усилился в связи с выборами, которые в трудные времена всегда вынуждают членов парламента и кандидатов вести себя достойно"². В создававшихся объединениях преобладали фригольдеры – средний класс графств, выдвигавший главным образом экономические требования. Тем не менее, это не исключало появления требований умеренной реформы представительства, а вскоре, и более кардинальной – ежегодные выборы в парламент, тайное голосование, перераспределение мест и расширение избирательных прав. На протяжении года в парламент поступили петиции из 38 графств и местечек с предложением о проведении реформы. Они отражали настроения значительной части населения этих регионов, которое приняло участие в митингах, массовых демонстрациях, сборе подписей под петициями и адресами³. Ассоциации и комитеты превращались в важный инструмент формирования и выражения общественного мнения и в то же время являлись своеобразным организационным, координирующим институтом на этом этапе борьбы за политические преобразования.

Руководители Йоркширской ассоциации мечтали об объединении усилий и совместных действиях для достижения главной цели. К.Уивил был убежден, когда в каждом графстве и городе будут образованы собственные ассоциации, можно будет созвать общее собрание петиционеров, объединенных в одну

¹ Burke E. The correspondence of. V.4. P. 178-179, 183-187.

² H. Walpole to Sir H. Mann, Feb. 22, 1780 / The Letters of Horace Walpole. v.XI. Oxford, P.129.

³ Christie I.R. The Yorkshire association, 1780-1784: A study in political organization. / The Historical journal, 1960, N.2. P. 151-157; O'Gorman F. The Rise of party in England. L., 1975. P.418.

общую национальную ассоциацию. Результатом совместных усилий станет полный успех конституционной реформы, выдвинутой народом¹, полагал он. Тем самым, проблему объединения усилий всей страны для достижения общей цели радикалы поставили за несколько лет до учреждения первой аболиционистской организации. Им даже удалось создать в качестве центрального органа Вестминстерский комитет ассоциаций.

Обращения из разных концов страны поступали в парламент, однако их обсуждение не вызвало дискуссий по поводу предлагавшейся реформы. Подавляющее большинство депутатов являлись противниками любых изменений в системе представительства. Симпатии высказали лишь немногочисленные виги, находившиеся в оппозиции. Политическая элита встретила негативно обращение петиционеров к проблемам конституционным, т.е. вопросам, имевшим важное политическое и государственное значение. Высказывалось общераспространенное мнение, что эти проблемы не касаются простых людей, которые "не могут даже сформулировать свои собственные мысли"². Кроме того, опасения парламентариев вызывал сам факт создания ассоциаций, в которых они усматривали связь с американскими комитетами. В их деятельности они видели угрозу существования «мира и единодушия в стране»³. Оппозиция же подчеркивала мирный, законный характер деятельности организаций, не проявлявших стремления развязать беспорядки. Угроза таится не в существовании объединений, а в пренебрежительном отношении к требованиям людей, отмечал один из ораторов⁴. Планы йоркширцев не были осуществлены. Гордоновский мятеж нанес серьезный удар по реформаторскому движению и усилил позиции правительства. В 1784 г. ассоциация распалась. Парламент отверг также предложения по изменению финансовой политики, сокращению государственных расходов, предложенный оппозицией и графствами.

¹ Wyvill's Political Papers. v.1. P.114., 305-315 / Цит. по: Briggs A. How they lived. V. III. P.493-494.

² Walpole H. Op. cit. P. 147.

³ The Parliamentary history of England. V. XX. L., 1814. P. 1370-1383; v. XXI, P. 285-287, 654-685, 844-845.

⁴ Ibid. V. XX. P.1379.

Тем не менее, в апреле 1780 г. в палате общин принято предложение отреагировать на позицию короны. Депутат Данинг заявил, что «влияние короля выросло и возрастает ежечасно, оно должно быть сокращено». Голосование по резолюции, которая прошла большинством в 18 голосов, потрясло Георга III: на протяжении двадцати лет правления он не жалел усилий для формирования правительственного большинства в палате общин. Акция против политики правительства не привела к его отставке, а монарх довольно быстро сумел убедить себя, что палата не отражает мнения народа¹.

Из организаций, созданных в 1780 г., более длительное время функционировало Общество по распространению информации о конституции, объединившее парламентариев и коммерсантов – сторонников реформы. Рождению объединений следовали извещения в прессе, содержавшие информацию о них. В проспекте Общества инициатор его создания Д.Картрайт сформулировал основную цель – распространение знаний о принципах конституционных свобод, главным образом о выборах и деятельности представительного органа для достижения радикальных требований – уменьшения сроков полномочий парламента, уравнивания избирательных округов. Предполагалось печатать и распространять за счет общества эссе, отрывки из произведений и другие материалы отдельными изданиями и в газетах. Проспект предоставляет возможность ознакомиться со структурой Общества. Во главе – президент, комитет и казначей. Важным отличием от аболиционистов стали не добровольные пожертвования, а регулярные взносы. Они были довольно высоки: от 1 до 5 гиней ежегодно. На момент создания в обществе состояло 104 человека². О том, как проходили собрания, можно судить по отчету правительственного агента, присутствовавшего на одном из них в Шеффилде. На встречу пришло 40-50 человек. Выступить получили возможность и люди посторонние. Цель заседания – обсуждение вопроса об установлении контактов со всеми подобными обществами в королевстве³. Объединению усилий в достижении главной цели – парламентской ре-

¹ Harris R.W. Political ideas. P. 47.

² EHD. v. X. P.220-221.

³ Ibid. v.XI. P.314-315.

формы – особое значение придавал один из создателей Общества Джон Джебб. Он полагал, что налаженная переписка и встречи представителей различных обществ позволят встать на новую ступень взаимоотношений в совместной борьбе. Этой цели, утверждал Джебб, должна служить и пресса, которая в большей степени, чем митинги, сможет способствовать политическому образованию масс и донести до народа идеи политических свобод¹. В начале 1780-х гг. общество опубликовало ряд небольших трактатов. В них раскрывались принципы конституции 1688 г., и выдвигались аргументы в пользу необходимости исправления пороков системы выборов. Члены Общества предлагали провести уравнивание избирательных округов, тайное голосование, оплату членов парламента и отмену имущественного ценза для избрания в парламента. Ядро объединения составили представители среднего класса, т.е. людей, обладавших собственностью и определенным уровнем образования. Они не мыслили такого устройства, при котором бедняки, люди неимущие обладали бы политическими правами. Право голоса для них означало наделение политическими правами собственника, налогоплательщика. В реальности реформа для них была средством расширения представительства среднего класса².

Общественный подъем вскоре привел к увеличению потока петиций: графства и города обращались в парламента с требованиями проведения реформ.

Сын лорда Чатэма У.Питт Младший еще в мае 1782 г. говорил об умеренной реформе, которая бы ликвидировала наиболее вопиющие недостатки существовавшей системы. Необходимость такого шага, по его мнению, диктовалась следующими соображениями: дефекты представительства в нижней палате вызывают недовольство людей. Они могут стать впоследствии причиной более опасных для «существующего порядка» выступлений. Он предложил создать комитет обеих палат для изучения состояния системы представительства. Интерес вызывает не сам факт одного из выступлений в парламенте, а то, что накануне речи в парламенте в апреле Питт консультировался по этому

¹ Brown P.A. Op. cit. P. 19.

² Dickinson H.T. Op. cit. P.228-229.

вопросу с некоторыми лидерами движений¹. Его аргументация убедила значительную часть депутатов, и он был поддержан 141, против проекта проголосовало 161 парламентарий.² Затем состоялась встреча, на которой с одной стороны присутствовал Питт и те из депутатов, кто поддержал его в парламенте. С другой – лидеры внепарламентской оппозиции, в том числе Уивил и Джебб. Они приняли решение о проведении петиционной кампании в пользу реформы в начале следующей сессии. «Значение этого события, – писал С.Б.Семенов, – трудно переоценить, ибо впервые в истории борьбы за реформу было достигнуто определенное соглашение о координированных действиях парламентской и внепарламентской оппозиции в этом важном вопросе и обозначились контуры политического союза, который мог привести к реальным результатам»³ Однако, когда в апреле 1785 г. Питт внес билль о более чем умеренных преобразованиях, они были расценены большинством нижней палаты как покушение на конституцию. Неудача и последовавшая вскоре смерть Джебба вызвали разочарование и распад общества, которое превратилось в малочисленную группу, не имевшую влияния.

В 1788 г. часть членов этого союза учредили Лондонское революционное общество для организации празднования 100-летия Славной революции и защиты ее принципов. Его деятельность ограничивалась ежегодным банкетом, который устраивался 4 ноября. На нем первое время обычно присутствовало несколько сот человек. Впоследствии Э.Берк высмеял эту затею. Он писал: «Я слышал, что в годовщину Революции 1688 года какой-то клуб диссентеров, названия которого я не знаю, имел обыкновение выслушивать проповедь в одной из своих церквей, после чего его члены весело проводили остаток дня в таверне»⁴. Развитие событий на континенте привело к уходу лидеров –

¹ Семенов С.Б. Уильям Питт – младший и парламентская реформа в Англии. / История и историография зарубежного мира в лицах. Самара, 1999. С. 73.

² The Parliamentary history. L., 1814, v. XXII. P.1416-1438.

³ Семенов С.Б. Уильям Питт – младший. С. 75.

⁴ Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993. С. 44. Замечание Берка задело радикалов и вызвало их ответную реакцию. Появился памфлет «Письмо Эдмунду Берку от члена Революционного общества» / Hall. Op. cit. P. 162-163.

Ч.Фокса и Р.Шеридана, опасавшихся осложнений, и постепенному упадку Общества.

Известия о революции во Франции вызвали необычайное оживление общественной жизни в Англии¹. Перемены на континенте с радостью отмечали радикалы и виги, многие публицисты. Так, литератор У.Коупер в частной переписке заметил, что из состояния рабства французы перешли к свободе, осознав свое естественное право на нее. Наступает прекрасный период в истории человечества, убежденно писал он². Дальнейшее развитие событий во Франции у многих в Британии изменило отношение к революции.

В начале 1790-х годов появилось множество разнообразных объединений, в том числе и консервативного толка. Рождение роялистских ассоциаций связано с именем Джона Ривза. В 1792 г. он основал «Ассоциацию по поддержанию Свободы и Собственности против Республиканцев и Левеллеров». Эта организация наводнила страну памфлетами. В них излагались доводы против идей Французской революции и подвергались критике идеи собственных реформаторов. Вслед за «Ассоциацией» Ривза появились и другие объединения подобного рода. Они занимались сбором средств и проведением митингов³. В прессе и памфлетной литературе набирала силу дискуссия о значении событий во Франции.

Возникали также и новые организации радикалов и вигов – сторонников изменений, а в уже существовавшие вступали новые члены. По словам Г.Джефсона, революция вызвала «более активное отношение к политике и пробудила желание и надежду внести в систему управления такие изменения, которые смягчили бы их бедствия и улучшили их положение»⁴. К 1792 г. численность членов Общества по распространению конституционной информации достигла почти 2 тыс. человек. В апреле 1792 г. парламентарии виги, предприниматели и землевладельцы

¹ Подробнее об этом см.: Чудинов А.В. Размышления англичан о Французской революции: Э.Берк, Дж.Макинтош, У.Годвин. М., 1996.

² W.Cowper to Joseph Hill. / Liberty and terror in England. Reactions to the French Revolution. Selected source materials for college research Papers. Boston, 1965. P. 17. См. также: P. 1-8, 11-16; etc.

³ The Cambridge modern history. Cambridge, 1907, v. VIII. P. 760.

⁴ Джефсон Г. Указ. соч. Т.1. С. 199.

цы создали Общество друзей народа. Членами Общества стали люди состоятельные, вступительный и ежегодный взнос составлял 2,5 гинеи. Они опубликовали Декларацию с изложением довольно умеренной программы, направленной против злоупотреблений на выборах: восстановление свободы выборов, возвращение народу осуществления права голоса. Петицию в парламент со 147 подписями представил глава Общества Ч.Грей. После того, как парламент отверг их предложение член Общества Джордж Тирней в ноябре 1792 г. писал Грею: необходимо что-то сделать, что-то опубликовать, чтобы мир знал – мы существуем и процветаем¹. В 1793 г. они провели многочисленный, судя по отзывам прессы, митинг. На нем обсуждалось сложившееся положение, злоупотребление на выборах. Более значимым для общества стала не их деятельность, а подготовленный и опубликованный ими Доклад о состоянии представительства в парламенте. В нем приводились полные сведения о патронаже в парламенте с указанием имен патронов и количеством мест, находившихся в их распоряжении². Социальный состав и более чем умеренная программа определили незначительное влияние Общества, не выходявшее за пределы столицы. Тем не менее, сведения о нем распространились и в июле 1792 г. в Эдинбурге по образцу английского учреждено Общество друзей народа. Его участники выступали за мирные конституционные реформы, направленные на расширение представительства в парламенте³.

Создавались и организации экстремистского, секретного характера. К ним следует отнести общество Объединенных шотландцев⁴. Оживление охватило Ирландию, в Белфасте, Дублине и других городах была создана сеть местных обществ. Своей задачей они ставили обсуждение и пропаганду выработанных требований. Их программа включала избирательное право для мужчин, равные избирательные округа, отмену имущественного ценза, ежегодный созыв парламента, выплату жалованья членам парламента. Деятельность организаций привела

¹ George Tiernry to Charles Grey Nov. 4th 1792 / Black E.Ch. The association. British extraparlimentary political organization. 1769-1793. Cambridge, 1963. Appendix. P.289.

² Annual register 1793. L., 1794. P. 94-97, 98-99.

³ Mackenzie A.M. The kingdom of Scotland. Edinburgh, 1940. P. 305.

⁴ Ibid. P.306.

к относительному успеху, в феврале 1793 г. был принят Акт об облегчении положения католиков. Более драматично складывалась судьба созданного в 1791 г. общества Объединенных ирландцев. Его руководитель Т.У.Тон в «Автобиографии» отмечал: общество «организовывалось с целью создать братство, основанное на взаимной преданности его членов, установить общность прав и единство сил всех ирландцев без различия религиозных убеждений и на этой основе добиться полной реформы законодательства, опирающейся на принципы гражданской, политической и религиозной свободы»¹. Вербуя сторонников из народа, члены общества намеревались создать массовую политическую организацию. После начала войны с Францией Общество объединенных ирландцев объявлено вне закона. С этого времени оно проводило тайную деятельность. А в 1795-97 гг. Тон пытался обеспечить успех высадки французского десанта в Ирландию².

Значительная часть из многочисленных обществ, появившихся в 90-х гг., являлись объединениями, отражавшими новые сдвиги в социальной сфере. Их основывали башмачники, портные, шляпники, водопроводчики и другие – то есть ремесленники, которые не имели политических прав. Продолжая деятельность сторонников реформы 80-х гг., радикалы называли себя «народом», противопоставляя тем самым аристократии. Обращение к политическим вопросам проходило не без борьбы, не без внутренних колебаний. На одном из первых собраний Лондонского корреспондентского общества (о нем речь пойдет ниже) эта проблема была поставлена на обсуждение: «Имеем ли мы, ремесленники, лавочники и механики, право добиваться парламентской реформы»³ (подчеркнуто мною – М.А.). Эти сомнения не были беспочвенными так, как аристократия не признавала за ними такого права. У.Питт Младший заявлял, что он никак не может считать сторонниками правопорядка тех, кто постоянно подстрекает народ к представлению петиций и ведет

¹ Цит. по: Джексон Т.А. Борьба Ирландии за независимость. Пер. с англ. М., 1999. С. 114.

² Джексон Т.А. Борьба Ирландии. С. 114, 122, 138. Подробнее о ситуации в Ирландии и деятельности Тона тех лет см.: Мирошников А.В. Три века Ирландии. Книга I. 1603-1845. Воронеж, 2008. С.74-87.

³ Selections from the Papers of the London Corresponding Society. 1792-1799. Cambridge, 1983. P.7

агитацию в среде, которая по воспитанию, образованию и знаниям менее всего способна правильно судить о государственных делах¹. Тем не менее, дискуссия членов общества завершилась положительным решением. Их главной целью стало восстановление того, во что они верили – восстановление прав саксонской эпохи, прав народа и конституции 1688 г.

Сообщения с континента повлияли и на деятельность дискуссионных клубов и обществ. Если первые объединяли представителей среднего класса и аристократии, то вторые – являлись, по словам британской исследовательницы, народным институтом. В них допускались все те, кто уплачивал незначительный еженедельный взнос. В 1790-е годы только в Лондоне от 2 до 4 обществ еженедельно проводили заседания, о дне и часе которых заранее сообщали публике. Их посещало от 200 до 600 человек. Деятельность дискуссионных обществ является важным свидетельством самосознания ремесленников, возрастания интереса к политическим темам. Они существенно потеснили другие проблемы нравственного и морального характера, которые до французской революции были основными предметами обсуждения². Перемены в общественном настроении оказались наиболее заметны стороннему наблюдателю. Так, майор в отставке, литератор П.И.Макаров в середине 1790-х годов побывал в Лондоне. Он отмечал: «... лишнее было бы требовать от Англичанина в этом случае равнодушия (относительно критики правительства – М.А.): здесь политика такая заразительная болезнь, что даже иностранцы, приехавшие сюда, тотчас ею занемогают»³.

В петициях, поступавших в парламент, содержались требования проведения реформ. Только в 1793 г. были направлены петиции из 24 городов, наибольшее число подписей достигало 8 тысяч, которые были поставлены под обращением из Шеффилда⁴. Общество друзей народа выпустило обращение к народу. В нем подчеркивалось, что вся нация, несмотря на сопротивление парламента, должна действовать законным путем и добиваться ре-

¹ Джефсон Г. Ук. Соч. с. 283.

² Thale M. London debating societies in the 1790s. / The Historical journal. 1989, N.1. P.57-62.

³ Макаров П.И. Письма из Лондона. / «Я берег покидал туманный Альбиона ...». Русские писатели об Англии. 1656-1945. М., 2001. С.133.

⁴ The Annual register 1793. L. 1794 . P.148-150.

формирования системы представительства через петиции¹. Появление такого текста отразило возрастание социальной напряженности в стране. Виги, будучи сторонниками частичных изменений, провозглашали использование законных, правовых методов воздействия на правительство и парламент. Обращение свидетельствовало об их боязни насильственных действий в борьбе за реформу в лагере самих радикалов. С одной стороны, можно говорить об определенном, возмужавшем уровне правового сознания британцев. Свидетельством этому являются, в том числе и отдельные массовые выступления. В данном случае имеются в виду поддержка, оказанная Д.Уилксу, лондонскому Сити в его противостоянии с парламентом, о чем уже говорилось выше. Менее значительным, но весьма показательным было выступление лондонцев в защиту Ф.Бердетта, когда он был посажен в тюрьму по распоряжению спикера нижней палаты, что явилось грубым нарушением регламента². Поводом для спонтанного протеста стали нарушения права неприкосновенности личности. С другой стороны – этот протест вместе с тем являлся ярким показателем неблагоприятного положения народа, его недовольства, готовности выступить против аристократии³. Отдельные нападения на наиболее реакционных политиков, сведения об изготовлении пик, либо сборе средств для покупки оружия и благоприятное отношение к французам создавали серьезную напряженность и свидетельствовали о возможной угрозе социального взрыва⁴.

Среди многочисленных организаций наибольшую активность в начале 90-х гг. проявляло Лондонское корреспондентское общество. Воспоминания его основателя – Томаса Гарди,

¹ Ibid. P.98-99.

² Annual Register for the year 1810. L., 1812. P. 258-259, 344-362.

³ При этом аристократия, заседавшая в парламенте, вызывала недовольство не только простонародья. В петиции лондонского Сити по поводу дела Бердетта говорилось: мы удивлены поведением палаты, где 300 ее членов от Англии и Уэльса не избраны народом, а попали туда благодаря 150 пэрам. В коррупции петиционеры видели нарушение конституции и источник бед нации. The City of London's Petition to the House of Commons. Цит. по: The English radical tradition. P. 73-75.

⁴ Реальность осуществления этой угрозы историки оценивают по-разному. См., например,: Hall W.Ph. British radicalism 1791-1797. N.-Y., L., 1912. P. 199-208.

проливают свет на механизм возникновения подобных организаций в Англии. Он описывает, как однажды вечером, когда он читал памфлеты времен войны с американскими колонистами, у него зародилась идея об объединении людей, разделявших его политические взгляды. Он поделился этими мыслями с несколькими друзьями, близкими ему по духу и социальному положению. Они одобрили предложение и 25 января 1792 г. привели своих друзей-единомышленников на первое собрание. 8 человек приняли предложенное Гарди название нового Общества, обговорили его структуру и определили членские взносы — 1 пенс. На следующее заседание новички пришли со своими друзьями¹. И так было положено начало одному из наиболее известных радикальных обществ. В годы подъема оно объединяло более тысячи человек. Пути достижения главной цели — осуществление преобразований системы представительства (ежегодные выборы в парламент и всеобщее право голоса) — они видели в просвещении масс, разъяснении их прав и путей их использования. Стремление к объединению радикальных сил, распространение брошюр и организация митингов вызывали возраставшие опасения политической элиты. Общество травила респектабельная пресса, в его ряды проникали правительственные агенты. Однако это не мешало ему идти намеченным путем. В провинции были созданы многочисленные корреспондентские общества. 29 октября 1793 г. в Эдинбурге открылся съезд делегатов различных демократических обществ. Несмотря на начало войны Англии с Францией, в знак солидарности с революционерами они назвали свое собрание Конвентом. Заседания проходили больше месяца. Их результатом стала довольно умеренная резолюция о расширении представительства народа в палате общин и о сокращении срока депутатских полномочий. Депутаты Конвента выдвинули также требования об уничтожении рабства в колони-

¹ Selections from the Papers of the London Corresponding Society. P.5-7. Однородный социальный состав, еженедельные встречи и небольшой денежный взнос сближает Корреспондентское общество с ремесленными союзами. Однако важным отличием было то, что их деятельность в средние века и раннее новое время носила тайный характер и была направлена на объединение людей одной профессии в целях улучшения их социально-экономического положения. Тогда, как общество ставило политические цели.

ях и о прекращении борьбы против Франции. В декабре Конвент разогнали войска, а все руководство арестовали. Большая часть задержанных впоследствии была приговорена к многолетней каторге в Австралии. Аресту подверглись и руководители Лондонского корреспондентского общества, однако под давлением общественного мнения они были оправданы.

На грандиозном митинге 26 октября 1795 г., который проводило Лондонское корреспондентское общество, принято решение направить в крупные города королевства депутатов для разъяснения согражданам необходимости объединения в ассоциации, которые рассматривались единственным способом достижения парламентской реформы.

Обеспокоенность правительства вызывали разрастающиеся события во Франции, высока была боязнь их распространения в Англии, охваченной митингами, шествиями, во главе которых стояли радикалы. Э.Берк довольно трезво оценивал ситуацию в своей стране. Он писал: «возможность возникновения беспорядков в Англии в настоящее время ничтожна; но на вашем примере (имеется в виду Французская революция – М.А.) мы увидели, как слабый младенец постепенно набирал силу, способную громоздить гору, и развязал войну с самими Небесами. Когда у Вашего соседа пожар, неосмотрительно допускать игру с огнем в собственном доме»¹.

Поводом для наступления на права граждан послужило нападение на карету короля, когда Георг III направлялся в парламент на открытие сессии. В его прокламации, обращенной к обеим палатам, говорилось, что собирающиеся толпы народа в Вестминстере угрожают общественному спокойствию и жизни монарха. В спешном порядке рассмотрен Акт против изменнических действий в верхней палате, и Акт против мятежных собраний членами парламента в нижней. Законы утверждались в кратчайшие сроки, но с соблюдением всех норм права. Необходимо отметить, что в палате лордов прозвучали возражения против принятия закона. Герцог Бедфорд, лорд Дерби, Лаудердейль и другие (всего 8 человек) выразили протест по поводу предлагаемого билля, который они рассматривали как ненужный и неконституционный. Положение любого правителя покоится на

¹ Берк Э. Размышления. С.46.

любви и уважении подданных, а не на страхе наказания — подчеркивали они.¹

У.Питт Младший, выступая в палате общин, заявил о необходимости принятия неотложных мер для предупреждения мятежных собраний, которые ведут к бунту и измене. Они поселяют в умах народа недовольство, говорил он². Отвечая оппозиции, также негативно отнесшейся к предложенным мерам, он подчеркивал: парламент вынужден выбирать между злом, которое может проистекать из принятия билля, и той опасностью, которая появляется в случае его непринятия³. Закон против мятежных собраний устанавливал правила проведения митингов. Для собраний свыше 50 человек необходимо подать уведомление о намерении с указанием времени, места и цели. В уведомлении должны упоминаться фамилии, по крайней мере, 7 его участников, среди которых должны быть домовладельцы, проживающие в том графстве или городе, где будет проходить митинг. Митинг без предварительного извещения объявлялся незаконным, в этом случае участники должны разойтись. Если же они не разойдутся, их ожидает смертная казнь⁴. Необходимо отметить, при всей строгости наказания за проведение незаконного митинга, парламент не пошел на их полный запрет.

И хотя предпринятые правительством шаги привели к некоторому спаду социальной активности, деятельность политических обществ, в том числе и дискуссионных, продолжалась. Политическая элита и кабинет пристально следили за ситуацией в королевстве. О ней докладывали правительственные агенты, и секретные парламентские комитеты, с 1792 г. регулярно извещавшие парламент о результатах своей работы. В 1799 г. очередной доклад комитета, существенно сгустившего краски, послужил основанием принятия закона о запрете ряда организаций. О настроениях, царивших в среде правящих кругов и значительной части дворянства в этот период подъема общества свидетельствуют слова, сказанные главой кабинета У.Питтом. В них в концентрированном виде прозвучал страх, высокомерие,

¹ The Parliamentary history. v.32. P.242-243, 254, 271-272, 554-555.

² Ibid. P.273.

³ Ibid. P.363.

⁴ Статьи акта см.: Williamson E.N. The eighteenth century constitution. P.426-429.

нежелание понять суть требований и поступиться своими привилегиями. Он заявил, что объединения преследуют единственную цель, заключающуюся в ниспровержении принципов конституции и распространении анархии. Дискуссионные общества попирают основы морали, религии и социального счастья. Политические и исторические лекции неверными представлениями будоражат общество и являются в одинаковой мере опасными. Пресса деградировала. Прежде она апеллировала к высшим классам, а теперь обращает внимание низших классов на предметы, "которые они не способны понять", что также может привести к печальным последствиям. Единственным выходом, по его мнению, был запрет собраний и жестокие кары послушавшимся редакторам и издателям газет, и даже владельцам зданий, где проводились собрания¹. В выступлениях представителей оппозиции прозвучали разумные доводы, подвергавшие сомнению достоверность источников, из которых комиссия черпала свои сведения. Высказывались сомнения в необходимости дальнейшего ужесточения законодательства, позволявшего правительству действовать решительно. Однако большинство палаты с готовностью одобрило предложенные меры².

Закон был направлен, в первую очередь, против тех, кто ратовал за изменение конституции и распространял радикальные учения. Ряд конкретных организаций перечислялись в законе: Корреспондентское общество, Объединенные англичане, Объединенные британцы, Объединенные шотландцы, Объединенные ирландцы. Все эти объединения, в том числе и дискуссионные общества, объявлялись противозаконными³.

Парламентский акт положил конец деятельности политических обществ, в то время как благотворительные, религиозные и другие объединения продолжали существовать. Новой чертой начала XIX в. стало появление ассоциаций людей интеллектуального труда⁴. И если эти объединения носили скорее профессиональный характер, то создание ост-индских организаций

¹ The Parliamentary history. v.34. P.985-986.

² Ibid. P.998.

³ Текст закона см.: Williams E.N. The eighteenth century constitution. P.429-431.

⁴ Подробнее об этом см.: Фадеева Л.А. Очерки истории британской интеллигенции. С.80-82.

предпринимателей и торговцев, выступавших за изменение торговой политики королевства, было событием иного рода.

В преддверии очередного продления парламентом хартии Ост-Индской компании, обладавшей правом монопольной торговли с Востоком, поднялась волна протеста против ее привилегий. В 1813 г. в Ливерпуле создана Ост-Индская ассоциация, которая возглавила движение. Местный торговец Уильям Расбон разъезжал по торговым и промышленным центрам страны, где читал лекции. В них он обосновывал необходимость расширения торговли с Востоком, возмущаясь тем, что большинство предпринимателей отстранены от ведения столь прибыльного дела¹. Нередко там, где он побывал, создавались ост-индские ассоциации. Однако они просуществовали недолго, так как парламент в том же году принял решение об открытии индийского рынка для предпринимателей Британии.

Итак, подводя итоги, необходимо отметить следующие моменты.

Всплеск социальной активности в Британии во второй половине XVIII в. явился следствием глубоких сдвигов в социально-политической сфере. Рубеж XVII-XVIII вв., как уже говорилось выше, был отмечен важнейшими изменениями в жизни королевства: установлен государственно-политический режим — конституционная монархия, прерогативы которой ограничивал парламент, провозглашена свобода вероисповедания, отменена цензура, подтверждены гражданские права англичан. Разрешение острых политических конфликтов, сотрясавших королевство на протяжении десятилетий, явилось важной предпосылкой стабилизирующего характера для дальнейшего экономического и социального развития.

К середине XVIII в. регулярный созыв парламента, неукоснительное соблюдение сроков его полномочий, а, следовательно, и частые, периодические выборы сопровождались постепенным упрочением в повседневной жизни британцев митингов, собраний и прессы. На страницах газет и в памфлетах шла полемика по проблемам государственного, социального и экономического характера. С десятилетиями все более широкое

¹ Martineau H. A History of the Thirty Year's Peace, 1816-1846. L., 1877-1878. v.III. P.4-5.

освещение получали вопросы политические. В борьбе за власть тори и виги чаще использовали печатное слово.

Вторая половина XVIII и начало следующего столетия явились важным этапом становления национального, гражданского, правового самосознания в Великобритании. Этот процесс стал в значительной мере проявлением зарождения и укрепления публичной сферы: функционирования общественных заведений, создания многочисленных, разнообразных объединений; распространения печатной продукции, и прежде всего – прессы. Вместе с тем их возникновение явилось своего рода мерилom, характеристикой особенностей этого этапа в истории страны. Трудно переоценить социальную и политическую роль институтов самоорганизации населения в упрочении демократических прав и свобод в повседневной жизни, формировании общественного мнения, выработке форм и путей его выражения.

Высокая социальная активность британцев в последние два десятилетия столетия явилась своего рода проявлением тех изменений, которые происходили в публичной жизни. Типичный горожанин, а чаще всего им был представитель среднего класса, в свободное время предпочитал находиться не дома, а в общественных местах¹. Общность интересов либо взглядов воплощалась в объединениях, которые стали центрами проведения дискуссий и организационной формой целенаправленной совместной деятельности. Становление институтов гражданского общества протекало в рамках политизации лишенного политических прав среднего класса, который использовал существовавшие формы социального объединения и средства для выражения своих требований.

Вместе с тем, было бы неправомерным и преувеличение новых явлений в жизни королевства. Они затронули главным образом не столь значительный еще слой городского населения, более того, лишь его часть. С другой стороны – дискуссионные клубы и политические общества вызвали негативную реакцию политической элиты, недовольной вовлечением различных слоев среднего класса в обсуждение государственных и политических проблем. Между правящей группировкой и народом было велико расстояние. И сокращение этого расстояния между наро-

¹ The Cambridge social history. v.2. P.295.

дом и властными институтами проходило в борьбе, столкновениях той и другой стороны, протекавшей в целом в рамках правового поля. В то же время нельзя не упомянуть наметившееся изменение в тактике оппозиции. При очевидной слабости в парламенте она начинает прибегать к использованию внепарламентских методов. Они носили единичный характер: передача в прессу сведений о дебатах, инициативы в проведении митингов в графствах, организация и участие в политических организациях, попытка инициировать петиционную кампанию. Эти действия свидетельствовали о возросшем значении общественного мнения, к помощи которого начали прибегать оппоненты кабинета в борьбе за власть. И в равной мере они обозначили дальнейшее направление политического развития Британии в XIX в.

Глава 3. Институты власти и общество в конце XVIII – начале XIX в.

Монарх, правительство и оппозиция

Функционирование политической сферы, как и в середине столетия, зависело от расстановки сил в верхних эшелонах власти: позиций монарха, правительства и оппозиции. Однако конкретная обстановка складывалась под влиянием поражений в войне с американскими колонистами, усилением политической борьбы в парламенте и вне его стен, приступов душевной болезни короля. Первые ее признаки появились в 1765 г., а в конце 1780-х гг. затянувшееся безумие привело к требованиям установить регентство. Немало огорчений приносил монарху и наследник престола – принц Уэльский. Молодой Георг подружился с Ч.Фоксом и его группировкой, что только усилило нелюбовь короля к вигам.

Оппозицию вигов не остановила неудача попыток сместить правительство лорда Норта в 1780 г. при использовании Йоркширской и других ассоциаций. В феврале 1781 г. Э.Берк все-таки внес предложение об экономической реформе. Ее обсуждение стало триумфом недавно избранного в парламент сына У.Питта Уильяма Питта Младшего. Первая же его речь в парламенте произвела большое впечатление на окружающих. Он говорил расчетливо и точно, заставляя слушателей соглашаться с его доводами. Питт продемонстрировал палате, что он – «оратор волею божьей» и вскоре подчинил ее своему влиянию¹. Возвышение Питта в глазах окружающих довольно быстро привело к его столкновению с одним из наиболее ярких представителей оппозиции – Чарльзом Джеймсом Фоксом, который, как и Питт, являлся потомственным парламентарием.

Ситуация в стране и за ее пределами привела к неожиданному роспуску парламента. Выборы обошлись короне в сумму, составлявшую более 100 тыс. ф.ст., что вызвало недовольство

¹ Шервин О. Шеридан. С. 132-133.

короля, так как предшествовавшие выборы потребовали в два раза меньшие затраты¹. Эти финансовые вливания позволили правительству получить подавляющее большинство своих сторонников в нижней палате. Такой размах коррупции едва ли диктовался реальной необходимостью. Оппозиционные настроения в стране не были велики, по-видимому, правительство сильно преувеличило проистекавшую от них опасность.

Помимо комитетов в графствах в 1780-е годы внимание общества приковала Ост-Индская компания, в том числе и благодаря усилиям вигов.

Акционерная Ост-Индская компания была создана в начале XVII столетия². В XVIII в. она превратилась в мощную и богатую организацию, пользовалась поддержкой государства. В то же время, помимо монопольной торговли с Востоком, после завершения Семилетней войны и поражения основных конкурентов в регионе компания приобрела ряд важных привилегий: право содержания собственной армии и военного флота, объявления войны и заключения мира в Индии, сбора налогов, осуществления правосудия и т.д. Таким образом, торговая корпорация приобретала функции не свойственные коммерческому объединению, что стало важным фундаментом дальнейшего укрепления ее позиций и расширения влияния в Индии.

С деятельностью Ост-Индской компании связаны имена британцев, оставивших заметный след в истории страны. Ее служащими были публицист, историк Д.Милль и его сын философ Дж.-Ст.Милль; известный парламентский радикал Дж.Юм; в ее войсках набирался военного опыта будущий победитель при Ватерлоо А.Уэлсли; в колледже, который готовил служащих, преподавал Т.Малтус. Необходимо упомянуть и видных колониальных чиновников Р.Клайва, У.Гастингса, Т.С.Раффлза и других, сыгравших значительную роль в проведении британской политики на Востоке.

¹ Maccoby S. English radicalism. 1765-1785. L., 1955. P. 326.

² Подробнее о компании см.: Новая история Индии. М., 1961; Олтаржевский В.П., Бейдина Т.Е., Воронкова Г.А. Английская Ост-Индская компания в XVII веке. Иркутск, 1988; Айзенштат М.П., Гелла Т.Н. Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX веке. М., 1999; Philips C.H. The East India Company 1784-1834. Manchester, 1961, etc.

В первой половине XVIII столетия покупка акций компании рассматривалась, как удачное вложение средств, приносявших стабильный доход. Со второй половины, по мере разрастания масштабов активности и влияния компании, такое приобретение предоставляло шанс получить выгодную должность в Индии, либо в аппарате в Лондоне. Изменение ситуации отразилось на общем числе пайщиков. Если к середине века их насчитывалось 2140, то в 1793 г. — 2700 человек¹. Обладание пакетом акций в 500 ф. стерлингов предоставляло право принимать участие в общем собрании пайщиков, на котором решались важнейшие вопросы. Среди них, прежде всего, необходимо назвать выбор директоров, определение размеров дивидендов, одобрение политики компании. Основным пайщиком, обладавшим наибольшим количеством акций, была верхушка лондонских торговцев и финансистов, тесно связанных с аристократией, а также крупные судовладельцы, заинтересованные в расширении заморской торговли. По мере роста фондов существенно возросло число владельцев небольших пакетов акций. Это были, главным образом, британцы, но также жители континента и Америки. Вместе с тем, численность иностранных вкладчиков постепенно сокращалась с одной четверти в 1750-х гг. до 1/5 в 1780-х гг.² Как правило, акционерами становились и служащие компании. Пайщики не были равнодушным послушным сообществом, во все времена при всех изменениях они чаще всего выступали сплоченно, отстаивая собственные интересы и выгоду, теснейшим образом связанных с привилегиями компании. Порой возникали небольшие группы, объединявшиеся для достижения какой-либо конкретной цели. Лондонская пресса обычно сообщала о происходивших собраниях, особенно тогда, когда они оказывались наиболее бурными. Учитывая то, что провинциальные издания перепечатывали новости столицы, круг людей, вовлекавшихся в обсуждение проблем компании, существенно расширялся.

Подкуп местных правителей, многочисленные войны подрывали финансовое могущество компании, а война с американ-

¹ Marshall P.J. Problems of Empire. Britain and India 1757-1813. Studies and documents. L., N.Y., 1968. P. 25.

² Ibid. P. 25.

скими колонистами затруднила торговые операции. В период первого серьезного финансового кризиса осенью 1772 г. руководство заявило о невозможности расплатиться по обязательствам. Исследовав состояние дел, правительство лорда Норта в 1773 г. осуществило реформу. Парламенту пришлось преодолевать сопротивление пайщиков, которых поддержала оппозиция в лице сторонников лорда Рокингема и торговцы, заинтересованные в сохранении монопольных привилегий корпораций. Виги на тот момент опасались, что правительство намерено усилить исполнительную власть за счет ущемления привилегий компании.

Акт 1773 г. явился первой серьезной попыткой урегулировать проблемы управления законодательным путем. Он был направлен на исправление дефектов сложившейся системы, которые явно обозначились в предыдущие годы. Главная задача закона состояла в усилении позиций Совета директоров, заседавшего в Лондоне¹. В Индии власть передавалась в руки генерал-губернатора. Первым назначенным Лондоном главой индийских владений стал У.Гастингс.

С конца 1770 – начала 1780-х годов виги, опасаясь быстрого возвышения компании и роста ее могущества, потребовали подчинить ее контролю парламента. В данном случае эти настроения были теснейшим образом связаны с боязнью усиления финансового положения короны за счет средств, поступавших от компании. По мнению вигов, финансовая независимость монарха могла нивелировать статус парламента. Ухудшение положения компании и настойчивые выступления вигов вынудили правительство создать в 1781 г. две комиссии, которые занялись исследованием ситуации². Напряжение в парламенте нарастало из-за противостояния правительства и оппозиции, что и привлекло внимание общества³. Предлагавшийся Г.Дандесом план преобразования системы управления палата отклонила.

После поражения английских войск под Йорктауном в 1781 г. правительство Норта ушло в отставку. Лорд Норт про-

¹ North's India Act, 1773 (Clauses relating to the organization of the Company and the powers of the Board of Control) / Marshall P.J. Problems of Empire. P.111-126.

² The Annual register for the years 1784 and 1785. P. 46, 55-56

³ Ibid. P.75.

был главой кабинета длительный срок с 1770 г., а до этого с 1759 г. неоднократно занимал министерские должности. «Секрет влиятельности Норта как министра заключался не в заискивании перед королем, а в исключительно тактичном обращении с палатой. Норт обладал на редкость ... непривлекательной наружностью. Но за этой топорной внешностью скрывалось много полезных талантов. Норт отличался остроумием, дружелюбием и крепким природным здравым смыслом. Самым большим его пороком была лень, самым серьезным недостатком – нерешительность», удивительно точно подметил исследователь истории эпохи¹. Уход Норта из высших эшелонов власти лишь подчеркнул наличие враждующих группировок в парламенте, не способных прочно удержаться у власти. За полтора года сменилось три кабинета. Первым было правительство лорда Рокингема, в нем Чарльз Фокс занял пост министра иностранных дел. Георг III настоял на вхождении в правительство лорда Шелбурна, с которым у премьера не сложились отношения. Неожиданная смерть Рокингема обострила политический кризис.

Главной задачей правительства на тот момент являлось урегулирование отношений с Америкой, подписание договоров с Францией и Голландией, сложные переговоры с Россией, а администрацию раздирали вражда, соперничество, дразги. В июле 1782 г., когда во главе правительства встал Шелбурн, Фокс вышел из кабинета, отказавшись сотрудничать с ним. Вслед за Фоксом ушли Берк, Шеридан, лорд Кавендиш, в феврале 1783 оно пало. Сформировано новое коалиционное правительство. В него вошли Норт, Фокс, Берк, такой союз несхожих политиков дал повод исследователям называть его уродливым детищем интриг, союзом талантов, а не принципов². На дальнейшей судьбе группировки Фокса сказался секретный договор, заключенный с наследником престола. Их сближение усилило неприязнь короля к вигам.

Итак, сформировано коалиционное правительство, в которое вошел долго добивавшийся поста Ч.Фокс. Он и разработал собственный проект переустройства компании в 1783 г.

¹ Шервин О. Шеридан. М., 1978. Пер. с англ. С. 128.

² Там же. С. 138.

Пристальное внимание парламента беспокоило акционеров. По свидетельству современников, в резиденции компании на Лиденхол стрит непрерывно заседал комитет пайщиков. Именно они подняли тревогу, рассылая письма во все города с обращением к корпорациям. «Наша Собственность и Хартия под угрозой. Задумайтесь о своем положении» — говорилось там¹. Действительно, план Фокса предполагал введение некоего внешнего контрольного органа, который бы надзирал над компанией, а ее привилегии были бы сильно урезаны. Как это бывало нередко и в других случаях, монарх рассматривал конфликт в парламенте, как оскорбление, нанесенное ему лично. Он настаивал, те, кто проголосует в пользу Фокса, не просто перестанут быть его друзьями, но превратятся в его врагов². Жесткая позиция Георга III способствовала усилению платформы критиков проекта. В 1783 г. произошла отставка коалиционного правительства Норта — Фокса. Недовольство короля министрами было настолько велико, что он отказал им в традиционной по случаю отставки аудиенции³. Кабинет согласился возглавить У.Питт Младший. Второй сын У.Питта появился в парламенте в 1781 г. и, как отмечалось выше, привлек к себе внимание блестящими ораторскими способностями. К моменту назначения в декабре 1783 г. он уже обладал некоторым опытом административной работы благодаря непродолжительному пребыванию в правительстве Шелбурна. Таким образом, борьба нового главы кабинета У.Питта Младшего и Фокса завершилась. Дискуссия по поводу билля Фокса зашла в тупик и привела к роспуску парламента. Последовавшие выборы явились ярким свидетельством распространившегося по всей стране недовольства коалицией и ее предложениями, которые были призваны изменить статус компании. Повсеместно они рассматривались как посягательство на привилегии всех корпораций королевства столь опасным для их существования прецедентом. В то же время выборы 1784 г. стали проявлением безоговорочной поддержки кабинета мо-

¹ Wrxall, M.P. Historical memoirs of my own time. V.2. Цит. По: Mac-coby S. English radicalism 1762-1785. L., 1955. P. 400.

² The Annual register for the years 1784 and 1785. P. 69.

³ Cannon J. George III. P.51.

лодого политика — У.Питта, получившего большинство сторонников в палате.

В ходе предвыборной борьбы виги активно использовали печатную продукцию для обращений к избирателям. Фокс выпустил несколько воззваний. В них проявились отзвуки нараставших столкновений кандидатов и явное осознание шаткости собственной позиции. Если первое послание было достаточно формально и кратко, то уже следующее более настойчиво призывало оказать поддержку его кандидатуре. В последнем он много и пространно писал о происках врагов, значении каждого голоса, поданного за него, а также настойчиво напоминал о своих заслугах перед обществом и перед избирателями¹. Призывы и поддержка немногочисленных сторонников не помогли, и группировка Фокса потеряла голоса избирателей.

Между тем, отдельные положения плана Фокса учел и использовал У.Питт Младший при разработке собственного проекта. В 1784 г. он сумел провести через парламент следующий акт, который заложил правовую основу взаимоотношений компании и правительства. Современники этот закон расценили как важнейшую меру правительства, полагая, что она предотвратила угрозу потери империи в восточной части света². Акт состоял в дальнейшем усилении власти генерал-губернатора в Индии. В Лондоне над Советом директоров, который сохранял свои функции полностью, учрежден Контрольный совет. Ему придавались функции надзирающего органа за деятельностью Совета директоров в столице, свободу рук в Индии компания вновь сохранила неизменной.

Потерпев поражение, как и прежде, виги не сложили оружие и направили усилия на критику компании, инициировав судебный процесс над У.Гастингсом. Причины этого шага историки обычно связывают со стремлением оппозиции отправить в отставку правительство У.Питта Младшего, интригами врагов самого Гастингса, сумевших привлечь на свою сторону Э.Берка и другие мотивы³. Без сомнения, тайные надежды вигов¹, вы-

¹ The Annual register. P. 232, 273-76.

² Ibid. P.45-46.

³ Шервин О. Шеридан. С. 180-181; Feiling K. Warren Hastings. L., 1955. P.281; Keay J. The Honorable Company. P. 389-390; etc.

ступления «заклятого» врага Гастингса Ф.Фрэнсиса, вдохновителя и главного свидетеля оппозиции, имели место. Однако позиция, занятая Берком, не представляется столь однозначным результатом внешнего влияния, только лишь интриг, либо личной заинтересованности в связи с опосредованным вовлечением в конфликт его дальнего родственника. Скорее ее можно рассматривать как совокупность всех этих причин, усиленных собственными взглядами Берка.

Э.Берк был человеком глубоко преданным сложившейся британской политической системе. Он благоговел перед аристократией, видя в ней важнейший традиционный институт, который придавал всей системе устойчивость². Вместе с тем он также свято верил в силу закона. По собственному признанию Берка, его интерес к компании возник еще во время подготовки проекта лорда Норта³. С Индией была связана также его надежда, что расширение влияния англичан на Востоке компенсирует то, что потеряно ими на Западе. И тем самым будет восстановлено величие и мощь Британии⁴. В 1770-е годы он уже знаком с Фрэнсисом, его корреспондентами были многие высокопоставленные чиновники в Индии, являвшиеся в большинстве своем оппонентами Гастингса. Именно от них Берк получал сведения о проблемах, возникавших в Индии. В изменении ситуации, он полагал, заинтересованы король, правительство и нация. В 1780 г. Берк, потерпев поражение на выборах, перекупил пакет акций компании, посещал собрания пайщиков в надежде получить доходную должность в ее штате. Однако планы не осуществились, и вскоре ему вновь удалось добиться успеха на дополнительных выборах в парламент. В 1781 г. – Берк стал членом упоминавшегося выше Выборного комитета палаты по индийским делам, и приобрел большое влияние в нем. Опрос свидетелей вскрыл массу злоупотреблений. Он увидел в них угрозу потери империи в Индии, а свою цель обозначил, как укрепление позиций анг-

¹ Достаточно сослаться на письмо сэра Элиота к супруге, проникнутое крайним недовольством главой кабинета и надеждой на предстоящую дискуссию. / EHD, v. XI. P. 303.

² См., например, высказывания Берка: Берк Э. Размышления о революции во Франции. С.57-58, 63-65 и др.

³ Burke E. The correspondence of E.Burke. Cambridge, 1963. V. 4. P.93.

⁴ Ibid. P.33, 308, 310, 320, etc.

личан в регионе, которым угрожало нарушение законности¹. Его работа в комитете была напряженной, но едва ли ее можно признать беспристрастной. Берк встречался с Фрэнсисом специально для предварительного обсуждения официальных показаний в комитете последнего². Хотя его поведение и вызывает недоуменные вопросы, но все же объясняется мнением, сложившимся у Берка в этот период. Он полагал, что успех любых реформ в отношении Индии и компании невозможен без предваряющих действий против Гастингса, который в глазах политика олицетворял все негативные стороны поведения англичан в Индии, все пороки проводимой ими политики. Берк поддержал решение об отзыве Гастингса из Индии и настаивал на судебном разбирательстве и наказании генерал-губернатора³. Впоследствии он же стал и одним из наиболее ярких ораторов в палате при рассмотрении дела.

На первый взгляд, длительные слушания и, в конечном итоге, оправдательный приговор Гастингсу снизили общественное звучание процесса. Но, тем не менее, он сыграл определенную роль в формировании правового самосознания в обществе. У.Гастингс обвинялся в жестоком обращении, преднамеренном обмане и злоупотреблениях. В ходе подготовки к процессу и накануне открытия слушаний в палате общин, в ее стенах, на страницах газет и в памфлетах вскрывались факты коррупции, воровства, нарушения закона и т.д. Аргументы вигов – Э.Берка, Р.Шеридана, Ч.Д.Фокса, вне зависимости от личных убеждений и целей, – базировались на принципах равенства всех перед законом и ответственности любого лица за неправомерные действия. В 1788 г. палата проголосовала за начало импичмента, сам процесс проходил в более спокойной и консервативной верхней палате вплоть до 1795 г. В контексте этих событий вновь хотелось бы обратить внимание на ту роль, которую сыграла пресса в конфликте. К этому времени информация о парламентских прениях занимала первые страницы лондонских газет, была в центре внимания провинциальных изданий. Речи вигов получа-

¹ Ibid. P. 344, 422, 447.

² Ibid. P. 420-421. V. 5. P. 143.

³ Ibid. V..5. P. 59-60.

ли национальное освещение, жители королевства узнавали их из газет и памфлетов, обсуждали в клубах, тавернах и пабах.

Таким образом, борьба вигов не ограничивалась лишь критикой действий кабинета, но включала и собственные инициативы. Более того, она не просто вышла за стены парламента, когда использовалась ими пресса (как это происходило в первые десятилетия века), но виги также стали вдохновителями внепарламентской оппозиции, приняв участие в созыве митингов в графствах и городах. Активизация парламентской и внепарламентской оппозиции сопровождалась нарастанием напряжения в обществе, оживлением деятельности различного рода обществ и клубов и деятельностью аболиционистов, которая была напрямую связана с колониальными владениями не только Британии.

Выбор монарха главы правительства оказался весьма удачным, положив конец частой смене кабинета. У.Питт Младший оставался на посту на протяжении 17 лет. За это время произошли существенные сдвиги в функционировании этого органа исполнительной власти, никто уже не ставил под сомнение его существование и статус первого министра. Неудачная попытка реформировать систему представительства в 1785 г. стала одним из немногих поражений Питта. Реформы, начатые им, в системе гражданской службы и торговой политике были прерваны событиями на континенте. Французская революция, а затем война с Францией изменили направление внутренней и внешней политики. Одним из важнейших событий этого периода стало заключение Унии с Ирландией в 1801 г.¹ План Питта не осуществился полностью, ему не удалось убедить короля предоставить политические права католикам. Позиция монарха осталась непоколебимой. Он был твердо убежден в том, что Ганноверскую династию призвали в свое время оберегать протестантский характер британской конституции, и не соглашался ни на какие уступки в этом вопросе². И Питт ушел в отставку. Условия заключения и последствия принятия Унии с Ирландией существенно отличались от объединения с Шотландией. Лондон представлял британец в этой части королевства, а в парламенте столицы могли

¹ Подробнее об этом см. : Мирошников А.В. Три века Ирландии. Книга 1. С.87-91.

² Cannon J. George III. P. 75.

заседать лишь избранники немногочисленного протестантского населения Ирландии¹.

Подводя итоги, можно констатировать следующее. Потеря американских владений нанесла серьезный удар по национальной гордости британца, однако она не спровоцировала обсуждения в обществе ситуации, создававшейся в других заморских территориях, не вызвала полемики по проблеме того значения, которое они имели для метрополии. Проблемы, связанные с наличием колоний, работорговлей, либо Ост-Индской компанией, не имели в рассматриваемое десятилетие «самостоятельного» значения для парламентской оппозиции. Британское общество, политические и общественные лидеры обращались к этим вопросам, исходя из состояния дел в метрополии, религиозных убеждений, борьбы за власть. В своей деятельности они активно использовали парламентские и внепарламентские методы агитации. При этом их действия приводили к неожиданным, непредвиденным результатам. Лидеры вигов, иницилируя собрания в графствах, либо судебный процесс над У.Гастингсом, способствовали тем самым оживлению общественной жизни, привлечению внимания общества к проблемам колониальным в контексте проблем конституционных и политических. Безусловно, результаты усилий не являлись следствием их намерений. Между тем, столкновения интересов правящей группировки и оппозиции по вопросам экономической политики, особого положения Индии в системе колониальных владений, управления и торговли с нею, работорговли и многие другие способствовали выработке основ либеральной экономической политики, явились отправной точкой размышлений над введением новых методов управления колониальными владениями. Обсуждение статуса компании и ее политики благодаря прессе вышло далеко за рамки круга заинтересованных лиц, привлекло внимание общества к проблемам корпоративных привилегий, нарушениям правовых норм и коррупции. Провозглашение принципа равенства всех перед законом в год 100-летия со времени осуществления Славной революции и накануне начала Французской революции сыграло важную роль в укреплении правового самосознания в обществе, усилении позиций прессы. Иными словами, деятель-

¹ Айзенштат М.П. Британия нового времени. С. 86-94.

ность оппозиции, бесплодная в стенах парламента, имела серьезные последствия для общественного развития, являясь одним из катализаторов процесса становления гражданского общества в Британии. Расхождения Берка и Фокса с Шериданом в оценке революции во Франции, смерть Берка в 1797 г., и Фокса в 1806 г. в значительной мере подорвали и без того слабую оппозицию.

Семейная жизнь Ганноверов и общество

Личность Георга III и его политика издавна привлекают внимание исследователей. Опасения вигов при его жизни, что монарх намерен усилить свою власть за счет парламента, отразились на интерпретации правления, впоследствии она подвергалась пересмотру. Между тем, Георг III не предпринимал ни одного шага, выходящего за пределы его компетенции. Из вышеизложенного, скорее вырисовывается образ человека, стремившегося всеми силами стать «хорошим» королем своим подданным¹, избавиться от злоупотреблений, восстановить социальный мир в обществе и согласие в парламенте. Взаимоотношения членов семьи Георга III, в обсуждение которых были вовлечены государственные и политические деятели, а затем и общество, предоставляют возможность исследователю обнаружить любопытные подробности. Так семейные конфликты позволяют выявить новые черты характера Георга III и наследника престола; видение ими и ближайшим окружением статуса монарха в обществе.

В 1761 г. молодой король женился на Шарлоте Мекленбург-Стерлицкой. Династический брак оказался довольно удачен, у супругов родилось 9 сыновей и 6 дочерей. Жизнь монарха и его двора была упорядоченной и лишенной пышности.

«Дом короля Георга, — писал У.Теккерей, — был типичным домом английского джентльмена. Там рано ложились и вставали, обращались друг с другом приветливо, занимались благотворительностью, жили скромно и упорядоченно и так, должно быть, скучно, что просто страшно подумать. Не удивительно,

¹ В данном вопросе можно согласиться с оценкой Д.Кэннона: Cannon J. Op. Cit.

что все принцы сбежали из этого уныло-добродетельного домашнего лона»¹.

Естественно, первым взбунтовался Георг. Красивый ребенок был любимцем матери, двора, которые его баловали и потакали ему. Он рос безответственным, своенравным и эгоистичным человеком. Подросший Георг посвящал свою жизнь нарядам, вину, картам, женщинам. Черода любовных похаждений юноши завершилась заключением тайного союза с католичкой, вдовой Марией Фицгерберт. Формально с самого начала, что было хорошо известно жениху, брак был незаконным, по законам королевства протестантский монарх, как глава Англиканской церкви не мог связать себя узами с католичкой, не потеряв права на престол. Более того, незаконным считался и брак, который был заключен тайно без соблюдения всех формальностей.

Не только образ жизни молодого повесы не одобрял отец. Особое его негодование вызывало сближение принца с влиятельной группировкой вигов — Ч.Д.Фоксом, Р.Шериданом, Э.Берком и др. Будучи членом верхней аристократической палаты лордов, Георг нимало не интересовался проходившими там дебатами и законопроектами. Время он проводил в кутежах с Фоксом и Шериданом, в разной мере посвященных в его личную жизнь и взаимоотношения с Фицгерберт. Для Георга они превратились в своего рода группу поддержки в парламенте, которая отстаивала там его интересы. Вигов же, безусловно, привлекала фигура принца, дружба с которым вселяла надежды на приход во власть, усиление собственного политического веса. Сближение с наследником престола оставалось традиционной тактикой оппозиции.

Как только в августе 1783 г. Георг достиг совершеннолетия, он захотел жить отдельно, покинул королевскую резиденцию и поселился в Карлтон-хаусе. С этого времени начинается бесконечная перестройка дворца, его украшение дорогими картинами, коврами, безделушками. Он потребовал увеличить раз-

¹ Теккерей У. Георг III. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 11. М., 1979. С.582. У.Теккерей написал портреты четырех Георгов. Их отличает не только блестящая литературная форма, но и добротная документальная основа.

меры своего содержания¹. К этому времени правительство лорда Норта ушло в отставку, а Фокс вошел в состав правительства лорда Рокингема. Именно друзья в правительстве поддерживали принца и предложили выделить ему 100 тыс. ф.ст. в год. Этому воспрепятствовал король. Он был возмущен таким расточительством министров, в то время как страна переживала тяжелый финансовый кризис, вызванный дороговизной и бесплодной войной с американскими колонистами. Георг III заявил, что содержание принца будет увеличено тогда, когда он женится. На данный момент оно было ограничено 50 тыс. и доходами от Корнуолла, что составляло еще 27 тыс.² Король воспользовался первой же возможностью избавиться от неугодного министра, после провала индийского билля Фокса, о чем речь шла выше, он отправил его в отставку.

Выделенных денег, безусловно, было недостаточно для покрытия расходов принца, который восполнял недостаток средств займами. И в 1787 г. в палате общин обсуждалось обращение к монарху, чтобы увеличить содержание принца и оплатить его долги. Однако новая попытка друзей помочь Георгу также не увенчалась успехом. Предложение было отозвано после заявления главы правительства У.Питта о нежелании монарха удовлетворить просьбу сына³. Сохранился любопытный документ, прекрасно характеризующий Георга в этой ситуации. Сэр Элиот в письме жене сообщал, что принц разослал приглашения почти 180 членам палаты. Они собрались в зале Карлтон-хауса, где он поблагодарил их и выразил сожаление, что принес беспокойство друзьям. Вместе с тем, легкомысленно заявил наследник престола, демонстрация политической поддержки благоприятно отразится на его кредите, и удалится⁴. Действительно, Георг и его братья занимали деньги повсюду, как у английских, так и у голландских банкиров. Так, в 1784 г. долги принца

¹ Со времени реставрации Стюартов на британский престол в 1660 г. парламент определял размеры сумм, выделяемых королю и всему королевскому семейству, так как монархи в период революции потеряли свой королевский домен и в финансовом плане оказались в зависимости от решения парламента. Выход они чаще всего находили в займах, как в Британии, так и за ее пределами.

² Hilbert Chr. George IV. Prince of Wales. L., 1977. P. 32.

³ English Historical Documents. V. XI. P.302.

⁴ Ibid. P.302-303.

составляли 100 тыс. ф. ст., а к 1787 г. возросли до 270 тыс. ф. ст. и продолжали увеличиваться¹.

Прошло чуть более года, когда газета «Таймс», уже находившаяся в то время выходить в число влиятельных изданий, характеризовала Георга, как «развратного молодого человека, много пьющего и богохульствующего, который в любое время предпочтет девицу и бутылку вина политике или проповеди». Его представление о счастье, продолжал автор статьи, не выходит за пределы обжорства, пьянства и азартной игры в карты². Георг превращался в объект насмешек; как и другие члены королевской семьи, становился героем карикатур. Так, художник Джеймс Гилри в эти годы в своих рисунках изображал короля скрягой и идиотом, принца Уэльского — пьяницей и развратником³. Серьезную озабоченность в обществе вызывала его связь с миссис Фицгерберт, а также огромные долги. Эти долги равнозначны национальному позору, утверждала «Таймс». Если наследник престола ведет подобный образ жизни, то народу стоит задуматься о своей судьбе, подчеркивалось на страницах газеты⁴.

Это были крайне опасные для власти заявления, если принять во внимание момент их публикации — 1789 г. Надо отметить, что в тот год владелец газеты Джон Вальтер стал секретно получать из казны дотации в размере 300 ф.ст. Они выделялись для поддержки газетой политики правительства и осуждения любой оппозиции⁵. Но и финансовые соображения не могли повлиять на тональность любых материалов о Георге. Вальтер заявлял: поведение принца и его братьев говорит за себя, и переубедить публику не удастся никакими восхвалениями его добродетелей. За подобные публикации он был наказан и несколько месяцев отсидел в тюрьме.

В ноябре 1791 г. герцог Йоркский женился на прусской принцессе, брак увеличил его доход. Георг же пребывал в стесненных обстоятельствах, ему были нужны деньги для завершения перестройки Карлтон-хауса, для содержания большой по

¹ Cannon J. Op. cit. P.57, 58.

² Цит. по: Hilbert Chr. George IV. P. 105.

³ Кертман Л.Е. География, история и культура Англии. М., 1979. С. 156-157.

⁴ Hilbert Chr. George IV. P. 108.

⁵ The New Cambridge Modern history. Cambridge, 1965. v.IX. P, 181.

тем временам конюшни, и на другие траты. В 1792 г. поползли слухи о предстоящей женитьбе Георга.

В конце августа 1794 г. принц Уэльский впервые сообщает брату герцогу Йоркскому о своей предполагаемой женитьбе. К этому времени его роман с миссис Фицгерберт окончен. Однако Георг увлечен другой дамой – леди Джерси, что не мешало готовиться к торжеству. «Король не желает обсуждать этот вопрос. Он хочет, чтобы свадьба состоялась до наступления зимы», – извещал Георг брата¹. Хотя брак заключался по настоянию короля и парламента, невесту Георг избрал себе сам. Ею стала его кузина Каролина Брауншвейгская.

Еще в 1792 г. лорд Мальмсбери был направлен в Брауншвейг с деликатной миссией. Каролина произвела на него двойное впечатление. С одной стороны посланник отмечал ее миловидность, с другой – тяжелый характер. Это было создание импульсивное, довольно бестактное, не отличавшееся безупречным вкусом в одежде. Каролина относилась к числу тех людей, кто сначала говорил, а потом уже задумывался над сказанным. К тому же она не знала английского языка. Мальмсбери принадлежал к числу наиболее талантливых дипломатов Британии того времени², и его осторожный отзыв о Каролине должен был бы насторожить Георга. Однако его решение не исходило из трезвого расчета, учитывавшего достоинства характера и воспитания невесты, человека, который уже был женат и знал бы, какая ему нужна супруга, будущая королева Британии и мать наследников престола. Не большим здравым смыслом проникнуто и ответное послание брата, который заверял: «... что касается Принцессы. Она милая девушка и во всех отношениях, по моему мнению, очень подходит тебе»³. В середине сентября 1794 г. в газетах уже сообщалось о намерении отправить посла за принцессой Каролиной.

Началась предсвадебная суета. Как истинный мот и транжира Георг занялся финансовыми проблемами своего будущего двора, подбором штата слуг. Он вновь ставит вопрос о размерах

¹ Prince of Wales to the duke of Yorke, 29 Aug. 1794. / *The correspondence of George Prince of Wales*. V. 2. L., 1964. P. 453.

² Мартенс Ф. Указ. Соч. С. 291.

³ Duke of York to the Prince of Wales. / *The correspondence of George Prince of Wales*. V. 2.. P. 454.

выделяемых средств. Надо отметить, что осторожный ответ короля едва ли мог отрезвить сына и остановить его траты. Отец писал: прежде чем набирать слуг, надо сначала выяснить, какой доход будет поступать принцу, иначе его ждут ужасные расходы, не покрытые поступлением денег. К тому же, необходимо учитывать общественное мнение, которому ты должен представить четкий план жесткой экономии¹. Слова, написанные королем, знаменательны. За 34 года правления Георг III пришел к пониманию значения общественного мнения в политической жизни королевства. Он стремился подправить, улучшить образ наследника престола в глазах общества и парламента, когда Британия вновь ведет дорогостоящую войну, на этот раз с революционной Францией. Однако Георг продолжал выбирать наряды, занимался отделкой дворца, подбором фрейлин и подружек невесты и т.д. Учитывая сложную ситуацию в Европе, разработанный наиболее безопасный маршрут проезда невесты в Англию.

Произошла непредвиденная заминка. В Брауншвейге, прежде чем расстаться с Каролиной, ждали официального обращения британского короля. К концу декабря Георг оказался в жесточайшей ситуации. Надеясь на близкую свадьбу и решение финансовых проблем, он попал в капкан собственного легкомыслия и остался совершенно без денег. К этому времени его долги выросли до 630 тыс. ф.ст. Принц пытался занимать небольшие суммы, где только можно. В начале января он очень обеспокоен задержкой: «принцесса должна была бы прибыть, по крайней мере, 6 недель тому назад», сетовал жених².

В начале марта Георг получил письмо от члена кабинета Генри Дандеса. Положение дел принца и будущее обсуждение его содержания немедленно вызовет дискуссию в парламенте. При любом его исходе такое обсуждение не будет приятно принцу, писал он. И даже, если можно будет предотвратить его в палатах, то размеры долгов привлекут внимание общества. Это неизбежно скажется на престиже королевской семьи в Европе в такой сложной обстановке на континенте³. Но это мало беспокоило Георга, его волновала лишь задержка Каролины в пути.

¹ The King's reply, 20 September 1794. / *ibid.* P. 460.

² To the Queen, 25 December. / *Ibid.*, v.3. L., 1965. P. 11.

³ Letters from Henry Dundas. 3 March 1795. / *Ibid.* P.38-39.

Действительно, завоевание Голландии французами на континенте и неблагоприятные сильные ветры на море до чрезвычайности осложнили путешествие Каролины, которая отправилась в путь 29 декабря, а прибыла в Англию лишь 5 апреля. Согласно этикету, лорд Мальмсбери сопровождал ее, и, благодаря его свидетельству, сохранились подробности первой встречи жениха и невесты, которая состоялась в Карлтон-хаусе. Принц сказал несколько ничего не значивших слов, слегка обнял ее и удалился. В своих покоях он потребовал стакан бренди и уехал к матери. Каролина была удивлена и обижена. Девушка, покинувшая родной дом, проделавшая длительное и опасное путешествие, вправе ожидать более теплого приема. Более того, реальный Георг существенно отличался от героя портрета, присланного ей ранее, а его поведение повергло ее в состояние шока. Ее ответ последовал незамедлительно. На первом же совместном обеде она была болтлива, постоянно подшучивала. И весь вечер отпускала довольно «вульгарные» намеки в адрес леди Джерси, которая присутствовала там же в качестве ее собственной фрейлины¹.

Свадьба состоялась 8 апреля. Как предполагали современники, через 2-3 недели, если не раньше, Каролина и Георг уже жили во дворце раздельно. Принц был постоянно пьян. Лорд Минто, посетивший принцессу в эти дни, высказал наиболее вероятное предположение об истоках возникшего разлада. Он писал: «Я полагаю, что причиной его антипатии является его же собственная неспособность. Отвращение — то чувство, которое любой мужчина испытывает по отношению к женщине, знающей о его недостатке»². Несмотря на непродолжительность семейной жизни, Каролина забеременела. А поведение Георга в свете ее положения спровоцировало распространение слухов о том, что его распад не в порядке.

Имя Каролины исчезает из переписки Георга. Только 26 июня он обратился за советом к матери. Договоренность Питта и парламента об урегулировании долгов, писал Георг, вынуждает его «жить на сокращенный доход», сколько же он должен

¹ Aspinall A. Introduction to the year 1795. / Ibid. P. 2-3.

² Цит. по: Ibid. P. 123.

выделять жене?¹ Итак, надежды Георга на женитьбу, как средство выхода из финансовых затруднений, не оправдались, несмотря на то, что парламент заплатил его долги и увеличил сумму содержания до 138 тыс. ф.ст., при этом выделил более предполагавшихся сначала 27 тыс. на свадьбу и более 25 тыс. на завершение строительства Карлтон-хауса.

7 января 1796 г. «принцесса Уэльская произвела на свет принцессу. Обе в добром здравии» — радостно сообщили жители Британии. Роды происходили, как и полагалось, в присутствии свидетелей: членов королевской семьи, архиепископа Кентерберийского, министров и фрейлин². Вся семья счастлива, даже у короля наблюдалось явное просветление рассудка. Он полюбил всем сердцем дитя, и находился в счастливом, радостном состоянии³. Девочку назвали Шарлота Августа. И именно в это время Георг переписал свое завещание, которое сохранилось в двух экземплярах. Трудно сказать, в каком состоянии он находился, так как в одной из копий наследник престола все завещает своей «жене перед Богом», «жене в его сердце» и т.д. — Марии Фицгерберт. Дочь поручает заботам короля (!) и королевы. Что касается «матери этого ребенка», принцессы Уэльской — то она не должна ни воспитывать дочь, ни заботиться о ней.

В феврале вновь обостряются финансовые затруднения Георга. Для урегулирования долгов создана специальная комиссия. В суде королевской скамьи эксперты оценили приобретенные Георгом брильянты. При этом они не согласились с указанной продавцами суммой в 54 тыс. ф. ст., понизив ее до 50 тыс. и постановили выплатить долг⁴. Решению вопроса в немалой степени способствовал король, обожавший внучку⁵.

Взаимоотношения супругов начали беспокоить ближайшее окружение. Лорд Мальмсбери в конце марта обратился к Георгу, предприняв попытку напомнить принцу об ответственности перед обществом, которое неодобрительно относилось к его поведению в отношении Каролины. Он писал, что раздельное проживание Георга и Каролины может в создавшихся об-

¹ To the Queen, 26 June 1795. / Ibid. P. 69.

² The Annual register ... for the year 1796. L., 1800. Chronicle. P. 1-2.

³ From Princess Elizabeth. / The correspondence ..., v. III. P. 149.

⁴ The Annual register. P. 5.

⁵ To the King, The King's reply. / The correspondence. P. 156-158.

стоятельствах привести к затруднениям, вызвать опасное положение в будущем. Автор письма явно намекал на возможные сомнения в отцовстве принца, что могло бы пошатнуть легитимность права на престол его единственной дочери. Эта ситуация не является лишь личным, интимным делом. Жизнь наследника престола, его интересы и счастье теснейшим образом связаны с интересами страны. В силу этого невозможны любые его шаги, которые не останутся незамеченными обществом. Вполне естественно оно вправе составить суждение, будет ожидать реакции на это суждение. Недвусмысленно автор письма потребовал прекратить отношения с леди Джерси, которые вызывали повсеместный интерес и недовольство людей, которыми в будущем придется управлять Георгу¹. В ответном послании Георга явственно звучала ненависть к Каролине и обвинения в ее адрес. Напомнил лорду Мальсбери и то, что тот в свое время не советовал даже и думать о союзе с принцессой. Георг уверен, что именно поведение Каролины создало в обществе неверное представление о нем. Она в глазах публики возносится за счет его унижения, твердил он².

Тревоги лорда Мальсбери, слова, высказанные Георгом, отражали ухудшение ситуации в стране, падении авторитета королевской семьи. Нараставшее социальное напряжение в обществе выплескивалось во враждебные акции, направленные, в том числе, и против царствовавшего семейства. Об этом свидетельствовали многочисленные факты. В этом плане достаточно сослаться на публикации «The Annual register». Когда 1 февраля королевская семья возвращалась поздно вечером из театра, в карету брошен камень с такой силой, что разбил стекло и поранил королеву. 20 числа началось рассмотрение в суде дела о нападении на короля, совершенное по пути его следования на открытие сессии парламента. Этот эпизод послужил началом наступления правящих кругов на общественные организации политического характера, а затем и временной приостановке действий Хабеас Корпус Акта. Дело о нападении завершилось в уже марте, когда виновного приговорили к галерам³.

¹ From Malmesbury 24 March 1796./ Ibid. P. 159-160.

² The Prince's reply. / Ibid. P. 161.

³ The Annual register. P. 5, 6, 17.

Между тем, возрастала и неприязнь Георга к Каролине. Ее обращения к нему в этот период кратки и написаны по-французски. Молодая женщина обижена поведением мужа, который не скрывал связь с леди Джерси, пренебрегая обществом жены. Демонстративно отвечая ей по-английски, Георг не мог не упрекать во всем Каролину и ее окружение. Леди Джерси — просто давний друг, неизменно утверждал Георг¹. «Позвольте напомнить, Мадам, что моя близкая дружба с леди Джерси, при том фальшивом покрове, который ей придает клевета, была известна вам еще до того, как вы приняли мое предложение». «Леди Джерси — один из моих старейших друзей в стране», — вполне справедливо писал Георг, (Действительно ей к этому времени исполнилось 42 года, и у нее был четырехлетний внук) настаивая, что это он и пытался растолковать своей невесте за 2 дня до свадьбы².

При этом Георг начал подчеркивать, что супруги не подходят друг другу, в силу разности характера и образования они не могут быть счастливы в заключенном союзе. Все, что остается, — это сделать менее неприятным и тягостным их брак, т.е. — официально разъехаться³. Но Каролина не сдавалась и требовала объяснений. «Нет конца этой неприятной корреспонденции. Я действительно смертельно устал от этой глупой перебранки», уже в апреле обращался Георг к лорду Чолмондели с просьбой взять на себя труд объясниться с Каролиной⁴. Его желание, чтобы на протяжении оставшейся жизни их пути не пересекались, вынудили Каролину официально обратиться к королю и просить у него защиты. Скандал разрастался. В прессе появились откровенные намеки о разладе в семье принца⁵.

Георг пытался оправдаться перед отцом. И, вместе с тем, во всем продолжал обвинять Каролину. Особый взрыв его негодования вызвал эпизод, произошедший в опере. Когда Каролина появилась в ложе, зал устроил ей бурную овацию. Всему миру она демонстрирует свои страдания и унижения, возмущался Георг. Наша личная жизнь теперь выставлена напоказ обществу,

¹ См., например, : The Correspondence . V.3. P. 168-169.

² The Correspondence . V.3. P. 170.

³ The Correspondence . V.3. P.171, 174, 179.

⁴ The Correspondence . V.3. P. 176-177.

⁵ Ibid. P.187, note.

из-за моего молчания она сумела добиться превосходства над ним в глазах публики. Ее воспитание, манеры и привычки делают невозможным примирение. Моя бедная дочь, вспомнил автор письма, ей надо дать образование, которое, к сожалению, ее мать никогда не получала. Девочку надо отобрать и передать заботам короля и королевы¹. Ответ короля менее эмоционален, он не желал вникать в отношения супругов, но напоминал сыну о его положении и долге. Ты смотришь на свой развод, — писал он — как дело чисто личного характера, и не принимаешь во внимание то, что ты наследник престола. Твоя свадьба была общественным актом, который затрагивал дела королевства. Следовательно, и развод также затронет его интересы. Придется информировать обо всем общество, нельзя избежать участия парламента в этом деле. В случае неожиданной смерти принца может сложиться крайне неприятная ситуация для короны, если вдруг Каролина заявит о своих правах на регентство. Он просил Георга спокойно все взвесить, вести себя дома более достойно². Но Георга совершенно вывела из себя реакция публики в опере и публикации в прессе. Обозленный, он заявил, что никогда не переступит порога Карлтон-хауса, где в то время продолжала жить Каролина³.

Георг обратился за поддержкой к королеве. Забыты размовки и недоразумения, возникшие во время серьезного обострения болезни короля в 1788 г. Тогда друзья виги были готовы поддержать притязания Георга на установление его регентства. Однако королева воспротивилась такому акту, заявив о своих правах. У.Питт затянул решение вопроса, умопомешательство Георга III оказалось временным, наступило выздоровление. В письмах к матери июня 1796 г. Георг наставлял ее, что сказать, как повлиять на короля. «Парламент не имеет никакого права рассматривать этот вопрос, — писал наследный принц — но если он станет разбираться, надеюсь, что отец не допустит, чтобы его уже и так несчастный сын страдал и дальше, и был бы погублен». Он полагал, что все будет зависеть от того, в каком виде

¹ Ibid. P. 191-193.

² Ibid. P. 194.

³ Ibid. P. 195, 196, note. Попытки Каролины оправдаться, доказать, что события в опере не были подстроены ею или её окружением, не увенчались успехом. / Ibid. P. 211.

кабинет министров представит парламенту акт об устройстве жизни принцессы. И здесь король должен проявить твердость, министры обязаны и должны сделать так, как он скажет им. Иначе крах ждет всех нас, шантажировал Георг мать. Все, что ему нужно – узаконенное раздельное проживание с Каролиной – этим «злым монстром»¹.

Одновременно Георг пытался апеллировать скорее к королю, нежели отцу. Поводом послужили публикации в прессе. В начале июня газеты открыто обвиняли леди Джерси в том, что она способствовала нарастанию конфликта между «прелестной юной персоной» и джентльменом, которого отличает повсеместное пренебрежение мнением света. Якобинцы во Франции и британские радикалы наносят меньший вред стране, чем поведение указанного джентльмена. «Теперь Ваше Величество видит, что интересы всей семьи настолько тесно переплелись, что мы либо выстоим вместе, либо вместе упадем», писал Георг. Совершенно необходимо прекратить подобные нападки, министры должны предупредить издателей, что они будут наказаны за подобные статьи². Георг вновь получил сдержанный ответ. Король соглашался, что подобные заметки заслуживают внимания, и в то же время еще надеялся образумить сына: «Но ты знаешь, есть такой великий ревнитель соблюдения закона, который называется свободой прессы, это та струна, к которой надо прикасаться с величайшей деликатностью»³.

Потерпев временное поражение, Георг вновь обращался к королеве, вызывая к ее материнским чувствам, повествуя о своей тяжелой судьбе. Убеждал ее в необходимости должным образом настроить короля. И опять настойчиво повторял: погибну я, по-

¹ Ibid. P. 197-198.

² Ibid. P. 199-200.

³ Ibid. P. 209. Годы правления не прошли бесследно. В свое время Георг III воспринял, как выпад против лично него критические публикации в прессе о заседаниях парламента в связи с кризисом, вызванным обсуждением вопроса о Фолклендских островах. Тогда он попытался ограничить права прессы, конфликт вылился в противостояние парламента и лондонского Сити, поддержанного горожанами. / Подробнее см.: Айзенштат М.П. Английская пресса во второй половине XVIII в. и развитие демократических тенденций в обществе (пресса и парламента). / Европейский либерализм в новое время. Теория и практика. М., 1995. С.53-62.

гибнет семья¹. Эти утверждения спровоцировали неожиданную для Георга реакцию. Обожавшая его сестра Елизавета предложила ему отречься от престола. Всеобщее мнение, писала она, заключается в том, что отречение должно спасти страну и всю королевскую семью от позора. Она обращалась к его «прекрасному сердцу», которое не допустит катастрофы. «Твоя ситуация не является ситуацией частного лица», и все что ты делаешь, имеет последствия, которые удваиваются оттого, что ты наследник этой страны, писала она. Кроме того, отречение могло бы изменить и положение Каролины в глазах всего мира, доказывала Елизавета².

Буквально через десять дней она признала, что план был неудачным, им могли бы воспользоваться «плохие люди». Впервые со времени кризиса, именно Елизавета упомянула имя его дочери Шарлотты³.

Георг же вновь повторял обвинения в адрес Каролины, в его посланиях все чаще говорилось об обществе и общественном мнении⁴. Его самолюбие сильно уязвляли публикации в прессе. Тон принца становится все увереннее по мере разрешения конфликта в его пользу: «Долг принцессы, как видит его принц, состоит в том, что она должна полностью покориться. Принц приложит все усилия, чтобы предотвратить ее появление на публике»⁵. При этом он отвергал все обвинения в адрес леди Джерси. Он был уверен, что «как муж и как мужчина имеет полное право приглашать в свой дом любых людей». Вместе с тем он противоречил сам себе, утверждая, с одной стороны, что ее удаление лишь привлечет внимание общества, с другой – графиня сама не желает служить принцессе в сложившейся ситуации⁶. Но она все еще официально оставалась фрейлиной Каролины. И тогда уже король жестко потребовал избавиться от ее присутствия в доме Каролины⁷.

¹ Ibid. P.203-206. См. также: P. 213-216.

² Ibid. P.201.

³ Ibid. P.224.

⁴ См., например, письмо к вигу лорду Мойра. / Ibid. P.224-225, а также P.231.

⁵ Ibid. P.228, 231.

⁶ Ibid. P.224-225.

⁷ Ibid. P. 242.

Конфликт давно стал предметом пересудов в обществе, темой публикаций в прессе. Принц искал и нашел посредников для переговоров с королем и Каролиной. Только к концу августа ситуация разрешается, условия разъезда обговорены, супруги начали обмениваться короткими записками. Георг, до этого отвечавший Каролине только по-английски, стал писать ей на понятном для нее французском языке. Но его негативное отношение к ней не изменилось. Уже 20 октября Георг с раздражением писал матери, что принцесса намерена путешествовать по Англии. Если открыть двери ее дворца, то уже нельзя будет предотвратить «опасные последствия, которые коснутся не только меня одного, но многих из нас», утверждал он. Георг вспомнил о традициях и этикете, не позволяющих женщине путешествовать одной и т.д.¹ Добившись официального раздельного проживания с Каролиной, Георг хотел бы запереть ее в стенах дворца, перекрыть связи с обществом. Это, безусловно, было продиктовано болезненной боязнью превращения принцессы во всеобщую любимицу на фоне усиления враждебного отношения к нему. Но невозможно создать вокруг нее вакуум. С того времени, как Каролина покинула резиденцию принца Уэльского, общественное мнение было на ее стороне и рассматривало ее, как жертву беспутного мужа, пожелавшего без помех вести привычный разгульный образ жизни. Теперь уже принцесса стала центром притяжения недовольных, честолюбивых политиков, оппозиции, с которой Георг после смерти Фокса порвал связи.

Новый конфликт обозначился осенью 1805 г., когда Каролину обвинили в любовных связях с Т.Лоуренсом, Дж.Каннингом, С.Смитом и другими персонами, а также рождении ребенка. Вновь Каролина защищалась, наступая. Она угрожала объявить, что отцом мальчика являлся принц Уэльский, что, безусловно, могло в дальнейшем осложнить восхождение на трон законной наследницы Шарлоты. После спешного расследования специального комитета все обвинения сняли. Однако кризис возродил у Георга идею развода².

Течение болезни Георга III, протекавшей на протяжении десятилетий от кризисов к периодам просветления, ухудшилось,

¹ Ibid. P.281, 285.

² Smith E.A. George IV. L., New Haven, 1999. P. 113.

в 1810 г. он впал в окончательное безумие и ослеп. В 1811 г. Георг становится регентом, а уже на следующий год он обладал всей полнотой королевской власти. Это обстоятельство сказалось на положении Каролины, лишившейся единственного покровителя в Британии. В августе 1814 г. она уехала из страны и поселилась в Италии. Ее отъезд разрушил все надежды вигов на возможность ее использования в политической борьбе оппозиции, они, практически, на долгое время теряют интерес к ее персоне¹.

В Европе Каролина наслаждалась свободой, не обращая внимания на посланных вслед за ней шпионов. На иностранные дворы было оказано давление, чтобы они не признавали ее королевский статус. Любопытно, что обстоятельства семейной драмы не помешали принцу-регенту стать также и регентом при племяннике Шарлоты – малолетнем герцоге Брауншвейгском в годы наполеоновских войн.

Итак, на протяжении 2 половины XVIII века произошли существенные фактические изменения в статусе монарха. Фигура короля теряла присущую ему сакральность. Со знаменитого 45 номера «Северного британца» виги порой подвергали Георга III и его политику критике в парламенте, он и его семья были как предметом насмешек карикатуристов, так и объектом нападений недовольных граждан королевства. Падению авторитета монархии содействовал наследник престола своим легкомыслием, пьянством, роскошным образом жизни, развездом с женой. То есть, теми чертами натуры, которые он демонстрировал обществу, в то время как страна вела войну с Францией, что потребовало усиления налогового бремени, вызвало ухудшение положения подавляющей части жителей. Их недовольство распространялось и на ту группировку оппозиционеров вигов, связанных с принцем Уэльским.

Длительное время наследники престола Ганноверской династии становились центром оппозиционных настроений, а их двор – средоточием оппозиционных политиков. В конце столетия будущий Георг IV также стал таким центром. Этот союз, где виги оказались более лояльны в отношении принца, защищая его интересы, существенно ухудшил их положение. С одной стороны, неприязнь монарха в силу его характера делала невоз-

¹ Smith E.A. Ibid. P. 174.

можными любые шаги в те непродолжительные отрезки времени, когда они входили в кабинет. С другой — последовало падение их популярности в народе, что в определенной мере нивелировало их инициативы вне парламента.

* * *

Завершая анализ истории Британии второй половины XVIII столетия, необходимо подчеркнуть следующее. Властные институты, безусловно, в середине века в значительной мере носили черты «старого порядка». И, прежде всего, это проявлялось в той позиции, которую занимала Англиканская церковь и аристократия. Статус Англиканской церкви, как государственного института и государственной религии не подвергался сомнению. Социальное и экономическое положение, подкрепленные системой представительства позволяли аристократии сохранять лидерство в политической сфере: на местном уровне, в парламенте и кабинете министров.

Вместе с тем, в высших эшелонах власти обозначились некоторые перемены, и они имели решающее значение для дальнейшего политического развития. Славная революция, а затем вступление на престол Ганноверской династии стали веками ограничения реальных полномочий монарха, впоследствии продолжилось их фактическое сокращение. Оно проходило в двух взаимосвязанных направлениях. С одной стороны. Формирование нового образа монарха — короля-воина, короля-солдата стали следующим шагом на пути ниспровержения его сакральности. Известный постулат «король не может быть неправ» терял свое значение.

И если критика Уилкса кабинета министров в свое время вызвала резкие меры со стороны власти в 1760-е годы, то уже в 1780-е — оппозиция в парламенте открыто критиковала действия монарха. В 1790-е курс, проводимый королем и его министрами, поведение наследника престола, подвергались не просто критике, но и насмешкам со стороны общества. В карикатурах изображался монарх, его семья, принц Уэльский. Кстати, его образ жизни общество осудило.

С другой стороны. Длительные поездки Георга II на континент (зачастую продолжавшиеся более полугода) способство-

вали дальнейшему укреплению и усилению положения кабинета министров в складывавшейся системе исполнительной власти. А относительная скромность двора Ганноверов, отлучки Георга II, болезнь Георга III привели к концу века к перемещению центра политической и государственной жизни в парламент. Это способствовало упрочению положения, как самого парламента, так и принципов парламентаризма. Государственно-политические функции монарха – назначение главы кабинета, определение внешнеполитического курса страны – в силу болезни Георга III – значительно сократились в последние годы его правления. Двор монарха сохранил важные, но не определяющие политической жизнь государства социальные функции.

Разгром якобитского восстания в 1745 г. и смерть принца Уэльского Фридриха в 1751 г. укрепили положение Ганноверской династии и изменили расстановку сил в высших эшелонах власти. Политическую борьбу в 1750-1760 гг. характеризовала скорее борьба кланов вигов за власть, должности, титулы.

Изменения коснулись и социальной сферы. В этой области к наиболее важным переменам следует отнести возраставшие темпы урбанизации, рост городов и городского населения, а также увеличение представителей так называемого среднего класса, как различного рода предпринимателей, так и людей интеллигентных профессий. Их начинали волновать отсутствие политических, а порой и гражданских прав, экономическая политика правительства. Основная масса населения все в большей мере ощущала негативные социальные и экономические последствия глубоких преобразований, происходивших в экономике. Такая ситуация способствовала постепенному нарастанию социальной напряженности. Помимо обычных форм ее выражения (волнения и поджоги в деревнях; спонтанные взрывы протеста, погромы, разрушение машин в городах) рассматриваемый период отмечен новым характером проявления недовольства. Оно было вызвано нарушением законности властью: движение фермеров на Юге Англии в связи с введением налога на сидр; охватившее, практически, всю страну движение в поддержку Дж. Уилкса, выступления в период противостояния парламента и лондонского Сити в начале 70-х гг., демонстративная поддержка незаконно арестованного Ф. Бердета и другие менее заметные выражения протеста. Различные по длительности, накалу, чис-

ленности вовлеченных горожан, они стали показателем их социальной активности и в то же время уровня формирования правового самосознания.

Не менее значимым в социальной сфере становилось разнообразие форм и проявлений общественной жизни. Клубы, кофейни, пабы, различного рода общественные объединения – становились неслучайным атрибутом городской жизни. Наряду с урбанизацией институты самоорганизации подрывали основы патриархальных социальных связей.

Наметилось усиление роли прессы, как средства отражения и инструмента формирования общественного мнения. При этом помимо столичной прессы необходимо упомянуть и издание газет в провинции. Ежегодно число наименований изданий по стране составляло 30-35, это были регулярно выходившие газеты и журналы.

Таким образом, перемены происходили как в сфере законодательной и исполнительной власти, так и в обществе.

За исключением межличностных отношений с представителями власти, традиционными каналами связи общества и институтов власти являлись выборы и петиции.

Несмотря на все негативные проявления, при проведении выборов также обозначились новые черты. Прежде всего, речь идет о случаях выдвижения двух кандидатов на одно место, что хоть и редко, но ставило кандидата от власти в затруднительное положение. А также и о единичных эпизодах отказа в доверии членам парламента избирателями округа, которые были недовольны их позицией в палате общин (наиболее известные случаи – это поражения Ч.Д.Фокса, Э.Берка и др.).

На протяжении столетий петиции были важным средством выражения недовольства, жалобы, просьбы. В петициях второй половины XVIII – начала XIX века также появляется новая интонация. В традиционной форме обращения к власти все чаще начинают звучать не столько просьбы, сколько требования. Это – требование изменения экономической политики, проведения политических преобразований, запрета работорговли, отмены монопольных торговых прав Ост-Индской компании и др. В связи с этим, нельзя не подчеркнуть наметившийся рост числа такого рода петиций и увеличение количества подписей под ними.

Отмеченные новые тенденции развития политической и социальной сфер были едва заметны в силу их растянутости по времени. Тем не менее, современники ощущали перемены. И дальнейшее их углубление связано, прежде всего, с деятельностью оппозиционных парламентских группировок, использовавших такого рода новые тенденции.

Так, оппозиционно настроенные депутаты передали в газеты сведения об обсуждении в палате общин вопроса о Фолклендских островах. Публикация спровоцировала конфликт, приведший к противостоянию парламента и столичных властей. В конечном итоге журналисты получили возможность присутствовать на заседаниях палаты общин и освещать дебаты в лондонских газетах. Информация перепечатывалась провинциальными изданиями. Таким образом, читающая публика получила возможность быть в курсе государственных и политических дел.

В конце 1779 – начале 1780 г. оппозиция приняла деятельное участие в инициировании проведения митингов в графствах для критики экономической политики правительства, в надежде добиться отставки кабинета. Однако участники митингов вскоре вышли за рамки чисто экономических вопросов и в петициях высказали требование проведения парламентской реформы.

Сторонники политических перемен учреждали политические общества, либо вступали в созданные ранее организации. Это были объединения парламентариев, предпринимателей, журналистов, которые сыграли позитивную роль в пропаганде правовых и либеральных политических идей. Такой пропаганде способствовал и затеянный оппозицией процесс по «делу» У.Гастингса.

Новой тенденцией стало также публичное обсуждение государственных и политических дел и публичность критики действий кабинета и монарха. За публикациями прессы следовали репрессивные меры парламента и правительства, которых зачастую настоятельно требовал Георг III. Вмешательство общества в государственные дела неизменно вызывали негативную реакцию в кабинете и значительной части парламента.

Тем не менее, к концу века позиция монарха в вопросе о свободе прессы претерпела некоторые изменения, когда недовольство принцами, и особенно поведением наследника престола выплеснулось на страницы газет, проявлялось в обществен-

ных акциях. Семейная жизнь молодого Георга сложилась неудачно. Газеты открыто обвиняли леди Джерси в том, что она способствовала нарастанию конфликта между супругами. И когда Георг, обращаясь к монарху, потребовал прекратить подобные нападки, то получил сдержанный ответ. Обстановка в стране и за ее пределами (революция во Франции, казнь короля, революционные войны и преобразования в Европе) вынуждали членов кабинета, ближайшее окружение обращаться к принцу с увещаниями. В них обозначилась тема ответственности монарха перед обществом, необходимость считаться с его мнением в частной жизни.

Таким образом, во второй половине XVIII – начале XIX века во взаимоотношениях институтов власти и общества обозначилось своего рода «встречное» движение в результате формирования новых каналов социальной и политической связи между ними. Если в обществе происходило становление новых форм обсуждения и формулировки основных требований по изменению внутренней политики, то представители законодательной и исполнительной власти начинают активнее использовать институты самоорганизации, митинги, прессу для более широкой пропаганды собственной политики, идей и программ, либо достижения групповых целей. Означенные подспудные изменения во многом определили вектор политического развития Британии в XIX веке.

Указанные выше, изменения произошли до парламентской реформы 1832 г. Именно, до реформы началось перераспределение полномочий в высших институтах власти, сделан важный шаг в сторону сокращения расстояния между их представителями и обществом. В результате общественных движений введен запрет работорговли и отменено монопольное право торговли Ост-Индской компании.

Даже столь краткий обзор наиболее важных тенденций и явлений социально-политической жизни Британии позволяет поставить вопрос о корректировке тезиса о «старом порядке» в Британии XVIII века. Период в истории страны, начавшийся с подавлением последнего выступления Стюартов и продлившийся вплоть до конца двадцатых годов XIX в., скорее может быть охарактеризован как переходный период по направлению к парламентской монархии.

Глава 4. Общественная жизнь 1815 – конца двадцатых годов и политика правящих кругов.

Подъем радикального движения 1815-1819 гг.

В 1815 г. завершился длительный период войн с революционной, а затем наполеоновской Францией. Победа Англии и ее союзников сулила Британии торгово-промышленную и колониальную монополию. Европейские государства с трудом соперничали с ней на мировых рынках, сильный многочисленный флот обеспечивал ее господство на морских торговых путях. На Венском конгрессе британская дипломатия сумела добиться сохранения за ней большинства из захваченных ею французских, испанских и, отчасти, голландских владений.

Война способствовала активизации темпов промышленной революции, обогащению финансистов и предпринимателей. Экономические кризисы, возникавшие в эти годы, вели к углублению дифференциации, расширению пропасти между богатыми и бедными. Значительно возросло число бедняков, нуждавшихся в приходской помощи. Окончание войны общество встречало с воодушевлением, наполненным ожиданием наступления времени мира и процветания.

Однако надежды на экономический подъем не оправдались. В первые послевоенные годы наступило ухудшение экономического положения и нарастание социальной напряженности. Трудности переходного периода от длительных войн к миру были усугублены резким увеличением государственного долга, кризисами в промышленности и торговле, неурожаем в сельском хозяйстве. Помимо этого ряд немецких государств и Франция закрыли свои рынки для отдельных видов английских товаров, а разросшаяся империя потребовала увеличения расходов. Государственный долг к концу войны достигал 885 млн. фунтов стерлингов, причем только ежегодные проценты по нему составляли 32 млн.¹ Выход из экономических трудностей

¹ Ерофеев Н.А. Очерки по истории Англии. М., 1959. С.4.

правительство видело во введении новых налогов, которые утвердил парламент весной 1815 г. Тогда же в спешном порядке он рассмотрел положение с хлебными законами.

Континентальная блокада, установленная Наполеоном, привела к существенным изменениям в аграрном секторе Британии. Сокращение импорта способствовало резкому увеличению цен на зерно и хлеб, а также расширению собственного производства. Фермеры стали использовать земли неудобные, малопригодные для выращивания зерна, что оправдывалось высокой ценой на рынке. Снятие блокады и поступление дешевого товара из Восточной Европы грозило разорением землевладельцам, фермерам и арендаторам, т.е. подавляющей части населения страны. Именно эти слои общества, организуя митинги и направляя петиции, поставили перед парламентом вопрос о необходимости принятия срочных мер. 17 февраля нижняя палата приступила к обсуждению сложившейся ситуации. Представлявшие интересы землевладельцев депутаты были заинтересованы в сохранении высоких цен на хлеб. Эта мера закрепляла ненормальное положение в деревне. Вместе с тем она способствовала и поддержанию уровня жизни многочисленной армии людей, трудившихся на земле, но существенно ухудшала положение горожан. И уже с 23 февраля члены парламента начинают сообщать о петициях, поступавших из торгово-промышленных центров.

Этот протест приобрел новые черты по сравнению с предшествовавшим веком. В действиях горожан обозначилась большая организованность и оперативность выражения недовольства. Только 1 марта прошло первое чтение законопроекта. А уже 2 марта поступила петиция из Бристоля с 40 000 подписей жителей города¹. 6 марта в парламент представлены петиции из Манчестера, под которой стояло 54 000 подписей, от Лондонского Сити — 40 000 (при этом подписи собраны только за один день), Лидса — 24 000, Саутворка — 7 500, Клепхема — 7 500 и т.д.² Такая реакция горожан свидетельствует о многом. Но главным образом необходимо отметить следующие моменты. Первое — сведения из Лондона о заседаниях парламента поступали,

¹ PD, v. 29. L., 1815. P. 1173-1175.

² Ibid. V.30. L., 1815. P. 6, 9, 11, 12.

практически, во все уголки страны довольно быстро по тем временам. Второе — жители торгово-промышленных центров и портовых городов были готовы принять участие в митингах и протестовать против принятия закона, ущемлявшего их интересы.

Прохождение закона в парламенте спровоцировало беспорядки в Лондоне и других наиболее крупных городах, которые начались с 6 марта 1815 г. Однако еще 8 марта власти были уверены, что ситуация отнюдь не столь угрожающая, как можно было бы ожидать. В письме к вдовствующей королеве принц-регент писал: «Настроение толпы плохое как всегда, но, конечно, их настраивают какие-то тайные лидеры, которых, я надеюсь, быстро найдут. Беспорядки в прошлую ночь были велики, но не столь страшны, если учитывать предпринятые меры»¹.

В верхах действительно не проявлялось сильного волнения по поводу роста социальной напряженности. Принц-регент в это время находился в Брайтоне, не желал видеть министров. В наибольшей мере его раздражение вызывал лорд Ливерпуль: он отказывался давать награды и почетные отличия кредиторам принца, не был настроен оплачивать его долги либо увеличивать содержание, наконец, высказывался категорически против расторжения брака с Каролиной. В депеше, отправленной в Россию, граф Ливен замечал, что принц и рад бы избавиться от Ливерпуля, но достойной замены не находилось².

Лорд Ливерпуль возглавил кабинет с 1812 г. В то время ему было 42 года, и он являлся одним из наиболее опытных политиков. Впервые избранный в парламент в 1791 г., Ливерпуль впоследствии занимал важнейшие посты поочередно в кабинетах Аддингтона (1804 — 1806 гг.), Портленда (1807 — 1809 гг.) и Персиваля (1809 — 1812 гг.). Его восхождению по карьерной лестнице способствовали блестящие администраторские способности, а также умение ладить с людьми. В силу социального положения Ливерпуль, как и некоторые министры его администрации, являлся членом палаты лордов и не мог оказывать непосредственного влияния на ход дебатов. Определенное движение

¹ The Letters of King George IV. V.2. P. 43. Королева-мать призывала сына быть столь же твердым и решительным, как и его отец во время подавления Гордоновского мятежа в 1780 г. / Ibid. P. 42.

² Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций. Т. XI. Спб., 1895. С. 215-216.

в сторону независимости палаты общин от верхней палаты стало также следствием реформ, проведенных У.Питтом Младшим, и некоторого сокращения патронажа. Шаткое положение администрации стало причиной обращения Ливерпуля, Каслри и Ванситарта к Георгу. «Огромные, беспрецедентные трудности» вынуждают нас констатировать, что кабинет не сможет управлять страной в создавшихся условиях, когда все его усилия направлены на экономию средств, и в то же время появляются дополнительные, отнюдь не необходимые траты принца-регента, говорилось в письме. Георг опять залез в долги, которые существенно превысили его доходы. Ситуация такова, что парламент может отказаться их оплатить и не выделит ни шиллинга, а правительств окажется в меньшинстве. Министры, буквально, потребовали от Георга отказаться от дополнительных трат¹.

Кабинет напряженно искал выход из финансовых затруднений, а в парламенте оппозиция при поддержке независимых «сельских джентльменов» резко критиковала его действия и расточительность принца-регента. Так, в начале 1816 г. настоящую бурю вызвало подписание акта о создании Священного союза и трактата, направленного против России².

Ливерпулю удалось удержаться у власти, однако политический кризис протекал на фоне экономического кризиса 1815-1816 гг., когда прошли стачки, в городах безработные громили булочные, дома аристократов и торговцев зерном. Во многих центрах (Лондоне, Ливерпуле, Бирмингеме и др.) проходили массовые демонстрации, в сельских районах отмечались крупные волнения. Социальный протест поначалу носил экономический характер и был направлен против хлебных законов, закрепивших высокие цены на зерно, роста цен и безработицы. Правительство, опасаясь дальнейшего ухудшения ситуации, попыталось в марте найти выход из бедственного положения путем сокращения государственных расходов, прежде всего, на чрезмерно возросшую армию и введением налогов на собственность. Однако предложения кабинета провалил парламент³. И с лета 1816 г., когда, по словам отечественного исследователя

¹ George IV. The Letters of. V.2. P. 160-161.

² Мартенс Ф. Указ. соч. С. 245-246.

³ George IV. The Letters of. V.2. P. 154.

Е.Б.Черняка, "идея парламентской реформы ... стала завоевывать все большее число сторонников"¹, в движении протеста обозначилась политическая окраска.

В распространении идеи о реформе большую роль сыграла агитация У.Коббетта. В конце лета 1816 г. он, используя лазейку в законодательстве, уменьшил газетный лист до размера памфлета, что позволило ему уклониться от высокого гербового сбора на прессу и понизить цену на свое издание до двух пенсов. Впервые малоимущие, бедные слои населения получили издание, выпускавшееся талантливым журналистом. Одним решительным действием Коббетт, по словам автора "Кембриджской истории нового времени", "невероятно увеличил власть прессы"². В первых номерах газеты, тираж которых составил 44 тысячи, излагалась радикальная программа парламентской реформы и те блага, которые она принесет с собой. Под влиянием пропаганды Коббетта в промышленных районах создавались политические клубы и союзы, объединившие фабричных и надомных рабочих, ремесленников и мелких лавочников. Начавшееся в Лондоне движение расширялось, быстро распространяясь в пострадавших от экономического кризиса промышленных округах.

В становлении институтов самоорганизации населения, формировании гражданского, классового и политического самосознания этот период истории страны отмечен иным уровнем и масштабом действий по сравнению с 1780-1790 годами. Ощущавшиеся негативные последствия промышленной революции, концентрация населения в городах, не оправдавшиеся ожидания и тяжелый кризис — все это в совокупности способствовало ускорению темпов создания и увеличению численности отдельных союзов, их объединению и проводившимся массовым мероприятиям — митингам, шествиям, сбору подписей под петициями. Таким образом, в период экономического кризиса политические объединения играют роль не инструмента дискуссии и пропаганды немногочисленной группы единомышленников, а создаются для реальных массовых действий по оказанию давления на правящие круги. В данном случае мы наблюдаем иной

¹ Черняк Е.Б. Демократическое движение в Англии 1816-1820 гг. М., 1957. С. 77

² The Cambridge modern history. v.X. Cambridge, 1907. P. 577.

уровень, как в характере объединения, так и выражения собственных требований.

События развивались следующим образом¹.

В августе 1816 г. берет начало петиционная кампания. На митинге в Вестминстере решено обратиться в парламент с требованием проведения реформ. А осенью Ф.Бердетт – президент Гемпден-клуба – призвал все общества посылать в Лондон петиции о реформе и назначить делегатов для обсуждения проекта билля, который следует внести в палату общин. К зиме почти во всех крупных центрах – Манчестере, Ланкашире, Лейстере, Ноттингеме, Шеффилде, Бирмингеме и др. – имелись организации радикального характера. Только в Уэльсе и Шотландии общее число членов таких объединений доходило до 500 000 человек. Политическая программа была довольно умеренной – предоставление избирательного права всем тем, кто платит прямые налоги, и введение ежегодных выборов в парламент, т.е. ограничение срока полномочий палаты общин одним годом, вместо семи лет. Второй пункт, нереальный для выполнения, проистекал от надежды, что его утверждение приведет к более жесткому контролю над властью, быстрому переизбранию «плохих» депутатов.

Зимой 1817 г. прошел митинг в Спафилде – на пустыре близ Лондона. На нем собралось до 100 000 человек. Несмотря на отдельные призывы, на митинге были отвергнуты насильственные методы выражения недовольства и требований. Резолюция, принятая участниками, гласила: обратиться в парламент с просьбой о реформе. С этого времени происходило резкое усиление радикального движения. Нарастала волна митингов, которые проводились по всей стране, но особенно интенсивно в Англии и Шотландии. Заметно активизировалась деятельность политических клубов. В январе в Мидлтоне собрались делегаты от 21 клуба. Они выработали совместные требования: всеобщее избирательное право, 3-х месячный ценз оседлости, ежегодные

¹ Развитие движения за парламентскую реформу в этот период специально исследовано Е.Б.Черняком. По сей день ни в отечественной, ни в зарубежной научной литературе нет другого настолько же полного и подробного анализа движения в этот период. Ниже изложен ход событий на основе работы Е.Б.Черняка. / Черняк Е.Б. Демократическое движение в Англии 1816-1820 гг.

выборы, отказ от имущественного ценза для депутатов. Кроме того, выдвигалось предложение предпринять шаги в сторону уравнивания избирательных округов. Иными словами, программа радикалов сводилась к предоставлению политических прав всем мужчинам, достигшим 18-летнего возраста, за исключением лиц, получавших высокие правительственные пенсии и синекюры.

В конце января 1817 г. в Лондоне собрались посланцы от промышленных регионов. Всего прибыло около 70 человек. Они привезли с собой петиции, при этом у некоторых делегатов их было по 2-3 десятка. На первом же собрании, которое состоялось 22 января, решено требовать уничтожение имущественного ценза для депутатов. К этому времени в парламент поступило свыше 600 петиций, под которыми стояло от 1 млн. до 1,5 млн. подписей. Вовлечению все большего числа людей в борьбу за реформу способствовало создание радикальной прессы, которая распространялась по стране.

В январе 1817 г. группа лондонских либералов учредила Общество парламентской реформы. Создание Общества стало проявлением шедшего размежевания внутри радикального лагеря. Группа, возглавляемая Бердеттом, придерживалась более умеренных позиций и выступала против всеобщего избирательного права. Они обратились с призывом к сельским джентльменам, предлагая им отстаивать предоставление избирательного права только плательщикам прямых налогов. То есть, группировка Бердетта связала предоставление политических прав с наличием собственности.

Радикалы Лондона выступали за легальные методы борьбы за реформу, полагая, что ее можно добиться путем обращения в парламент. Сторонники насильственных методов борьбы были немногочисленны и не имели авторитета. При этом именно этот центр проявлял наибольшую активность.

Начавшееся в Лондоне движение быстро расширялось, охватив промышленные округа, в наибольшей мере пострадавшие от экономического кризиса. Нарастание социальной напряженности вызвало беспокойство аристократии и значительной части имущих слоев населения. Сложившаяся ситуация, по их мнению, угрожала основам общества, собственности и конституции.

Для изучения положения в стране парламент сформировал Секретный комитет. В его Докладе, представленном в феврале

1817 г., особо отмечалась опасность для власти в распространении по стране радикальных клубов, которые объединили сторонников всеобщего избирательного права и ежегодных выборов в парламент. В равной мере вызвало тревогу и то, что народ вооружался¹. Тем самым объединение сторонников политической идеи в Докладе приравнивалось к появлению оружия у населения, что одинаково беспокоило членов комитета. Они выражали настроения, царившие в среде аристократии, высших слоев среднего класса и городских обывателей, напуганных размахом движения. Боязнь народного восстания – революции подобной той, что произошла во Франции, воспоминания о гражданской войне в собственной стране – продолжала вызывать желание подавить движение, жестоко расправиться с его участниками и тем самым восстановить мир и порядок. Этот страх превратился в один из важнейших факторов внутренней политики с конца XVIII в. Пути предотвращения социального взрыва правящие круги по-прежнему видели в запретах и репрессиях. И уже в марте 1817 г. парламент временно приостановил действие Habeas Corpus Акта, восстановил статьи о митингах, собраниях и обществах Акта 1795 г., ввел суровое наказание за агитацию среди солдат и матросов. Меры позволили местным властям арестовать всех наиболее заметных радикальных лидеров, использовать войска для подавления выступлений шахтеров, восстаний в Йоркшире и Дербишире.

Специальная судебная комиссия большинство арестованных в Дербишире приговорила к смертной казни, остальных к длительным тюремным срокам и ссылке в колонии. Власть придерживалась надежды, что последствия жестких действий «скажутся благотворно не только на жителях графства, но и всей Англии. Мы добились успеха, который даже превзошел все мыслимые ожидания», докладывалось в Лондон. Принцу-регенту переправили этот отчет с поздравлением с проведением такого замечательного процесса².

¹ Report of the Secret Committee of the House of Commons on the disturbed state of the country. // English historical documents (EHD). L., 1959. v. XI. P.327, см. также PD, v. XXXV. P. 438-447.

² George IV. The Letters of. V.2. P. 206-207.

Летом 1817 г. накал борьбы заметно снизился, значительное число клубов было распушено, лидеры и активисты находились в тюрьмах. Ослаблению движения способствовали не только репрессии, но и наступление перелома в экономическом кризисе, признаки оживления в промышленности. К весне 1818 г. ряд ведущих отраслей текстильного производства находился на подъеме. Улучшение экономического положения, снижение уровня безработицы и репрессивные меры привели к временному снижению социальной напряженности. Что, в свою очередь, позволило правительству отменить билль о приостановке Хабеас Корпус Акта. Вскоре и многие радикальные лидеры вышли на свободу.

В 1818 г. проходили выборы в парламент. Во время избирательной кампании в прессе публиковались критические материалы. Они разоблачали пороки системы выборов: продажность мелких избирательных округов, парламентские подкупы. Критика политики тори привела к некоторым подвижкам в составе нижней палаты, виги смогли получить 30 дополнительных мест¹. Вместе с тем предвыборная кампания способствовала оживлению радикальной пропаганды на собраниях и митингах. Однако раскол, намевившийся в рядах сторонников реформы, стал более очевиден.

Во второй половине 1818 г. на северо-востоке страны в среде рабочих и ремесленников создавались Общества политических протестантов. Они носили политико-просветительский характер. Члены обществ собирались вместе и слушали чтение отрывков из политической литературы. Уже к зиме активизировали деятельность старые союзные общества.

На рубеже 1818-1819 гг. обозначились первые признаки нового экономического кризиса, что привело к активизации деятельности радикалов. В Стокпорте создано союзное объединение с четкой организацией, выборными руководящими органами. На его собраниях, как и у «протестантов» проходило чтение и обсуждение политической литературы. В начале июня прошел тайный съезд делегатов Ланкашира и Йоркшира. Радикалы выработали новую стратегию: добиваться реформы путем создания союзных обществ, распространения политической литературы,

¹ George. The Letters of. V.2. P. 290.

частым созывом публичных митингов. Летом они провели многочисленные митинги. К этому времени женщины-работницы принимали участие в движении радикалов, появились самостоятельные женские радикальные союзы и общества.

Лондонские радикалы выдвинули идею избрания «законодательных представителей», которые и должны настоять на представлении петиций спикеру палаты общин с тем, чтобы далее они были внесены на рассмотрение парламента. Эта мысль возникла после отказа Ф.Бердетта представить петицию радикалов в парламент и в связи с отсутствием надежных сторонников в палате. Принято решение организовать грандиозный митинг в Манчестере для избрания «законодательных представителей». Именно это обстоятельство послужило сигналом для местных властей к применению насильственных действий по подавлению движения.

С этого времени нарастало напряжение с двух сторон. К митингу готовились и сторонники реформы и власти. В Манчестер прибыли представители других городов и регионов. Число участников по разным данным колебалось от 40 до 150 тысяч человек. Митинг состоялся 16 августа 1819 г. в Манчестере на площади Питерсфилд, названной в честь Святого Петра.

Стянутые к городу войска не допустили избрания «представителей», они разогнали многочисленный митинг. Результатом явилась гибель от 1 до 11 и ранение около 500 человек¹. Так как в избиении собравшихся принимали участие соединения, сражавшиеся в свое время при Ватерлоо, то события в Манчестере были названы в народе "избиением при Питерлоо", или просто "Питерлоо".

В отличие от историков-марксистов первопричину произошедшей в Манчестере драмы кембриджские ученые видели в непродуманных действиях местных властей. Их обеспокоенно-

¹ Черняк Е.Б. Указ. соч. С. 212. Данные Е.Б.Черняка, специально исследовавшего эти события, представляются наиболее достоверными, хотя существенно отличаются от сведений, приведенных в других изданиях. Так "Кембриджская история нового времени" утверждает, что был убит один человек и около сорока ранено, а Н.А.Ерофеев писал о 15 убитых. Отсутствие точных данных, безусловно, объясняется желанием властей скрыть последствия действий войск. / Ерофеев Н.А. Очерки по истории Англии. С. 23.

сти приготовлениями к грандиозному митингу и его лозунгами «Равное представительство или Смерть», «Свобода или Смерть»¹. Известный британский исследователь Н.Гэш подчеркивал, что власти были слишком напуганы возрастающим социальным напряжением, шествиями рабочих, нападением на констеблей и другими случаями проявления насилия, которые имели место накануне митинга. Члены магистрата намеревались лишь арестовать одного из лидеров радикалов — Г. Гента. Ошибка состояла в том, что они решили произвести арест во время митинга, а большое количество убитых и раненых явилось следствием давки и возникшей паники². Местные власти действовали самостоятельно, не советуясь с правительством, которое было вынуждено впоследствии одобрить их³.

Концепция Н.Гэша не может не вызвать определенных сомнений, так как для ареста Гента не требовалось применять войска, его можно было бы произвести и собственными силами. Каковы бы ни были реальные намерения магистрата Манчестера, его действия привели к трагедии, и реакция на нее последовала незамедлительно. Газета "Таймс" поместила подробный отчет о событиях в Манчестере. В нем говорилось: "печальным представляется тот факт, когда почти 100 безоружных подданных Короля были атакованы кавалерией на улицах города, жителями которого многие из них являлись. Еще более печально то, что это происходило в присутствии членов Магистрата, присягнувших защищать жизнь и безопасность каждого гражданина"⁴. Осуждавшую действия властей статью перепечатали основные издания по всей стране. Тем самым манчестерская драма быстро стала известна жителям королевства. И негативная позиция отразилась на судьбе "Таймс". С этого времени началось возрастание роли газеты в жизни британского общества, в основе которого лежала занятая ею позиция по отношению к событиям в Манчестере и стране летом и осенью 1819 г.⁵

¹ См., например, *The Cambridge modern history*. v.X. P. 581.

² Gash N. *Aristocracy and People*. Cambridge, 1979. P.94-96.

³ Gash N. *Aristocracy and People*. P. 96.

⁴ Цит. По: *The history of "The Times"*. L., 1935, v. 1. P.236.

⁵ *The history of "The Times"*. P.234: Aspinall A. *Politics and the press 1780-1850*. L., 1949. P.69

Манчестерская драма вызвала негодование, митинги протеста произошли в Лидсе, Бирмингеме, Норвиче, Бристоле, Ноттингеме, Йорке и других городах. В Лондоне и Ливерпуле собирали средства для пострадавших. Любопытным и весьма показательным представляется, что поддержка была оказана пострадавшим с обеих сторон¹. С осуждением политики торийского кабинета выступили в парламенте и прессе радикалы и виги. Подчеркивая серьезность положения в стране, они утверждали, что политика правительства лишь способствовала его ухудшению².

Однако консервативное правительство лорда Ливерпуля было настроено на решительное подавление массового движения. На чрезвычайной сессии парламента осенью 1819 г. депутаты утвердили увеличение ассигнований на военные расходы и приняли законы, направленные против массовых митингов и печати. Права граждан существенно ограничивались: отныне на проведение митинга требовалось разрешение магистрата в городах, или лорда-лейтенанта в графствах, запрещалось ношение оружия и обучение пользоваться им. Три акта регламентировали деятельность прессы: ограничена публикация материалов о политических событиях и увеличен штемпельный сбор, который с этого времени распространялся и на памфлетную литературу. Последняя мера, направленная против дешевых популярных изданий, и, прежде всего, газеты Коббетта, привела к резкому сокращению их числа.

Репрессивная политика правительства, с одной стороны, и постепенное оживление экономики – с другой, вновь способствовали спаду массового движения, роспуску политических организаций.

Итак – краткий послевоенный период насыщен событиями и значим не менее важными итогами в процессе становления институтов гражданского общества Британии, взаимоотношений власти и общества.

Социально-экономический протест вылился в политическое движение за реформу парламента, в которой средние и беднейшие слои городского населения видели решение своих

¹ Swift R.E. Policing Chartism 1839-1848: The Rule of the "Specials"/ Reconsidered. / The English historical review. V. CXII, N. 497. P. 671.

² Maccoby S. English radicalism 1786-1832. L., 1955. P.361-362.

проблем. В ходе движения 1816-1819 гг. благодаря активной пропаганде необходимости проведения парламентской реформы продолжился прерванный процесс политизации трудящихся города и отчасти деревни. Получили дальнейшее развитие формы и методы общественных движений.

Как и в девятнадцатые годы XVIII в. парламент и правительство пошли по пути репрессий и запрета деятельности массовых объединений. Аристократия, джентри и крупная буржуазия видели в них реальную опасность существующему положению вещей.

Этот этап, вместе с тем является показателем того, что формирование гражданского общества – процесс не только многогранный, но и прерывистый. Он сопряжен с резко негативной реакцией правящих кругов, использовавших все возможные средства для подавления институтов самоорганизации, сокращения поля действия гарантированных гражданских прав. Следует отметить также, что период реакции, охватившей европейские страны после завершения наполеоновских войн, для Британии был наименее болезненным и продолжительным. Ограничения, наложенные на прессу, привели к появлению нелегальных, так назывались не облагавшиеся штемпельным сбором издания, дешевых газет. В то же время – митинги признавались законными, хотя значительно ужесточались условия для их проведения.

Роль прессы в этот период существенно усилилась. Новости, благодаря разраставшейся сети дорог, развитию сообщения между городами, быстро распространялись по всей стране, вовлекая жителей в обсуждение государственных и политических дел. Ярким примером являются информирование о предполагаемом принятии новых хлебных законов и о "Питерлоо" – тем самым ускорялся процесс формирования национального, гражданского самосознания значительной части городского населения.

Спад движения совпал с изменениями настроений британского общества, пришедших на смену пафосу военных лет и четко проявившихся в двадцатые годы. Они выразились в более пристальном внимании к внутренним проблемам страны, интересам ее граждан как экономического, так и социального характера. Помимо прочего, эти подвижки в общественном мнении сказались в художественной литературе и на страницах прессы. В 1820-е годы расширилось число консервативных и либеральных изданий. Прочное место среди последних занял и журнал

«Эдинбург ревью», популярность которого возрастала¹. В материалах прессы изложение основных социальных, экономических и политических вопросов времени способствовало формированию либерального и консервативного мировоззрения.

Несмотря на подавление демократического движения, идея о парламентской реформе не потеряла своей притягательности в среде радикалов, части вигов, рабочих, ремесленников, мелких лавочников. И хотя мощные выступления на время прекратились, в газетах появлялись сообщения о митингах и собраниях радикалов, кое-где проходили волнения². Демократическая пресса и радикальные деятели по-прежнему обращались к этой проблеме, обсуждая необходимость реформирования системы представительства и отмены части налогов. Ссылаясь на пример отделения американских колоний, "Блек Дворф" подчеркивал, что упорное нежелание правительства проводить реформы никогда не приводило к добру³. Продолжилась агитация У.Коббетта, хотя и не столь активная как прежде. В 1822 г. на митинге в Йоркшире принята петиция о парламентской реформе, обращенная в парламент. Виг, сторонник реформы лорд Д.Рассел дважды выступал в палате общин с предложением принять резолюцию о необходимости пересмотра системы представительства⁴. Таким образом, с полным правом можно утверждать, что репрессии, запреты и ограничения приостановили массовые действия. Однако они не прекратили ни выступлений против правящей аристократии, ни критику политики правительства в отличие от 1790-х годов. Новое оживление в обществе было связано с делом о разводе Георга IV.

«Дело» о разводе Георга IV

Длительное время с 1812 г. Георг оставался регентом при больном отце.

¹ Подробнее о журнале см. ниже, а также: Айзенштат М.П. Америка глазами британского либерала 20-х годов XIX века (по материалам журнала "Edinburgh review"). / Размышления об Америке. Исторический альманах. М., 2001. С.41-51.

² Courier de Londres. 1820, 14 Janier, 13 Mars, 11, 21, 25, 28 Avril.

³ The Black Dwarf, 1820, N. 4.

⁴ Mitchell A. The Whigs in opposition 1815-1830. Oxford, 1967. P.180-181.

Георга не покидала мысль о разводе со времени отъезда Каролины из Британии, и он надеялся получить убедительные доказательства неверности жены. Вновь проблема развода обострилась после смерти их единственной дочери Шарлоты.

Девушка, лишенная забот матери и отца, росла влюбчивой, но не легкомысленной¹. Шарлота решительно воспротивилась попытке отца и правительства урегулировать конфликт с Нидерландами за счет заключения династического брака и сосватать ее за принца Оранского². В мае 1816 г. она вышла замуж за Леопольда Саксен-Кобургского. 17 ноября 1818 г. принцесса умерла после тяжелых родов, новорожденный мальчик также скончался. «Она была последней в роде и самой лучшей. – Откликнулся на это событие «Обращением к народу» поэт П.Б.Шелли, – Принцесса не сделала обществу ни добра, ни зла; воспитание лишило ее способности, как к тому, так и к другому. Она родилась принцессой; а те, кто рожден править людьми, не обязаны приобретать даже ту толику знаний и опыта, какие необходимы, чтобы управлять самим собою. ... Она ничего не свершила, ни к чему не стремилась и ничего не ведала о политических вопросах, от которых зависело счастье ее будущих подданных»³.

Георгу на тот момент исполнилось 60 лет. Едва ли можно было ожидать, что он вновь смог бы стать отцом. Весь образ жизни, неумеренное потребление спиртного сказались на его здоровье. Смерть дочери и внука нанесли ему тяжелейший удар. Свет на его состояние той поры несколько проливает первое после кончины Шарлоты письмо к любимой матери. Георг, бук-

¹ Greville Ch. The Greville diary. L., 1927, v. 1. P. 103.

² После оккупации Голландии французскими войсками в целях защиты индийских владений англичане захватили голландские колонии на Востоке. По завершению наполеоновских войн возвращение колоний натолкнулось на сопротивление некоторых чиновников Ост-Индской компании и британских торговцев, что спровоцировало обострение отношений. The Letters of King George IV. Cambridge, 1938, v.2. P.10-12. Доводы в пользу этого брака принц-регент подробно изложил в пространном письме к дочери в феврале 1815 г. / Ibid., P. 31-36.

³ Шелли П.Б. Обращение к народу. / Шелли. Письма. Статьи. Фрагменты. М., 1972. С. 338. Молодой литератор писал о вполне естественном трауре в связи с кончиной принцессы. Его возмутило, что общество «не заметило» прошедшей в те дни казни трех человек, обвиненных в государственной измене.

важно, раздавлен и болен. И вместе с тем, как никогда ранее он ощутил весь груз ответственности, бремя власти. Принц-регент озабочен проблемой наследования, трое из его младших братьев до сих пор не женаты. В пространном послании Георг размышлял о необходимости скорейшего устройства их личной жизни¹. Наследником трона стал герцог Йоркский. Через полтора года в 1820 г. скончался Георг III. Принц-регент стал законным королем. Как это было не раз, новое правление вызвало в обществе подъем надежд на улучшение жизни. Усилился интерес к новоиспеченному монарху, его появление на публике привлекало всеобщее внимание. Однажды из толпы раздался возглас: «А где же твоя королева?»².

Решение проблем с супругой найдено давно, но Георг был вынужден терпеть это ненормальное положение из-за своего статуса принца-регента, дочери и мнения европейских монархов. Так, еще летом 1816 г. в Лондон пришла депеша из России, где графу Ливену предписывалось «деликатным образом» противодействовать разводу. Александр I, озабоченный утверждением принципа легитимности монархий в Европе после победы над Наполеоном, был решительно против нарушения законных прав Каролины на престол³. Таким образом, личная жизнь Георга затронула не только общество Британии, но и интересы правящих домов континента.

Смерть наследницы устранила главные препятствия, Георг отправил доверенных лиц в Италию для сбора порочащих Каролину сведений⁴. И, практически, первым его шагом после смерти отца и восшествия на престол становится назначение комиссии для подготовки обвинений в адрес Каролины, одновременно он приказал вычеркнуть упоминания ее имени из Литургии. Попытка кабинета министров протестовать вызвала вспышку гнева Георга IV и привела к временной отставке правительства. И это происходило в тот момент, когда в стране еще

¹ The Letters of King George IV. v.2. P. 222-226.

² Greville Ch. Ibid. P. 28.

³ Мартенс Ф. Указ. Соч. С. 260.

⁴ The Letters of King George IV. v.2. P. 220-222, 252.

слышались отголоски массового движения 1816-1819 гг., требовавшего изменения системы представительства в парламенте¹.

Комиссия была создана сразу после смерти Шарлоты, что напугало Каролину. С уходом дочери она потеряла статус матери будущей королевы и поначалу соглашалась на развод при условии выплаты значительной суммы денег, что позволило бы ей и дальше проживать в Италии. Она заявила, что ее бы устроили 50 тыс.ф.ст. ежегодно, в этом случае Каролина оставалась за границей и не претендовала на титул королевы. Условия находило приемлемыми правительство, опасавшееся взрыва общественного негодования, но не король, настроенный на публичное рассмотрение дела².

Смерть Шарлоты привела также и к изменению расстановки политических сил в Британии. Все были уверены, что это событие укрепит позиции правительства тори в связи с дальнейшим ослаблением политического влияния короля после потери наследницы и ввиду дальнейшего перехода трона к его брату³. Вместе с тем обострение ситуации с Каролиной могло бы дать оппозиции шанс выдвинуться. Недовольство действиями Георга IV выражали не только виги, радикалы, но и некоторые тори⁴. Лорд Брогэм, один из наиболее близких принцессе Уэльской вигов в Британии, уже в апреле 1820 г. стал ее официальным представителем в суде лорда-канцлера. Поддержка оппозиции кардинально изменила планы принцессы. Она решила отправиться в Англию и заявить о своих правах, а Брогэм задумал встретить ее в пути. «Никто не знал, какой совет он намеревался ей дать, но все полагали, что она возвращалась по его инициативе», замечал секретарь Тайного совета Ч.Гревилль в дневнике⁵. Члены кабинета также попытались перехватить Каролину в пути и провести через доверенное лицо переговоры, чтобы не допустить публичного рассмотрения дела. Как на про-

¹ Подробнее см.: Айзенштат М.П. Великобритания нового времени. Политическая история. М., 2002. С. 60-62; Черняк Е.Б. Демократическое движение в Англии 1816-1820. М., 1957.

² The Letters of King George IV. P. 221-222; Smith E.A. George IV. P. 178.

³ EHD, v.11. P. 305.

⁴ См., например.: The Letters of King George IV. P. 311, 344-345; Greville Ch. Ibid. P. 33-34.

⁵ Greville Ch. Ibid.

тяжении последних месяцев, так и в этих переговорах Брогэм старался быть полезным и служить той и другой стороне¹. Каролине же удалось перехитрить и его и представителя правительства.

Накануне приезда Каролины в верхней палате было зачитано обращение короля к лордам, где говорилось, что они должны рассмотреть поведение принцессы и вынести решение. В нижней палате — Брогэм зачитал послание Каролины, заявлявшей, что она приезжает защитить себя от несправедливых нападок и клеветы.

На всем пути следования Каролины от места высадки в порту до Лондона собирались огромные толпы британцев, приветствовавших свою королеву. Крупные города направляли депутации и обращения со словами поддержки. Батальон гвардии не подчинился приказу и на марше распевал «Боже, храни королеву Каролину»². В Лондоне ее ожидал, по словам графа Ливена, «величайший энтузиазм». Жители столицы выпрягли лошадей из кареты Каролины и сами повезли ее. Она остановилась в доме олдермена Вуда. «Противостояние стало теперь как публичным, так и политическим», подчеркнул Н.Гэш³. Надо отметить, что взаимоотношения супругов приобрели общественный характер еще в период их совместного проживания, и политический оттенок в то время уже присутствовал. Но в 1820 г. общество приняло самое активное участие в семейном конфликте, заняв четко обозначенную позицию. Повсеместное выражение сочувствия по приезду Каролины в Британию завершилось вечером, когда дома были освещены праздничной иллюминацией. Там, где этого не было сделано, возмущенные жители столицы выбивали окна⁴. То, что Каролине не предоставили специальное помещение, и она была вынуждена принять предложение от представителя лондонского Сити поселиться у него, провело определенную черту в политическом противостоянии короля, кабинета и общества.

¹ Ведя оживленную переписку с Каролиной, Брогэм в то же время докладывал членам кабинета о ее настроениях и намерениях. / *The Letters of King George IV*. P. 297, 321, 339-342, etc.

² Greville Ch. Ibid. P.29, 31.

³ Gash N. *Aristocracy and people*. P. 108.

⁴ Мартенс Ф. Указ. Соч. С. 301.

Восторженная встреча немецкой принцессы, даже не знавшей английского языка, явилась яркой демонстрацией недовольства Георгом IV и его правительством. Репрессивное законодательство, принятое в ходе подавления радикального движения, которое сократило возможности проведения митингов и критики политики правительства, в значительной мере преодолено выражением сочувствия Каролине. И в данном случае для общества не была важна достоверность, правдивость обвинений в ее адрес в изменах и недостойном поведении. Находившийся в Италии поэт-республиканец Шелли внимательно следил за событиями на родине. Он писал своему другу Т.Л.Пикоку: англичане «несмотря на все свои предрассудки и ханжество, возвели в героини дня ее величество королеву. Я, со своей стороны, не желаю ей зла, даже если она — в чем я твердо убежден — не вполне пристойно забавлялась с курьером или бароном. Но я не могу не указать, как на одну из нелепостей монархического строя, что вульгарная женщина с низменными вкусами, которые предрассудок именует пороками, с манерами и повадками, которых каждый сторонился бы, будь она простой смертной, и без всяких искупающих достоинств стала героиней только потому, что она королева или — как побочная причина — потому, что ее супруг — король; а он, не менее своих министров, до того противен, что все им враждебное, как бы оно ни было отвратительно, вызывает восхищение»¹. Политические убеждения и отдаленность от места событий сыграли свою роль в их оценке. Именно «побочная причина» превалировала в настроениях общества, но также и то, что обвинения выдвигал распутный король, публично демонстрировавший свою очередную фаворитку — леди Конигсби.

Правительство подготовило «Акт о лишении Ее Величества Каролины Амалии Елизаветы Титула, Прерогатив, Прав, Привилегий и Освобождении от титула Королевы-Консорт Королевства и расторжении брака между Его Величеством и указанной Каролиной Амалией Елизаветой», который и представило в парламент, являвшийся высшим судебным органом Британии.

С 19 августа по 30 октября законопроект рассматривался палатой лордов и обсуждался в нижней палате. В то время вы-

¹ Шелли Томасу Лаву Пикоку, Ливорно, 12 июля 1820. / Шелли. Письма, статьи, фрагменты. С.211.

соко ценилось ораторское искусство, и его с успехом демонстрировали стороны. Депутаты обеих палат говорили много и красноречиво. Их речи приковали внимание, буквально, всей страны. Ч.Гревилль отмечал в дневнике 15 октября: "Сколько живу, не могу припомнить любой другой вопрос, который бы настолько захватил все внимание общества, полностью поглотил все помыслы и определил характер разговоров"¹. Обычно, упоминая "внимание общества", Гревилль имел в виду салоны лондонской знати, в данном случае его слова с полным правом можно отнести, практически, ко всему населению Британии. Об этом свидетельствует также и тот факт, что газета "Таймс", и в этом вопросе занявшая антиправительственную позицию, смогла удвоить свой тираж и поднять его с 7 до 15 тыс. экземпляров², что свидетельствовало о повышении ее престижа и начале превращения в общенациональное издание.

Дебаты сопровождались проведением митингов в городах и графствах, направлением петиций. Как отметил известный радикал Д.Юм, общество не вдавалось в подробности дела, виновности или невиновности королевы. Его волновала угроза общественным свободам и конституции, которую нес с собой процесс. Он осуществлялся в нарушение британского законодательства, так как обвинение не строилось на прецеденте; более того, дела о разводе должна была рассматривать нижняя, а не верхняя палата³.

Настроения в обществе, публикации в прессе, митинги раздражали тори и администрацию. Кабинет внимательно следил за ситуацией, полагая, что оппозиция намерена превратить дело о разводе в политический процесс. Министр внутренних дел виконт Сидмонт регулярно докладывал Георгу IV об обстановке в столице и в стране. А она настолько накалилась, что стали раздаваться отдельные голоса, предлагавшие на время вообще запретить митинги и публикации, касавшиеся этого дела⁴.

¹ Greville Ch. The Greville memoirs. A journal of the reigns of King George IV, King William IV and Queen Victoria. A new ed. in eight volumes. L., N.Y., 1899-1904, v.1. P.36-37.

² The History of "The Times". L., 1935, v.1. P. 243; The New Cambridge modern history. V. IX. Cambridge, 1965. P. 181.

³ Hansard's Parliamentary debates (далее – PD), L., 1821, v.3. P.103.

⁴ См., например; PD, v.3. P. 101.

Возраставшее напряжение в обществе серьезно напугало монарха. Хорошо осведомленный граф Ливен писал в Петербург в начале октября о душевном состоянии британского монарха: «Величайшая трусость одолевает его. Он приказал окружить свою дачу (cottage) кавалерийскими пикетами, он приказал переместить замки у ворот своего парка и он принимает все меры труса. Этот Государь сделался предметом полнейшего отвращения и презрения и едва ли можно, при таком положении вещей, ожидать от него, чтоб он что либо понял и еще менее, чтоб проявил какой либо признак воли»¹. Тот же Ливен в донесениях неоднократно отмечал ненависть народа к монарху, который, по его словам, «сделался мишенью всех сатир, всех карикатур и всех проклятий»².

Если в июле общество, по словам Ч. Гревилла, не сомневалось в положительном решении о разводе короля, то уже в начале октября мало кто ожидал такого исхода³. Свою роль в настроении членов парламента сыграло обнародование эпизодов подкупа и шантажа свидетелей со стороны комиссии. Правительственное большинство таяло на глазах, общественное настроение в такой перемене сыграло важную, решающую роль. Лорд Каслри признавался Ливену в сентябре: «если б мы могли предвидеть все, что нас ожидает в этом несчастном деле, то, разумеется, нам следовало бы принести всевозможные жертвы, чтобы его иначе направить»⁴. Не надеясь на благоприятное отношение парламента, кабинет отозвал законопроект. Для Ливерпуля и его правительства «дело» о разводе стало самым большим политическим просчетом и поражением.

После бесславного завершения «дела» о разводе интерес к Каролине в обществе быстро угас. Георг IV на год отложил коронацию и предпринял все меры, чтобы не допустить на церемонию супругу. Через год она скончалась, обвиненная, но не оправданная, некоронованная королева. Ее похороны вновь вылились в демонстрацию теплого отношения к ней.

¹ Мартенс Ф. Указ. Соч. Т. XI. С. 279.

² Там же. С. 301.

³ Greville Ch. The Greville memoirs. L., 1899, v.1. P.33, 36.

⁴ Мартенс Ф. Указ. Соч. С. 301.

Таким образом, реконструкция истории судебного процесса, затеянного Георгом IV против Каролины, не только добавляет яркие штрихи к портрету монарха. Она вносит небезынтересные дополнения и важные коррективы в социально-политическую историю Британии конца XVIII – первых десятилетий XIX столетия. Личность, поведение и семейная жизнь принца Уэльского, а затем Георга IV в значительной мере способствовали падению авторитета монарха и монархии в королевстве, и за счет этого усилению влияния парламента и правительства.

Радикальный подъем в обществе после завершения наполеоновских войн отличался новым уровнем общественных организаций, идеи о парламентской реформе – как о решении социальных проблем путем политических преобразований. Разгром движения, репрессивное законодательство было быстро преодолено обществом уже на следующий год демонстрацией симпатий к Каролине. В этом противостоянии общество, в целом, заняло однозначную позицию в семейном конфликте и добилось ее признания. А это явилось важным фактором возрастания роли общественного мнения, которое нашло выход в приветствиях, депутациях, обращениях и т.д. В этой ситуации правительство было вынуждено отозвать билль и признать свое поражение. Тем самым не допустить возрастания социальной напряженности и отклонения законопроекта парламентом. В противном случае произошло бы дальнейшее обострение политического кризиса.

Пресса и либеральные движения 1820-х годов.

Дальнейшее формирование либеральных и радикальных концепций и усиление значения прессы в жизни британского общества тесным образом связаны между собой. Политическая и идеологическая полемика по наиболее важным вопросам внутренней и внешней политики королевства окончательно вышла в эти годы за рамки парламента и аристократических салонов и велась на страницах газет и журналов.

Среди наиболее популярных либеральных изданий рассматриваемого периода журнал “Эдинбург ревью” занимал особое место. Он был основан в 1802 г. группой молодых шотландских адвокатов и предпринимателей, когда виги, находившиеся в оппозиции, были крайне слабы в парламенте. Идея публика-

ции журнала, который бы громко заявил о взглядах вигов, освещал их мнение по наиболее важным общественным, научным и политическим проблемам, пришла к Сиднею Смит, тридцатилетнему политику, принадлежавшему к группе вивореформаторов¹. Во время пребывания в Эдинбурге весной 1802 г. Смит поделился ею с друзьями, проект издания вызвал горячую поддержку. Генри Брогэм и Фрэнсис Джефри находились в числе той небольшой группы. Первый (уже упоминавшийся выше в связи с Каролиной Боауншвейгской), впоследствии известный политический деятель и публицист, стал активным сотрудником, автором многих статей, а Джефри – до 1829 г. редактором “Обозрения”, приобретая репутацию сурового критика. Уже издание первого номера осенью 1802 г. произвело, по отзывам современников, ошеломляющее впечатление². Авторы, как и намеревались, с самого начала заняли активную позицию, встав в центр политической борьбы, происходившей в начале века.

“Эдинбург Ревью” довольно быстро приобрел известность в Великобритании, а вскоре и в Европе, сыграв важную роль в оживлении и распространении либеральных идей в обществе. Известный британский писатель Вальтер Скотт, будучи убежденным консерватором, с неодобрением писал, что «Эдинбург Ревью» предоставляет молодым вигам возможность ознакомления с широким кругом вопросов. Авторы журнала – люди, без сомнения, талантливые, пишут обо всем. Но они смотрят на конституцию страны, как на объект эксперимента³. Именно это и вызывало недовольство консерваторов, но популярность журнала побудила тори и радикалов приступить к изданию собственных “Обозрений”. Так, «Квотерли Ревью» появился благодаря инициативе Дж. Каннинга и его единомышленников в 1809 г. За десятилетие его тираж вырос в несколько раз. По словам видного британского историка Дж. Тревельяна, журналы, каж-

¹ В отличие от радикалов эта группировка рассматривала реформы не как основную цель своей деятельности, а скорее как тактическое решение в борьбе с тори за власть, в выступлениях против короны. // Roberts M. The Whig Party 1807-1812. P.276-277.

² The Cambridge Modern History. Cambridge, 1907, v. IX. P. 687.

³ Sir Walter Scott to Sir William Knighton, 12 September 1822. / The Letters of King George IV. V.2. P. 540.

дый в своем ключе, готовили умы нации к грядущим битвам¹, которые наступили в 1830-40-е годы. В 1826 г. "Эдинбург ревью" отмечал, что "никогда еще Пресса не была столь могущественна, как сегодня". Это, по мнению журнала, выражалось в увеличении числа изданий по всем вопросам, а, следовательно — увеличении и численности читателей. Именно читатели, утверждали авторы, и были тем слоем населения, который формировал общественное мнение². К концу двадцатых годов, отмечал исследователь истории британской прессы А.Аспиналь, интерес общества к прессе, печатному слову возрос необычайно. Страна буквально переживала "подписной" бум, когда газеты и журналы поступали не только в клубы, кофейни и читальни, где они лежали на столах, а посетители с 6 утра до 10 вечера могли ознакомиться с их содержанием, но и частные дома. Одним из наиболее востребованных журналов оставался, по утверждению Аспиналя, "Эдинбург ревью"³. О его популярности в Европе в двадцатые годы свидетельствуют также факты, приводившиеся в текстах отдельных выпусков журнала. Так, пребывавший в изгнании Наполеон был знаком, по крайней мере, с тем номером, который содержал обзор посвященных ему книг⁴. Комплекты журнала пополняли библиотеки и русских либеральных деятелей и писателей.

Таким образом, пресса смогла не просто обойти запреты "6 Законов", но и повести атаку на правительство, подвергнув его дальнейшей критике. Политический оттенок приняла развернутая в 1820 г. на страницах "Блек Дворф" кампания против употребления чая. Монополия Ост-Индской компании на торговлю этим широко распространившимся напитком являлась одной из главных ее привилегий и приносила огромные доходы, как самой компании, так и государству в виде таможенных сборов. Только в 1819 г. было продано более 26 млн. фунтов чая⁵.

¹ Trevelyan G.M. British history in the Nineteenth century and after. L., 1937. P. 181.

² The Edinburgh Review, or critical journal. 1826, v.44, N. LXXXVIII. P.459.

³ Aspinall A. Politics and the Press 1780-1850. L., 1949. P.26.

⁴ The Edinburgh review, 1822, v.37, N,LXXIII. P. 166.

⁵ Powell J. Statistical illustrations of the Territorial Extent and Population, Rental, Taxation, Finances, Commerce, Consumption, Insolvency, Pauperism and Crime of British Empire. L., 1827. P.73.

Огромный оборот и прибыль, поступавшая в карманы торговцев, стали поводом современникам называть чай "самой крупной жемчужиной в торговой короне компании"¹.

Журнал демократического направления "Блек Дворф" опубликовал серию статей, где доказывалось вредное воздействие чая на здоровье людей². 23 февраля один из руководителей движения 1816-1819 гг. Г.Гент обратился к беднякам Англии с призывом употреблять более дешевый и полезный травяной напиток. Его цена не превышала трети от стоимости ввозимого с Востока чая, убеждал читателей автор одной из статей³. Используя опыт аболиционистов по организации кампаний бойкота, журнал предлагал избегать употребления колониальных продуктов питания, которые облагались высокими таможенными сборами: кофе, табака, рома и другой продукции. Отказ, по мнению радикалов, должен был бы стать одним из средств борьбы с коррупцией и приблизить парламентскую реформу. Их позиция базировалась на следующей аргументации. В случае бойкота колониальной продукции потеряли бы значительные суммы денег те члены парламента, которые на доходы от ее продажи покупали места в нижней палате. Главным образом акция была направлена против представителей интересов Ост-Индской компании и вест-индских плантаторов. Они продолжали сохранять сильное лобби в стенах нижней палаты и в большинстве своем являлись противниками проведения избирательной реформы⁴. Не получив прибыли от торговли колониальными товарами, они со временем потеряли бы свои места в палате общин, а правительство лишилось бы как их поддержки, так и средств, поступавших от таможенных сборов. По мнению демократов, отказ от употребления обложенных акцизом продуктов должен расшатать основы и без того подорванной в годы войны финансовой системы, ослабить позиции правительства и привести к победе радикалов. Подобное направление действий после раз-

¹ Greenberg M. *British Trade and Opening of China 1800-1842*. Cambridge, 1951. P. 186.

² *The Black Dwarf*, 1819, v. III, N.52; 1820, v. IV, N. 1,2,4,5.

³ *Ibid.*, 1820, v. IV. N. 7.

⁴ В эти годы интересы только Ост-Индской компании представляло более 70 членов парламента. / *Philips C.H. The East India Company, 1784-1834*. Manchester, 1961. P. 263.

грома движения в 1819 г. они противопоставили предложениям о более решительных действиях, выдвинутых немногочисленными группами революционных заговорщиков, потерпевших поражение в 1820 г.¹

Антиправительственные настроения вынудили кабинет пойти на нетрадиционный шаг и инспирировать выпуск памфлета "Положение народа" в 1822 г. Суть этой акции заключалась в попытке снискать общественное расположение накануне открытия сессии парламента. Памфлет опровергал звучавшие обвинения в его адрес, обосновывал правительственную точку зрения на происходившие события и содержал изложение намерений дальнейших действий². Появление публикации стало важным свидетельством того значения, которое к этому времени приобрело общественное мнение. Перед ним правительство посчитало необходимым обелить себя не в лояльной к нему прессе, а в отдельном специальном издании.

Вместе с тем, можно выявить и другие мотивы, побудившие правительство действовать подобным образом. Прежде всего, кабинет беспокоила позиция землевладельцев, так как именно от них зависел исход выборов в парламент. Другой немаловажной причиной являлись взаимоотношения Георга IV и Ливерпуля. Монарх был недоволен первым министром, между ними возникла напряженность. Более того, он поддержал интриги своей фаворитки против главы кабинета. В этой ситуации Ливерпуль особо нуждался в общественной поддержке.

Социально-экономические проблемы десятилетия.

Ведущей темой на страницах прессы с начала 1820-х годов стали проблемы экономического положения страны, рост нищеты и увеличение числа безработных. Экономика развивалась быстрыми темпами. Воздвигались новые фабрики, увеличились объемы производимого металла, машины использовались в текстильной, тяжелой, сахарной, стекольной, бумагопряд-

¹ Подробнее о них см.: Ерофеев Н.А. Очерки по истории Англии. С. 24; Trevelyan G.M. British history in the nineteenth century and after. P. 239.

² На выпуск памфлета обратил внимание известный исследователь эпохи Н.Гэш. / Gash N. "The State of the Nation" / Gash N. Pillars of Government and Other Essays on State and Society. L., 1986. P.27-29.

дильной промышленности, в типографском деле. Возрастало число и протяженность каналов, в 1825 г. построена первая железная дорога. Глубоким преобразованием сопутствовало дальнейшее увеличение пропасти между богатыми и бедными, что вело к усилению социальной напряженности в обществе.

Однако не только бедняки были недовольны складывавшимся положением, против него высказывались и торгово-промышленные круги.

Протекционистская политика, проводившаяся в финансовой системе и внешней торговле, сдерживала, а порой препятствовала их расширению. Только в таможенном законодательстве в это время более 1500 различных статей регламентировали внешнюю торговлю. При этом поощрялась торговля с колониями, то есть Вест-Индией, Южной Африкой, Австралией, Канадой и Новой Зеландией; а торговля с иностранными государствами (в числе которых находилась и Индия) была затруднена высокими тарифами. Борьбу за их пересмотр открыла петиция лондонских купцов, представленная в парламент 8 мая 1820 г. В ней говорилось: "иностранная торговля весьма существенно способствует обогащению и процветанию страны; ... свобода от ограничения, без сомнения придаст ей огромное расширение и принесет наибольшие выгоды капиталу и промышленности государства ...". Петиционеры утверждали, что принцип "покупать на самом дешевом рынке и продавать на самом дорогом", используемый каждым купцом в повседневной жизни, является наилучшим правилом пригодным для всего королевства. Только руководствуясь такой политикой можно получить наибольшую выгоду на мировых рынках. В заключении они "смирненно просили Палату принять к рассмотрению этот вопрос" и дать большую свободу иностранной торговле, которая будет способствовать процветанию страны¹. Вслед за Лондоном с подобными петициями обратились торговцы Лидса, Бирмингема, Ливерпуля, Ланкашира, Бирмингема и Глазго.

Как отмечалось выше, в свое время были организованы выступления против ограничений торговли в форме протеста против монопольных прав Ост-Индской компании и принятия хлебных законов в 1815 г. Они отличались непродолжительно-

¹ EHD, v. XI. P. 559-561.

стью, а по характеру и направленности не приобрели общенационального масштаба. В 1813 г., когда компания лишилась части своих привилегий в значительной мере благодаря активной позиции торговцев, был нанесен весомый удар по протекционистской политике. В связи с этим утверждение русского исследователя истории английской торговой политики И.Янжула не вполне правомерно. Он писал: "Знаменитую петицию 1820 г. можно считать поворотным пунктом английской торговой политики, с этого времени идеи свободной торговли получают право гражданства не в одной литературе, но и в жизни ..." ¹.

Идеи фритреда разделяла и радикальная пресса. "Блек Дворф", критиковал протекционистскую политику, а "Рипабликен" писал о выгоде свободной торговли, которая должна существовать при обмене между странами ².

Эти высказывания совпали и с мнением некоторых членов парламента, искавших в годы кризиса пути выхода из тяжелой экономической ситуации. В 1819 г. парламентская комиссия, созданная для рассмотрения положения внешней торговли, отмечала: "Искусство, предприимчивость и капиталы английских торговцев и промышленников требуют для своего применения только открытого и равноправного поля деятельности" ³. В 1820 г. парламент вновь назначил комитет для рассмотрения положения британской торговли. В учреждении комитетов и комиссий реализовывалась тактика главы кабинета Ливерпуля в этот период, когда была еще сильна частная инициатива выдвижения законопроектов. Он предпочитал, чтобы в парламент выносились билли, подготовленные представителями палаты общин. Подобная практика способствовала повышению уровня законодательной деятельности. В Докладе комитета вновь настойчиво прозвучала мысль: процветание торговли наступит в том случае, когда будут устранены все препятствия на пути продвижения товаров на рынки мира. Провозглашение новых принципов, на

¹ Янжул И. Борьба за свободу торговли в Англии в 1820-1846 гг. М., 1879. С. 226.

² The Black Dwarf, 1824, v. XII, N. 8; The Republican, 1826, v. XII, N. 7. P. 193-197.

³ Цит. по: Ерофеев Н.А. Английский колониализм. С. 49.

которых должна базироваться торговая система, стало наиболее важным пунктом документа¹.

На протяжении двадцатых годов вопрос о принципах торговли, как с иностранными державами, так и с колониями постоянно поднимался в прессе и парламенте. Увеличение общего объема торговли с Индией после 1813 г., развитие которой все еще сдерживали существовавшие ограничения, стало весомым доводом в выступлениях сторонников свободной торговли. В прессе появились статьи, выражавшие недовольство колониальной политикой правительства, в том числе и сохранением привилегий компании. В феврале 1827 г. Манчестерская торговая палата учредила комитет для изучения положения торговли с Востоком. Его изыскания подтвердили утверждения фритредеров об увеличении объема торговли при отмене ограничений².

В дальнейшем обращение к политике Ост-Индской компании в Индии в парламенте было связано с петициями Д.С.Бекингема. Радикальный журналист, активный сторонник свободы торговли с Востоком Д.С.Бекингом основал в Индии газету "Калькутта джорнел", которая нередко помещала материалы о компании. Местные власти, недовольные критикой, конфисковали газету, а Бекингема лишили лицензии на право проживания в Индии. Возвратившись в Англию, он обратился в парламент с жалобой на действия чиновников компании и просил компенсировать финансовые потери. Рассмотрение этого дела растянулось на длительное время и привлекло внимание не только британцев, но и европейцев. "Санкт-Петербургские ведомости" в 1834 г. сообщали своим читателям: комиссия нижней палаты закончила обсуждение жалобы и признала, что журналист пострадал в связи с закрытием газеты, которая приносила ему значительный доход. На компанию возложили обязанность возместить ущерб³. Забегая вперед, необходимо также подчеркнуть, что дело Бекингема было важным звеном в утверждении

¹ Report Select Committee of the House of Commons on the means of maintaining and improving the foreign trade of the country, 18 July 1820. / EHD, v. XI. P. 562-564.

² Greenberg M. British Trade and the Opening of India. Cambridge, 1951. P. 179-180.

³ Санкт-Петербургские ведомости, 1834, 17 октября.

на практике равенства граждан перед законом. Такое равенство, безусловно, является базисом гражданского общества.

В ожидании решения своего дела, Бекингом начал издавать журнал "Ориентал Геральд энд Колониел Ревью". Он стал, по существу, единственным изданием, которое знакомило в то время читателей метрополии с жизнью заморских владений, и анализировал политику правительства с фритредерских позиций. С января 1829 г. Бекингом прекратил выпуск журнала и приступил к чтению лекций. В них он раскрывал негативные стороны сохранения привилегий компании и высказывался в пользу отмены ее монопольных торговых прав. Его выступления нашли отклик в промышленных центрах страны и оживили деятельность существовавших прежде ост-индских ассоциаций. На митингах в таких крупных промышленных центрах и портовых городах, как Лидс, Манчестер, Ливерпуль, Глазго, Бристоль и Бирмингем были приняты петиции. В них излагались требования отмены монополии компании на торговлю чаем и установления свободной торговли, разрешения британцам свободно селиться в Индии; высказывались также и предложения об увеличении производства в Индии сахара, хлопка, шелка, табака и другой продукции при помощи английского капитала.

Депрессия, которую переживала промышленность, убедительная агитация Бекингема, выступившего в 200 городах, способствовали расширению петиционного движения. Всего в парламент было направлено 257 петиций¹. Их рассмотрение использовалось рядом депутатов, сторонников свободной торговли, для выступлений против привилегий Ост-Индской компании и обоснования своих идей. Так, например, В.Уитмор, который еще с начала 1820-х годов совместно с Д.Рикардо отстаивал в парламенте тезис о преимуществах фритреда², неоднократно высказывался за отмену всех торговых привилегий Ост-Индской компании³.

Тем самым, выдвинутые политэкономией и, прежде всего А.Смитом и его последователями, утверждения о преимущест-

¹ PD, 1829, v. 21. P. 1270-1273; 1831, v. 4. P.429-433; v. 5. P. 83, etc.; Turner R.E. The relations of James Silk Buckingham with the East India Company. Pittsburg, 1930. P. 103; Phillips C.H. The East India Company. P. 289.

² Gordon B. Political Economy in Parliament 1819-1823. L., 1976. P.158-162.

³ PD, 1828, v.17. P. 814-824; 1829, v. 21. P. 1336-1342, etc.

вах свободной торговли, увеличение торгового оборота с Индией после 1813 г., экономические кризисы и дальнейшее развитие британской промышленности явились мощным стимулом начала фритредерского движения. В первой половине двадцатых годов оно было направлено против протекционистских пошлин на иностранные товары и сырье. Со второй половины десятилетия — активизировались выступления против другого оплота меркантилизма — привилегированных монопольных компаний, и, прежде всего, самой крупной и мощной из них.

Динамичному развитию британской торговли препятствовала протекционистская политика, которой придерживались правящие круги. Интенсивность давления, оказываемого на них, зависела от энергичности, активности отдельных людей и корпораций. Частная инициатива позволяла определить негативные стороны законодательства. И там, где требования не входили в противоречие с интересами аристократии, правительство шло на компромисс, не встречая серьезного сопротивления кругов, заинтересованных в сохранении статус-кво. Более сложная ситуация складывалась в противном случае. Эти сюжеты подробнее будут рассмотрены ниже.

Проблемы экономической политики государства, как отмечалось выше, не заслоняли вопросы социального характера, которые привлекали внимание общества. Быстрый рост промышленного производства вел к разорению мелкого производителя. На протяжении жизни, практически, одного поколения страна преобразилась неузнаваемо, изменив положение ремесленников в обществе и структуре производства. Их разорение влекло за собой не только переход в иную социальную группу, превращая из собственника в наемного работника, вынужденного идти на фабрику, но и способствовало резкому увеличению числа безработных и нищих. Внедрение машин также было одним из факторов роста безработицы, так как рабочие места взрослых мужчин занимали неквалифицированные рабочие, женщины и дети. Социальные процессы, сопровождавшие промышленную революцию, выдвигали на первый план проблемы, связанные с новой экономической ситуацией: небывалым ростом обездоленных, бедняков и нищих, новой системой фабричного труда.

Постепенное вытеснение ремесленного труда было законодательно оформлено актами парламента. В 1813 г. он отменил средневековые законы, ограничивавшие размеры заработной платы, а в 1814 г. — ликвидировал последние остатки цеховой системы, в том числе и обязательный 7-летний срок ученичества подмастерьев. Акт 1802 г. положил начало регулированию фабричного труда. Закон предписывал фабрикантам ввести перерывы в рабочей смене и улучшить санитарное состояние рабочего места (мыть и проветривать помещения), а также вводил систему контроля. В реальности она представляла собой робкую попытку учредить фабричную инспекцию, так как контролеры не являлись штатными работниками, не получали заработной платы, а их функции были крайне ограничены. Более того, в некоторых регионах страны не только рабочие, но и сами хозяева не знали о существовании закона. Тем не менее, в тех немногих районах, где действовали активные и энергичные контролеры, наметились ощутимые изменения в положении работников¹, но они едва ли могли существенно изменить общую картину.

Зарождение фабричного движения (т.е. движения за регулирование фабричного труда) связано не столько с самими работниками (многие из которых стали разрушать машины, видя в них главный источник своих бедствий), сколько с именами Р.Оуэна и Р.Пиля, крупного текстильного фабриканта, отца одного из наиболее влиятельных политиков-консерваторов 1820-40-х годов Роберта Пиля. Благодаря агитации первого и деятельности второго в 1819 г. принят Акт парламента, ограничивший работу детей на текстильных фабриках 12 часами в день. Достигнутый ими успех нивелировало то, что исполнение закона по-прежнему не контролировалось и не соблюдалось на большинстве фабрик страны. В двадцатые годы проблемы регулирования фабричного труда затрагивали главным образом "филантропы", не принадлежавшие к рабочим по своему социальному положению. В парламент поступали отдельные единичные петиции, и порой высказывали требования забастовщики. Массовый характер движение приняло позднее с 1830 г.

¹ Report on the Cotton Mills in the Parish of Bolton, 1823/ EHD, v. XI. P. 736-738; Djang T.K. Factory inspection in the Great Britain. L., 1942. P. 29.

С социальными изменениями в структуре общества связана и проблема оказания помощи беднякам. Сумма собираемых налогов на бедняков за время войны увеличилась с 2 до 6-7 млн. фунтов стерлингов и продолжала стремительно возрастать, что вызывало недовольство платежеспособного населения. Одно из решений острой проблемы предложили радикалы. В силу того, что британские заморские владения нуждались в рабочих руках, они заговорили об эмиграции, как одном из гуманных средств сокращения "избыточного населения". Последователь философа-утилитариста И.Бентама Д.Милль в 1824 г. писал: "В определенных обстоятельствах это наиболее желательный, чем любой другой, путь для уменьшения численности населения". По его мнению, в связи с этим возрастала роль колоний для метрополии¹. Эту же мысль развивал и радикал Д.А.Робак, полагавший, что метрополия может иметь двойную выгоду. С одной стороны она получит возможность избавиться от "избыточного и неспособного населения", а с другой — увеличить рынок сбыта товаров. Переселенцы увезут с собой привычки и традиции потребления на новые земли, полагал он².

Радикалы поддерживали неосуществленный проект министра по делам колоний У.Хортонa, предложившего вывозить бедняков в колонии за счет государства вместо того, чтобы оказывать им помощь в метрополии; а затем и деятельность Э.Г.Уэйкфилда по организации эмиграции. Уэйкфилд в эмиграции видел не только средство решения социальных проблем Англии, но и ускорения экономического развития переселенческих колоний. Он предлагал осуществлять организацию переселения в крупных масштабах за счет повышения цен на землю в колониях, независимо от ее реальной стоимости. Средства, вырученные от продажи, должны обеспечить доставку новых поселенцев, которые бы отработывали оплату своего переезда трудом на земле. Начавшаяся с середины двадцатых годов массовая эмиграция жителей страны в колонии не могла решить острые

¹ Encyclopaedia Britannica, 1824, v. 5. P.262.

² Roebuck J.A. The Colonies of England: A Plan for the Government of Some Portion of our Colonial Possessions. L., 1849. P. 9, 14.

социальные проблемы, а выступления ее сторонников оставались в тени фритредерского и аболиционистского движений¹.

Аболиционистское движение в 1820-х годах

Именно аболиционизм, возрожденный в середине двадцатых годов, стал одним из самых крупных движений, как по своему размаху, так и по числу и составу участников.

Запрет работорговли в 1807 г. изменил ситуацию в колониях в худшую сторону вопреки ожиданиям аболиционистов.

Рабский труд применялся главным образом на плантациях Вест-Индии, а сами плантаторы пользовались рядом налоговых льгот. Отсутствие пополнения работников повлекло нехватку рабочих рук, так как смертность рабов была высока, а естественное воспроизводство не могло удовлетворить потребности хозяев. Выход из кризисной ситуации они нашли в усилении эксплуатации². В связи с этим запрет работорговли в реальности привел к резкому ухудшению положения рабов, что, в свою очередь, вызвало сопротивление, доходившее порой до восстаний. Известия о волнениях и их жестоком подавлении, поступавшие в метрополию, будоражили общественное мнение. Весной 1823 г. создается новая организация – Общество содействия смягчению и постепенной отмене рабства в британских владениях (Анти-рабское общество). В его учреждении и деятельности большую роль сыграли квакеры, как и в прежде зачастую финансировавшие мероприятия аболиционистов, и ветераны движения. Ими руководили новые лидеры – Т.Бакстон, С.Герни, Д.Стеси, Д.Кроппер, Т.Макколей.

15 мая 1823 г. Томас Бакстон в парламенте предложил рассмотреть вопрос о постепенном освобождении взрослых рабов, а с определенной заранее оговоренной даты считать свободными всех детей, которые бы рождались после ее наступле-

¹ Подробнее о деятельности Уэйкфилда см.: Ерофеев Н.А. Английский колониализм. С. 62-105.

² Скрипникова Л.А. Английский колониализм в Вест-Индии. Критика буржуазных концепций исторического развития молодых государств Карибского района. Киев, 1981. С. 22-23; *Slavery and British society 1776-1846*. L., 1982. P. 120-122.

ния¹. По существу, в его речи была изложена программа общества. После смерти У.Уилберфорса в 1824 г. Бакстон возглавил аболиционистов в парламенте.

Структура общества была сохранена. Находившийся в Лондоне комитет формировал направление деятельности. Обычно в его состав входили члены парламента, адвокаты. За пределами столицы в краткий срок созданы различного рода "вспомогательные" организации. Они выполняли двойную функцию: собирали денежные средства и информировали сограждан, иными словами пропагандировали идеи аболиционизма. В своей деятельности общество и его комитет использовали опыт прежних аболиционистских организаций, заключавшийся в сборе сведений о тяжелом положении рабов, привлекали к ним общественное мнение, выступали в парламенте. В двадцатые годы существенно возрос размах агитации: многочисленные митинги, лекции, публикации памфлетов и статей, кампании бойкота колониальной продукции, выращенной при помощи рабского труда². На этом этапе гораздо активнее была задействована пресса: аболиционисты выпускали свою газету "Анти-слейвери мансли репортер", журналы, предназначенные для различных слоев общества вплоть до специальных детских изданий. Заметную роль в пропаганде играли и платные лекторы, разъезжавшие по всей стране. Такой размах агитации способствовал резкому увеличению числа митингов, вовлечению новых сторонников. Довольно быстро аболиционистское движение охватило всю страну: если в 1814 г. в провинции действовало 200 комитетов, то к середине 1820 годов их численность возросла до 800³. В их деятельности участвовала мелкая и средняя буржуазия, представители интеллигенции: адвокаты, врачи, художники. Аболиционизм оставался движением главным образом городского населения, которого привлекли лозунги о правах человека, равенстве людей⁴.

¹ PD, 1823, v. 9. P. 257-275.

² Скрипникова Л.В. Английский аболиционизм и освободительное движение в Вест-Индских колониях (первая треть XIX в.) / Проблемы британской истории. М., 1973. С. 141.

³ Slavery and British society. P. 24.

⁴ Pressure from without. L., 1974. P. 31-33.

Торгово-промышленные круги, включавшиеся в аболиционистскую деятельность, стремились к ликвидации привилегий вест-индских плантаторов, как части протекционистской таможенной политики, в расширении рынков сбыта товаров. Они полагали, что освобожденные рабы в качестве наемных работников станут потенциальными покупателями. В целом, британские предприниматели, заинтересованные в изменении форм колониальной эксплуатации, весьма существенно поддерживали движение, как личным участием, так и финансовыми взносами. В значительной мере благодаря этому зазвучали и экономические мотивы в пользу отмены рабовладения.

Необходимость изменения таможенной политики в отношении британских владений на Западе и Востоке отмечал еще в 1817 г. анонимный автор одного из многочисленных памфлетов того времени¹. Аргументация экономической выгоды, которую может получить метрополия от запрещения рабства, нередко звучала позже в ходе выступлений против привилегий вест-индских плантаторов в прессе и на митингах. Так, например, в решении одного из митингов, говорилось: "... эта несправедливая и аморальная система, существующая в Британских колониях, поддерживается теми коммерческими законами, которые, даруют щедроты и оградительные пошлины продукции рабского труда. Они не только существенно повышают ее стоимость для британских потребителей, но и увеличивают бедствия самих рабов, и в то же время делают их освобождение более затруднительным"².

Основным продуктом, который производился на плантациях Вест-Индии и потреблялся в Британии, оставался сахар. Несмотря на покровительственные пошлины, цена его была велика. В то же время сахар поступал и из Индии, однако ее продукция рассматривалась таможенным законодательством как иностранная в силу статуса Индии, формально не являвшейся колонией Британии. Пошлины на иностранную продукцию существенно превышали акцизы на сырье из колоний. В связи с

¹ Consideration on the British Commerce with Reference Particularly to the British India, the United States of America and the Slave Trade. L., 1817. P. 269.

² Anti-slavery Reporter, 1825, N. 1. / Craton M., Walvin D., Wright D. Slavery. Abolition and Emancipation. A thematic documentary. Norfolk, 1976. P.288.

этим индийский сахар стоил еще дороже. Исследователи, как правило, не связывают активизацию аболиционистского движения с его потреблением, недооценивая то, что постепенно из предмета роскоши он становился повседневным продуктом питания в семьях рабочих, пополняя потребность организма в углеводах¹. Сведения об этом можно найти также и в докладах комиссий, обследовавших положение бедняков. Там приводились факты, что даже в семьях неквалифицированных рабочих подслащивали чай, давали сахар грудным детям². Тем самым, вопрос о привилегиях вест-индских плантаторов затронул интересы широкого круга лиц, и в том числе трудящиеся слои населения.

В активизации аболиционистского движения свою роль сыграла и публикация сведений о демографической ситуации в метрополии и вест-индских колониях. Сравнение данных подействовало ошеломляюще на британское общество³. В то время, как в самой метрополии отмечался бурный рост населения, в колониальных владениях прирост шел исключительно за счет иммиграции. Тяжелые условия жизни рабов способствовали выдвигению на первый план в аболиционистском движении все-таки прав человека, которые рассматривались как естественные права, принадлежавшие всем людям независимо от цвета кожи⁴. Гуманистические идеи преобладали в движении, отодвинув на второй план иные соображения и интересы.

Противниками аболиционизма выступали сами плантаторы и связанные с плантационным производством финансисты, промышленники и торговцы, опасавшиеся решительных шагов. Они полагали, что налаженное хозяйство приведет к неминуемой финансовой катастрофе освобождение рабов, так как они не захотят трудиться. Свою позицию сторонники статус-кво подкрепляли доводами о праве собственности хозяев, о неготовности рабов не просто получить права свободных граждан, но и распоряжаться ими. Как отмечалось выше, доля плантаторов и их протеже в парламенте была достаточно велика. Представите-

¹ Mintz S. W. Sweetness and Power. The place of sugar in modern history. Harmondsworth, 1986. P. 124-142, 148.

² Edinburgh Review, 1841. N. CXLIII. P. 530.

³ Slavery and British Society. P. 164, 169.

⁴ Antislavery, Religion and Reform. Ed. Bolt Ch., Drescher S. Folkestone, 1980. P. 155.

ли многих аристократических семей в той или иной мере были связаны с ними, будь то родственные узы, деловые контакты, либо доходные должности по управлению колониями. Однако все они не могли переломить складывавшегося в обществе отношения к рабству, вызвать симпатии к нему. Любые заявления в защиту рабовладения немедленно вызывали ответную критическую кампанию в прессе. И хотя сильное вест-индское лобби действовало в парламенте в двадцатые годы, палата общин приняла решение осуществить освобождение рабов путем медленной и постепенной отмены с выплатой полной компенсации плантаторам потерь, связанных с реализацией закона¹. Это была важная победа мощного движения, охватившего городские слои населения.

В своей деятельности аболиционисты использовали укрепившиеся методы воздействия на общественное мнение – создание обществ по всей стране, издание специальных газет, памфлетов, плакатов, устройство митингов, сбор подписей под петициями, направлявшимися в парламент. Участие горожан в многочисленных митингах, где говорилось о равенстве людей и о правах человека, вовлечение их в обсуждение этих проблем, способствовало дальнейшему формированию чувства гражданского и правового самосознания.

Даже столь краткий экскурс в историю Британии двадцатых годов свидетельствует об углублении изменений в интеллектуальной сфере. Они заключались в расширении круга проблем, обсуждавшихся на страницах прессы. В социальной области происходило укрепление институтов самоорганизации, их дальнейшее укоренение в повседневной жизни. Они становились организационными формами выражения настроений и требований. В какой мере мнение общества оказало влияние на политику правящих кругов, будет рассмотрено ниже.

¹ Скрипникова Л.В. Английский аболиционизм и освободительное движение. С. 149-150.

Глава 5. Начальный этап реформирования институтов «старого порядка»

Начало нового правления – вступление на престол Георга IV – повлекло за собой роспуск парламента и парламентские выборы. Они показали некоторое уменьшение сторонников правительства и усиление оппозиции. Тем не менее, с начала 1820-х годов торийская и вигская аристократия умеренных взглядов преобладала в обеих палатах¹, при этом большинство сохраняли первые, из их числа формировались кабинеты, которые до 1827 г. возглавлял лорд Ливерпуль. Либерально настроенные тори осознали необходимость проведения отдельных реформ с тем, чтобы ценой небольших уступок сохранить существовавшее положение вещей. Эти веяния нашли свое выражение, наряду с другими факторами в речи главы правительства в мае 1820 г. по вопросу об изменении экономической политики.

В 1822 г. в правительстве произошли перемены в связи со смертью лорда Каслри². Георг IV, симпатизировавший Р.Пиллю, хотел его назначения лидером нижней палаты³. В силу того, что большинство членов кабинета заседало в верхней палате, выбор лидера нижней палаты, как представителя администрации, приобретал особое значение. Однако возобладало мнение Ливерпуля⁴, и место покончившего с жизнью Каслри занял Джордж Каннинг, который стал министром иностранных дел и лидером палаты общин. Это была знаковая победа главы правительства над монархом. Если для Ливерпуля Каннинг являлся одним из ближайших друзей со времен обучения в Оксфорде, и он пре-

¹ Подробнее о расстановке сил см.: EHD, v.XI. P. 237.

² Ч.Гревиль отметил в дневнике, что смерть Каслри «как Министра стала великой потерей для его партии; и еще большая потеря для его друзей и всех тех, кого он опекал и был самым лучшим патроном, для страны, я думаю, он был пустым местом, не значил ничего». / *The Greville Diary*. V.1. L., 1927. P. 155.

³ По мнению графа Ливена, Р.Пиль – «человек замечательного ума, силой характера и воли» – был наиболее подходящей фигурой, способной заменить Каслри. / Мартенс Ф. Указ. Соч., т. 11. С. 305.

⁴ *Diary of Henry Hobhouse*. 9 Sept. 1822. / EHD, v.XI. P. 100-101;

красно знал его достоинства и необычайную работоспособность, нуждался в нем, как министре¹; то Георг IV относился к нему резко негативно. Причина крылась не только в том, что он хотел бы видеть на этих постах другого политика, или его не устраивало происхождение Каннинга (он был сыном аристократа и актрисы). Нелюбовь короля имела давние корни и носила глубоко личный характер: в свое время имя Каннинга называлось среди возможных любовников Каролины после того, как принц и принцесса Уэльская разъехались. Более того, Каннинг был среди противников оформления их развода². А этого ни забыть, ни простить Георг IV не мог. Однако Ливерпуль отстоял свое право формировать состав кабинета, что как в этом, так и в других случаях, не всегда совпадало с желанием монарха³. И хотя внешне проявлялись все знаки почтения министров, их политика становилась все более самостоятельной, независимой от воли пожилого, часто болевшего короля. Георг IV жаловался приглашенному им графу Ливену, что «его воля часто не уважается благодаря обстоятельствам, побороть которые он не в состоянии». Он мог бы дать отставку кабинету, но где же он найдет людей, достойных его доверия и его понимавших, сетовал монарх. Ливен докладывал в Петербург, что «Король не стеснялся высказывать полное неодобрение политики своих министров»⁴. Его жалобы не являлись ловким дипломатическим ходом, нацеленным на то, чтобы успокоить недовольство Петербурга политикой Лондона. Самостоятельность министров в их деятельности становилась все более очевидной. Прежде всего, это проявилось во внешнеполитической стратегии Каннинга, в постепенном отходе от политики Священного союза, поддержке Португалии, Греции и др. В греческом вопросе позиция короля «была в прямом противоречии с взглядами и политическими начинаниями» кабинета. Георг IV потребовал четкого ответа на вопрос, какой политики министры намерены придерживаться. И хотя они выразили намерение оставаться в союзе с континентальными державами⁵, продолжали собственную линию на из-

¹ The Greville Diary. V.1. P.159

² The Greville Diary. V.1. P. 158; Gash N. *Aristocracy and people*. P.110.

³ См., например, The Letters of King George IV. V. 3. P. 9, 38-39.

⁴ Мартенс Ф. Указ. Соч. т. 11. С. 310.

⁵ Подробнее см.: Мартенс Ф. Указ. Соч. т. 11. С. 331-332.

менение внешнеполитического курса и отход от союза. Роберт Пиль занял пост министра внутренних дел и приступил к постепенному пересмотру уголовного законодательства.

В 1823 г. в кабинет пришел приверженец отмены ограничений в торговле с колониями В.Гескиссон, что радикальные круги встретили с одобрением. То, что Гескиссон был сторонником свободы торговли, и вселило надежду в сердца сторонников фритреда в связи с его назначением на столь важный в экономике государства пост. Однако его взгляды были шире общераспространенных представлений. Предвосхищая аргументацию Р. Кобдена и Дж. Брайта, новый министр торговли рассматривал свободу торговли как важнейшую силу, способную обеспечить международную кооперацию и гармонию. В то же время он полагал, что монополия в колониальной торговле не обогащает, а обедняет ту нацию, которая создала колонию, и был уверен в том, что после потери американских владений принципы взаимоотношений с другими колониями должны быть пересмотрены¹.

Именно Каннинг, Гескиссон и Пиль составили внутренний, малый кабинет, осуществлявший на практике правительственную политику. Нельзя не согласиться с Н.Гэшем, что министры не были автономно существовавшими реформаторами, с их личными симпатиями и антипатиями. В подборе кандидатур (о чем речь шла выше) и в определении курса всего правительства решающую роль играл его глава – лорд Ливерпуль. А почву для преобразований подготовил его же предыдущий кабинет². Тем не менее, реформы осуществляли министры нового состава. В 1822 г. проведен пересмотр таможенной системы, смягчены запреты и отменены некоторые ввозные пошлины на сырье, необходимое для промышленности, а также и на продовольственные товары. Безусловно, давление со стороны торгово-промышленных кругов в ослаблении протекционистских ограничений сыграло свою важную роль. Предпринятые в этом направлении шаги получили продолжение в середине десятилетия, когда разразился первый в истории капитализма циклический кризис перепроизводства.

¹ Gash N. Aristocracy and people. P. 117.

² Gash N. Aristocracy and people. P.114-115.

Кризис 1825 года часто рассматривается как первый международный финансовый кризис в истории. Борьба за независимость стран Латинской Америки в начале 1820-х годов способствовала притоку капитала из Великобритании для финансирования разработки золотых и серебряных рудников и государственного долга новых независимых республик. Это также привело к экспортному буму, что вкупе с бурным ростом высокотехнологических компаний индустриальной революции и увеличением денежной массы послевоенного периода вызвало спекуляции на Лондонской фондовой бирже. Растущий торговый дисбаланс и исчерпание золотых резервов Банка Англии вынудили Банк увеличить учетную ставку летом 1825 года. Крах фондового рынка в октябре спровоцировал декабрьскую банковскую панику, которая вскоре распространилась на континент. Банк Англии, обеспокоенный собственными золотыми резервами, не принял никаких действий по прекращению паники, результатом чего явились массовые банкротства и последующая экономическая рецессия. Кризис распространился на Латинскую Америку, а сокращение инвестиций и экспорта уменьшило доходы бюджетов и вызвало дефолты по государственным долгам во всем регионе.

Для самой Британии 1825 г. стал первым системным кризисом, который начался с банковской паники и быстро охватил всю экономику.

Шаги, предпринятые правительством, существенно отличались от его действий в период послевоенного кризиса. Не в повышении налогообложения, а в частичных изменениях денежного обращения, хлебных законов и политики протекционизма кабинет попытался найти выход из создавшегося тяжелого положения¹. Предложенную программу довольно спокойно встретил парламент, и одобрил ее практически без серьезных возражений. Была введена так называемая "подвижная шкала" пошлин на ввозимый хлеб (которую связали с уровнем стоимости на внутреннем рынке), что содействовало некоторому снижению цен. Уменьшены и частично отменены пошлины на вывозимую продукцию, всего – по 500 позициям. Изменения в таможенном законодательстве, знаменовавшие переход к политике умеренного протекционизма, решали одновременно несколь-

¹ Mitchel A. The Whigs in opposition. P. 186.

ко задач. Среди них немаловажное место занимало увеличение эффективности действия тарифной системы, поощрение расширения экспорта и внутреннего потребления, поддержка британских предпринимателей¹. Значение этих мер выходило далеко за рамки интересов самой Британии в связи, с чем они, привлекли пристальное внимание других государств, в том числе и России, которая вела активную торговлю с Англией. Так, российское посольство, находившееся в Лондоне, отправило в Петербург полный свод "новой коммерческой системы Великобритании"². Журнал "Сын Отечества" перепечатал речь Гескиссона, произнесенную в парламенте, а в одном из последующих номеров говорилось: "Проект преобразования существовавшей поныне коммерческой системы, предложенной парламенту Г.Гускиссоном, Членом Совета Министров и Президентом Департамента Торговли принесет обильные плоды ... можно ожидать самых благих последствий к выгоде сего, во многих отношениях единственного народа"³.

Другим направлением деятельности правительства стало установление взаимоотношений с, добивавшимися еще со времени наполеоновских войн, молодыми государствами Латинской Америки. К середине 1820-х годов британцы инвестировали в их экономику более 20 млн ф.ст. «Ни один британский государственный деятель уже не мог игнорировать эти обстоятельства», отмечали авторы «Новой Кембриджской истории нового времени». Незадолго до самоубийства Каслри был убежден, что их признание – лишь дело времени и путей осуществления. И к 1822 г. Британия уже признала их флаги, а не позднее 1823 г. назначены консулы. Дж. Каннинг продолжил это направление. В 1825 г. начались переговоры о торговых соглашениях с Мексикой, Колумбией и Соединенными провинциями Рио де ла Плата⁴. Признание де-факто, а затем и де-юре бывших

¹ Gash N. Lord Liverpool. P. 220.

² АВПРИ, ф. 184, оп. 520, д. 26, л. 1.

³ Сын Отечества, 1825, № 8. С. 393-407; № 12. С. 400-401.

⁴ The New Cambridge modern history, v. IX. Cambridge, 1965. О. 636-637. В данном случае необходимо отметить, что позиция Британии и США в конфликте бывших колоний и метрополий стала одной из веских причин отсутствия интервенции и попыток силовым путем оставить их в составе колониальных империй и обретения ими свободы.

южно-американских владений Испании и Португалии стало важным поворотным моментом в истории Британии. Они обозначили окончательное изменение приоритетов внешней политики, переход от поддержания "европейского равновесия" к обеспечению рынками сбыта собственную промышленность, наметив черты иной внешнеполитической доктрины – "блестящей изоляции". Но не только этот аспект придавал особый вес свершившимся событиям. Со времени Славной революции весь спектр вопросов внешней политики оставался прерогативой короля. В данном случае Георг IV оставался противником внешнеполитической деятельности кабинета. Если заключение торговых договоров, расширение британской торговли он приветствовал, то юридическое признание новых государств вызвало негативную реакцию. С одной стороны, он опасался последствий такого шага в связи с ухудшением отношений с союзниками, что могло бы вылиться, по его мнению, в новую европейскую войну. С другой стороны, последствием признания независимости, полагал Георг IV, станет расширение, распространение революционных настроений¹. В противостоянии политике Каннинга Георг IV опирался на Ливена и Эстергази – послов России и Австрии – в попытке не допустить этого признания. Новые закулисные интриги против собственного правительства и в данном случае говорили о слабости реальных позиций короля. Угроза Каннинга уйти в отставку и ясно выраженное отношение всего кабинета к этому вопросу, поддержавшего его, вынудили монарха согласиться с новой внешнеполитической линией, так как без Каннинга, его необычайной работоспособности правительство уже не могло нормально функционировать².

Претерпело преобразование и социальное законодательство. В 1824 г. парламент отменил законы, запрещавшие создание рабочих коалиций (союзов). Несмотря на то, что уже в следующем году парламент утвердил законы о запрете стачек и ограничении деятельности союзов, акты 1824 г. имели важное значение для развития профсоюзного движения (тред-юнионов).

¹ См., например: *The King to the Cabinet, 1824; The King to the Earl of Liverpool, 27 January 1825.* / *The Letters of King George IV.* V.3. P. 97-99.

² *The Greville memoir.* V.1. P. 107-108.

Рост нищеты и безработицы создавали реальную проблему в виде повсеместного усиления преступности в крупных индустриальных и торговых центрах, и, прежде всего, в Лондоне. Министр внутренних дел Р.Пиль инициировал шаги в сторону изменения уголовного законодательства. Частичная реформа уголовного кодекса смягчила меру наказаний за некоторые виды преступлений в зависимости от степени тяжести нарушения прав собственности.

Если перечисленные выше законы в целом не вызывали серьезных, принципиальных возражений, то камнем преткновения, разделившим общество и группировки внутри правящего класса, явилась так называемая эмансипация католиков.

С XVI в., как отмечалось выше, парламентом принимались законы, направленные на ограничение прав религиозных сектантов и католиков. Наиболее часто законодатели обращались к этому вопросу в период Реставрации и борьбы с прокатолической политикой Якова II, когда были утверждены "Акты о проверке и корпорациях" (так называемые тест-акты). Они предусматривали прохождение специальной проверки на принадлежность к государственной англиканской церкви всех желающих поступить на гражданскую или военную службу, а также произнесении клятвы верности Англиканской церкви. Лишая иноверцев активного и пассивного избирательного права, законы ущемляли гражданские и политические права диссентеров и католиков. Славная революция принесла с собой провозглашение свободы совести, но положение католиков и сектантов не изменила. Неписанная конституция Англии подтвердила государственный статус Англиканской церкви. Вместе с тем, в XVIII столетии получила распространение практика фиктивного принятия причастия с тем, чтобы тот или иной диссентер смог поступить на службу, либо избираться в парламент. Нонконформисты нередко избирались в советы графств, городские советы, шерифами, не меняя своей веры. Тем не менее, подавляющая часть диссентеров и католиков не хотела мириться со столь унижительным положением. И те, и другие продолжали бороться за свои права.

К середине 1820-х годов численность религиозных сектантов в Британии существенно увеличилась. Она доходила до 3 миллионов человек из 15 миллионов всего населения и продол-

жала возрастать¹. Их социальный статус, имущественное положение были довольно высоки в связи, с чем лишение гражданских и политических прав ощущалось особо. С начала столетия активизировалась деятельность созданных прежде организаций, не менее активно учреждались новые. Значительным шагом стало объединение диссентерских деноминаций. В 1817 г. Объединенный комитет баптистов, конгрегационалистов и унитариев постановил начать подготовку к кампании за отмену ограничений. В 1820-е годы развернулась полемика по религиозным вопросам в памфлетах и прессе. Такое оживление деятельности диссентерских организаций исследователи связывают не только с укреплением позиций среднего класса в обществе, но и развернувшейся борьбой католиков за свои права².

Агитация за отмену тест-актов на митингах и в прессе с начала 1820-х годов наибольший размах приняла в Ирландии, где доля католического населения превышала 80%³. Основание общественной организации – Католической ассоциации в 1823 г. и деятельность во главе нее адвоката Д. О'Коннела превратили движение жителей этой части королевства в грозную силу к 1827 году⁴. Таким образом, религиозный вопрос в конце 1820-х годов приобрел политическую окраску, поставив вопрос о пересмотре неписанной конституции, оказывал значительное влияние на политический климат и политику правительства.

На момент открытия сессии в 1827 г. тори полагали, что они достаточно сильны, чтобы противостоять требованиям католиков. «Думаю, наши позиции в католическом вопросе прочные, большинство парламента за нас. Герцог Веллингтон и Пиль выглядят стойками, они сохраняют и поддержат незыблемость старых принципов, которыми всегда руководствовалось правление», был убежден тори виконт Лоутелл⁵. Однако 17 февраля происходит непредвиденное событие – у лорда Ливерпуля апоп-

¹ Соловьева Т.С. Религиозная политика либеральных тори в Англии (20-ые гг. XIX века). М., 2000. С.56.

² Соловьева Т.С. Религиозная политика либеральных тори. С.65-66.

³ Kerr D.A. Peel, priests and politics. Oxford, 1982. P.2.

⁴ История Ирландии. М., 1980. С. 188-189, Соловьева Т.С. Религиозная политика либеральных тори. С.66-68, и др.

⁵ Viscount Lowther to Sir William Knighton. January 27th 1827. / The Letters of King George IV. V.3. P. 201.

лексический удар. Далее он не мог исполнять обязанности главы кабинета, так как от удара уже не оправился. Ч.Гревиль, замечал: «Такой момент, как известно, сопровождается разного рода слухами и домыслами относительно тех возможных изменений в правительстве, к которым может привести это событие. Только должно быть замечено, как мало в это время все думают о человеке. Я не берусь судить, характеризует ли это безразличие общество, либо же самого этого человека»¹. Гревиль тонко подметил, насколько общество уже на другой день забыло о занемогшем министре, и, начиная с короля, погрузилось в собственные проблемы. По словам леди Конигсби, Георг IV был потрясен случившимся и находился в крайне раздраженном состоянии из-за предстоящих волнений по поводу формирования нового правительства². И вновь обостряется политический кризис. Болезнью Ливерпуля, его безнадёжным состоянием и грядущими политическими переменами воспользовались как сторонники, так и противники эмансипации католиков и снятия ограничений с диссентеров, жестче заявляя о своих позициях. Возможность избежать усиления конфликта в реальности отсутствовала, так как выбор короля был ограничен. На место Ливерпуля фактически в силу административного опыта и политического веса могли претендовать лишь Джордж Каннинг, герцог Веллингтон, отчасти — Р.Пиль. В этой ситуации, высказывались правомерные опасения, что коалиционное правительство, не разрешив вопроса, только усугубило бы ситуацию из-за возникновения возможных конфликтов³.

Тори и виги в эти дни развили бурную деятельность в пользу своих кандидатов. Закулисные интриги тори переплетались с жесткими политическими заявлениями об отказе поддерживать правительство в случае прихода к власти Каннинга, известного либеральными взглядами на католический вопрос. Однако Каннинг к этому времени уже обладал значительным авторитетом и был популярен в связи с внешнеполитическим курсом, направленным на обеспечение торговых интересов Британии. Виги на своем собрании, которое прошло не позднее 20

¹ The Greville memoirs. V 1. P. 92.

² The Greville Diary. V.1. P 166.

³ The Letters of King George IV. V.3. P. 207-210.

февраля, обсудили создавшееся положение дел. Они решили поддержать Каннинга и его кабинет в том случае, если его кандидатура будет избрана королем¹.

Престарелый монарх руководствовался соображениями собственного «комфорта и спокойствия». Именно с этих позиций он подошел к выбору первого министра. И хотя его симпатии по-прежнему были отданы герцогу Веллингтону и Пиллю², главой кабинета стал Каннинг. «Наибольшую уверенность мне дает стабильность и постоянство моего теперешнего правительства», заявил он³. Это назначение спровоцировало отставку некоторых министров — Р.Пилля, герцога Веллингтона, герцога Монтроуз и др. Отказ оставаться в кабинете Р.Пилль объяснял тем, что он не может быть членом правительства, которое возглавляет человек, симпатизирующий католикам. Того же мнения придерживались и другие министры, вышедшие из состава правительства⁴. Такой поворот событий, в свою очередь, вынудил Каннинга искать поддержки у вигов, что было естественным и разумным в данной ситуации. Переговоры с ними завершились соглашением. По договоренности глава кабинета обязался сменить министра по делам Ирландии, а католический вопрос оставить открытым. Суть такого компромиссного решения состояла в том, что каждый член правительства мог иметь и высказывать собственное мнение, поддерживать, либо выдвигать в парламенте свой законопроект по этому вопросу. Иными словами, кабинет занял нейтральную позицию по сугубо важнейшей социальной и политической проблеме, предоставив полную свободу министрам. Помимо договоренности с вигами, Каннинг сделал блестящий ход, значительно обезоруживший его политических противников, среди которых преобладали тори. Пост главы адмиралтейства он предложил герцогу Кларенсу, младшему брату короля и будущему королю Вильгельму IV. Таким образом, Каннинг сумел сформировать коалиционное прави-

¹ См., например: *The Letters of King George IV*. V.3. P. 203, notes.

² Р.Пилль был первым, кого вызвал король, узнав о болезни лорда Ливерпуля. При встрече заявил о том, что он хотел бы видеть Веллингтона. / *The Greville memoirs*. V 1. P. 94.

³ *George IV to George Canning*. 1 May 1827. / *EHD*, v. XI. L., 1959. P. 152.

⁴ *The Greville Diary*. V.1. P. 185.

тельство, которое, по признанию современников и историков, стало одним из наиболее популярных кабинетов десятилетия.

Однако это правительство просуществовало недолго. В начале августа Каннинг скончался. Пост премьера король, по-прежнему заботившийся о своем комфорте, передал бывшему министру кабинета Каннинга виконту Годериху. А тот, сформировав кабинет, на протяжении 3 месяцев не смог нейтрализовать или уладить начавшиеся раздоры в правительстве. Они свидетельствовали не столько о неудачном подборе кандидатур, сколько о нараставшем разногласии в обществе и политических кругах по вопросам прошедших реформ, возможности и характере будущих преобразований. Тори были недовольны политикой Гескиссона и включением его в состав кабинета. Немало волнений им приносило движение за религиозное равноправие посягательством на конституционное устройство и незыблемость статуса Англиканской церкви.

Отсутствие согласия в кабинете министров привело к роспуску правительства в середине января 1828 г. В результате – во главе правительства оказался герцог Веллингтон. Монарх ставил условие, чтобы вопрос о католиках не поднимался, а министрами были бы только протестанты, иными словами противники эмансипации католиков¹. Но и для героя Ватерлоо подбор кандидатур на министерские посты оказался делом отчасти затруднительным. Уже сам по себе выбор монарха либерально-радикальные круги встретили с опасением. Впервые после Английской революции во главе правительства стоял военачальник. Некоторые политики видели в нем реакционера, хорошо известного своими консервативными взглядами. Вместе с тем, авторитет Веллингтона был велик в стране в силу одержанных на поле битвы побед и сильного характера. К тому же он имел административный опыт. Между 1818 и 1827 гг. входил в кабинет, а также назначался послом.

Причина осложнений Веллингтона крылась в опасении возможного недовольства палаты общин и аристократов-тори при назначении Роберта Пиля министром внутренних дел. Возникало напряжение и по другим вопросам, что задержало завершение формирования кабинета. Камнем преткновения опять

¹ Sir Robert Peel from his private papers. L., 1899, v.2. P. 27.

стало назначение Гескиссона теперь министром по делам колоний. На этот раз недовольны были виги, которые согласие Гескиссона войти в состав администрации Веллингтона рассматривали, как предательство с его стороны, и решили не поддерживать кабинет. Так называемые старые тори, по-прежнему не могли простить ему же либеральных экономических законов¹. Размежевание тори и вигов приобретало новые черты, связанные с дальнейшим формированием принципов политической платформы тех и других. Новая политическая система выкристаллизовывалась в недрах старого традиционного, в значительной мере носившего клановые черты, разделения. В условиях политической нестабильности, выступлений и требований нонконформистов и католиков углубилось формирование консервативной и либеральных платформ, что создавало ощущение хаоса в политических кругах. Возвратившийся в Лондон после недолгой отлучки, Ч.Гревиль с удивлением заметил, что «Партии распались на отдельные части. Оппозиции нет. Никто не может сказать, каковы политические взгляды его соседа, но едва ли он в состоянии сформулировать свои собственные взгляды»². Между тем, необходимо отметить и еще один момент, проявившийся в эти месяцы и вызвавший задержку в формировании правительства. А именно, обозначившийся учет мнения представителей обеих палат Веллингтоном, что и явилось одной из важнейших причин затягивания окончательного решения³.

Таким образом, на протяжении 1820-х годов неоднократно возникали политические кризисы. Они были вызваны поочередно смертью Каслри, болезнью Ливерпуля, смертью Каннинга, но едва ли их можно характеризовать, как масштабное напряжение, либо потрясение. Тем не менее, формирование кабинета министров раз от раза проявляло едва заметные, но важные подвижки в расстановке сил в институтах власти. Прежде всего, речь идет о дальнейшем сокращении влияния монарха, мнение которого не принималось во внимание при подборе кандидатур. Существенно сократилась возможность короля по своему желанию на-

¹ The Greville memoirs. V.1. P. 128-129. Надо отметить, что в мае так называемые «каннингиты» ушли в отставку.

² The Greville memoirs. V.1. P. 130.

³ Lord Lyndhurst to Sir William Knighton, 13 January 1828. / The Letters of King George IV. V.3. P. 364-365; см. Также P. 376.

значать первого министра, он вынужден считаться с его влиянием, деловыми качествами, а не личной преданностью. Это вело к возрастанию роли главы правительства, как при формировании кабинета, так и в проведении его политики. Вместе с тем, при принятии решений главы кабинета возросла его зависимость от мнения и настроения членов обеих палат в выборе кандидатур министров. Все эти новые черты свидетельствовали об углублении процесса формирования принципов парламентаризма, дальнейшее развитие которых проходило уже в следующем десятилетии.

Как отмечалось выше, к началу 1828 г. проблема гражданских и политических прав диссентеров и католиков обострилась. Первые возлагали надежды на молодого вигу – Джона Рассела, как на члена парламента, который мог бы инициировать рассмотрение вопроса. Третий сын герцога Бедфорда Рассел впервые был избран в парламент в 1818 г. За прошедшее с того времени десятилетие он неоднократно выступал в стенах палаты общин с инициативами в пользу проведения умеренной парламентской реформы. Обсуждение его речи по поводу перераспределения мест в парламенте обнаружило усиление реформистских настроений в нижней палате, о чем сообщал монарху Каннинг в мае 1827 г.¹ В силу активности и популярности Рассела, вполне понятно то доверие, которое испытывали к нему диссентеры. Оно оправдалось, практически, в самом начале сессии. Когда правительство еще только приступало к работе, 26 февраля 1828 г. Джон Рассел в палате общин выдвинул билль об отмене антидиссентерских актов. Это был хорошо продуманный тактический ход, имевший целью ослабление кабинета тори и объединение, а тем самым – усиление вигов². Свою инициативу он аргументировал тем, что со времени последнего раза, когда палата обращалась к этому вопросу в 1790 г., ситуация кардинально поменялась. Нонконформисты не являют ныне угрозу устоям британского общества. Рассел призывал подчиниться духу времени, и исходить из того, что религиозные убеждения человека не определяют его политическую позицию. Он был убежден, что религиозные противоречия в современном мире

¹ The Letters of King George IV. V.3. P. 241.

² Соловьева Т.С. Религиозная политика либеральных тори в Англии (20-ые гг. XIX века). М., 2000. С.100.

сменило противостояние приверженцев деспотизма и сторонников демократии. И призвал палату действовать в соответствии с велениями «великого прогресса разума и свободы» и отменить ограничительные акты 1661 и 1673 гг.¹ Аргументы в пользу принятия законопроекта состояли в следующем: диссентеры верные подданные короля, а обстоятельства, которые послужили поводом утверждения статуты, ушли в прошлое. Далее, ограничительные законы вынуждают некоторых сектантов принимать святое причастие только лишь для поступления на службу. А это является ничем иным, как профанацией, которая лишь унижает Англиканскую церковь и оскорбляет веру. И, наконец, важным доводом стало утверждение, что государство, устраняя «смелых воинов и усердных чиновников», наносит вред самому себе, лишаясь их услуг².

Рассела поддержали немногочисленные в палате радикалы и значительная часть вивгов, убежденных в абсурдности ограничительных законов против диссентеров, а также некоторые торы³. Несмотря на то, что Р.Пиль сразу выступил против законопроекта, тот получил весомое большинство в 44 голоса при первом обсуждении в палате общин. Позднее Рассел признался, что такой исход для него самого явился большой неожиданностью⁴. Итоги голосования не меньшей неожиданностью стали и для Пила. Пилу и главе правительства Веллингтону, противникам отмены ограничений, пришлось подчиниться решению палаты. Обсуждение законопроекта отложили, а по рекомендации иерархов Англиканской церкви кабинет подготовил декларацию о верховенстве церкви Англии. Парламент разработал такой документ об отсутствии посягательств на права Церкви Англии, призванный заменить обязательное прежде причастие. 14 марта прения возобновились. О настроениях в обществе отчасти свидетельствует такой эпизод. Р.Пиль, представлявший в парламенте оплот Англиканской церкви Оксфорд, посчитал необходимым в изменившейся ситуации переизбраться в своем округе. «Значительное число персон пришло голосовать. Они были на-

¹ PD, 1828, v. 18. P. 677-680.

² Ibid. P. 688-690.

³ Соловьева Т.С. Религиозная политика либеральных торы. С. 101-106.

⁴ Russell J. Recollections and Suggestions, 1813-1873. L., 1875. P.57.

строены столь враждебно, что Пиль потерпел поражение от этого ничтожества», записал в дневнике Ч.Гревилль. Герцог Ньюкасл и лорд Эддон предоставили ему средства для переизбрания в другом округе¹. Поддержку Пилю и осуждение произошедших в Оксфорде выборов также высказали герцог Кларенс, герцог Сассекский и др.²

Георг IV был крайне недоволен создавшейся ситуацией, о чем высказался откровенно в беседе с князем Ливеном. Разочарование в Веллингтоне привело к тому, что монарх заявил: он был вынужден обстоятельствами назначить его главой кабинета. Но воспользуется первым же удобным случаем и удалит герцога из правительства³. Перемена в отношении Георга IV к Веллингтону произошла, буквально, за один день и непосредственно связана с диссентерским биллем. Еще накануне в письме он обращался к нему: «мой дорогой друг»⁴. Однако остановить прохождение законопроекта в парламенте король не имел права. Он мог лишь сетовать, что «королевская власть в нашей стране слишком быстро улетучивается»⁵. Дебаты по важнейшим проблемам политики государства, его взаимоотношений с церковью, дальнейшей судьбы англиканства и рассмотрение законопроекта в обеих палатах с перерывами продолжались вплоть до 5 мая.

9 мая 1828 г. Георг IV подписал законопроект об отмене действия статуты 1661 и 1673 гг. Отныне протестантские диссентеры получали политические права (активное и пассивное избирательное право) могли поступать на гражданскую службу и избирать политическую карьеру, состоять в органах местного самоуправления, не прибегая к помощи ложного причастия в Англиканской церкви. Умеренный характер принятого решения сказался в сохранении ограничений некоторых гражданских прав: диссиденты по-прежнему в Англиканской церкви оформляли акты о браке, крещении и смерти, уплачивали сборы мест-

¹ The Greville Diary. V.1. P. 189.

² Sir Robert Peel from his private papers. L., 1899, v.2. P. 100-102.

³ Донесение кн. Ливена 16 (28) марта 1828. / Мартенс Ф. Указ. Соч. т.XI. С. 373.

⁴ The Letters of King George IV. V.3. P. 399; см. также его письмо Веллингтону от 17 августа./ Sir Robert Peel from his private papers. P.7. Надо отметить, что такое обращение не было характерно для короля.

⁵ Letters from George IV to the Duke of Wellington 11 Feb. 1828. / EHD, v. XI. P. 185.

ной государственной церкви, не допускались в ведущие университеты и т.д.

Несмотря на длительное обсуждение билля и акции, недовольных им, отмена тест-актов в отношении диссидентов не расколола общество Британии. Скорее речь может идти о разнообразии аргументации и настроений различных слоев населения. Сами диссиденты встретили новый закон восторженно и радостно. Радикально-либеральные круги высоко оценивали упразднение ограничений. Закон стал для них важным шагом на пути к установлению религиозной свободы¹. Консервативные круги, в свою очередь, высказывали удовлетворение тем, что сохранился статус Англиканской церкви, как государственной². Таким образом, кабинету и парламенту удалось решить сложный вопрос, связанный с пересмотром прав значительной части граждан государства. Закон не вызвал серьезного напряжения и конфронтации в обществе. Вместе с тем, как отмечает отечественный исследователь, это было изменение британской конституции, имевшее «принципиальный характер», которое положило начало «конституционной революции»³.

Иная ситуация складывалась в связи с вопросом об отмене тест-актов в отношении католиков. В силу того, что католическое население в Англии было немногочисленно и разрозненно, то речь шла главным образом об ирландцах. При этом политические взгляды не всегда определяли позицию по этой проблеме, так как в исторической памяти британца с католиками и Католической церковью были связаны негативные воспоминания. Это – правление Марии Тюдор, прозванной «Кровавой», и Якова II Стюарта, длительное противостояние с Испанией и Францией, якобитские заговоры, наконец, с католичеством ассоциировалась абсолютная власть монарха. О глубоко укоренившейся ненависти к папистам свидетельствовал позднее Уильям Гладстон, записавший в мемуарах, что «все молочницы, торговли и

¹ См., например.: The Times 19.04, 24.04, 25.04 1828; The Political Register. Vol. 65. P. 291: etc.

² Этот сюжет подробно исследован Т.С. Соловьевой. См.: Соловьева Т.С. Указ. соч. С. 115-121.

³ Стецкевич М.С. "Конституционная революция" в Англии в 1828-1832 гг. / Политика и культура стран Европы и Америки. Часть 1. Йошкар-Ола, 1994. С. 91.

горничные выступали против эмансипации»¹. Наиболее принципиальную позицию занимали тори. Для них допуск католиков в парламент означал нарушение одного из важнейших для них принципов протестантского характера неписанной британской конституции, которая исключала их участие в политической жизни королевства. Но и среди противников находились люди, не видевшие другого выхода, как осуществление эмансипации. Так, под впечатлением от поездки по Ирландии Вальтер Скотт писал: «Я никогда не сталкивался с вопросом, решение которого было бы настолько сложным для порядочного человека в силу его взглядов». Подавление движения не только бесполезно, но и вредно. Им можно лишь усилить тот дух, который оно призвано искоренить, заключал писатель, обращаясь к Р.Пилю². В обществе, прессе и обширной памфлетной литературе развернулась дискуссия по проблеме католиков. Ч.Гревилль в "Мемуарах" отмечал: «Никто не может ни думать, ни беседовать, ни о чем другом, кроме вопроса о католиках»³. Орган тори «Квотерли ревью» стал одним из наиболее непримиримых и яростных противников эмансипации. Либеральная пресса отстаивала менее жесткую, более компромиссную точку зрения. Она подчеркивала, что вопрос о католиках — это вопрос о сохранении Ирландии, тем самым, высказывалась в пользу политических и гражданских прав католиков⁴. Полемика протекала в условиях нарастания движения в Ирландии и осложнения ситуации в Европе в связи с русско-турецкой войной и обострением вопроса о Греции⁵.

Деятельность Католической ассоциации после диссентерского акта заметно активизировалась. Ее структура не претерпела изменений. Это была центральная организация, которая имела свои отделения или представителей по всей Ирландии и насчитывала более 2 млн. членов. Не только они, но и другие жители острова регулярно выплачивали взносы, которые шли на агитацию, организацию митингов и выпуск литературы. Среди руководителей Ассоциации находились мелкие землевладельцы,

¹ Цит. по: Соловьева Т.С. Указ. соч. С.122.

² From Sir Walter Scott. / Sir Robert Peel from his private papers. V.2. P. 97.

³ Greville Ch. Ibid. V. 1 P. 176.

⁴ Подробнее об аргументации сторонников и противников эмансипации католиков см.: Соловьева Т.С. Указ. Соч. С. 122- 132.

⁵ Мартенс Ф. Указ. Соч. Т. 11. С. 388-401.

адвокаты, предприниматели, журналисты, лавочники – представители среднего класса. Для них осуществление требований открывало путь к социальному и политическому равноправию. Руководил Ассоциацией адвокат Даниель О’Коннел. Он был прекрасным оратором и организатором, что способствовало его необычайной популярности¹. В 1828 г. по всему острову прошли митинги. В апреле генерал-губернатор докладывал в Лондон министру внутренних дел, что ситуация угрожающая, а в июле уже писал о возросшей напряженности и необходимости срочно принимать меры, которые бы привели к успокоению населения. В частности, он писал, что правительство должно, наконец, решиться на действия². С посланием ознакомился глава кабинета, затем представил его всем министрам, и только потом королю. Обращаясь к Веллингтону, Пиль писал, что правительство вынуждено сделать выбор, это будет выбор между различного уровня и характера негодной, дурной политики. Георг IV, в свою очередь, высказался в пользу принятия каких-либо мер, однако не был склонен всерьез воспринимать движение в Ирландии³.

Усиление напряжения в «верхах» связано с тем, что Католическая ассоциация приняла участие в довыборах в парламент в округе Клер. Ее кандидат – О’Коннел сформулировал довольно умеренную программу. Она содержала требование гражданских и политических прав католиков, отмены закона о субаренде и проведения реформы избирательного права. Его победа вызвала ошеломляющее впечатление демонстрацией единодушия ирландцев, которые праздновали это событие как раз в июле. Однако ему «было отказано в праве занять свое место в Парламенте из-за того, что он католик»⁴, что не могло не стать еще одним фактором ухудшения обстановки. С одной стороны, выборы в Клере спровоцировали усиление протеста оранжистов – протестантов, проживавших в Ирландии, которые активно выступали против отмены ограничений прав католиков. С другой, поставили правительство в крайне затруднительное положение.

¹ Подробнее об этом см. : Мирошников А.В. Указ. соч. С. 146-184.

² Peel R. Memoirs. Vol.1. P.40, 177-202; см. также: Sir Robert Peel from his private papers. V.2. P.51.

³ Sir Robert Peel from his private papers. V.2. P.55, 66.

⁴ История Великобритании. Под ред. Кеннета О. Моргана. Пер. С англ. М., 2008. С. 458.

Оно могло провести новые довыборы в этом округе, учредить от него пэрство, либо распустить парламент. В любом случае, осуществление одного из перечисленных решений могло вызвать лишь дальнейшее нарастание протеста¹.

Таким образом, сама обстановка в стране требовала от главы кабинета решительных действий. При этом его составляли только два варианта: либо усмирение Ирландии, либо осуществление требований Католической ассоциации. Несмотря на то, что войска привели в боевую готовность, герцог Веллингтон отказался от идеи их использования. Действительно, в этом случае можно было бы только на время «навести порядок» и приостановить мощное движение на острове, но не избавиться от проблемы. Как отмечал в мемуарах Ч.Гревиль, в августе Веллингтон обсуждал с Р.Пилем неизбежность изменения политики в отношении католиков, осенью 1828 г. он принял окончательное решение о проведении Акта об эмансипации католиков. Но сохранил его в тайне². Нелегко решение об эмансипации далось непримиримому противнику закона Р.Пиллю. Лишь сознание острой необходимости предотвратить социальный взрыв в Ирландии вынудило его остаться в кабинете. К тому же на этом настоял сам глава правительства. Герцог Веллингтон являлся лидером верхней палаты, Пиль – нижней, кроме него премьеру не на кого было опереться в тот момент³. Однако в начале января Пиль предпринял попытку выйти в отставку, но отказался от этой мысли под влиянием доводов Веллингтона.

В середине января 1829 г. с первоначальным планом преобразований Веллингтон и Пиль ознакомили кабинет. Суть его состояла в следующих позициях: отмена ограничений прав католиков; в качестве сохранения позиции и гарантии прав Англиканской церкви обязать католиков дать клятву о лояльности, пересмотреть избирательный ценз для Ирландии (с тем, чтобы не допустить к выборам бедные и средние слои населения), запретить деятельность Католической ассоциации. Реакция министров оказалась неожиданной, глава кабинета пребывал в заме-

¹ Sir Robert Peel from his private papers. V.2. P. 62.

² Greville Ch. Greville memoirs. V. 1. P. 146; The Greville diary. V. 1. P.187.

³ Gash N. Aristocracy and People. P.141.

шательстве. В разговоре с лордом Элленборо он сказал, что чувствует пистолет, приставленный к его голове. Одни министры были готовы уйти в отставку в знак несогласия с законопроектом, другие – сделать то же самое, если он не будет представлен. Веллингтон не хотел ссориться ни с первыми, ни со вторыми. По его словам, он не намеревался испортить отношения с первыми семьями Британии, напротив, он хотел бы вместе с ними и дальше управлять страной¹. Ему удалось сохранить кабинет. После согласования отдельных формулировок и положений разработанный проект лег в основу преобразований. Они заключались в трех направлениях: запрет Ассоциации, установление гражданского равноправия католиков, повышение избирательного ценза в Ирландии.

Согласие короля на реформу правительство получило только после угрозы солидарной отставки всей администрации. В тронную речь короля кабинет вставил слова о чрезвычайно тяжелом положении в Ирландии, а также обращение к парламенту пересмотреть законы о правах католического населения. «Речь короля полностью обнажила намерения правительства и произвела эффект разорвавшейся бомбы», отметила отечественная исследовательница². Перемена политического курса вызвала такой бурный отклик вследствие того, что она готовилась в тайне и стала полной неожиданностью для общества, убежденного в непоколебимой позиции Веллингтона и Пилля в этом вопросе. Виги были довольны, тори же находились в крайне обеспокоенном настроении, так как никто не знал, каким образом будет проведена эмансипация. Распространявшиеся слухи только подогревали их недовольство: «озлоблению и раздражению оранжистов и их прессы не было предела»³.

Только в начале марта от имени кабинета Р.Пиль внес законопроект, его речь длилась более 4 часов⁴. Накал в обществе был огромным: в считанные дни в парламент поступил поток петиций.

¹ Ellenborough's Political Diary. / EHD, v.XI. P. 283.

² Соловьева Т.С. Указ. Соч. С. 165.

³ Greville Ch. The Greville diary. V. 1. P. 186, 188.

⁴ PD, v.20. P.730-779.

957 было подано против принятия этого Акта, за – 357¹. В марте число антикатолических петиций перевалило за 2 000².

В этих экстремальных условиях правительство, по совету старых и опытных парламентариев³, действовало чрезвычайно быстро, сразу же в начале марта нижняя палата приступила к обсуждению билля. Всего понадобилось около 6 недель для его прохождения в обеих палатах. Избирательный ценз в Ирландии был поднят с 40 шиллингов до 10 фунтов, католикам запрещалось занимать ряд высших должностей в государственной структуре. Ускоренные темпы рассмотрения объясняются не только целеустремленной деятельностью кабинета, но и сохранением его влияния в палате в силу распоряжения мелкими избирательными округами⁴. Вместе с тем, нельзя не учитывать и сохранившегося авторитета монархии среди членов парламента. По словам одного из парламентских функционеров, большая часть анти-католиков была готова просто проголосовать за билль в случае его одобрения королем⁵. В середине апреля билль утвердил король, и он стал законом. Большинство в верхней палате составило более ста человек, что поразило как противников, так и сторонников Акта об эмансипации⁶.

Эта мера стала важным шагом на пути к формированию, становлению гражданского общества, так как отменяла значительный блок ограничений гражданских и политических прав по религиозному принципу.

Умеренно либеральный характер деятельности торийского кабинета, и в особенности Акт об эмансипации, привели к размежеванию по политическим симпатиям членов парламента. Так, к рубежу тридцатых годов сами современники полагали, что в законодательном органе представлены правительственная партия, виги, каннингиты и старые тори⁷. Это разделение отразило дальнейшее

¹ Maccoby S. English radicalism. P. 421.

² PD, v.20. P598.

³ Sir Robert Peel from his. V.2. P. 103-104.

⁴ Gash N. Aristocracy and People. P. 142.

⁵ Diary of John Cam Hobhouse, 1827, 24 March / EHD, v. XI. P. 293.

⁶ Croker J. Croker papers. v.2. P. 13-14.

⁷ E.J.Littleton, M.P., to Ralph Sneyd, 21 February 1830. / EHD, v. XI. P.259-260.

постепенное размежевание в среде правящей аристократии, в основу которого легло отношение к преобразованиям.

Подводя итоги этого непродолжительного периода в истории страны, необходимо остановиться на расстановке сил в институтах власти и их взаимоотношении с обществом. Реальное сокращение прерогатив короны привело к дальнейшему усилению кабинета министров, как органа исполнительной власти. Вместе с тем, направление курса внутренней и внешней политики аристократии в большей мере, чем прежде, отвечало интересам различных слоев общества. Торговые интересы островного государства всегда занимали важное место в деятельности монархов и их министров. Но в 1820-е годы они стали приоритетными во внешней политике Британии. Требования торгово-промышленных кругов были услышаны, началось существенное смягчение жестких принципов протекционистского таможенного законодательства. Расширение обмена стало одним из путей смягчения тяжелых экономических кризисов.

Дело о разводе Георга IV, отмена тест-актов, в особенности эмансипация католиков, показали силу общественного движения и в то же время оказали существенное влияние на политику кабинетов. Встретив жесткое сопротивление, кабинет отозвал билль о разводе из парламента. А мощное движение в Ирландии вынудило правительство Веллингтона отказаться от насильственных действий и пойти на компромисс, предоставив католикам гражданские и политические права.

Для становления институтов гражданского общества эти законы имели существенное значение утверждением гражданского и политического равноправия жителей королевства. Вместе с тем, они внесли подвижки в реальном статусе Англиканской церкви, как института государственной власти, сократив ее влияние.

Перемены коснулись законодательного корпуса. Хотя нижняя палата сохраняла достаточно сильную зависимость от правительства и верхней палаты, в ней усилилось размежевание, в основе которого преобладали общественно-политические взгляды, а не клановые интересы.

В свою очередь, борьба партий и партийных фракций все больше интересовала средние слои населения, что нашло свое отражение в необычайной популярности распространившегося к

концу двадцатых годов такого литературного жанра, как великосветский роман. "Лондонские печатные станки, — отмечал побывавший в это время в Англии Г.Гейне, — всецело заняты фешенебельными произведениями, романами, взятыми из блестящей сферы high life или отражающими ее ..."¹. В этих произведениях значительное место отводилось политической борьбе, выборам, встречались намеки на лидеров различных группировок — Каннинга, Веллингтона, Грея, Рассела. Нередко ставился и вопрос, какими качествами должен обладать и какими принципами руководствоваться молодой человек, желавший вступить на политическое поприще. Все большее распространение в литературе получали утилитаристские идеи И.Бентама². Сама литература, с одной стороны, и интерес к произведениям — с другой, отразили усилившиеся изменения в настроениях общества, подъем интереса к проблемам "политической кухни".

Умеренные реформы не решили наиболее важных для общества вопросов. Начавшийся в течение осени 1829 — зимы 1830 гг. новый экономический кризис привел к усилению петиционного движения, поощрявшегося как вигской оппозицией, так и "старыми тори". В петициях излагались требования сокращения государственных расходов и снижения налогов³. Ухудшению обстановки способствовало падение авторитета монарха и монархии, связанные с болезнью Георга IV и его самоустранением от управления страной. А это сказалось на состоянии государственных дел: за время его правления накопилось 48 тысяч бумаг, ожидавших подписания⁴. Человек необузданного нрава, кутила, уже с первых шагов после восшествия на престол в деле о разводе с королевой он превратился в весьма непопулярную фигуру. Разногласия внутри правящей группировки, вызванные различным отношением к Акту об эмансипации католиков, способствовали усилению напряженности в высших эшелонах власти. Тем не менее, важным итогом этого периода в истории страны стало изменение в отношении к общественному

¹ Гейне Г. Путевые картины. Английские фрагменты. / Гейне Г. Собрание сочинений. М., 1982, т. 3. С. 373.

² Клименко Е.И. Английская литература первой половины XIX века. Л., 1971. С. 99.

³ Maccoby S. Ibid. P. 425.

⁴ Sommerset A. The life of William IV. L., 1980. P. 122.

мнению. Подавление митинга в Манчестере было последним насильственным актом власти в городах. И хотя отдельные волнения в деревне подавлялись с помощью войск, правительство начинает прислушиваться к требованиям, обращенным к нему и парламенту. Осуществлением таких требований и стала эмансипация католиков, проведенная в интересах значительной части населения Ирландии. То же можно сказать и о переходе к умеренному протекционизму, который отразил наличие здравого смысла и готовности части политической элиты действовать в интересах нации.

Глава 6. Парламентская реформа 1832 г.

Борьба за изменение системы представительства

Борьба за парламентскую реформу на рубеже 1820-30-х годов явилась важным этапом в истории взаимоотношений властных институтов и общества, становления гражданского общества. Этот процесс проходил не только путем укрепления и развития институтов самоорганизации (общественных объединений и движений) и политических партий, но и через углубление формирования правового, гражданского самосознания, благодаря вовлечению широких кругов населения (главным образом городского) в политическую борьбу за свои права, обсуждение политических, правовых и государственных вопросов. В этом плане и сама реформа сыграла важную роль, став значимой победой массового общественного движения, оказавшего мощное давление на политическую элиту при принятии решений.

Экономический кризис 1825-1827 гг. и последовавшая за ним депрессия 1828-1830 гг. вызвали ухудшение положения населения и усиления социальной напряженности, что вылилось в выступления рабочих, волнения крестьян, известия о которых поступали в столицу¹. Осенью 1828 — зимой 1830 г. началось петиционное движение. Оно поощрялось радикалами, вигами и частью тори, настроенных оппозиционно к кабинету герцога Веллингтона. В петициях, направлявшихся из пораженных кризисом и депрессией торгово-промышленных центров и портовых городов, содержались требования сокращения государственных расходов и снижения налогов. Политические требования проведения парламентской реформы в то время не преобладали².

Если в период послевоенного кризиса демократическое движение за парламентскую реформу началось в столице, а затем охватило провинцию, то в конце двадцатых годов происходило наоборот. В 1829 г. в Бирмингеме учрежден Политический

¹ Greville Ch. Ibid., v. 1. P. 272.

² Maccoby S. English radicalism. P. 425.

союз, который возглавил банкир Томас Аттвуд. Аттвуд занимал умеренно радикальные позиции и полагал, что панацеей от всех бед являются реформа денежного обращения, тайное голосование, предоставление права голоса домовладельцам, трехгодичный срок полномочий парламента, выплата жалованья членам парламента и отмена для них имущественного ценза. Основной целью Союза стала защита «общественных» прав. По мнению его учредителей, изменения ситуации в стране можно добиться увеличением представительства среднего класса, а также изменением финансовой политики, носившей протекционистский характер¹.

Как отмечал в "Автобиографии" известный лондонский радикал Ф.Плейс, для радикалов Бирмингемский союз стал "лучшей моделью" для подражания другим объединениям, которые появлялись в стране². Только в начале марта 1830 г. на митинге в Лондоне, где в основном присутствовали рабочие, было объявлено о создании Столичного политического союза. Целью он провозглашал достижение принятия закона о радикальной реформе законными и конституционными средствами³.

С начала 1830 г. пресса отмечала усиление напряженности в стране: "Жалобы день ото дня усиливаются, снова начинают говорить о радикальных реформах", отмечал автор обзора русского журнала "Сын Отечества", пристально следившего за событиями в Англии⁴. Подобные настроения охватили не только работников, но и хозяев. На собрании купцов, фабрикантов и корабельщиков Лондона 22 февраля единодушно принята петиция о необходимости преобразования принципов выборов нижней палаты⁵. В это же время в стране постепенно разворачивалось поистине массовое народное движение за реформу системы представительства. Повсеместно проходили многочисленные митинги, а в парламент направлялись петиции. Активную роль

¹ Подробнее о Бирмингемском союзе см.: Flick C. The Birmingham Political Union and the Movement for the Reform in Britain. 1830-1839. Kent, 1978.

² Place F. The autobiography of Frances Place (1771-1854). Cambridge, 1972. P. 296.

³ London radicalism 1830-1843. A selection from the Papers of Frances Place. L., 1970. P. 1, 4.

⁴ Сын Отечества, 1830, № 8. С. 128.

⁵ Там же, № 10. С. 249.

играла либерально настроенная пресса, которая регулярными сообщениями о митингах и петициях способствовала разрастанию движения. Так, уже начальный этап борьбы за парламентскую реформу явился показателем определенного уровня гражданского и правового самосознания британцев, которые выход из социально-экономического кризиса видели в правовом поле, в расширении представительства народа в парламенте, хотя кое-где и возникали спонтанные протесты, особенно в деревне.

Неизбежность проведения реформы стала понимать и подавляющая часть правящей аристократической верхушки. Непримиримыми противниками такого шага оставались лишь ультра-тори, для которых любые реформы были неприемлемы. В них они по-прежнему усматривали угрозу незыблемости существования священных для них институтов: монархии, государственной церкви и палаты лордов. Вместе с тем, и среди тори находились трезвые политики, которые не выступали принципиально против перемен, понимая их необходимость. Противоположный фланг занимали радикалы, отстаивавшие проведение решительной, кардинальной реформы. Прежде всего – упразднение "карманных" местечек, введение всеобщего избирательного права для мужчин, ежегодные выборы в парламент, тайную подачу голоса, равные избирательные округа, введение жалования членам парламента. Для большинства вигов реформа являлась мерой, направленной скорее на устранение наиболее вопиющих недостатков системы, чем ее коренное преобразование. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что ни в одном из перечисленных лагерей не наблюдалось единства как по вопросу о необходимости проведения реформы, так и по ее содержанию. Противники находились и в стане вигов. Это были, прежде всего, те, кто мог потерять влияние вследствие упразднения мелких избирательных округов. Кроме того, многими политиками существование таких округов рассматривалось не только как сохранение традиций политического устройства, но и как возможность избрания не зависимо от правительства кандидата. Как отмечалось выше, находились сторонники и в среде тори, которые по-своему понимали вопрос о первоочередных переменах. Так, например, журнал консервативного направления "Квотерли Ревью" публиковал статьи, где говорилось о необходимости изменений в духовных и гражданских делах, улучше-

ния закона о выборах, уменьшения государственных расходов, предоставления избирательных прав состоятельным людям. Единого мнения о реформе не было и у радикалов, зачастую расходившихся по пунктам о тайном голосовании, всеобщем избирательном праве для мужчин и других.

В ухудшавшейся день ото дня обстановке произошли перемены, которые стали важным событием для дальнейшего развития. 26 июня 1830 г. скончался Георг IV, престол перешел к его брату Вильгельму IV. Свое правление он начал с подписания тех самых 48 тысяч бумаг, накопившихся в ожидании высочайшего утверждения. Вернувшийся в начале июля из путешествия по Европе, Ч.Гревиль отмечал, что "теперешний король занял все внимание, и никто больше не думает о последнем Короле. Как будто он умер лет пять назад ...". В его словах о характере и жизни нового монарха отразилось негативное отношение большей части аристократии к Вильгельму¹. Что, по всей видимости, было связано с его службой на флоте в период войны с американскими колонистами и руководством адмиралтейства в 1820-е годы, когда он умудрился перессориться со своими подчиненными. В то же время радикальные круги встретили известие о его восшествии на престол более оптимистично. Позднее радикальный публицист Гарриет Мартино писала: "Теперь у нас был король, который не запирался в окружении льстецов, а прогуливался по лондонским улицам с зонтиком в руках"². В одном из писем того времени жена русского посла княгиня Ливен отмечала: "... он бегаёт по улицам, болтает с прохожими, отправляется на гауптвахту ... Толпа обожает его: он показывается всюду и обходится со всеми просто — этого довольно Джону Булю. Разница между тем как он держит себя и поведением покойного короля говорит в его пользу"³. Демократичность поведения, внешняя непритязательность Вильгельма первых дней правления вызывала симпатии лондонцев, наблюдавших за его прогулками.

¹ Greville Ch. Ibid., v. 2. P. 1-2.

² Martineau H. A History of the Thirty Year's peace. 1816-1846. L., 1877, v.2. P. 378.

³ Русская старина, 1903, № 6. С. 684-685.

Согласно сложившейся традиции по восшествии на престол король распустил парламент и назначил новые выборы. Акт о роспуске был подписан 23 июля, а несколько дней спустя в Лондон пришли известия об Июльской революции во Франции, за которыми последовали сообщения о революции в Бельгии.

Уже первые сведения о росте напряженности во Франции повлекли за собой тревогу на бирже. В газетах появились не оправдавшиеся заверения в том, что не следует опасаться усиления выступлений во Франции¹. По мнению российского временного посла графа Матушевича, министры находились в замешательстве, при этом не исключали мысль о вмешательстве великих держав в дела Франции. Однако Веллингтон твердо намеревался придерживаться политики невмешательства, как отвечавшей интересам Англии и соответствовавшей общественному мнению².

Виги и радикалы не скрывали своей радости по поводу совершенного переворота. В разных частях страны устраивались митинги и банкеты в честь революции. По словам отечественного исследователя, они "произвели немаловажное впечатление на общественное настроение"³. Публицист Генри Кокбурн, один из авторов либерального журнала "Эдинбург Ревью", в "Мемуарах" отмечал, что при преемнике Георга IV "первым важным общественным событием в Эдинбурге был митинг в честь Трехдневной революции", за которым последовали собрания по всей Шотландии. Он писал, что "на них открыто приветствовали революцию, которая свергла с трона монарха"⁴. Реакция шотландцев отразилась на общественной атмосфере всей страны. Отклик на настроения, которые царили в Шотландии, был связан с изменением положения этой части королевства. За годы войны с Францией, когда молодые люди согласно сложившейся традиции для завершения образования должны были, но не могли отправиться на континент, уезжали в Шотландию, которая быстро превратилась в один из интеллектуальных центров Британии. Позднее лорд Рассел в воспоминаниях писал, что сообщения из Парижа у одних усилили желание перемен, а у других — вызвали

¹ Московские ведомости, 1830, 16 апреля.

² Мартенс Ф. Указ. Соч. т. 11. С. 432, 434.

³ Дерюжинский В.Ф. Из истории политической свободы в Англии и Франции. Спб., 1906. С. 74.

⁴ Cockburn H. Memorials of his time. L., 1974. P. 435-436.

уныние и обескураженность. "События тех славных дней, — замечал он далее, — перевернули представления англичан, показали, что общественного блага можно добиваться и революционным путем, баррикадами на улицах .."¹. По словам автора "Эдинбург Ревью", известия о революции вызвали такой подъем в обществе, какого "не наблюдалось в королевстве со времен великой революции 1688 г.". Даже самые умеренные и спокойные граждане высказывались за признание прав человека, проведение широкого круга реформ². "Энньюэл Реджистер", подводя итоги прошедшего 1830 г. также отмечал, что события во Франции положили начало требованиям парламентской реформы в Британии³. Как видно из вышесказанного, эти требования зазвучали еще до Июльской революции. В их распространении значительную роль сыграли политические союзы, появившиеся в промышленных центрах к этому времени. Тем не менее, на фоне экономических трудностей и возрастающей активности радикалов известия из Франции явились своего рода катализатором происходивших социальных процессов в Британии, совпав по времени с началом нового правления и подготовкой к выборам в парламент. Революции на континенте стали тем важным событием, которое способствовало, с одной стороны, активизации возрождавшегося движения за парламентскую реформу, а с другой — вновь напугало аристократию и отчасти средний класс.

Российский "Вестник Европы" отмечал, что британские либеральные издания уделили немало внимания подготовке к выборам, назначенным королем⁴. Избирательная борьба представляла возможность проведения широкой пропаганды идей реформы, которые, тем не менее, в это время еще не имели первостепенного значения для общества. Активная пропаганда аболиционистов и выступления фритредеров в большей мере занимали общественное мнение. Ярким свидетельством этому явилась победа лорда Брогема в Йоркшире. В июле 1830 г. он предпринял поездку по графству, выступая на митингах. Блестящие речи против рабства привлекли на его сторону квакеров, мето-

¹ Russell J. Recollections and suggestions 1813-1873 by John Earl Russell. L., 1875. P. 62, 66.

² Edinburgh Review, 1849, N. CLXXIX. P. 272, Sir Robert Peel. V. 2. P. 164.

³ The Annual Register, 1831. L., 1832. P. 2.

⁴ Вестник Европы. 1830, № 17-18. С. 119-122.

дистов и нонконформистов. Они расценивали его позицию как позицию борца за свободу и не пожалели усилий для обеспечения ему победы. Помимо этого Брогем представил себя сторонником фритреда, требуя пересмотра хлебных законов, что не могло не вызвать симпатий торгово-промышленных кругов¹.

Основным итогом выборов 1830 г. явились не столько изменения в партийном составе нижней палаты, сколько усиление оппозиции главе кабинета распущенного парламента герцогу Веллингтону. Нередко вне зависимости от партийной принадлежности выборы одерживали те кандидаты, которые находились в оппозиции к его политике². На данном этапе развития событий настроения избирателей — в основном сельских жителей — отражали негативное отношение к Акту об эмансипации католиков.

В обновленном составе парламент собрался в начале ноября, когда в южных графствах нарастали волнения и участились поджоги. Веллингтон остался на своем посту, возглавив правительство. После выполнения всех традиционных процедур, сопровождавших начало работы нового парламента и сессии, с первой речью в палате лордов, посвященной реформе, выступил лорд Грей. Чарльз Грей был сторонником умеренной реформы, и еще в конце XVIII в. вносил в парламент петиции, в которых содержались требования расширения избирательного права, являлся одним из руководителей Общества друзей народа. Резкий ответ Веллингтона на высказанное предложение вызвал бурю негодования. Виг и активный сторонник реформы лорд Дарэм (зять Грея — *М.А.*) писал в эти дни жене: "Все классы смотрят на него (имеется в виду лорд Грей — *М.А.*), как на единственного человека, способного спасти страну. ... Рабочие люди говорят, если не будет проведена реформа, то они поступят подобно французам и бельгийцам. И в такой напряженный момент герцог Веллингтон делает столь опасное заявление, что он никогда не будет проводить реформы"³. Озвученная позиция привела

¹ Aspinall A. Lord Brougham and the Whig Party. Hamden, 1972. P. 177.

² Cannon J. Parliamentary reform 1640-1832. Cambridge, 1973. P. 197-198.

³ Aspinall A. Lord Brougham and the Whig Party. Appendix C. P. 288.

к дальнейшему падению авторитета героя войны с Наполеоном¹. Если Акт об эмансипации католиков оттолкнул от него консервативно настроенные круги, то позиция по парламентской реформе вызвала недовольство либералов.

Такая позиция политика, за полтора года до этого осуществившего одну из радикальнейших реформ в истории Британии нового времени, нуждается в более пристальном внимании. Смена монархов не изменила положение Веллингтона, располагавшего доверием нового короля. На этот момент ему было немногим более 60 лет — возраст, почтенный для Британии первой половины века. Он устал и был издерган, как «битвой» за эмансипацию католиков, так и положением вещей осенью 1830 г. Революция во Франции, необходимость урегулировать вопрос о Бельгии, поступление со всех концов тревожных сведений о требованиях проведения умеренной реформы, деятельность ассоциаций, собрания в столице и т.д. Короче, все эти вопросы требовали скорейшего решения². И речь Веллингтона в парламенте производит впечатление, что ее произнес человек, сохранившийся, неготовый мгновенно перестроиться и дать хотя бы обтекаемый ответ. Попытка Роберта Пиля оправдать премьера перед потомками только усиливает такое мнение. Пиль писал, что Веллингтон не хотел своими словами спровоцировать дальнейшую дискуссию по поводу парламентской реформы. Но на тот момент он не видел приемлемых путей решения проблемы. Веллингтон не представлял, какой проект умеренной реформы могло бы представить правительство с тем, чтобы она не поколебала устоев и одновременно удовлетворила бы ожидания реформаторов³. По мнению профессора Д.Кэннона, речь Веллингтона внесла сумятицу в ряды тори, готовых согласиться на умеренную реформу, и в то же время объединила вигов. Происшедшее помогло им "казаться партией реформы в большей мере, чем они являлись в реальности"⁴. В ноябре правительство потерпело поражение по вопросу о гражданском листе и ушло в

¹ Об этом, например, ярко свидетельствует письмо одного из активных функционеров парламентской группировки тори: Sir H. Hardinge to Mrs Arbutnot, 31 dec. 1830./ *The correspondence of Charles Arbutnot*. L., 1941. P. 134.

² Sir Robert Peel. V. 2. P. 164, 168-169.

³ Sir Robert Peel. V. 2. P. 167.

⁴ Cannon J. Op. cit. P. 202.

отставку. При этом все члены кабинета за исключением Веллингтона на аудиенции у короля заявили о необходимости проведения каких-либо преобразований¹.

Новое правительство возглавил лорд Грей. К этому времени народное движение принимало угрожающий характер: осенью 1830 г. волнения, поджоги и стычки с войсками проходили повсеместно. Выход из создавшегося положения в стране правительство видело в скорейшем проведении парламентской реформы, о чем и сообщил Грей. Его заявление было встречено с большим энтузиазмом: не только в городах, но и в мелких приходах прошли митинги. Они явились свидетельством разрастания движения, вовлечения в него и сельского населения. В одном из писем Т.Криви, довольно известный своими выступлениями в парламенте виг, отмечал, что Грей настроен решительно и для достижения цели готов даже пойти на роспуск парламента в том случае, если палата общин отклонит билль о реформе².

Правительство сформировало Комитет кабинета министров для подготовки предложений по реформе. В него вошли лорд Дарэм, лорд Рассел, лорд Данкэннон и Д.Грэхем. Представители вигской аристократии не были настроены на проведение кардинальных преобразований. Позднее Дж. Рассел писал, что своей главной задачей правительство считало принятие "таких мер, которые были бы достаточно внушительны, чтобы удовлетворить ожидания; и в то же время сохранили бы святость монархии и авторитет Парламента"³. Многие члены кабинета поддерживали предложения о реформе. Однако такие влиятельные политики как лорд Пальмерстон, лорд Лансдаун, лорд Мельбурн были против ее проведения. Под давлением нараставшего движения они присоединились к членам кабинета, так как в частичном удовлетворении требований увидели средство предотвращения революции в стране⁴.

¹ Sommerset A. Op. cit. P. 133.

² Mr. Creevy to Miss Ord, January 31, 1831. / Creevy Th. The Creevy papers. A selections from the correspondence and diaries of the late Thomas Creevy, M.P. born 1768 – died 1838. L., 1905. P. 558.

³ Russell J. Op.cit. P. 66.

⁴ Ibid. P. 70.

"Эннюэл Реджистер" отмечал, что со времени заявления Грея общественный интерес к реформе "возрастал ежедневно"¹. Проходившие митинги и поток петиций в парламент свидетельствовали о нарастании социальной активности. Зимой 1830-1831 г. в палату общин поступило 645 петиций, в которых содержались требования проведения реформы, 280 – введения тайной подачи голоса, 182 – сокращения срока полномочий парламента². Повсюду возникали политические союзы. Они взяли в свои руки руководство движением³. В январе 1831 г. Грей сообщал королю: общественное мнение "поглотил вопрос о реформе. Эта идея настолько захватила помыслы населения, что невозможно не пойти ему навстречу, не подвергая страшной опасности правительство, которое может потерять управление страной"⁴. Если Грей и сгущал краски, то не сильно так, как обстановка в стране была чрезвычайно напряженной.

Впервые билль о реформе правительство представило в палату общин 1 марта 1831 г. С этого времени дебаты по вопросу о реформе продолжались вплоть до лета 1832 г. По словам лорда Рассела, внесшего проект закона, главной задачей кабинета являлось устранение существовавшей "несправедливости", то есть наиболее вопиющих недостатков действовавшей системы. К ним были отнесены выборы членов парламента закрытыми корпорациями, выдвижение кандидатов частными лицами, дорогостоящая процедура выборов и некоторые другие. Министры предлагали: ликвидировать 60 "гнилых" местечек, 47 местечек вместо двух должны посылать одного депутата, ввести 10-фунтовый имущественный ценз, перераспределить места в парламенте в пользу торгово-промышленных центров⁵. Рассел отмечал, что в парламенте предложение было встречено восторженно лишь немногочисленными радикалами. Настороженное отношение многих вигов объяснялось тем, что они не верили в

¹ The Annual Register. 1831. P. 77. Современники также отмечали изменение общественного настроения осенью 1830 г. См., например, : Cockburn H. Ibid. P. 437.

² Дерюжинский В.Ф. Указ. соч. С. 75.

³ The Annual Register. 1831. P. 3.

⁴ Цит. по: Cannon J. Ibid. P. 65-66.

⁵ PD, 1831, v. 2. P. 1061-1068.

саму возможность осуществления проекта¹. Тори выступили против основных положений. По их мнению, реализация билля неизбежно привела бы к нарушению баланса сил исполнительной и законодательной власти, уменьшению власти короны и палаты лордов, возвышению за их счет палаты общин. Такая позиция, заключавшаяся в желании сохранить неизменными принципы системы парламентского представительства, явилась причиной того, что тории все чаще стали называть консерваторами, охранителями "старого порядка"².

Вне стен парламента реакция была более эмоциональной. В стране, и, прежде всего в Лондоне, выступление Рассела вызвало необычайное оживление³. Позднее Ф.Плейс писал: "Первого марта, день, когда лорд Джон Рассел выдвинул план реформы, большое волнение охватило жителей столицы, их взволновала надежда на то, что реальная реформа предложена, но они также опасались и разочарования. Люди, прежде равнодушные к политическим делам, страстно стремились узнать новости, убедиться в том, что все сделано правильно"⁴. 4 марта в Вестминстере прошел многочисленный митинг. На нем приняли обращение к королю. Там говорилось: "...петиционеры с большой радостью узнали о том, что королевские министры, с согласия и одобрения Его Величества, наконец прислушались к просьбе народа о реформе..."⁵.

Дебаты в нижней палате продолжались 7 дней. По свидетельству Криви и Плейса, в дни заседаний около здания парламента собирались жители столицы, ожидавшие выхода членов парламента с тем, чтобы как можно скорее узнать результаты прений. При этом их число стремительно возрастало тогда, когда проходило голосование⁶. Решение общин свидетельствовало о хрупкости положения правительства, так как оно получило перевес лишь в один голос. Затем палата приступила ко второму

¹ Russell J. Op.cit. P. 71-72.

² Айзенштат М.П. Британский парламент и общество в 30-40 гг. XIX в. М., 1997. С. 116.

³ Московские ведомости, 1831, 21, 28 марта.

⁴ London radicalism. P. 12.

⁵ Ibid. P. 15.

⁶ Mr. Creevy to Miss Ord, 23 March. / Creevy Th. Ibid. P. 567; London radicalism. P. 13.

чению. 21 марта, накануне голосования, в Лондоне прошел митинг и шествие, организованные Национальным союзом. "Морнинг кроникл" писала, что оба мероприятия произвели "грандиозное впечатление на общественное сознание"¹ и на настроение членов нижней палаты. Второе чтение также завершилось одобрением, но при третьем депутаты проголосовали за поправку, которая по существу отвергала билль. Как предполагал и опасался Грей, последовал неизбежный роспуск парламента и назначение новых выборов.

Отказ палаты принять билль вызвал волну негодования. Проходили многочисленные митинги. Тон петиций, принимавшихся на них, заметно изменился. Так, 19 апреля королю направлена петиция, в которой говорилось о возможности беспорядков в Шотландии и Ирландии, об угрозе повсеместного отказа уплачивать налоги. Заклучалась она следующими словами: "Ваши петиционеры умоляют Ваше Величество обеспечить утверждение Билля о Реформе и тем самым предотвратить революционное кровопролитие и анархию ..."². Безусловно, обращение к монарху содержало не угрозу, а скорее являлось проявлением опасения разрастания конфликта в силу того, что сами радикалы были сторонниками мирного воздействия на правящие круги. Вместе с тем, петиция отразила наметившийся с осени 1830 г. рост авторитета Короны, к которой ее авторы обращались с просьбой принять все необходимые меры, дабы не допустить углубление конфликта.

В связи с тем, что от результатов новых выборов зависела судьба реформы в парламенте, ее сторонники придавали им чрезвычайно большое значение. Они предприняли шаги по оказанию влияния на мнение избирателей. Об этом свидетельствует мемуарная литература³, а также многочисленные факты. Среди них достаточно упомянуть сведения, приведенные Г.Мартино, а также создание Общества парламентских кандидатов.

Г.Мартино писала, что после роспуска парламента резко увеличился интерес к политическим делам в стране. Рабочие собирали деньги и совместно покупали газеты, а затем читали

¹ Цит. по: London radicalism. P. 74.

² Цит. по: London radicalism. P. 26.

³ См., например, Russell J. Op.cit. P. 72.

их вслух. Сельские жители проходили многие мили до ближайшего города, чтобы узнать последние новости. К моменту наступления выборов десятки тысяч граждан знали имена ведущих политиков-вигов и их оппонентов¹. Число изданий, поддерживавших требования проведения реформы, было настолько велико, что тори с сожалением отмечали: " ... кажется наша пресса уснула и народ, видимо, уверен, что нет газет, которые бы поддерживали нас ..."2. Выпуск консервативных изданий стремительно сокращался: если в 1831 г. ежедневный тираж газеты "Таймс" приближался к стотысячному рубежу, то консервативной "Морнинг Пост" — был чуть более двух тысяч³. Сокращение выпуска консервативной печати, безусловно, было связано не с тем, что они "уснули", а с тем, что их переставали покупать. Необходимо в этой связи также отметить тот факт, что некоторые тори не в полной мере владели информацией об истинных настроениях, царивших в стране, что отразилось на их позиции во время выборов⁴.

Общество парламентских кандидатов видело свою цель в том, чтобы обеспечить избрание в нижнюю палату сторонников реформы. В руководящий комитет вошли виги и радикалы. Среди них И.Бентам, Ч.Буллер, Е.Литтон Буллер, В.Эванс, Д.О'Коннел и другие. В бумагах Ф.Плейса, хранящихся в Британском музее, находится извещение о создании этого общества. В нем объявлялось, что задачи реформы, "провозглашенные правительством и радостно встреченные в королевстве", требуют избрания такого законодательного органа, который бы отвечал общественным интересам. Для избрания "наиболее достойных" организация решила собирать информацию о кандидатах и предоставлять ее избирателям⁵. Достоверные сведения о том, насколько эффективно действовало Общество, отсутствуют. Но сами члены организации довольно высоко оценивали свою ра-

¹ Martineau H. A History. v.2. P. 436-437.

² John Wilson Croker to Mrs. Arbutnot, 4 April 1831. / The correspondence of Charles Arbutnot. P. 140.

³ The History of "The Times". v.1. P. 245.

⁴ Так, Дж.Крокер был уверен, что «Реформа не овладела общественным мнением». / Sir Robert Peel. V.2 P. 181.

⁵ British Museum. Department Manuscripts. Catalogue ADD 35 149. Author F.Place. The political correspondence. v. II. LL. 40-42.

боту, что явствует из отчета секретаря¹. Вместе с тем известны случаи, когда неблагоприятные отзывы в прессе о том или ином кандидате становились важным основанием для снятия его с выборов. Так, например, публикация газетой "Таймс" нелестных сведений о У. Жердане повлияла не только на ход выборов, но и на позицию вигов, которые после этого не выставили его кандидатом на выборах от правительственной партии².

Выборы 1831 г. существенно отличались от выборов, прошедших в 1830 г., как своим духом, так и общественным подъемом. Немаловажную роль в таких изменениях сыграл своего рода пропагандистский прием сторонников реформы: на митингах и в прессе они объявляли, что билль — это не просто законопроект, подготовленный вигами, а — мера, осуществляемая по воле короля³. Тем самым противники билля в глазах народа автоматически становились противниками монарха. Этот прием дал двойной эффект: возрастала популярность законопроекта, и увеличивался авторитет короля. Порой избиратели, еще не вовлеченные в политическую борьбу и не разобравшиеся в сути происходивших событий, отвергали кандидатов на том основании, что они выступали против билля, а, следовательно — против короля⁴. Таким образом, поддержка реформы становилась важнейшим условием для избрания в парламент. Существенным отличием этих выборов было также и повсеместное изложение требований, своего рода напутствий, кандидатам⁵. Основным лозунгом в то время стало, по словам Г. Мартино, "Билль, целый билль, ничего кроме билля"⁶. В условиях общественного подъема они носили более независимый характер, в результате чего сократилось до 195 человек число ставленников магнатов⁷.

¹ London radicalism. P. 23-25.

² Hudson D. Thomas Barnes of "The Times". A biography by Derek Hudson. With selections from his critical essays, never before reprinted, edited by Harold Child. Cambridge, 1944. P. 62.

³ The Annual Register. 1831. P. 150.

⁴ Ibid. Успех этого агитационного приема вынуждены были констатировать и тори. См.: John Wilson Croker to Mrs. Arbutnot, 4 April 1831 / The correspondence of Charles Arbutnot. P. 140.

⁵ Birch A.H. Representative and Responsible Government. An essay on the British Constitution. Toronto, 1964. P. 51.

⁶ Martineau H. A History, v. 2. P. 439.

⁷ Peers, politic and power. P. 353.

Избирательная кампания, которая во многом определяла судьбу реформы, привлекла и большое внимание дипломатического корпуса. Так, российский посол информировал свое правительство о ходе выборов и их результатах¹. Сообщал он также и об избрании лорда Пальмерстона, которое расценил как выражение настроений в пользу реформы и избирателей, и аристократии².

Необходимо остановиться еще на одном важном событии, относящемся к происшедшим в 1831 г. довыборам, как формирование денежного партийного фонда. Известный исследователь британской политической истории профессор Н.Гэш полагает, что до 1832 г. не существовало партийных фондов, предназначенных для проведения выборов³. Однако практика оказания финансовой помощи кандидатам в 1831 г. существенно расширилась. Это видно из письма одного из активных парламентариев торийского лагеря В.Холмса к жене Ч. Арбатнота, в котором говорилось: "Лорд Эшли находится в Дорсете и мы надеемся, что он победит на выборах. Мы достали (have got) для него около 3 тыс. ф.ст."⁴. Так как Холмс не объяснил происхождение денег, можно лишь предполагать, что они были получены от одного или нескольких лиц. Несомненно, то, что они предназначались специально для проведения выборов одного из тори. То есть, уже в это время партийные лидеры были на пороге создания подобных фондов.

Благодаря выборам сторонники реформы получили около 80 новых мест в палате общин. Вместе с тем, их противники из числа тех, кто проголосовал против предложенного билля, потеряли более 100 мест⁵. Это был первый парламент, в котором

¹ АВПРИ, фонд "Канцелярия", оп. 469, дело 143, лл. 226-227.

² Там же, л. 119. Повышенный интерес к лорду Пальмерстону вызвала его речь в парламенте в июне 1829 г. по поводу внешней политики Веллингтона. Критикуя ее, он утверждал, что неисполнение Лондонской конвенции 1827 г. стало причиной русско-турецкой войны. Выступление произвело большое впечатление и выдвинуло молодого на тот момент человека в первый ряд английских политических деятелей. / Мартенс Ф. Указ. соч. Т. XI. С. 418-419.

³ Gash N. Politics in the age of Peel. L., 1953. Appendix C. P. 434.

⁴ W.Holmes to Mrs. Arbutnot, 23 September 1831. / The correspondence of Charles Arbutnot. P. 164.

⁵ Sir Robert Peel. V.2. P. 182.

часть депутатов могла бы прямо заявить, что они уполномочены народом на проведение определенной политической линии¹. Несмотря на усиление собственных позиций, правительство пошло на существенные уступки антиреформаторам. Кабинет разработал второй, менее "радикальный" вариант законопроекта. Чтение билля в палате общин началось в конце июня и протекало с большим трудом. На протяжении трех месяцев тори сопротивлялись его принятию. Их упорство не оставляло сомнений, что консервативно настроенная верхняя палата откажется принять билль. В конце августа у вигов зародилась идея об увеличении ее численности за счет сторонников реформы. 31 августа лорд Холланд в письме к Грею предложил назначить 18 новых пэров и призвать 17 старших сыновей действовавших пэров. Грей ответил отказом. Однако уже 5 сентября кабинет обсуждал варианты линии поведения в случае отказа верхней палаты. Мысль о собственной отставке министры отвергли. Дискуссия протекала в ином направлении. Как записал в дневнике лорд Холланд, они задавались вопросом "сможем ли мы учредить достаточное число пэров, чтобы с их помощью получить большинство в палате"². "Партия тори, — докладывал российский посол князь Ливен в Санкт-Петербург, — в резкой форме выступила против такого назначения"³. Лишь 21 сентября общины в третьем чтении приняли билль. На следующий день он поступил к лордам, а через две недели они его отвергли.

По свидетельству Ф.Плейса, это вызвало бурную реакцию сторонников реформы, в приходах прошли митинги. На них принимали обращения к палате общин, королю, лорду Грею и выражали поддержку позиции правительства. Число участников возрастало, в столице оно доходило до 50 тыс. человек; а в процессии, сопровождавшей подачу петиции Национального политического союза, их было еще больше⁴. Грандиозный митинг в

¹ Birch A.H. Op. cit. P. 51.

² The Holland House diaries 1831-1840. The diary of Henry Richard Vassal Fox, third Lord Holland. L., 1977. P. 42, 43, 46. Следует отметить, что в XVIII корона прибегала к такой мере с тем, чтобы упрочить свое положение в верхней палате.

³ АВПРИ, фонд "Канцелярия", оп. 469, д. 143, л. 226.

⁴ London radicalism. P. 34-35, 43.

Бирмингеме постановил не выплачивать налоги до тех пор, пока не будет проведена реформа.

Вместе с тем, в эти напряженные дни, когда требование проведения реформы, казалось, охватило все общество, раздавались критические, довольно трезвые высказывания по поводу предлагавшегося билля не только консервативной частью общества, но и демократической прессой. Если для первых это была совершенно неприемлемая мера, которая могла поколебать устои государственного устройства, то у вторых не было иллюзий относительно того, кому она выгодна. "Пуэ мэнс Гардиан" писала, обращаясь к рабочим: "Мы верим, что вы поймете, как мало "Билль" принесет вам, но вам внушили, что изменения, направленные на "сокращение" числа отдельных богачей за счет всех 10-фунтовых домовладельцев или "среднего класса", будут способствовать большей справедливости и законности, чем было прежде; и вы под влиянием либеральных представлений, совершенно естественно, пришли к этому заблуждению...". Но сможет ли "средний класс" отстаивать права и интересы рабочих — задавала вопрос газета¹.

В начале декабря билль в сильно урезанном виде вновь был представлен палате общин. За развернувшимися прениями внимательно следила не только вся страна, но и европейские государства. В газетах регулярно публиковались сообщения о дебатах и событиях в Британии². Помещала такие материалы и русская пресса. Официальные "Санкт-Петербургские ведомости" были довольно сдержанны. А в издававшихся Н.Гречем и Ф.Булгариным газете "Северная пчела" и журнале "Сын Отечества" появилась, практически, полностью хроника событий тех дней, составленная на основе обзора английской и французской прессы, донесений корреспондентов из Лондона. Сообщения "Северной пчелы" воссоздают ту обстановку, которая сложилась в это время в Великобритании. Из материалов видно, насколько обсуждение билля в парламенте сопровождалось усилением напряженности в стране, вызванного поджогами, бунтами, судеб-

¹ Poor Man's Guardian. November 5, 1831. Цит. по: History in the making nineteenth century. V. 1. From Cobbett to the Chartists 1815-1848. Extracts from contemporary sources edited by M. Morris. L., 1948. P. 128.

² См., например, Le Moniteur Universel. 1832, 12, 14, 15 Mai, etc.

ными разбирательствами и суровыми приговорами, активизацией выступлений сторонников и противников реформы¹. Обострению ситуации способствовала и начавшаяся эпидемия холеры. Болезнь быстро распространялась. Правительством предприняты жесткие меры, введен карантин в портовых городах и на Темзе. А это, в свою очередь, повлекло за собой спад торговой активности, ухудшение экономического положения значительной части населения и дальнейший рост социальной напряженности.

Радикалы устраивали шествия, проводили митинги, направляли петиции, число которых значительно превышало число обращений их противников². В марте же в Европу стали поступать сведения о волнениях в вест-индских колониях. В прессе сообщалось о бегстве белого населения, а также о том, что рабы покидали своих хозяев и уходили в горы³. Эти известия не могли не сказаться на обстановке в Британии. Выступления против плантаторов в колониях только усиливали ненависть к аристократам в метрополии.

Третье чтение очередного варианта билля завершилось в палате общин лишь в 5 часов утра, 23 марта он был утвержден ею. В связи с этим Политический союз Бирмингема организовал шествие, в котором участвовало до 100 000 человек⁴. Законопроект торжественно передали в палату лордов, спустя некоторое время она приступила к его рассмотрению. Известие об этой новости "произвело во всем Королевстве всеобщее удовольствие", повсюду царило оживление⁵. Начало обсуждения законопроекта в верхней палате привлекло небывалый прежде интерес в обществе, "все места, предназначенные для публики, были заняты заранее, вокруг здания толпилось множество любопытных"⁶. Однако лорды продолжали сопротивляться принятию билля, затягивая прения.

Следует отметить, что обсуждение проекта реформы способствовало не только углублению процессов, связанных с формированием общественной жизни, но и активизации дальнейше-

¹ Северная пчела. Спб., 1832. 5, 6, 9, 10 февраля, 1 марта и т.д.

² Там же. 1 апреля.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. 27 апреля; Le Moniteur Universel, 1832, 6 Mai.

⁶ Сын Отечества, 1832, № 17. С. 169.

го становления парламентской практики и политических партий. Так, во время прохождения 2 и 3 вариантов биллей о реформе в парламенте чрезвычайно активизировалась деятельность партийных организаторов – випов¹. Это слово (whip – кнут, хлыст, загонщик) пришло из охотничьего лексикона и в парламентской терминологии использовалось уже в XVIII в., хотя такого рода организаторы в парламентской практике появились ранее. Со временем выработался круг их обязанностей и характер деятельности. Главной задачей випов являлось разъяснение позиции своей партии по обсуждавшемуся вопросу и объединение ее сторонников при голосовании, обеспечение явки на заседания и т.д.² Наиболее активную деятельность в этот период развили випы консервативного лагеря, стремившиеся объединить партию оппозиции, обеспечить присутствие максимального числа ее членов и заранее обсудить или выработать тактику поведения по каждому пункту повестки дня. Накануне важных заседаний они рассылали колеблющимся депутатам письма с тем, чтобы привлечь их на свою сторону. В период прохождения биллей о реформе на них легла обязанность призывать отсутствовавших членов парламента вернуться в Лондон. В случае, если кто-то не мог прибыть на заседания у него просили бланки для голосования³. Осенью 1831 г. випы высказали идею о создании политического клуба консерваторов. По их мнению, он бы стал центром объединения оппозиционных сил⁴. До этого времени не учреждалось специальных политических клубов, хотя и виги, и тори предпочитали собираться в разных клубах и кофейнях либерального или консервативного толка. Лишь иногда они пересекались и встречались там со своими оппонентами.

¹ Автор сознательно отказался от распространенного в отечественной исторической литературе термина «кнут» в силу того, что парламентская и политическая терминология обычно не переводится у нас дословно: парламент не заменили термином «говорильня», тори и виги не переводятся с учетом содержания первоначальных насмешливых прозвищ, наконец, никто не называет спикера «говорящим» или «разговаривающим» и т.д.

² Айзенштат М.П. Британский парламент и общество. С. 128.

³ The correspondence of Charles Arbutnot. P. 140, 145, 148-151, 157.

⁴ Ibid. P. 155.

Таким образом, деятельность вивов стала одним из факторов, способствовавших столь долгому и организованному сопротивлению нижней и верхней палат принятию билля о реформе.

Позиция верхней палаты вызывала выступления протеста по всей стране¹ и новый поток петиций. На митингах в Манчестере, Бирмингеме и других торгово-промышленных центрах принимались обращения к королю с просьбой принять все меры к утверждению билля. При этом объявлялось, что народ не станет платить налоги, пока его желание не будет исполнено². Жители столицы на каждое значимое заседание палаты откликались немедленным проведением митингов, а также вывешивали многочисленные плакаты³.

"Газетт де Франс" в эти дни писала: "... несмотря на все усилия Министров всякое суждение в пользу билля сокрушится большинством, которое находится на стороне тори, только если не будет пожаловано большего числа пэров. Но решение пожаловать пятьдесят или шестьдесят пэров так важно, что оно может поколебать общее правление Англии, и иметь неисчислимые последствия"⁴. Действительно, к этому времени встал довольно остро вопрос о назначении новых, дополнительных членов верхней палаты (чуть не до 100 человек), которые бы обеспечили победу правительства. В течение зимы и весны проблема обсуждалась практически всеми газетами и, прежде всего, ведущими изданиями — "Таймс", "Морнинг Кроникл", "Глоб" и т.д. Их участие в столь злободневной дискуссии способствовало дальнейшему увеличению тиража. Так, например, только "Таймса" весной 1832 г. продавалось на 25 тыс. экземпляров больше, чем в декабре 1831 г.⁵

8 мая Грей обратился к Вильгельму IV с просьбой учредить столько пэров, сколько потребуется для прохождения билля. Король отказался, и Грей на непродолжительное время ушел в отставку⁶. Тогда монарх поручил герцогу Веллингтону сформировать кабинет с условием внесения нового билля о реформе.

¹ Северная пчела. 1832, 3, 7, 17 мая.

² Сын Отечества. 1832. № 22. С. 118.

³ London radicalism. P. 87-91.

⁴ Цит. по: Северная пчела. 1832, 20 мая.

⁵ The History of "The Times". v.1. P. 245.

⁶ Creevy Th. Op. cit. P. 561.

Положение Веллингтона было крайне затруднительным: против него выступила палата общин и страна. Более того, он не смог сформировать кабинет в связи с тем, что большинство тори по-прежнему не могли простить ему Акт об эмансипации католиков 1829 г. и отказались войти в правительство, памятуя позицию Веллингтона по вопросу о реформе. К власти вернулся Грей. Теперь, в этой безвыходной, тупиковой ситуации, Вильгельм IV согласился даже на назначение новых пэров, о чем и писал Грею 18 мая. При этом он настаивал, что эта мера может быть осуществлена только в крайнем случае и лишь за счет старших сыновей действовавших пэров или ближайших родственников бездетных пэров¹. Колебания монарха объяснялись тем, что осуществление этого намерения имело бы далеко идущие последствия для верхней палаты: лорды потеряли бы свою независимость, подчинившись не только воле короля, но и правительства. В то же время это могло бы привести к расширению и упрочению позиций монарха. Тем самым, произошли бы серьезные изменения в расстановке сил и взаимоотношениях высших институтов государственной власти. И, хотя лорд Холланд и Дж. Рассел вполне серьезно отнеслись к идее о назначении, аристократический кабинет и король едва ли решились бы на такие кардинальные изменения положения палаты лордов. Скорее, это был своего рода тактический ход, попытка угрозой реформирования принудить ее принять билль. И она возымела свое действие. Для многих консерваторов из двух зол принятие билля стало казаться наименьшим по сравнению с тем, что он все равно пройдет за счет назначения пэров. Так, Р.Пиль полагал, что палата в большей мере сохранит свой статус, проголосовав «за», нежели позволит осуществить реформу в результате появления новых пэров².

Давление на палату оказывалось не только со стороны общества и правительства. "Морнинг кроникл" сообщала, что личный секретарь Вильгельма IV по указанию монарха написал письмо, обращенное ко всем пэрам-антиреформаторам. Воз-

¹ William IV to Earl Grey, 18 May 1832. / EHD, v. XI. P. 145.

² Sir Robert Peel. V.2 P. 200.

можно, инициатором послания был лорд Грей¹. В нем выражалось "желание Короля, чтобы они не противились принятию билля"². Обращение монарха оказало свое воздействие и дальнейший ход обсуждения законопроекта в верхней палате к концу мая несколько успокоил общество. "Московские ведомости" так красочно описывали сложившуюся обстановку: "воцарилось некоторое спокойствие, ... которое можно сравнить с отдыхом на бивуаке, где заснувший в полном вооружении и с заряженным ружьем воин готов при первом выстреле снова приняться за оружие и возобновить борьбу. Собrania, хотя и менее грозные, еще не совсем прекратились, и политические союзы ... с возрастающею ревностью наблюдают за всеми движениями своих противников, а журналисты, подобно стражам, готовы при малейшем знаке опасности ударить в набат"³. Сопrotивление палаты было сломлено, часть непримиримых во главе с герцогом Веллингтоном просто перестала являться на заседания.

В зарубежной исторической литературе уступка лордов обычно объясняется боязнью разрастания конфликта в стране, либо угрозой назначения новых пэров более умеренных или либеральных взглядов, за счет которых и был бы принят билль. Такая трактовка несколько упрощает ситуацию и нуждается в уточнении некоторых деталей помимо высказанных причин. Прежде всего, необходимо учитывать четко заявленное и выраженное мнение подавляющей части общества, высказавшегося в пользу реформы. Далее, надо принимать во внимание и известия о восстаниях в вест-индских владениях, свидетельствовавших о нарастании кризиса, охватившего не только метрополию, но и колониальную империю. К тому же многие аристократы в той или иной мере имели связи с Вест-Индией, владея там плантациями, занимая необременительные доходные посты (синекуры) по управлению заморскими владениями. Для подавления восстаний необходимо было урегулировать конфликт в центре. Третье – нельзя недооценивать и значение личного обращения монарха к лордам. Письма, в которых излагалась воля короля, за

¹ Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. 5. С.-П., 1908. С. 83.

² Сын Отечества. 1832, № 23. С. 180-181; Московские ведомости. 1832, 11 июня.

³ Московские ведомости. 1832, 11 июня.

его подписью получили все непримиримые противники реформы. Таким образом, решающим при голосовании палаты оказался не один-два, а совокупность целого ряда факторов внутреннего и внешнего характера.

В Лондоне началась подготовка к подписанию билля королем. Руководила ею особая комиссия¹. Близилась к завершению длительная борьба за парламентскую реформу. 7 июня король подписал билль и он вступил в силу. Сообщение об этом во всех городах сопровождалось колокольным звоном.

Подводя итоги рассмотрения непродолжительного, но важного периода в истории Британии, необходимо остановиться на следующих моментах. Экономический кризис привел к ухудшению положения рабочих, ремесленников, фермеров, мелких лавочников, мелких и средних предпринимателей, увидевших в политической реформе действенное средство решения своих экономических и социальных проблем. Средняя и крупная буржуазия рассматривала реформу как средство достижения политической власти и проведения новой экономической политики. Нарастанию движения за изменение системы представительства способствовали поступившие известия об Июльской революции во Франции и проходившие осенью 1830 г. выборы в парламент.

За 1830-1832 гг. в жизни общества и парламента произошли важнейшие, кардинальные сдвиги. В контексте реконструкции истории взаимоотношений властных институтов и общества, становления гражданского общества с полным правом можно утверждать, что время борьбы за преобразования системы представительства в парламенте стало временем резкого усиления и ускорения процесса политизации общества, выразившегося в обсуждении вопросов о гражданских и политических правах народа. Он сопровождался вовлечением в движение за свои права городского и сельского населения; размежеванием политических сил, в том числе и удерживавшей в своих руках власть аристократии по вопросу о путях реформирования институтов "старого порядка", упрочению сложившихся методов внутри- и внепарламентской борьбы, проходившей в рамках правового поля. Новые явления наглядно проявились в существенно изме-

¹ Там же. 22 июня; Le Moniteur Universel, 13 Juin.

нившимся характере выборов в парламент в 1831 г. по сравнению с предшествовавшими выборами.

С конца 1830 и на протяжении всего 1831 г. движение за реформу нарастало. Вслед за городскими слоями населения в него включились фермеры. Созданные политические союзы, которые, используя опыт предшествовавших лет, превратились в мощную организационную силу, объединяли в своих рядах представителей различных слоев населения. Вместе с тем разрастание движения способствовало усилению роли прессы в общественной и политической жизни страны, упрочению такой формы общественной организации как политические союзы и таких форм выражения общественных требований как митинги, шествия и петиции. Новым методом стал довольно широко распространившийся отказ, или угроза отказа, уплачивать налоги.

В конечном итоге реформа 1832 г. явилась победой общественного мнения, давления "извне", которое поддерживало вигское правительство лорда Грея в борьбе с торийской оппозицией и заставляло его действовать более энергично. Едва ли возможно определить, насколько реальной была угроза революционного взрыва, которого удалось избежать. Отдельные, разрозненные выступления фермеров и рабочих едва ли могли перерасти в нечто более серьезное. Их разрозненность явилась показателем отсутствия у среднего класса необходимости и желания насильственным путем изменить политическую систему. Более того, длительное прохождение трех законопроектов в парламенте, бурные дебаты в обеих палатах и обществе привлекали внимание населения, поверившего в эффективность реформы в решении его проблем. В то же время участие в общественно-политических акциях способствовало вовлечению населения в действия в рамках правового поля в отличие от стачек и поджогов. Для легитимного характера движения немаловажную роль сыграл и возросший авторитет власти, прежде всего власти монарха, к которому представители всех политических группировок обращались со своими требованиями как к некой третьей силе, способной решить вопрос. Что в свою очередь способствовало изменению общественного статуса монарха, поднимая его над политической схваткой.

В истории взаимодействия институтов законодательной и исполнительной власти, их взаимоотношений с обществом, процессе становления гражданского общества важную роль играла не только борьба за парламентскую реформу 1832 г., но и ее результаты. В связи с этим, необходимо остановиться на ее содержании более подробно. Суть реформы, на первый взгляд, свелась к перераспределению мест в палате общин и увеличению численности электората. До реформы палата общин состояла из 658 мест. Они распределялись следующим образом: 188 – от 114 графств, 465 – от 262 местечек, 5 – от университетов, с 1821 г. 2 – от Йоркшира, остальные места занимала депутаты от Ирландии (всего 100), Шотландии и Уэльса. Происшедшие изменения касались лишь Англии, так как дополнительные места Шотландии, Ирландии и Уэльса едва ли могли серьезно повлиять на расстановку сил в связи с незначительностью перемен¹. Реформа 1832 г. существенно отличалась от первого проекта билля. Она сохранила общее число депутатов, но ликвидировала 56 "гнилых" местечек, которые посылали по 2 депутата. 32 города с населением до 4 тыс. человек вместо двух теперь избирали одного депутата. Освободившиеся 144 места перераспределили между графствами и городами. В результате 42 города впервые получили право посылать депутатов в парламент – и среди них такие крупные торгово-промышленные центры, как Манчестер, Бирмингем, Лидс, Шеффилд и другие. Сохранился и избирательный ценз – 40 шиллингов чистого дохода с недвижимой собственности в графствах; вместе с тем избирательное право было расширено за счет некоторых категорий фермеров и арендаторов земли. В городах право голоса получили домовладельцы, а также все те, кто уплачивал 10 фунтов стерлингов арендной платы в год за строение². Таким образом, круг избирателей был увеличен за счет деревенского и городского населения. По подсчетам историков, в выборах 1834 г. участвовало 620 000 человек из 24 млн. населения страны, тогда как в 1831 г. – 344 250³. Сохранилась диспропорция избиратель-

¹ Gash N. Politics in the age of Peel. P. 13.

² English Constitutional Documents. P. 514-520.

³ Cannon J. Op. cit. P. 292.

ных округов. Аграрный юг по-прежнему продолжал преобладать в парламенте. 10 южных графств, где проживала четверть населения Англии, имели треть мест. При этом сохранилась диспропорция и в их представительстве. Так, например, Миддлсекс с большим населением, чем графство Ланкашир, избирал 14 депутатов, против 26 – от Ланкашира. В то же время представительство ряда графств значительно сократилось, Корнуолл, например, вместо 44 стал посылать 13 депутатов. Несмотря на значительное сокращение мелких избирательных округов, оставалось 5 местечек с населением менее 200, а 115 депутатов представляли округа с населением в каждом из них менее 500 человек¹. Определенным шагом назад стала обязательная регистрация избирателей. Те, кто имел право голоса, должен был ежегодно регистрироваться, внося при этом фиксированную небольшую сумму. И хотя продолжали раздаваться отдельные скептические высказывания, что закон проведен в интересах собственников и рабочие не получают ничего от реформы², закон был встречен восторженно. По всей стране прокатилась волна празднеств и митингов, благодарные граждане подносили политикам – вигам ценные подарки на память об этом событии и намеревались воздвигнуть монумент в честь лорда Грея³.

17 августа газета "Таймс" писала: "Только что окончившаяся парламентская сессия совершила без общественной смуты и междоусобного кровопролития величайшую политическую революцию. Она вырвала из рук наглой и властолюбивой олигархии узурпированную ею власть и передала ее в руки народа. ... Эта реформа ... открыла путь всем социальным улучшениям, на какие способен деятельный и предприимчивый народ"⁴. Позднее орган радикалов "Вестминстер Ревью" оценивал реформу как "первый акт великого политического переворота ..." и

¹ Briggs A. The age of improvement 1783-1867. L., N.-Y., 1979. P. 261; Gash N. Politics in the age of Peel. P. 81.

² Андерсон К.М. Оуэнисты в Британии. С. 187-188; History in the making. P. 129.

³ Джефсон Г. Указ. соч. т.2. С. 127; Сын Отечества. 1832. № 24. С. 249.

⁴ The Times, 1832, 17 August.

сравнивал значение билля для британского общества со взятием Бастилии для Франции¹.

Вопрос о значении реформы 1832 г. и направлениях дальнейшей политики превращается в один из наиболее важных для политиков страны, а впоследствии и в дискуссиях историков². Учитывая то огромное поистине всенародное движение, которое охватило страну, результаты реформы, на первый взгляд, были довольно скромными, но вместе с тем и неоднозначными. В палате общин по-прежнему преобладали сыновья пэров и баронов, представители от местечек, не было введено всеобщее избирательное право, как того требовали радикалы; сохранялся относительно высокий имущественный ценз и неравномерность избирательных округов; остались взяточничество и подкуп избирателей в силу открытого голосования и сохранения мелких избирательных округов. Именно за это реформа и подверглась критике. Традиционная либеральная историография рассматривала ее как меру, предотвратившую революцию, и одновременно, как важный шаг на пути преобразования английского общества в XIX веке, становления современной демократии. Марксистские и консервативные исследователи, а затем и ревизионисты, хотя и с разных позиций негативно характеризовали ее за незначительные результаты с точки зрения расширения избирательного права³. Тем не менее, в современной британской историографии превалирует все-таки позитивная оценка⁴.

Однако результаты реформы нельзя ограничивать чисто арифметическим увеличением электората. Оценивать их необходимо в контексте конкретно-исторической ситуации, учитывая не только саму борьбу и выдвинутые в ее ходе требования,

¹ Westminster Review. 1836, N. 25. P. 271, 276. – Цит. по: Journal of modern history, 1991, v.63. P. 623.

² Подробнее об этом см.: Айзенштат М.П. Парламентская реформа 1832 года: мнения современников, оценки историков. / Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. № 3. М., 2000. С.227-240; Gash N. Sir Robert Peel. P. 75.

³ См., например, : Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т.1. С. 625-627; т. 2. С. 439; т.4. С. 460, 519-520 и др.; Brock M. The great reform act. L., 1973; Evans E.J. The Great Reform Act of 1832. L., N.-Y., 1983; The Great reform bill of 1832. Liberal or conservative ? Lexington, 1969; The Reform Bill of 1832. Why not revolution. N.-Y., 1967 etc.

⁴ История Великобритании. С. 459-460.

но и развитость демократических институтов и принципов в мире во время ее проведения; необходимо также учитывать ее значение для государственно — политической жизни страны, развития гражданского общества в последующий период.

С полным правом парламентская реформа может рассматриваться, как завершающий мощный аккорд конституционной революции. При этом, содержание этого переворота в государственно-политическом устройстве не ограничивалось предоставлением гражданских и политических прав нонконформистам и католикам¹, либо же отменой тест-актов и собственно реформой 1832 г., как это можно встретить в научной литературе². Оно было несколько шире в связи с вмешательством правительства в важнейшую прерогативу монарха — определение курса внешнеполитической линии. В совокупности эти изменения знаменовали также и установление нового уровня взаимоотношений институтов власти и общества, нанеся удар по «старому порядку». Реформирование его институтов осуществлялось на протяжении XIX столетия, однако наиболее активно оно происходило после парламентской реформы в 1830-1840-е годы. Таким образом, в повседневной политической практике и законодательной сфере именно в 1820-е годы и начале 1830-х гг. были заложены основы викторианского правления. Помимо дальнейшего ограничения полномочий монарха, произошло изменение его статуса. Он превращался в арбитра, стоявшего над «схваткой», своего рода третейского судью, к которому обращались все слои населения с выражением своих требований. Теряя политические функции, монарх оставался важным звеном законодательной власти, так как только после его подписания билль, получивший одобрение обеих палат, становился законом. Кроме того, он был главой Англиканской церкви, в его ведении оставалось управление колониями и другие прерогативы (дарование титулов, право помилования).

Реформа 1832 года была первой в ряду парламентских реформ в Великобритании в XIX веке, поколебавшей средневековый принцип равного представительства от корпоративных еди-

¹ См., например, выше приведенные высказывания М.С.Стецкевича, работу Т.С.Соловьевой и др.

² Gash N. *Aristocracy and People*. P. 129-155.

ниц и ознаменовавшей начало перехода к новым принципам представительства от количества населения. Она проводилась правящей аристократией и верхушкой среднего класса в их же интересах, что и обусловило незначительное расширение электората. Вместе с тем, реформа, как и отмена тест-актов, показала, что правящая элита под серьезным давлением смогла пойти на уступки общественному мнению.

Каковы причины такого шага? Ответ не может быть однозначным. Прежде всего, необходимо учитывать размах движения, которое едва ли могло быть подавлено репрессиями, как в 1819 г. Далее, как отмечалось выше, в среде вигов превалировало мнение о неизбежности перемен в системе представительства. Нельзя не принимать во внимание силу накала борьбы и страх, опасение за жизнь членов семьи и свою собственную тех, кто так долго сопротивлялся принятию билля. Необходимо также учитывать и изменения социальной структуры общества, которая способствовала установлению политики компромиссов. Прежде всего, это относительно высокая степень вовлечения дворянства в различные предприятия, торговую и финансовую деятельность; особенности прав наследования. Установление деловых и личных связей, появление общих интересов части дворянства с отдельными представителями среднего класса, явились важной базой подобного компромисса. В свою очередь, он вел к расширению политических прав значительной части состоятельных слоев населения, их возможности оказывать влияние на ход выборов и на принятие решений в самом парламенте.

Увеличение электората в два раза не было столь значительным в соотношении ко всему взрослому населению страны. К всеобщему избирательному праву, тайному голосованию, равным избирательным округам Великобритании окончательно пришла только в конце 1 мировой войны. К этому страна продвигалась постепенно путем дальнейших парламентских реформ, примерно наравне с другими европейскими государствами, не опережая, иногда несколько отставая от некоторых стран. В начале 1830-х гг. более прогрессивная, чем в Великобритании, система представительства была учреждена лишь в немногих странах. Но и там, где она провозглашалась, существовали раз-

личного рода цензы, существенно сужавшие всеобщее право голоса¹.

Вместе с тем сокращение "карманных" местечек привело, как и опасались консерваторы, к изменению соотношения сил между палатами, правительством и монархом. Кабинет, палата лордов и король потеряли значительную часть влияния из-за уменьшения возможности по своему усмотрению распоряжаться местами и проводить «нужных» кандидатов, которые бы поддерживали их в палате общин. В связи с этим, сократилась ее зависимость от них, и началось постепенное усиление роли представительной палаты. И, как следствие этого, возрастание роли большинства при формировании кабинета министров и проведении его политики. Одновременно происходят поначалу не сильно заметные, но важные изменения в характере деятельности нижней палаты.

Прежде всего, это коснулось законотворческой работы палаты общин. Традиционно парламентарии имели реальную возможность самостоятельно выступать с законодательной инициативой. Так дни заседаний были поделены на "правительственные" и "частные". Однако уже в сороковые годы наблюдалось заметное увеличение количества первых за счет вторых. Несмотря на то, что сокращалась доля биллей, инициаторами которых выступали депутаты, на протяжении века наблюдалось возрастание личной инициативы во время прений². В работу парламента втягивалась пассивная часть депутатов, так называемые заднескамеечники. Если до реформы в дебатах в палате общин принимало участие 30-37%, то после – 45-64%, что явилось показателем нарастания духа соперничества между ними, желания проявить себя в глазах избирателей³.

Реформа привела к усилению интенсивности работы парламента: увеличился объем деятельности нижней палаты, сессии становились длиннее. Так, например, по подсчетам современников, самая долгая сессия до реформы имела место в 1831 г. и

¹ Так, например, всеобщее избирательное право для мужчин к этому времени ввели США, однако коренное население, негры и женщины не были допущены к выборам.

² Cox G.W., Ingram J.W. Suffrage expansion and legislative behavior in nineteenth-century Britain. / *Social science history*. 1992, v. 16, N.4. P. 543, 549.

³ Ibid. P. 541-542.

состояла из 918 часов, тогда как в 1833 г. — она продолжалась 1270 часов¹. При этом постепенно возрастало и число рассматривавшихся в нижней палате вопросов в отличие от верхней, где оно неизменно сокращалось. Это наглядно демонстрируют опубликованные стенографические записи парламентских дебатов: уже в конце сороковых годов верхняя палата в дни заседаний рассматривала один, максимум два вопроса, тогда как повестка дня общин была гораздо насыщенной.

В парламенте, помимо законопроектов, обсуждался широкий круг вопросов социально-экономического и политического плана. Чисто партийная борьба, длительные выступления депутатов и чрезвычайно медлительная процедура принятия решений вызывали зачастую негативное отношение. Ораторские упражнения членов парламента порой были слишком далеки от волновавших страну проблем. И вместе с тем, интерес к заседаниям пореформенного парламента необычайно возрос, прения перепечатывались в каждой газете на первых страницах. Члены парламента также следили за публикуемыми материалами. Более того, современники замечали, что они гораздо активнее, чем прежде, стремились к тому, чтобы их имена чаще попадали в газетные отчеты о деятельности палаты². В этом плане показательны слова, записанные Ч.Гревиллем летом 1833 г. Он отмечал в мемуарах: "Говоря правду, Палата общин находится теперь в таком состоянии, что почти невозможно сказать, что могут или должны сделать министры или как поступит Палата. ... Каждый депутат думает лишь о том, что ему придется сказать своим избирателям или как они отнесутся к его голосованию"³. Несмотря на некоторое преувеличение, высказывание Гревилла отражало настроения значительной части депутатов, их отношение к прессе, освещавшей ход дебатов. И редакторы, поместившие нелицеприятные материалы, порой еще вызывались на заседания с тем, чтобы ответить перед палатой⁴. Так, косвенным результатом реформы стало возрастание значения прессы, что отражалось на позиции изданий и на их освещении политиче-

¹ *Edinburgh Review*, 1833, N. 117. P. 203-206.

² Cox G.W., Ingram J.W. *Ibid.* P. 540.

³ Greville Ch. *Ibid.*, v. III. P. 17.

⁴ *PD*, 1838, v.42. P.453-465; 1839, v.47. P. 232, etc.

ской жизни. В период массового движения ярко высветилась двойственная роль прессы. С одной стороны либерально ориентированные издания, освещая митинги и требования радикалов, парламентские прения, оказали существенное влияние на формирование общественного мнения. С другой стороны, оно отражалось, как в публикациях, так и в изменении тиража газет. Резкое сокращение тиража консервативных и возрастание либеральных изданий явилось свидетельством негативного отношения общества к противникам реформы.

Как было показано выше, в ходе борьбы за реформу прессы становится важным фактором общественно-политической жизни страны. И после осуществления преобразований избиратели пристально следили за парламентской деятельностью своих представителей и бывали случаи, когда они отказывались избирать кандидатов вновь, если их имена не встречались в отчетах о дебатах или в опубликованных материалах комитетов. В этом отношении показателен эпизод, связанный с лордом Ливсоном. Во время встречи избиратели округа обвинили его в недобросовестном исполнении обязанностей: он не выступал в прениях и не участвовал в работе парламентских комитетов. И, как следствие этого, его имя не звучало на страницах газет и журналов. Несмотря на попытку оправдаться, он потерпел поражение на выборах в своем округе, уступив сопернику-радикалу¹.

В то время как характер деятельности нижней палаты претерпевал существенные перемены, процедура подготовки законопроектов и их обсуждения, нормы поведения депутатов, выработанные в предыдущие столетия, не подверглись изменениям.

Парламентские дебаты, по существу предстают как бы верхушкой айсберга. Законопроекты подготавливались в комитетах и комиссиях, обсуждались правительством, политическими лидерами. Тем не менее, эта внешняя, заметная для стороннего наблюдателя деятельность – обсуждение докладов комитетов и комиссий, законопроектов, как показывает мемуарная литература, эпистолярное наследие современников и публицистика на протяжении всего времени борьбы за реформу и впоследствии все в большей мере привлекала внимание общества.

¹ Айзенштат М.П. Британский парламент и общество. С 26.

Наконец, борьба за парламентскую реформу, обсуждение всех вариантов законопроектов было временем политического размежевания либералов и консерваторов, отправной точкой которого послужила эмансипация католиков. Отношение к реформам, дискуссии по их сути и направленности в последующие десятилетия стали катализатором этого процесса.

Завершая рассмотрение первой парламентской реформы, необходимо остановиться на проблеме становления гражданского общества. Эти неполные четыре года борьбы за изменение системы представительства стали важным этапом в становлении его институтов. Прежде всего, речь идет о дальнейшем формировании гражданского и правового самосознания, о чем свидетельствуют действия в легитимном поле. Насильственные методы в достижении осуществления поставленных целей не стали определяющими в движении за реформу. Вовлечение значительного числа жителей государства в борьбу за свои права, а также их участие в обсуждении политических и государственных дел способствовало укреплению гражданского самосознания. Вместе с тем, институты самоорганизации стали основой массового движения, направляя его и закрепляя своей деятельностью либеральные свободы британцев: свободу слова, собраний, митингов.

Глава 7. Общественные движения и законодательная деятельность пореформенного парламента 1830-х годов.

Выборы 1832 г. и расстановка сил в палате общин.

Подготовка к новым выборам началась до вступления в силу билля о реформе. Она проходила в двух направлениях и состояла в подборе кандидатов партиями и выработке требований избирателями. Пожелания носили, прежде всего, экономический характер: отмена наиболее тяжелых налогов (на окна, солод и мыло), пересмотр хлебных законов и упразднение синекур¹, выдвигались и другие требования, которые будут рассмотрены ниже. Таким образом, получила развитие практика наказов депутатам, от которых избиратели ожидали конкретной деятельности, направленной на улучшение их жизни. Либеральная и радикальная пресса агитировала за кандидатов своих партий. Консервативные газеты призывали удостовериться, насколько они имеют представление о потребностях государства и в состоянии ли предложить надлежащие меры для продвижения нации к благоденствию². Помимо прочих положений, закон о реформе 1832 г. внес изменения в порядок проведения выборов. Вместо прежних 2 недель они теперь ограничивались 2 днями. Не везде выборы проходили спокойно. Беспорядки, отмеченные в Норвиче, Стамфорде, Ньюарке, Шеффилде, Стокпорте, Бристоле и Ливерпуле, современники связали с накалом борьбы между кандидатами, так как стычки проходили там, где терпели поражение радикалы³. Вместе с тем выборы 1832 г. отразили

¹ London radicalism. P. 98, 135.

² Настроения британской прессы отразили обзоры, помещавшиеся в российских газетах и журналах. См., например: Сын Отечества. 1832, № 52. С. 376; Северная пчела. 1832, 19 декабря. Аргументация консерваторов представляется весьма любопытной, так как перекликается с доводами Э.Берка о личных и деловых качествах, необходимых депутатам законодательных собраний. Подробнее см.: Берк Э. Размышления о революции.

³ Северная пчела. 17, 19 декабря 1832; Annual Register 1832. L., 1833. P. 303-304.

новые настроения британцев. В стране царил небывалый подъем, многие жители рассматривали реформу лишь первым шагом на пути преобразований и жили в ожидании перемен¹. Несмотря на сохранявшиеся злоупотребления, взяточничество, коррупцию, избиратели отдавали предпочтение тем партиям, которые предлагали дальнейшие реформы. Позднее Д.С.Милль писал, что зачастую избирались отнюдь не лучшие представители нации – высокообразованные политики, а «люди второго и даже третьего ранга» только потому, что они были за «Реформу и министерство вигов»². Радикалам и вигам отдали голоса избиратели новых промышленных округов. Однако, такая ситуация складывалась не повсеместно. В городах проходили в парламент и консерваторы, а некоторые радикалы выставили свои кандидатуры в прежних небольших округах. Среди них Д.Юм, Ч.Буллер, У.Мольсворт, У.Коббетт и др. В итоге в палате общин оказалось 320 вигов, сохранивших лидирующее положение. Вместе с ирландскими депутатами и диссентерами 50 радикалов составили группу в 190 человек. Консерваторов насчитывалось 150.

Помимо предпочтений общественного мнения, выборы продемонстрировали и углублявшееся размежевание политических сил, как в стане парламентариев, так и по всей стране. Поражение на выборах консерваторов, которых многие современники рассматривали как реакционную партию, создавало впечатление, что они, по словам профессора Д.К.Кларка, очутились в “положении совершенно беспомощном и унижительном. Казалось, что они продолжали жить в мире, который больше не нуждался в них”³. Консерваторы находились в наиболее сложной ситуации. Это была самая разобшенная группировка.

Радикалы объективно отражали интересы той части торгово-финансовых и промышленных кругов, которые были заинтересованы в отмене системы протекционизма и переходе к либеральной экономической политике, свободе торговли (фритреду) и дальнейшим преобразованиям. Несмотря на относительно

¹ См., например: Croker J.W. The Croker papers, 1808-1857 L., 1967. P.160; Arbutnot Ch. The correspondence of Charles Arbutnot. L., 1941. P. 183; PD, 1842, v.63. P.19; etc.

² Mill J.S. Collected works. V. 12. P. 166.

³ Clark G.K. Peel and the Conservative party. A study in party politics 1832-1841. L., 1964. P.5.

небольшой состав, их группировка в парламенте также не была едина. В парламент прошли те, кто принимал наиболее активное участие в борьбе за реформу. Многочисленная фракция ирландских депутатов — более 100 человек — состояла главным образом из представителей католической оппозиции и сторонников Д.О'Коннела. Таким образом, их голоса могли оказаться решающими при возникновении сложной, конфликтной ситуации.

В конце января 1833 г. новый парламент собрался на первую сессию. Современники, а позднее и исследователи отмечали особый дух, царивший в палате общин. В немалой степени его созданию способствовало и то, что в ее состав вошло много новых парламентариев, незнакомых с традициями и сложным порядком проведения заседаний. Новички садились не на те места, громко разговаривали, смеялись, ели, спали. Подчас вставали и говорили несколько человек одновременно, а иногда между ними возникали стычки и потасовки¹. Именно с этими депутатами и связывались надежды на дальнейшие преобразования. В стране проходили многочисленные митинги, участники которых принимали обращения в парламент с требованиями введения тайного голосования и отмены налогов, потоком шли петиции с жалобами².

Упрочившие свое положение в парламенте виги сформировали правительство с лордом Греем во главе. Позднее этот кабинет вошел в историю как «самый, исключительно аристократический». Более того, это был не просто аристократический, но и клановый по своему составу орган, так как за исключением одного — двух министров члены правительства являлись либо кровными родственниками, либо же были связаны семейными узами в результате заключенных браков³. Клановость была важной отличительной чертой партии вигов. Этому способствовали семейные связи и исторические традиции. Виги по-прежнему

¹ Greville Ch. The Greville memoirs. V.3. P.28; Lovett W. Life and struggles of William Lovett. N.-Y., 1910, v.2. P. 275-276; Clark G.K. Peel and the conservative party. P.91-93; The conservative leadership 1832-1932. Ed. By D.Southgate. L., 1974. P.40; etc.

² PD, 1833, v.15. P.702, 765, etc.

³ Quarterly Review, 1835. № CV. P. 270; Gash N. Reaction and reconstruction in English politics 1832-1852. Oxford, 1965. P.160; Southgate D. The passing of the Whigs. P. 10.

представляли ту часть землевладельцев, которые были в той или иной мере связаны с предпринимательством, промышленным производством, с финансовыми кругами, прежде всего лондонским Сити. Хотя виги и получили наибольшее число мест, они нуждались в поддержке части других депутатов, так как не имели большинства в палате. Разногласия с радикалами, которые безуспешно претендовали на министерские посты, уход из политики некоторых влиятельных вигов и Ирландия на первых порах стали для пореформенного правительства наиболее сложными проблемами. Отсутствие единого мнения о политике в отношении Ирландии привели к уходу в отставку лорда Грея в июле 1834 г. и назначении главой правительства лорда Мельбурна. Он был представителем богатого аристократического рода и придерживался умеренных взглядов.

В обстановке нараставших противоречий парламент приступил к решению наиболее острых для общества проблем. Продолжая политику консерваторов 1820-х годов, в новый бюджет правительство внесло предложения об уничтожении налога на каменный уголь, сальные свечи, коленкор и стекло; понижении пошлин на привозной лес и уравнивание пошлин на французские и португальские вина. С небольшими изменениями парламент принял новые тарифы. Сыновья баронов и пэров по-прежнему занимали большинство мест в палате общин. Однако в их решении сказалась готовность считаться, прежде всего, с интересами торгово-финансовых и промышленных кругов.

Акт об отмене рабства в британских владениях.

К началу тридцатых годов центральный комитет Анти-рабского общества при поддержке местных отделений сконцентрировал пропаганду в стенах парламента. Подобная тактика использовалась различными движениями. Создав в результате своей пропаганды определенное общественное мнение, обеспечив весомую поддержку вне стен парламента, сторонники какой-либо реформы приступали к действиям в самом законодательном органе с целью проведения преобразований. Кроме того, такое смещение акцента деятельности вполне правомерно, если учесть, что центральная, а вслед за ней и провинциальная пресса публиковала подробные отчеты о дебатах. Выступление депута-

тов в стенах парламента в Лондоне раздавались на всю страну, привлекая внимание общества и способствуя появлению новых сторонников. При этом правительство находилось и под давлением парламентского лобби abolitionистов, и под давлением общественного мнения. Только в палату лордов между 1826 и 1832 гг. поступило более 3,5 тыс. петиций с требованиями отмены рабовладения¹. Практически все были результатом общественных митингов, плодом пропаганды и усилением социальной напряженности в период борьбы за парламентскую реформу. Многочисленность петиций и большое количество подписей под ними позволяли депутатам-abolitionистам от имени народа ставить вопрос о необходимости принятия билля.

Несмотря на то, что в движении ведущую роль по-прежнему играли гуманистические идеи, сторонники отмены рабства продолжали обращаться и к экономической аргументации. Так, Гарриет Мартино одну из своих работ посвятила рассмотрению проблемы рабовладения с утилитаристских позиций. Pamфлет вышел в серии иллюстраций политической экономии, в его основу легли идеи последователя И.Бентама Джеймса Милля. Цель Мартино заключалась в пересказе труда Милля «Элементы политической экономии» языком, доступным для простого люда. Она обосновывала тезис о большей выгоде, которую могут получить предприниматели при отказе от рабского труда. Мартино также утверждала, что введение свободной торговли сахаром «прогонит и само рабство, так как конкуренция должна стимулировать экономию труда и капитала и тем самым замену рабского свободным трудом»².

В мае 1832 г. парламент учредил комитет для изучения положения рабов, его отчет был опубликован в августе. Обнародованные сведения вызвали новый поток петиций. На проходивших осенью выборах от кандидатов независимо от их политических симпатий избиратели повсеместно требовали поддерживать abolitionистов³. И, как отмечают исследователи, хотя «рабство было далеко не единственным, первостепенным по

¹ Pressuer from without. P. 155.

² Martineau H. Illustrations of Political Economy. № IV. Demerera. L., 1832. P. 143.

³ Gash N. Sir Robert Peel. L., 1986. P.40.

важности вопросом, требовавшим немедленного решения»¹, именно оно в силу общественной значимости стало первоочередной проблемой, к решению которой приступило правительство в пореформенный период. Споры велись в основном о путях освобождения рабов, о размерах компенсации, которую власти намеревались выплатить плантаторам. В то же время высказывались сомнения, что освобожденные негры захотят работать на плантациях². Сведения о колебаниях министров быстро распространились в обществе, что подстегнуло петиционную кампанию. При этом возросло не только число петиций, но и количество подписей под ними. Только в 1833 г. их было подано в 2,5 раза больше, чем всех петиций с требованием проведения парламентской реформы в 1831 г., времени наивысшего подъема борьбы. О массовости движения свидетельствует обращение женщин Англии с 187 тыс. подписей³. Петиции поступали со всех концов страны, их подписывали горожане, промышленники, предприниматели и торговцы.

Немногочисленные по сравнению с выступлениями аболиционистов раздавались и голоса их противников. Плантаторы, торговцы и предприниматели, заинтересованные в сохранении рабовладения, требовали учитывать «интересы колоний», не принимать решений, которые могли бы разрушить частную собственность⁴. Правительственный проект был разработан к маю 1833 г. и тогда же внесен в палату общин. Он заключал следующие положения: объявить свободными всех детей, которые будут рождены после принятия закона, и тех детей, которые не достигнут 6 лет до этого момента. Рабов зарегистрировать как свободных граждан, наделив их правами и привилегиями граждан страны; постепенно выплатить плантаторам компенсацию в сумме 15 млн. ф.ст.; на местные власти возложить заботу о религиозном воспитании и обучении негров. План наделял рабов

¹ Slavery and British society. P. 16

² Следует отметить, что опасения противников освобождения позднее оправдались, создав трудности с рабочей силой. Если на небольших островах Карибского бассейна освобожденные рабы не имели другой альтернативы, как работа на плантациях, то на более крупных у них появилась возможность выбора. / Wolf E.R. Europe and the people without history. L., 1982. P. 368-369.

³ Slavery and British society. P. 25, 33.

⁴ PD, 1833, v.18. P. 109-110, 360, 446, etc.

свободой, но не немедленным освобождением. После принятия закона они были обязаны отработать определенный срок (так называемый срок ученичества) на своих хозяев. Доклад напечатали на средства правительства, и он мгновенно разошелся по стране¹. Обсуждение плана, а затем и принятие законопроекта проходило при ожесточенном сопротивлении его противников. Все это время — с середины мая и вплоть до конца августа — парламентские дискуссии привлекали пристальное внимание общества, которое не успокоилось, видя результаты своих усилий в представленном кабинетом билле. Характер и содержание дебатов были темой газетных публикаций, митингов, частной переписки². Продолжали поступать петиции, которые свидетельствовали не только о сохранявшемся давлении, но и о том, насколько напряженно следили граждане страны за проходившими прениями. В связи с усилением противостояния сторонников и противников рабовладения обсуждение в парламенте в какой-то момент вызвало определенную напряженность в обществе³. Несмотря на возражения оппонентов, билль прошел обе палаты и король утвердил его 29 августа.

Это была важная победа всего аболиционистского движения и идей гуманизма. Некоторые исследователи склонны преувеличивать значение того или иного фактора в ее достижении, нередко решающая роль отводилась парламенту, принявшему закон⁴. В победе аболиционистов достаточно трудно выделить какой-то один главный фактор успеха. Речь может идти скорее о совокупности ряда причин. Среди них относительное уменьшение значения вест-индских владений для английской экономики, реформаторский дух 1833 г., деятельность анти-рабского общества и его лидеров, мощное движение, охватившее всю страну, сопротивление самих рабов. В свете этого деятельность парламентариев не представляется основной, зачастую они выступали

¹ Aspinall A. Politics and the press. P. 158.

² Mill J.S. Collected works. V.12. Passim.

³ Greville Ch. Op. cit. v.2. P. 380; v. 3. P. 17-18. Лорд Холланд в дневнике описывал один из митингов противников аболиционистов. По его словам, весьма почтенная публика проявила «непреклонный дух и невероятную враждебность в отношении нашего плана и самого кабинета» / The Holland diaries. P. 212.

⁴ См., например: Klingborg F. The anti-slavery movement in England. New Haven, 1926; Coupland R. The British anti-slavery movement. L., 1933.

с идеями, уже выдвинутыми в ходе аболиционистского движения, не внося, практически, ничего нового в рассмотрение проблемы рабовладения. Более того, они приняли, за исключением размеров компенсации в 20 млн.ф.ст. (вместо предлагавшихся 15 млн.ф.ст.) и определения срока ученичества в 7 лет, проект Министерства по делам колоний. Вместе с тем в развитии гражданского общества, агитация и деятельность аболиционистов играли, без преувеличения, огромную роль. Она обусловлена общенациональным масштабом пропаганды идей равенства и прав человека, использования традиционных методов формирования общественного мнения, организации давления на правительство и парламент. Ясность цели и простые лозунги позволили привлечь на свою сторону и мобилизовать широкие круги городского населения, которое и после принятия закона в Англии создавало новые комитеты и общества. Они ставили своей задачей наблюдение за осуществлением закона, исследование состояния дел в вест-индских колониях и борьбу за отмену рабства и работорговли в мире. С 1840-х годов в Лондоне проходили съезды аболиционистов. Именно вовлечение значительной части общества в обсуждение проблемы рабства стало одной из важных причин сокращения сроков ученичества в 1838 г. (назначенное законом время освобождения только домашних слуг и ремесленников). Это решение правительство приняло не без борьбы и колебаний. Прокатившаяся волна восстаний рабов в колониях вынудила кабинет вернуться к вопросу об освобождении. С особой силой оживилась деятельность, как сторонников, так и противников аболиционизма. Давление на парламент было настолько сильным, что депутаты без долгих проволочек проголосовали за немедленное освобождение всех рабов¹.

Продление хартий Ост-Индской компании и Английского банка.

Летом 1833 г. заканчивался срок действия хартий Ост-Индской компании и Английского банка. И компания, и банк олицетворяли собой оплоты политики меркантилизма, ограждающих пошлин, особых условий для экономической деятельности небольшой группы финансистов и купцов. Борьба с при-

¹ См., например,: Greville Ch. Greville memoirs. V. IV. P. 87-90, 102-103.

вилегиями оставалась частью движения за отказ от протекционизма и переход к свободе торговли и предпринимательской деятельности. Пропаганда Д.С.Бэкингема и многочисленных ассоциаций оказалась довольно успешной, так как в феврале 1830 г. задолго до истечения срока хартии привела к созданию комитета по рассмотрению состояния дел компании в период экономической депрессии и застоя в торговле. С назначением парламентского комитета в отличие от аболиционистского движения и движения за парламентскую реформу петиции перестали поступать. Однако в прессе порой публиковались критические материалы¹.

Итоги работы комитета и круг вопросов, связанных с возобновлением хартии, обсуждались парламентом с июня по август 1833 г. Ч.Гревилль отмечал в мемуарах, что вопрос «огромной важности» был сильно сдвинут к концу сессии и проходил практически в пустой палате². Основные выводы комитета совпадали с утверждениями фритредеров, что сохранение монополии компании на торговлю с Китаем затрудняет и ухудшает ее развитие. Доходы компании в основном шли на содержание управленческого аппарата, а выплата дивидендов ее пайщикам возлагалась на государство. В докладе негативные стороны финансового положения объяснялись тем, что компания вынуждена защищать Индию от внешних нападений, а также охранять жизнь и собственность ее граждан. Среди рекомендаций комитета были пункты по привлечению индийцев к управлению, содержались и предложения по сокращению привилегий: уменьшение пошлин на импорт из Индии, открытие китайской торговли для частных предпринимателей. Рекомендовалось также ослабить меры, препятствовавшие проникновению европейцев (т.е. англичан) в Индию, и усилить защиту их жизни и собственности. Вместе с тем комитет считал возможным продлить хартию компании еще на 20 лет³. Один из членов кабинета лорд Холланд записал в дневнике: «мы оставили за ними (акционерами компании — М.А.) право протестовать против решения Контрольного совета». Глава же Контрольного совета заявил: в слу-

¹ The Loyal Reformers' Gazette, 1832, April, 28; May, 19; June, 16; The Companion to the Newspapers, 1833, March, 1; April, 1; The Edinburgh Review, 1831, v.53, №106. P. 439-471, etc.

² Grevill Ch. Op. cit., v. 3. P. 29.

³ PD, 1833, v.18. P. 698-700.

чае несогласия акционеров и директоров правительство возьмет в свои руки управление Индией¹. Свидетельство Холланда, безусловно, опровергает утверждения сторонников компании, а впоследствии и некоторых исследователей, что она сама пошла на уступки. Из вышеприведенных высказываний явствует, что у нее просто отсутствовал выбор: лишь потеряв часть привилегий, организация продлевала свое существование.

Обсуждение выводов комитета, статей хартии прошло довольно спокойно в парламенте и не вызвало петиций. Возмутителями спокойствия оставалась лишь небольшая группа радикалов, сторонников фритреда. Однако, несмотря на, казалось бы, резкие выступления и критику системы управления, они полагали невозможным заменять компанию каким-либо другим органом. Их главной задачей было открытие торговли с Китаем для частных лиц². Новый текст хартии отменил монополию на торговлю с Китаем, сохранив монополию на торговлю солью и опиумом. Вместе с тем был усилен Контрольный совет, а государство обязалось выплачивать пайщикам дивиденды в размере 10%. Либеральная пресса восторженно встретила решение парламента. «Эдинбург Ревью» писал: «Решение всех важнейших вопросов, касающихся управления и торговли с нашими обширными владениями на Востоке, является само по себе огромным достижением, которого не было еще ни в одной сессии парламента прежде. Можно предположить, что и не будет. Не только отношения правительства и Компании поставлены на лучшую основу, не только усилено и улучшено индийское правительство; а главное то, что наши подданные на Востоке получили новые гарантии своих прав, и даже те сограждане, которые еще только намереваются поселиться там. Одним словом, правление улучшено, монополия отменена»³. Того же мнения придерживалась и радикальная пресса⁴. Действительно, их ожидания полностью оправдались. Главным итогом явился быстрый рост объема торговли частных английских предпринимателей с Востоком, но

¹ The Holland House diaries. 1831-1840. P. 214.

² Подробнее о ходе обсуждения см.: Айзенштат М.П. Фритредерство и антиколониальные традиции Просвещения. / Из истории Просвещения: экономика, политика, идеология. М., 1982.

³ The Edinburgh Review, 1833, № 117. P. 205.

⁴ Companion to the Newspapers, 1833, October 1. P. 156.

при этом и усиление эксплуатации Индии, дальнейшее ухудшение положения ее народа.

В отличие от вышеуказанных решений парламента, prolongению хартии Английского банка не предшествовали ни национальная петиционная кампания, ни создание организаций, целью которых бы стало выступление с определенными требованиями, не было и длительных дебатов в обеих палатах. Однако решение по Английскому банку имело важное значение в преобразовании и дальнейшем развитии финансовой системы в стране, денежного обращения и сохранности вкладов.

Создание в 1694 г. Английского банка знаменовало наметившиеся изменения в банковской системе, отход от разменно — вкладных операций и выдвижение на первый план кредитных функций. Основной капитал банка предоставлялся в распоряжение правительства. Первое время банк испытывал сильную конкуренцию со стороны золотых дел мастеров. В 1708 г. введен запрет на занятия банковскими операциями всякому товариществу, объединявшему более 6 человек. Тем не менее, к концу столетия насчитывалось более 350 частных и акционерных банков. В 1819 г. закон постановил, что все банкноты должны обеспечиваться золотом и обмениваться по первому требованию. Кризис 1825 г. поставил банки в затруднительное положение. Отзыв капитала привел к закрытию 70 банков в течение 6 недель и вызвал недоверие к бумагам частных банков. Для преодоления кризиса правительство было вынуждено пойти на уступки финансистам и разрешить открывать акционерные банки по всей стране за исключением Лондона и на 65 миль вокруг него. Вместе с тем вводился запрет на выпуск банкнот, стоимостью ниже 5 ф.ст.

Результатом бурного развития торговли и промышленности, строительства каналов, мостов, железных дорог и т.д. стала острая нужда в кредитах, а финансовая система лишь сдерживала развитие экономики. При рассмотрении хартии Английского банка летом 1833 г. был отменен запрет открывать частные банки в Лондоне и его окрестностях, банковские билеты признавались законным платежным средством, однако их выпуск остался привилегией Английского банка¹. Таким образом, получила

¹ Голубков П. Собрание актов о привилегиях, дарованных английским правительством Ост-Индской компании и Лондонскому банку. М. 1843.

дальнейшее развитие политика консерваторов двадцатых годов, которая по-прежнему характеризовалась частичными, довольно умеренными уступками. Потребности экономики являлись важным побудительным мотивом для действий власти без массированного давления со стороны общества. Несмотря на сохранение отдельных привилегий, открытие обширного китайского рынка и ликвидация ограничений в банковском деле явились еще одним весомым шагом в постепенном переходе от протекционизма к свободной предпринимательской деятельности.

Каково значение этих событий в контексте истории становления институтов гражданского общества? Оно лежит в двух плоскостях. Прежде всего, снятие ограничений способствовало повышению экономической активности, росту числа предпринимателей и увеличению размеров их капитала и собственности, а, следовательно, и укреплению позиций и влияния различных слоев среднего класса в социальной структуре общества. Вместе с тем, можно говорить и о расширении идеологии либерализма не только на государственном уровне, но и распространении в обществе либеральных экономических принципов.

Борьба за фабричное законодательство.

Изменения в структуре производства и характере труда по мере развития и углубления промышленной революции, вели к разорению мелких предпринимателей, увеличению безработицы, широкому применению женского и детского труда уже не в мелких мастерских и системе рассеянной мануфактуры, а в условиях фабричного производства. Все острее ощущалось отсутствие действенного законодательства в области регулирования труда в новых условиях.

Рабочий день на фабриках обычно составлял 14-16, а порой доходил до 18 часов, при этом заработная плата редко превышала 8-10 шиллингов в неделю. Однако и эти деньги нередко выплачивались не полностью, так как хозяева выдавали их товарами из своих лавок по более высокой цене. Широко практиковались вычеты и штрафы. Санитарное состояние помещений было ужасающим, а несчастные случаи обычным явлением. В зависимости от характера производства продолжительность

жизни рабочих составляла от 28 до 34 лет. Одним из результатов введения машин стало снижение зарплаток и вытеснение мужского труда за счет труда женщин и детей, так как их работа на фабриках упростилась и сводилась к наблюдению за станками. К началу сороковых годов женщины составляли 56% от общего числа работников хлопчатобумажных, 69% — шерстяных, 70% — шелковых фабриках. На работу принимались дети 7-9 лет, однако встречались и 5-6-летние. В конце тридцатых годов в производстве было занято до 80 тысяч детей моложе 8 лет, что превышало четверть общего количества рабочих хлопчатобумажной промышленности. Травматизм детей был гораздо выше, чем взрослых. Низкие заработки не позволяли нанимать нормальное жилье, рабочие ютились в городских трущобах, питание было скудным и однообразным¹. Процветало пьянство.

Началу массового движения за регулирование труда положило обращение активного аболициониста Ричарда Остлера к редактору газеты «Лидс Меркури», которое было напечатано под заголовком «Йоркширское рабство». Остлер назвал фабричную систему в том виде, каком она существовала, худшим злом, чем рабство негров в Вест-Индии. Он писал, что те улицы, которые украшены лозунгами аболиционистов, ежедневно омывались слезами других тружеников. Особо подчеркивал он тяжелое положение детей, вынужденных работать с 6 утра до 7 вечера с 30-минутным перерывом на обед. Он заявлял, что ситуацию может изменить лишь принятие надлежащих мер, и, прежде всего — введение ограничений детского труда на фабриках законодательным путем². Редакция поддержала Остлера, добавив, что необходимо создавать воскресные школы и распространять опыт Р.Оуэна. Он был управляющим на фабрике в Нью-Ланарке и сумел добиться успеха в деле воспитания и обучения не только юных рабочих, но и их маленьких братьев и сестер, организовав

¹ Сведения о положении трудящихся можно найти в отечественной и зарубежной литературе. Одним из первых серьезных исследований в этой области стал труд Ф.Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Несмотря на некоторые неточности, которые обнаружили современные историки, это произведение показывает удручающее положение работников и их семей. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2. С. 231-517. См. также: Гингор С.В. Указ. соч. С. 14-15; и др.

² The Leeds Mercury, 1830, October 16.

ясли и школу. При этом предприятие приносило хозяевам большую прибыль¹.

Обращение Р.Остлера и обсуждение поднятого им вопроса на страницах газеты осенью 1830 г. в условиях нараставшей социальной напряженности и борьбы за парламентскую реформу встретили поддержку в среде самих работников. Имя Остлера, как и У.Коббетта, быстро стало именем народного лидера. Возглавив движение за сокращение рабочего дня, он стал его организатором, лидером, казначеем, памфлетистом и лектором. В текстильных городах севера страны началось движение за урегулирование условий труда. В Лидсе, Ланкашире и Йоркшире создавались общества и комитеты. Центральный комитет Манчестера наладил связи между всеми организациями. В 1831 г. движение получило поддержку со стороны медиков, когда вышли труды хирургов Д.Робертсона и Ч.Такраха, доктора К.Уолкера, в которых рассматривалось негативное влияние на детский организм тяжелого труда и жизни в трущобах. В парламенте сторонниками движения стали М.Сэдлер и лорд Эшли.

Это было сложное движение, объединившее людей разных политических убеждений, в котором тори и радикалы нередко выступали вместе. Оно протекало в двух направлениях. Первым стали требования ограничения взрослого, так называемое «движение за 10 часов», вторым — за ограничение детского труда. В последнем течении можно выделить две основные группы участников. Одну категорию составляли филантропы, т.е. люди, непосредственно не связанные с производством (врачи, служители церкви, политики). Они продолжили агитацию Р.Пиля и Р.Оуэна десятих-двадцатых годов. Эту часть общества беспокоило физическое и духовное развитие подрастающего поколения, занятого изнурительным трудом. Вторую категорию составили сами работники. Многие из них понимали, что применение детского труда, как и женского, ведет к значительному удешевлению труда взрослых мужчин. Они надеялись, что ограничение приведет к увеличению спроса на труд мужчин, и будет способствовать возрастанию их заработной платы. Однако были и те, кто стремился к улучшению жизни своих семей. Осознав цели,

¹ Driver C. Tory Radical, the life of Richard Oastler. N.-Y., 1946. P. 55.

рабочие стали объединяться для их осуществления, и требовать от властей разрешения проблемы.

Попытки добиться создания комиссии для рассмотрения вопроса встретили сопротивление в парламенте. Поступали петиции, как с требованием назначения комитета, так и против этого шага. Несмотря на недовольство в 1831 г. палата общин сформировала комитет из сторонников и противников фабричного законодательства, который возглавил М.Сэдлер. Его деятельность рабочие встретили с энтузиазмом. Многие устремились в Йорк для дачи свидетельских показаний представителям комитета. Всего были заслушаны показания 87 свидетелей, из них – 60 рабочих и 21 врач¹. Существенную поддержку оказали и участники движения, возглавлявшегося Р.Остлером².

В период предвыборной кампании осенью 1832 г. Остлер обратился к избирателям с призывом не поддерживать тех кандидатов, которые не обещали «Десять часов в день и время для книги»³. Призыв был услышан и сыграл свою роль, отразившись на ходе выборов в Лидсе⁴.

Отчет комитет М.Сэдлера, опубликованный в январе 1833 г., показал страшную картину эксплуатации детей и взрослых на фабриках. «Существующая фабричная система является системой рабства и деградации» – заявил свидетель, выступавший перед комитетом⁵. Доклад стал одним из известнейших государственных документов страны. Современников потрясли свидетельские показания рабочих и их детей. Консервативный орган «Квотерли Ревью» писал, что Сэдлер «первый показал страшную и вызывающую осуждение правду, и его ненавидели за это; но он ... нанес системе сильный удар»⁶. Общественное мнение было взбудоражено и постепенно склонялось к мысли о необходимости реформ. Ведущие издания также начали высказываться в пользу их проведения. Среди последовательных противников

¹ Royle E., Walvin J. English radicals and reformer 1760-1848. Brighton, 1982. P. 154.

² Creighton C. Op.cit. P.298.

³ Цит. по: Ward J.T. The factory movement, 1830-1855. L., 1962. P. 44

⁴ Driver C. O. cit. P. 186-187, 191-192.

⁵ Report of Committee on factory Children's Labour 1831-32. L., 1833 / English economic history select documents. P. 192. См. также : P. 510, 515, 516, etc.

⁶ The Quarterly Review. L., 1836. № CXIV. P. 398-399.

таких действий оставались радикалы, отстаивавшие принцип невмешательства государства, и сами предприниматели¹.

В парламент продолжали поступать петиции из промышленных регионов в поддержку законодательства. У фабричного движения не было ни того размаха, ни тех средств, которыми обладали аболиционисты. Оно представляло собой подъем социально активных трудящихся, выступивших за свои права. И о размахе движения свидетельствует количество подписей под обращениями: 12 тыс. под петицией из Бристоля, 2 тыс. — из Дьюсбери, 16 тыс. — из Лидса, 12 тыс. — из Бредфорда и т.д. Рабочие выражали готовность предстать перед любой комиссией с показаниями².

Направляли в парламент петиции и промышленники. Так, владельцы предприятий Стокпорта и Ланкашира высказались против введения любых ограничений. Они писали, что вынуждены использовать дешевый труд детей с тем, чтобы выжить в условиях конкуренции, когда ввозимое сырье дорого и слишком высоки пошлины³. Дебаты при рассмотрении петиций были довольно короткими. Палата была обеспокоена состоянием экономики и перспективами ее процветания, а не условиями труда на предприятиях. И доводы хозяев встретили поддержку значительной части членов нижней палаты⁴. Тем не менее, обсуждение в парламенте сопровождалось многочисленными митингами, активным участием прессы. Печатались памфлеты как за, так и против ограничений. Порой доводы противников доходили до абсурда. Так, например, одни доказывали, что детям не наносит вреда 12-часовой рабочий день. Другие утверждали, что вообще не видали детей на фабриках⁵. Все свидетельствовало о напряженности вопроса, разделившего общественное мнение. Предлагалось отложить решение, назначить еще одну комиссию и т.д. Движение получило решительную поддержку в лице молодого консерватора, депутата от Дорсета лорда Эшли, который высказался против отсрочки и назначения новой комиссии. С этого времени он занимал в парламенте активную позицию по вопросу

¹ Driver C. Op. cit. P. 170-174, 207-208; Ward J.T. Op. cit. P. 81, 82.

² PD, 1833, v. 15. P. 1160, 1293-1294. V. 16. P. 640, 878-879, etc.

³ Ibid. P. 970-971, 1001.

⁴ Ibid. P. 642, 880. V. 17. P. 84.

⁵ См., например, Ibid. V. 17. P. 89.

об ограничении рабочего времени и улучшения жизни детей. Однако палата высказалась в пользу создания новой комиссии.

Работа королевской комиссии усугубила недовольство в обществе¹, продолжали поступать петиции от рабочих с требованием немедленно решить вопрос. Активизировал свою деятельность Остлер. По его инициативе в окрестностях Брэдфорда 1 июня прошел митинг, на котором присутствовало около 100 тыс. человек, а по некоторым сведениям и более. На митинге прозвучало требование ограничить рабочий день 10 часами.

Правительство под давлением уступило требованиям, ушло настроения значительной части общества. Палата срочно приступила к рассмотрению законопроекта с нарушением сложившейся практики, так как доклад комиссии еще не был готов. Уже 29 августа король утвердил новый закон. Текстильным фабрикантам (за исключением владельцев шелковых фабрик) предписывалось не нанимать на работу детей младше 9 лет. Для детей от 9 до 13 лет устанавливался 9-часовой рабочий день. Детям, не достигшим 18 лет, гарантировался 1,5-часовой перерыв на обед и 2 часа для занятий в школе. Важным пунктом стало решение о создании контроля над исполнением закона в лице специально назначенных инспекторов. Это положение заложило основу будущей фабричной инспекции и социально-ориентированного трудового законодательства. Уже к концу 1833 г. королевство поделено на 4 района и назначены 4 первых инспектора. В их компетенцию входила проверка фабрик, разъяснение новых правил, наблюдение за школами. Они наделялись правом разрешать возникающие трудовые конфликты. Два раза в год каждый инспектор должен был представить отчет. Встречаясь в Лондоне, они имели возможность обмениваться опытом и согласовывать позицию по спорным вопросам. Четыре инспектора физически не могли выполнять возложенные на них обязанности, учитывая то, что в 1833 г. в стране насчитывалось до 4 тысяч фабрик. В связи с этим каждому из них выделили по 2 помощника, а к 1845 г. их число возросло до 15². Сокращение рабочего времени для детей и введение инспекции стали важным шагом на пути от

¹ The Times, 1833, 28 May

² Подробнее о фабричной инспекции см.: Djang T.K. Factory inspection in Great Britain. L., 1942.

средневековых уложений к социально-ориентированному законодательству. Государство закрепило за собой решение вопросов регулирования отношений между производителем и хозяином, ввело систему государственного контроля над исполнением трудового законодательства.

Требования закона часто не соблюдались владельцами предприятий, лишь единицы придерживались ограничений. Документы о возрасте детей подделывались. В связи с этим первые годы после принятия закона ситуация изменилась мало. Однако закон постепенно внедрялся в практику, а после переписи населения в 1836 г. скрывать возраст детей стало затруднительным.

Принятое законодательство не могло удовлетворить участников движения. Кампания за «10 часов», а кое-где и за «8 часов» продолжалась. По-прежнему звучали слова о «белом рабстве», которое рассматривалось худшим злом, чем рабство негров¹. В октябре 1835 г. предпринята попытка реорганизовать комитеты и общества, а в 1836 г. движение достигло своего пика. С этого времени самостоятельное движение рабочих за фабричное законодательство сопровождается либо агитацией против закона о бедных, либо за всеобщее избирательное право и вливается в масштабное чартистское движение.

Новый закон о бедных.

Проблема бедности и оказания помощи беднякам – важный эпизод в истории Великобритании. Отчасти он был затронут выше, когда говорилось о распространении в стране многочисленных благотворительных и религиозных организаций.

Законодательство, касающееся этих вопросов, имеет долгую историю. Существовавшие до Елизаветы законы носили запретительный характер и предполагали кары за бродяжничество, которые сохранялись на протяжении столетий. Однако в 1536 г. проведено различие между теми, кто заслуживал помощи (больные, потерявшие работу и др.), и кто был способен трудом добывать пропитание. Первым приходы стали оказывать помощь

¹ Мотив «белого рабства» постоянно звучал в речах Остлера и в прессе. См.: *Quarterly Review*, 1834, № LI. P. 101; 1836, № LVII. P. 396-443, etc; Ward J.T. *Op. cit.* P. 155.

на основе добровольных пожертвований. В 1601 г. законодательно оформлена система вспомоществования за счет взимания прямого налога. Расширились категории населения, получавшие поддержку приходов, и определился ее характер. Дальнейшие изменения в законодательстве связаны с началом аграрной и промышленной революций, когда наступила крайне болезненная трансформация старых экономических и социальных структур, традиций и привычек. Болезненность процесса усугубили быстрый прирост численности населения и его миграция. Они повлекли за собой трансформацию представлений о рабочей силе, когда население стало рассматриваться как важнейшее богатство королевства. Такой подход, отмечал отечественный историк Н.А.Ерофеев, «приобрел характер аксиомы и оказал влияние на английское законодательство»¹. На протяжении всего XVIII столетия оно было направлено на поощрение рождаемости. Эти действия были связаны с распространением в обществе мнения, что население земного шара уменьшается. Отчасти их вызвала миграция жителей страны, связанная с развитием производства и перемещением центров экономической активности, обезземеливанием и разорением фермеров, уезжавших из своих деревень в поисках работы. К концу века получила распространение так называемая «спингемлендская система», которая предполагала доплаты к пособиям по бедности в соответствии с числом членов семьи и колебаниями цен на хлеб. Таким образом, приходская помощь становилась подспорьем к заработку здоровым людям. Кроме того, предусматривалась и компенсация по уходу за детьми. Результатом широкой помощи и увеличения рождаемости стал резкий рост налогов на бедных.

В конце столетия обозначились новые взгляды на численность населения и перспективы его роста. Свидетельством таких изменений стало сочинение Т.Мальтуса «Опыт о законе народонаселения ...», впервые опубликованное в 1798 г.² Труд автора

¹ Ерофеев Н.А. Народная эмиграция и классовая борьба в Англии в 1825-1850 гг. М., 1962. С. 222.

² Мальтус Т.Р. Опыт о законе народонаселения или изложение прошедшего и настоящего действия этого закона на благоденствие человеческого рода с приложением нескольких исследований о надежде на отстранение или смягчение причиняемого им зла. Пер. П.А.Бибикина. В 2-х тома. СПб., 1895. Мальтус в течение 30 лет был первым профес-

отчасти носил полемический характер. И был направлен против попытки У.Питта Младшего с помощью билля о бедных «завоевать популярность у сельских трудящихся классов»¹. Мальтус исходил из тезиса, что рост населения обгоняет рост производства средств потребления. В связи с этим главную проблему общества он видел в излишке населения. Именно этим он объяснял имущественное неравенство, нищету, голод, войны, короче говоря, все бедствия, которые, по его мнению, были неизбежны и необходимы, как единственное средство противодействия чрезмерному увеличению населения. Мальтус полагал, что в силу неизбежности существования обездоленных слоев в обществе, лишены всякого смысла попытки улучшать их положение. Помощь беднякам лишь поддерживает существование избыточного населения и поощряет его «размножение». А это, в свою очередь, ведет к повышению конкуренции среди работников и понижению заработной платы. Таким образом, он сформулировал цель общества – сокращение избыточного населения.

Проведенные в 1800 г. и последующие переписи дали реальную картину состояния общества и позволили оценить быстрый рост населения. Сочинение Мальтуса, подтвержденное результатами обследований, становится популярным и неоднократно переиздается. Оно предоставляло правящим классам научное обоснование бедности, болезней, нищеты, придавая статус неизбежности и видимость законности, несмотря на другие мнения на этот счет².

К 1830-м годам сумма собираемых налогов на бедняков и безработных достигла 8 млн. ф.ст.³ Оказываемая помощь тяжким бременем лежала на приходах, и размеры ее возрастали. И хотя миграция была довольно ощутимой, большая часть безработных

сором политической экономии в Англии и преподавал в Ост-Индском колледже, который готовил чиновников для компании. Он полагал, что она оказывала благотворное влияние на народ Индии, запрещая варварские обычаи. / Peterson W. Malthus. Cambridge, 1979. P. 29-30.

¹ Henriques U.R.Q. Bastardy and the New Poor Law. / Past and Present. 1967. № 37. P. 110.

² См., например, Hazlitt W. The Spirit of the Age. 1825. P. 170. / A radical reader. The struggle for the change in England, 1381-1914. Harmondsworth, 1984. P. 441.

³ Derry J. Reaction and Reform. 1793-1886, L., 1970. P. 113.

оставалась в родных местах, привязанная к приходу. Только там они могли получать какие-то средства.

Идеи Мальтуса и новые произведения по политической экономии либерального толка не могли не повлиять на настроения общества. С конца XVIII в. резко возрастает критика сложившейся системы. Велась она с разных позиций, предлагались и различные решения социально значимого вопроса. Гуманисты искали возможные пути облегчения бремени народа. Демократы полагали, что закон не обеспечивает помощью нуждавшихся в ней в полной мере. Р.Оуэн и Т.Аттвуд требовали рационального использования труда бедняков. Появились и сторонники решительных мер, видевших выход в эмиграции. Высказывались сомнения в «естественном праве бедняков» на помощь. Сторонники подобного подхода в новых условиях быстрого развития экономики стали трактовать старый закон как средство поддержания немощности, беспомощности, безделья и деградации. В увеличении числа бедняков они видели угрозу существованию среднего класса, который платил возрастающие налоги. Однако представление о своем праве на помощь укоренилось в народном сознании.

За изменение системы помощи беднякам решительно высказывался философ утилитарист И.Бентам, популярность идей которого возрастала в первой четверти XIX в. В своих произведениях он резко критиковал «внешнюю» помощь (т.е. помощь, оказывавшуюся деньгами, продуктами, одеждой). Он сформулировал принципы, на которых должна базироваться поддержка. Прежде всего, условия существования бедняков должны быть как можно менее привлекательными, при этом гораздо хуже, чем работавших людей. Затем, надо восстановить потерпевшую крах систему оказания помощи в работных домах, и ввести там жесткую дисциплину¹. Позднее взгляды радикалов развивались в соответствии с принципами экономической свободы. В статье 1845 г. «Требования труда» Дж.С.Милль доказывал, что сам человек должен позаботиться о себе. Он был против того, чтобы богатые, состоятельные аристократы и фабриканты помогали беднякам и создавали им особые условия жизни и труда. Патерналистская

¹ Bentham J. The works of Jeremy Bentham. L., 1843, v.1. P. 314-316, 543-544. V. IV. P. 37-248; v. VIII. P. 358-461.

забота рождает патерналистское руководство и гасит инициативу и предприимчивость, утверждал Милль. И делал вывод: богатые должны научить бедных заботиться о себе и не рассчитывать на постороннюю помощь¹. Взгляды Бентама, а впоследствии и Милля определили позицию радикалов при обсуждении данного вопроса в обществе и парламенте.

Положение с оказанием помощи усугубили экономический кризис и депрессия. От фермеров в парламент поступали петиции с жалобами на тяжелые условия жизни, связанные с неурожаем. В обращениях отмечалось ухудшение положения деревенской бедноты и увеличение объема оказываемой ей помощи. Фермеры требовали от парламента и правительства срочных мер². Газеты называли налог на бедняков одной из главных причин «бедствий страны»³.

В 1832 г. парламент назначил специальную комиссию для исследования проблемы и подготовки предложений по законопроекту. В ее состав вошли тори, виги и один радикал. Им был секретарь комиссии Эдвин Чедвик. Он был сторонником идей Мальтуса и преданным поклонником учения Бентама. Во время работы в комиссии Чедвик опубликовал ряд статей, в которых высказал новые идеи о применении знаний в управлении государством. Резко критиковал коррумпированность и неспособность правительства решать острые проблемы. Обращал внимание и на отсутствие контроля над исполнением законов. Благодаря энергии, уму и разносторонним знаниям Чедвик быстро выдвинулся и стал членом комиссии, а впоследствии одним из основных авторов доклада⁴.

В начале зимы 1834 г. кабинет ежедневно собирался на совещания, которые длились от 4 до 5 часов. Появились слухи об отставке правительства в связи с тем, что оно не реагировало на

¹ Mill J.S. The Claims of Labour. / Mill J.S. Collected works. V. IV. P. 364, 372-373, 375, 376.

² Annual register. L., 1834. P. 222; Popular movements 1830-1850. L., 1970. P. 78.

³ См. обзор британской прессы: Северная пчела. 1832, 17 сентября.

⁴ Подробнее о нем см.: Brundage A. England's "Prussian minister": Edwin Chadwick and the politics of government growth. L., 1988; Mill J.S. Collected works. V. 12. P. 156, 164; Mackey T.A. History of the English Poor Law. L., 1899. v. III. P. 44-45.

требования проведения дальнейших реформ¹. На участвовавших митингах принимались петиции с требованием отменить налоги на дома и окна. В феврале комиссия по исследованию положения бедняков опубликовала отчет. В нем констатировалось следующее. Собираемые налоги на бедных возрастают, однако зачастую расходуются не по назначению. Тем самым оказывается разрушительное действие на нравственность самих бедняков и на народное благосостояние. Комиссия рекомендовала: ограничить помощь стенами работных домов. Учредить Центральный департамент для контроля за администрацией работных домов, определением условий и размера пособий. Иными словами предлагалось ввести единую систему оказания помощи по всей стране. Крупным приходам самостоятельно, а мелким — объединиться и приступить к строительству таких учреждений. Отменить помощь незаконнорожденным детям². Таким образом, рекомендации комиссии предполагали слом вековых традиций вспомоществования, разрушение социальных связей и перевод их в иную плоскость.

Правительство, а вслед за ним и палата общин согласились с доводами и предложениями комиссии³. Однако реакция общества не была столь единодушной. Газета «Таймс» превратилась в непримиримого противника проекта. Она выступила против билля, как меры незаконной в отношении бедняков⁴. С этого времени начался постепенный переход издания в лагерь находившихся в оппозиции консерваторов, что было весьма ощутимым ударом по престижу правительства. Редактор газеты в одном из писем к вигу лорду Брогему, его единомышленнику в этом вопросе, определил суть своей позиции. Он принципиально возражал против одного, но самого важного пункта законопроекта — ограничение помощи исключительно стенами работного дома. Осуществление закона на практике, по его мнению, создавало «систему чрезвычайно дорогую. Вместе с тем она будет унижать честь паупера и разрушит положение отцов семейств,

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1834, 11 января, 3, 4 февраля.

² English Historical Documents. P. 697-707. См. также: Webb S. and B. English local government: English poor law history. L., — N.-Y., 1927, v.2.

³ Подробнее об этом см.: PD, 1834, v. 22. P. 876-881, 885-893, etc.

⁴ The Times, 1834, April, 19.

лишаемых веры в возможность встать на ноги»¹. На протяжении всего времени обсуждения законопроекта «Таймс» публиковала критические материалы и сообщения о проходивших по стране митингах протеста².

С лета 1834 г. четче проявилось относительно новое явление, углубившее значение прессы для жизни общества. Все более начинает ощущаться «обратная связь» с читателями. Вместо кратких реплик об опечатках или неточностях на страницах «Таймса» все чаще появляются письма читателей разнообразного содержания. Их главной темой становится обсуждение нового законопроекта³. Такие публикации продолжались и во время осуществления нового закона на практике. Газета превращалась в своеобразную трибуну для читателей, стремившихся высказаться по общественно значимому вопросу.

Обсуждался закон в бесчисленных памфлетах, других газетах и журналах. Проблеме нищеты много внимания с этого времени уделял и орган консерваторов «Квотерли Ревью».

Законопроект, который имел огромное значение для дальнейшего развития английского общества, довольно легко и быстро обсудил и принял парламент. 14 августа король утвердил новый Закон о бедняках. В 1838 г. его действие распространилось на Ирландию, в 1845 – на Шотландию. Закон, который на словах был призван защитить интересы неимущих, в реальности проводился в интересах имущих слоев населения. Главным его результатом стало создание резервной армии труда для развивавшейся промышленности страны. Значительного снижения расходов на содержание бедняков не произошло. Между тем, введение новой системы встретило жесткую оппозицию, вызвало протесты, потоки жалоб, недовольство и возмущение⁴. Уже в 1835 г. в парламент начали поступать первые жалобы на варварское и жестокое обращение со стороны исполнителей закона, в петициях приводились факты издевательства над детьми. Особое негодование вызвало разделение семей⁵. Возрастало и количест-

¹ Цит. по: The History of "The Times". L., 1935, v.1. P. 295.

² The Times, 1834, June, 3, 6, 16, 17, 20, 23, 27, etc.

³ Ibid., June, 6, 9, 30.

⁴ Popular movements. P. 79-92.

⁵ PD, 1835, v.27. P. 357-359, 1025-1026, 1052-1054; v.29. P.426; v.30. P.1401, etc.

во обращений с требованиями отменить закон. Резко увеличивалась численность бедняков, стремившихся избежать работных домов и отправлявшихся в эмиграцию¹.

Помимо всего прочего новый Закон лишил поддержки и незамужних женщин, у которых были незаконнорожденные дети. Осудив «бесчестных женщин», «преследовавших мужчин», комиссия и парламент выдвинули на первый план мораль, законный брак, семью, как основу общества. Ответственность и материальные тяготы ложились отныне на женщину, родившую ребенка вне брака. «Разделы, касавшиеся бастардов, были самыми непопулярными в непопулярном Законе о бедных» – констатировал один из исследователей этой проблемы². Именно эти разделы спровоцировали движение протеста самих женщин. В 1844 г. оно добилось успеха, когда парламент принял так называемый «Малый Закон о бедных». Он несколько облегчал положение матери. Они стали получать пособие для оплаты услуг акушерки и еженедельно 2 шиллинга и 6 пенсов до достижения ребенком 13 лет. К концу сороковых годов правящие круги осознали необходимость смягчения и всего законодательства.

Таким образом, Закон о бедных сыграл большую роль в становлении институтов гражданского общества. С одной стороны это сказалось в дальнейшем углублении формирования правового государства. Согласно новому законодательству был образован правительственный орган, надзиравший за исполнением закона. К работе в государственном аппарате привлекались чиновники, выбор на которых падал не только по протекции, но и по деловым качествам. Крупные приходы и союзы мелких приходов превращались в действенный орган местного самоуправления в графствах. Впоследствии они осуществляли общественные работы, строительство дорог, школ и больниц. С другой стороны – само принятие Закона знаменовало собой отказ от системы патернализма, разрушение вертикальных социальных связей и замену их горизонтальными связями в структуре общества. Отказ от разветвленной системы вспомоществования спо-

¹ Ерофеев Н.А. Народная эмиграция. С. 162.

² Henriques U.R.Q. Bastardy and the New Poor Law. / Past and Present, 1967, № 37. P. 129.

собствовал ускорению формирования резервной армии труда для развивавшейся в эти годы промышленности.

Вместе с тем, внедрение новой системы оказания помощи явилось свидетельством того, что в реформировании институтов старого порядка власти руководствовались, прежде всего, интересами собственника, на которого возлагалась обязанность содержать неимущих. Однако, реального снижения налогового бремени не последовало. Скорее речь должна идти об изолировании недовольных элементов общества в рабочих домах.

Реформа городского самоуправления

По характеру и формам городское самоуправление в первой трети XIX в. оставалось средневековым. В стране существовало 250 «местечек», управление которыми базировалось на хартиях, полученных от короны или местного лорда. Управление ими, как правило, находилось в руках ремесленных корпораций, при этом выросшие за последнее столетие торгово-промышленные центры не имели даже корпоративного статуса. Такое положение не могло уже удовлетворять ни горожан, ни правительство. 7 февраля 1833 г. в пореформенный парламент поступила первая петиция с просьбой принять закон, который бы предоставил жителям крупных городов право избирать свой магистрат и городских чиновников¹. За ней последовали и другие обращения. Парламент, по традиции, назначил комиссию для рассмотрения состояния муниципального управления. Комиссии пришлось начинать с нуля, так как не было списков муниципальных городов. Ее доклад был опубликован в апреле 1835 г. Главный дефект существовавшей системы члены комиссии увидели в том, что «корпоративный орган существовал независимо от того общества, в котором он был создан», что вело к коррупции и злоупотреблениям². Комиссия выявила наличие острого и постоянного недовольства муниципальными институтами. Оно было связано с тем, что они не подпадали под общественный контроль, а их деятельность проходила в рамках секретности. В силу этого вызывало нарекания местное налогообложение, по-

¹ PD, 1833, v.15. P. 309.

² EHD, v. XII (1). P. 621-622.

ступления от которого шли не на общее благо, а на пользу отдельным членам корпораций и т.д. Вывод доклада заключался в констатации необходимости реформирования системы с тем, чтобы городское управление стало «полезным и эффективным инструментом»¹.

К 1835 г. в обществе усилилось ожидание перемен. Радикалы рассматривали предстоящие преобразования как необходимое продолжение парламентской реформы. За работой комиссии следили жители городов, которые с одобрением встретили ее предложения. В парламент поступило немало петиций в пользу ее проведения. Всего их подписало 260129 человек. Вместе с тем поступали и обращения противников таких мер, однако их было в 10 раз меньше². Это были представители корпораций и консерваторы. Последние рассматривали возможные изменения, как покушение на древние права и ущемление прав короны. Это утверждение основывалось на том, что парламентским актом предполагалось отменить данные короной хартии. Кроме того, предполагавшиеся изменения могли ослабить позиции консерваторов в провинции. Консервативная пресса возмущалась отсутствием противодействия акту кабинета, апатией общества, бурно не протестовавшего против такого посягательства на традиции и права народа³. Однако общество не было безразличным. Задержка принятия законопроекта в связи с позицией верхней палаты вызвала недовольство, что говорило о пристальном внимании со стороны горожан к работе законодательного органа. В городах проходили митинги, под обращениями в парламент подписывалось по 10-15 тысяч человек. В петициях выражалось одобрение закону и требования принять его без дальнейших проволочек⁴.

Именно давление со стороны общества, настрой петиционеров вынудили обе палаты искать компромиссный вариант закона, идти на уступки той и другой стороне. Таким образом, общественное мнение закрепляло ростки толерантности во властных структурах.

¹ Ibid P. 627-628.

² Maccoby S. English Radicalism 1832-1852. P. 133.

³ См., например: The Quarterly Review, 1835, № CVII. P. 23; 1836. № CXIII. P.230; The Morning Post, 1835, September, 7.

⁴ PD, 1835, v.30. P.1085-87, 1132-33, 1264-66, 1398-99, etc.

В результате по новому законодательству было создано 179 (вместо 250) новых муниципальных городов, которые управлялись избранным городским советом. Все налогоплательщики города, проживавшие в нем не менее 3 лет, получали право участвовать в выборах городских советников. Члены совета из своей среды избирали мэра и секретаря, городского казначея и чиновников. Муниципалитеты следили за соблюдением законов, сбором налогов. В их ведении были также полицейская служба и санитарное состояние населенного пункта. При этом некоторые крупные торгово-промышленные центры не были включены в число новых городов. Бирмингем и Манчестер получили новый статус только в 1838 г.

Муниципальная реформа 1835 г. явилась логическим продолжением парламентской реформы и отправной точкой для создания современной британской системы городского самоуправления. Она существенно расширила политические права граждан, и, прежде всего среднего класса, который получил возможность реально влиять на городские дела. Акт об общественном здоровье 1848 г. способствовал тому, что городские органы власти стали больше внимания уделять санитарному состоянию. А это, в свою очередь, способствовало, улучшению здоровья нации.

Законы о гражданской регистрации.

В силу государственного положения Англиканской церкви признавались лишь акты, освященные ею. В 1754 г. было сделано исключение для евреев и квакеров. В 1824 г. оно распространилось на унитариев. После 1832 г. Англиканская церковь уже не могла рассчитывать ни на привилегии, ни на серьезную финансовую поддержку государства. Это знаменовало начало изменений в отношениях государства и церкви. Борьба за парламентскую реформу дала толчок альянсу политического радикализма и религиозного диссентерства. Звучали требования отмены десятины, церковного налога, монополии на регистрацию свадеб и похорон, высказывалось мнение о необходимости перенесения принципа невмешательства государства и в религиозную сферу¹. Диссентеры, политические и гражданские права ко-

¹ Gash N. Reaction and reconstruction .. P.89; Gash N. Sir Robert Peel. P. 48; etc.

торых расширились в результате отмены тест-актов и парламентской реформы, были недовольны сохранявшимися религиозными притеснениями. Они неоднократно направляли депутации в Лондон. В мае 1833 г. Объединенный комитет диссентеров принял резолюцию. В ней перечислялись самые тяжелые для них «обиды». Среди них наиболее невыносимыми были: проведение брачной церемонии и погребения по англиканскому обряду, отсутствие гражданской регистрации рождения и смерти, выплата налогов в пользу Англиканской церкви и наличие религиозного ценза для поступления в университеты Оксфорда и Кембриджа¹.

Выступления диссентеров вызвали ответную реакцию их противников, которая вылилась в кампанию защиты Англиканской церкви. Однако, как отмечал Ч.Гревилль, «ни Король, ни Церковь, ни Аристократия не желают ни этой, ни каких-либо других реформ и соглашаются на них только по необходимости. ... такова сила и мощь общественного мнения, перед которым правительство не может устоять»². Действительно, кабинету пришлось идти на уступки. Прохождение законопроекта в парламенте осложнила внутривластная борьба, перестановки в правительстве. Единый проект был разбит на отдельные акты и, несмотря на ожесточенное сопротивление духовенства, в 1836 г. палаты их приняли, а затем король утвердил. Таким образом, парламент принял важнейшее решение как отвечающее интересам диссентеров, так и всей нации. Новые законы ввели систему персональной документации и регистрации. Тем самым устанавливалась связь индивидуума с административной машиной. Государство и гражданин неизбежно связывались повседневными контактами³, что способствовало упрочению государственных институтов. Закон внес изменения в статистическую информацию о демографическом состоянии страны. В 1840 г. создан Центральный орган, который суммировал поступающие данные из регионов и представлял ежегодные доклады. Необходимо также подчеркнуть, что своей сутью закон отвечал либеральным

¹ Machin G.I.T. *Politics and the churches in Great Britain 1832 to 1868*. Oxford, 1977. P. 39-44.

² Greville Ch. *Op. cit.* v.III. P. 214.

³ Hobsbaum E. *Nation and Nationalism since 1780*. Cambridge, 1990. P. 81.

принципам свободы договоров. В 1857 г. принято дополнение к закону, по которому вводилось разрешение расторгать брак, как всякий другой договор, путем развода. Таким образом, комплекс законов о регистрации брака, рождения и смерти явился важным этапом на пути формирования правовой основы гражданских отношений в Великобритании. Ликвидация части сохранявшихся ограничений прав неангликан явилась важным этапом в дальнейшем сокращении влияния Англиканской церкви, как института государственной власти.

Борьба за снижение налога на прессу.

Престиж лондонских и провинциальных газет значительно вырос за время борьбы за парламентскую реформу. А это способствовало превращению прессы в важный фактор общественно-политической жизни страны. Название прессы — «четвертая власть» — теряло первоначальный ироничный смысл. Роль прессы в обществе все больше осознавали и признавали политики. Так, например, лорд Мельбурн в частном письме подчеркивал: он далек от того, чтобы преувеличивать влияние прессы, но то внимание, с которым просматривается каждая газета, усиливает его в 10 раз¹. Летом 1833 г., когда в парламенте решались вопросы рабства, хартий Компании и Английского банка, фабричного закона, лорд Холланд записал в дневнике: «Все зависит от общин, прессы и общества. Если они поддержат кабинет, то наше положение улучшится»². Как видно из этого небольшого отрывка, пресса по влиянию не случайно поставлена им на второе место после палаты общин. Опасаясь усиления враждебного отношения, правительству приходилось терпеть негативные статьи даже в тех газетах, которые казначейство поддерживало финансовыми средствами³. И, наконец, еще один факт. Герцог Веллингтон довольно быстро осознал свою ошибку в 1830 г. Она состояла, по его мнению, в том, что он не обращал внимания на наскоки радикальной прессы в начальный период борьбы за парламентскую реформу. Насколько грозным оружием она стала,

¹ Aspinall A. Politics and the press. P. 369.

² The Holland House diaries. P. 214.

³ Aspinall A. Op.cit. P. 371-372.

герцог понял только после отставки и решил использовать ее уже в целях защиты идеалов торизма. Веллингтон разработал план покупки прогоревших, обанкротившихся изданий, к осуществлению которого и приступил совместно со своими сторонниками¹.

Несмотря на введение запретов и повышение налогов на прессу в 1819 г., в обход закона вскоре появились дешевые «нелегальные» газеты (т.е. газеты, неподконтрольные налоговому ведомству), среди них можно назвать наиболее популярную «Пуэ менс Гардиэн». Ее тираж был достаточно высок для такого рода изданий, в неделю продавалось до 16 тыс. экземпляров². Таким образом, репрессивное законодательство не имело полного успеха в отношении прессы. Респектабельные газеты в связи с высоким налогом, а, следовательно, и высокой ценой были не по карману простому читателю, который предпочитал дешевые нелегальные издания.

Кампанию за пересмотр налога открыл публичный митинг 18 июля 1835 г. На нем присутствовали видные политики либерально-радикального толка. Петиция, принятая на митинге, содержала требование полной отмены гербового сбора. Движение не приняло большого размаха: оно не было ни многочисленным, ни продолжительным, хотя протекало в ставших уже традиционными рамках. В 1835 г. создано Общество содействия отмене налогов на прессу, вскоре часть его членов (главным образом ремесленники) выделились и создали свою Ассоциацию. Ею руководил будущий чартистский деятель Г.Ловетт. В прокламации, извещавшей об учреждении нового сообщества, говорилось: добившись дешевой и честной прессы, рабочие надеются осуществить расширение знаний, улучшения морали, участия в формировании общественного мнения и всеобщего благополучия³. Общество и Ассоциация Ловетта приступили к активной пропаганде, организации митингов и петиционных кампаний. В 1835 г. в парламент поступили петиции от рабочих, главным образом связанных с типографским делом. В обращениях они требовали отменить штемпельный сбор, который они называли на-

¹ Longford E. Wellington. P.262-263.

² Royal E. Chartism. L., 1980. P. 13.

³ London radicalism. P. 153.

логом на знания¹. Всего было собрано около 58 тыс. подписей². В 1836 г. наиболее активную позицию заняли и здатели влиятельных лондонских газет. Их заинтересованность в принятии позитивного решения и отсутствие противостояния каких-либо из групп сыграли свою роль и определили скорость прохождения акта в парламенте. Летом 1836 г. штемпельный сбор на газеты был снижен до 1 пенса. Более того, правительство снизило также и налоги на бумагу. А в 1855 г. налог на газеты вообще отменили.

В данном случае ярко проявилась характерная черта политики британских правящих кругов. Если первой реакцией на негодное общественное явление становились запреты и преследования, то только бесплодность такой политики вынуждала их впоследствии идти на отдельные, частичные уступки. Так, целью «6 Актов» 1819 г. являлось подавление демократической прессы и ужесточение налогообложения печатной продукции с тем, чтобы исключить существование дешевой прессы для бедняков. На протяжении двадцатых годов за выпуск и распространение нелегальных газет предусматривались конфискация тиража и тюремное заключение издателя. Когда обнаружилось, что эти меры не достигают желаемого результата, правительство пошло на снижение, а затем и отмену самого налога.

Как писала «Таймс» в июле 1836 г., закон касался как британской прессы, так, опосредовано, и всего общества³. Вскоре плоды нововведения подтвердили утверждение газеты. Снижение налога в 1836 г., с одной стороны, уравнивало позиции солидных и мелких изданий с точки зрения их цены. С другой — способствовало увеличению числа газет в стране, дальнейшему росту их тиражей. Уже в 1836 г. только за пределами Лондона издавалось 175 ежедневных газет, 60 — еженедельных с тиражом от 1000 экземпляров и более. Общий тираж либеральных изданий достигал 72 тыс. экземпляров, а консервативных — 31 тысячи⁴. А то, что большинство городов имело, по крайней мере, одно либеральное и одно консервативное издание, свидетельство-

¹ PD, 1835, v.27. P. 1196; v. 28. P. 784-785; v. 29. P. 441, 951-952, etc.

² Maccoby S. English radicalism. P. 133.

³ The Times, 1836, July 13.

⁴ Stewart J. The foundation. P. 147.

вало о дальнейшем углублении процесса политизации прессы и ее использования политиками в своих целях. Снижение налога способствовало дальнейшему развитию журналистского дела и появлению собственных информаторов и корреспондентов по стране и за границей. Еще в 1834 г. «Таймс» заявляла, что она мало нуждается в информации правительственных учреждений. Это было связано с получением гораздо раньше собственной более достоверной информации¹. Отклики читателей превратились в одну из постоянных рубрик. Новым явлением стало обращение в парламентские комитеты через прессу². А это, в свою очередь, способствовало дальнейшему росту ее влияния, и как выразителя общественного мнения, и как канала влияния политиков на него, либо — наоборот.

Итак, тридцатые годы ознаменовались новым уровнем взаимоотношений власти и общества, результатом и показателем этого уровня стало реформирование институтов «старого порядка». За парламентской реформой последовали важные акты, оказавшие влияние на дальнейшее социально-политическое развитие общества. Реформа муниципального управления ликвидировала старые корпоративные принципы представительства на местном уровне. Городской средний класс получил избирательные права и право самоуправления. Новый Закон о бедных, ликвидировав патерналистскую систему вспомоществования, создал резервную армию труда для промышленности и условия для развития иного рода социальных связей. Вслед за отменой тест-актов введение гражданской регистрации явилось дальнейшим продвижением от политических и гражданских притеснений к реальному равенству граждан, независимо от вероисповедания. Реформирование феодальных институтов сопровождалось рождением новых функций государственной власти, созданием новых государственных органов. Подбор и назначение чиновников для них определялись не только протекцией и родственными связями, впервые стали приниматься во внимание и личные, деловые качества кандидата. Все это свидетельствовало о постепенном преобразовании социальной и политической структуры

¹ Aspinall A. Op. cit. P. 380.

² Одно из первых таких обращений было помещено в «Таймсе». / The Times, 1836, July 21.

общества, замене ряда институтов «старого порядка» новыми институтами, буржуазными по своему характеру. Вместе с тем это свидетельствовало об изменении роли государства, частично взявшего на себя выполнение функций контроля и регулирования социальных отношений.

Взросшую роль прессы в общественно-политической жизни страны стали признавать и ведущие политики либерального и консервативного лагерей. Совпадение интересов общества и издателей привело к снижению налога на газеты, журналы и памфлеты, что, в свою очередь, способствовало расширению издательской деятельности увеличению числа и тиража газет.

Реформирование проходило под сильным давлением на парламент и правительство. Оно осуществлялось в форме митингов, петиций, обращений, публикациях в прессе, участии в работе парламентских комитетов. Реакция на проходившие в парламенте дебаты свидетельствует о том внимании, с которым британцы следили за работой депутатов. При этом можно выделить несколько срезов такого интереса и, соответственно, — реакции. Аристократические лондонские круги по-прежнему в большей мере следили за политической борьбой тори и вигов, за выступлениями депутатов, отмечая их ораторское искусство. Они непосредственным образом участвовали в политической «кухне», политическом процессе через общение в салонах и клубах, обширную переписку с родственниками и друзьями. Именно аристократы возглавляли комитеты и комиссии, оказывая влияние на выработку правительственного курса. Аристократия шла на уступки в тех случаях, когда преобразования были остро необходимы, а давление со стороны общества возрастало.

Представители интеллигенции, публицисты и чиновники скорее интересовались поведением отражавших их интересы радикалов; и обсуждали не только ход борьбы, но в большей мере, чем дворянство, и характер принимавшихся законов. Они не могли оказывать непосредственного влияния на решения правительства и парламента. Тем не менее, у них была возможность через публикации в прессе и памфлетах высказываться по волновавшим их проблемам, формируя тем самым определенный настрой общественного мнения.

Средние и мелкие торговцы, предприниматели, ремесленники, рабочие и фермеры следили за событиями по отчетам

прессы. Их реакция на происходившие события находила свое выражение в участии в митингах, подписании петиций, вовлечении в работу различных организаций. Таким образом, превалирующим явлением в общественной жизни становилась активная позиция граждан, которые своими совместными действиями добивались решения социально значимых проблем. Общества и социальные движения выполняли важную функцию, объединяя в национальном масштабе и направляя эту деятельность, борьбу за осуществление требований. Помимо этого, подавляющее число тех, кто имел право голоса, стремились избирать таких депутатов, которые обещали отстаивать в парламенте реформы.

Петиции и социальные движения играли важную роль в определении «болевых точек» британского законодательства, привлекали к ним внимание властных кругов, вынуждали уступать и проводить реформы. Это давление не было равнозначным в каждом отдельном случае. Однако оно показывает, что различные слои и классы общества обращались с требованиями проведения реформ, либо отказа от них в законодательный орган, используя демократические институты, свои гражданские права. Вместе с тем, в ходе движений свобода слова, собраний, обращений в парламент и королю со своими требованиями, механизм их осуществления укреплялись в повседневной жизни британцев и получали дальнейшее развитие.

Глава 8. Укрепление традиционных и становление новых форм и методов в стратегии и тактике общественных движений и политических партий.

*Проблема объединения политических сил в парламенте.
Первый кабинет Р.Пилля.*

В 1830-х гг. происходило дальнейшее упрочение традиционных и формирование новых методов и организационных форм общественных движений. Глубокие преобразования в социальной сфере первой половины тридцатых годов оказали влияние на расстановку сил в институтах власти, дальнейшем изменении политической сферы, что выразилось в партийном строительстве. Существенные изменения произошли в пореформенный период и в парламентских партиях тори и вигов, которые все чаще назывались консерваторами и либералами.

Термин «консерватизм» пришел с континента и употреблялся в парламентской практике с окончания наполеоновских войн. В прессе впервые он появился для обозначения тори, как партии, в номере «Квотерли Ревью» в январе 1830 г., а еще через год-два стал общераспространенным, хотя не все тори согласились с новым названием¹. В эти же годы распространяется и термин «либералы» для обозначения партии вигов. Поражение консерваторов на выборах 1832 г. после почти 70-летнего пребывания у власти объяснялось той позицией, которую они заняли по отношению к парламентской реформе, и в связи с этим рассматривались многими как реакционеры. Современникам казалось, что консерваторы, по крайней мере, на протяжении жизни одного поколения будут вычеркнуты из политической жизни. Радикалы полагали, что отныне борьба будет проходить между ними и вигами². Джон Стюарт Милль неоднократно высказывал

¹ Stewart R. The foundation of the conservative party 1830-1867. L., N.-Y., 1978. P. 6.

² The conservatives: A history from their origins to 1965. L., 1977. P. 56.

мысль, что консерваторы уничтожены¹. В связи с тем, что в новом парламенте они находились в меньшинстве, в обществе возникало ощущение их беспомощности, которую усиливала разобщенность тори². Те же чувства испытывали и сами консерваторы. Так, маркиз Лондондерри в письме герцогу Веллингтону констатировал: «Удача отвернулась от нас во всех частях страны. Что же теперь с нами, как с партией, произойдет?»³.

В разрозненном лагере консерваторов выделялись три основные группировки, которых объединяли взгляды по главным вопросам: сохранение незыблемости священных институтов; в число которых входили прерогативы короны, статус палаты лордов и Англиканской церкви, колониальная империя и Уния с Ирландией. Разделяло их отношение к реформам. В группу «ультра» входили те, кто выступал за сохранение всех устоев. Они были противниками любых изменений. При этом ультра не только боролись против реформ, но и яростно выступали за отмену законов, не смирившись с фактом их вступления в силу. Вторая группа — «сердитые», также выступала против любых реформ, но утвержденные парламентом и королем законы принимала и подчинялась им. После вступления законопроекта в силу они уже не высказывались против него. Третья группа, впоследствии получившая название «пилиты», представляла собой единомышленников Р.Пилля. Это были те, кто разделял его отношение к преобразованиям. Р.Пиль полагал, что остро необходимые реформы следует проводить. Главным, по его мнению, было то, чтобы ими руководили осторожные консерваторы, а не радикалы, проповедовавшие необходимость кардинальных перемен во всех областях жизни общества.

Для потерпевших поражение консерваторов наиболее важным стал вопрос объединения и лидерства. Уже в феврале 1833 г. велись переговоры по этой проблеме, но они оказались бесплодными⁴. Некоторая консолидация наметилась в 1834 г., когда в качестве возможной платформы на первый план вышло отношение к Англиканской церкви. Однако и на этот раз кон-

¹ Mill J.S. The letters of John Stuart Mill. L., 1910, v.1. P.23, 31.

² Greville Ch. Op. cit. v.2. P. 361.

³ The Marquiss of Londonderry to Wellington, 1 January 1833. / Wellington A.W. Wellington political correspondence. L., 1975. P. 9.

⁴ Gash N. Sir Robert Peel. P. 59-60.

сенсус по вопросу о лидере не был достигнут¹. Таким образом проблема лидерства выходила на первый план и стояла наиболее остро. Фигура, возглавившая консерваторов, определила бы и характер объединения, и его платформу. Наиболее активно на главенство в консервативном лагере претендовала группа ультратори — Р.Вивиан, Э.Нэтчбул и Р.Инглис. Но у них отсутствовала широкая поддержка в нижней палате.

Бесспорным лидером консерваторов в палате лордов был герцог Веллингтон. В нем соединились те черты, которые составляли фундамент позиции партии — патриотизм, уважение к традициям, желание сохранить в неприкосновенности государственные институты. Однако он не мог претендовать на роль лидера всех консерваторов. Его жесткая позиция по вопросу о парламентской реформе вызывала негативное отношение более либерально настроенной части партии. Вместе с тем правое крыло не могло простить ему Акт об эмансипации католиков. Потерпев поражение как политик, он все-таки оставался столпом партии². И, если Веллингтон выступал против реформы, как меры, которая пошатнет существовавшее соотношение властей, и сохранил свою позицию после 1832 г., то Р.Пиль парламентскую реформу принял как свершившийся факт. Исходя из этого, он строил свою линию поведения. Она и была направлена, прежде всего, на объединение консервативных сил против радикальных требований дальнейших преобразований. В начале января 1833 г. накануне открытия сессии парламента, главной целью «той партии, которая называется Консервативной» он считал «сопротивление Радикализму, предотвращение дальнейшего распространения демократического влияния. Такие попытки будут предприниматься (возможно, и с успехом), как естественное продолжение тех достижений, которые уже имеются»³. Эту мысль он высказал в письме к одному из своих ближайших друзей и просил обсудить ее с консерваторами-членами парламента.

В своем кружке Пиль обладал непререкаемым авторитетом. Острый ум, тактичность, блестящие ораторские способно-

¹ Ibid. P.70.

² The Conservative leadership 1832-1932. Ed. by D.Southgate. L., 1974. P. 39.

³ Peel R. Sir Robert Peel from his private papers. L., 1899, v.2. P. 212.

сти¹ выделяли его как политического деятеля и способствовали карьере на государственном поприще. Сын крупного текстильного фабриканта, он стал членом парламента в 22 года и вскоре занимал посты статс-секретаря по делам колоний, статс-секретаря по ирландским делам, министра внутренних дел в кабинете лорда Ливерпуля, а позднее в правительстве герцога Веллингтона. В двадцатые годы он входил в число политиков, которые провели ряд важных реформ, и был известен как автор реформы полицейской службы в столице². Консерватизм Пия — это «разумный» консерватизм, заключавшийся в том, чтобы, по словам одного из исследователей, «привести идеи консерватизма в соответствие с новым миром индустриализации и урбанизации; в попытке сохранить власть и привилегии земельного интереса и то, что еще можно было сохранить в структуре старого строя»³. Находясь в оппозиции правительству, он, практически, поддержал политику вигов. Одновременно жестко выступал против требований радикалов. Свою платформу Пиль озвучил в первой речи в пореформенном парламенте при обсуждении ответа на послание Вильгельма IV. Дебаты по этому вопросу вылились в длительные споры, заняв 5 дней. Пиль, с одной стороны, обещал поддержку тем мерам, которые будут направлены на укрепление основ общества — законность, порядок, сохранение конституции и собственности. С другой — он признал акт о реформе и выразил готовность продолжать дело «рационального» реформирования при условии постепенности и продуманности преобразований⁴. Исследователи сходятся во мнении, что это была речь не просто лидера небольшой группы друзей и сторонников, но человека, вокруг которого могла бы сплотиться вся партия. Выступление было восторженно встречено консервативными кругами за исключением ультра⁵ и одобрительно частью вигов и радикалов. Так, известный радикальный политик Пулет-

¹ Консервативный журнал с полным правом называл его «самым эффективным оратором» наших дней. / *The Quarterly Review*, 1838, № 71. P. 127.

² Роль Роберта Пия в создании полицейской службы закрепила в исторической памяти британцев, и сегодня порой полицейских называют «бобби».

³ O'Gorman F. *British conservatism*. P. 26

⁴ *PD*, 1833, v.15. P. 366-386.

⁵ Peel R. *Op.cit.*, v.2. P. 215; Clark G.K. *Peel ...* P. 209.

Томсон в беседе с Ч.Гревиллом говорил: «Удивительное превосходство Пия над другими членами палаты совершенно очевидно; талант ведения дискуссии и знание парламентской тактики поведения, отточенные за двадцать лет парламентской жизни, позволяют ему привлечь на свою сторону симпатии, ... и опрокинуть ультра-тори ...»¹. В 1830-х годах в речах и выступлениях Р.Пия мысль о противостоянии радикалам высказывалась постоянно, оттачивались аргументы в пользу сохранения «священных» институтов. Консерватизм Р.Пия заключался в отношении к политике, вопросам законности и стабильности, но не к новой тактике в партийной борьбе. По этим проблемам он далеко дистанцировался от ультра².

Однако лидером консерваторов Пиль стал благодаря вмешательству Вильгельма IV в политическую жизнь страны. Воспользовавшись чисто процедурной отставкой кабинета, монарх неожиданно для вигов и их главы лорда Мельбурна принял ее и передал власть в руки консерваторов. После совещаний с герцогом Веллингтоном Вильгельм IV по его совету назначил Р.Пия главой правительства. Общество отреагировало на эти перестановки, практически, мгновенно. Буквально через неделю после произошедших событий в Лондоне появились памфлеты, где анализировались возможные причины, побудившие монарха поступить подобным образом³. На протяжении ноября и декабря смена правительства и возможный состав будущего кабинета занимал всю британскую прессу⁴.

Несмотря на непродолжительное функционирование первого кабинета Р.Пия (с декабря 1834 по апрель 1835 гг.), его существование стало важным этапом в истории английского парламентаризма, в политической истории страны и становления двухпартийной системы викторианского периода. Назначение премьер-министром политика, не опиравшегося на большинство своей партии в парламенте, показало, что монарх после парламентской реформы не имеет реальных рычагов влияния на ход политических дел, а правительство может функционировать,

¹ Greville Ch. Op. cit., v.2. P. 363.

² Peel R. Op. cit., v.2. P. 186-187, 212-213.

³ Санкт-Петербургские ведомости, 1834, 28 ноября.

⁴ Там же. 9, 11 декабря.

лишь опираясь на большинство своих сторонников в палате общин. И если впоследствии и случался приход к власти партии меньшинства, то он являлся результатом отставки правящей партии, терпевшей поражение в парламенте, и длился недолго до следующих выборов. Таким образом, тенденция утверждения основополагающего принципа парламентаризма – формирование правительства на основе партии, победившей на выборах, окончательно утвердилась в политической жизни Британии.

За то время, когда Пиль возглавлял кабинет, было принято лишь одно решение о создании Духовной комиссии только потому, что она назначалась королевским указом, не требовавшим утверждения палаты. По словам автора «Квотерли Ревью», правительство «потерпело поражение по каждому пункту, который оппоненты избирали для возражений ...»¹. Бесплодное существование кабинета явилось скорее поражением короля, пытавшегося навязать свою волю палате общин, нежели Р.Пили. Парадокс ситуации, как отмечают исследователи, заключался в том, что репутация кабинета консерваторов только выросла от поражений, а доверие консерваторам значительно увеличилось². Поведение Р.Пили во время конфликта с палатой – талантливые речи, прекрасная память, благородство и достоинство, с которым он себя держал – выделяло его как политика и вызывало сочувствие и уважение. Судя по консервативной прессе 1834-1835 гг. имя Пили все чаще упоминалось на различного рода собраниях, митингах и банкетах консерваторов в провинции, постепенно вытесняя имена его главных соперников. В сентябре 1835 г. «Морнинг Пост» писала, что Роберт Пиль является «беспорным лидером и благородным руководителем той великой партии в государстве, которая осталась верной Конституции Великой Британии»³. Ту же позицию заняла и «Таймс», называвшая его «главой Консервативной партии», газета подчеркивала его миролюбивую и доброжелательную позицию⁴. Таким образом, благодаря выбору Вильгельма IV, в силу назначения главой кабинета Р.Пили решил вопрос о лидере, при этом он становился ли-

¹ The Quarterly Review, 1835, № 57. P. 249.

² См., например, : Blake R. Op. cit. P. 43; Gash N. Sir Robert Peel. P. 121.

³ The Morning Post, 1835, 7 September.

⁴ The Times, 1835, 3,4 September.

дером не только партии консерваторов в парламенте, но и консервативных сил в стране¹.

Недолгое правление Р.Пиля придало силы консерваторам, их активизации по всей стране². Как на рубеже тридцатых годов повсеместно появлялись радикальные организации, распущенные после парламентской реформы, так в 1834-1835 гг. создаются объединения консерваторов, что свидетельствовало о воссоздании партии на новых принципах. И если консерваторы были не настолько сильны, чтобы возглавить правительство, то они уже реально пытались противостоять принятию негодных в их глазах решений.

Помимо рассмотренных выше последствий решения Вильгельма IV необходимо отметить еще два явления, имевших значение для становления партийной системы в стране.

Первым таким событием стало обращение Р.Пиля к своим избирателям, которое прозвучало, практически, как обращение ко всей нации. Если общество, по словам профессора Н.Гэша, отставку либерального кабинета встретило с «удивительным скептицизмом», то приход к власти Пиля был воспринят неоднозначно. Общество не забыло позицию тори по вопросу о парламентской реформе, и сам факт назначения Р.Пиля многие рассматривали как возвращение к власти реакционеров. В связи с этим сторонники Пиля полагали, что публичное выступление, где прозвучало бы его отношение к реформам, позволит получить поддержку значительной части общества. Первым эту идею высказал опытный газетчик, отошедший от дел владелец газеты «Таймс» Д.Вальтер. Незадолго до ноября 1834 г. Вальтер побывал в графстве Беркс. Во время поездки он составил довольно верное представление о настроениях, царивших в стране. Избиратели, по его словам, были против «возвращения тори в правительство». Вместе с тем, он отмечал: «В деревнях и сельских регионах, где мало интересуются политикой, а партийные пристрастия едва ли существуют, без сомнения, многое может быть сделано в смысле исправления неверных представлений. Ничто

¹ Точно таким же путем в свое время лорд Мельбурн стал главой вигов в парламенте, но не сумел стать лидером либерального лагеря.

² Р.Блейк подчеркивал, что весной 1835 г. партия консерваторов была гораздо сильнее, чем в ноябре 1834 г. / Blake R. Op. cit. P. 43.

не может принести наиболее желаемый результат, чем искреннее, открытое разъяснение своей позиции, некая общественная декларация, которая бы *предшествовала* роспуску парламента»¹. Р.Пиль оценил высказанную Вальтером мысль. Следует отметить, что и позднее он с готовностью принимал те советы, которые могли бы способствовать успешной деятельности консерваторов. О необходимости публикации обращения к избирателям Пиль говорил уже на первом заседании своего кабинета 18 декабря 1834 г. На данном этапе, заявил он, главная цель состоит в формулировке текста обращения к избирателям в связи с новыми выборами, вызванными сменой кабинета². Буквально на следующий день этот текст обсудило и одобрило правительство, что, отчасти, позволяет рассматривать его как коллективный документ. Затем обращение поступило в редакции ряда наиболее популярных газет («Таймс», «Геральд», «Морнинг Пост» и др.) и было напечатано ими.

Послание Р.Пиль к избирателям известно как Тамвортский манифест по имени округа, где он выставил свою кандидатуру. Это была своего рода декларация, в которой содержались общие положения и программа конкретных действий. В манифесте объявлялось, что правительство намерено продолжить начатые преобразования при соблюдении прав народа и власти. Р.Пиль писал: «... Билль о Реформе ... открыл новую эру, и долг Министра (т.е. главы кабинета — М.А.) со всей определенностью провозгласить: первое, что он будет поддерживать билль, и второе — действовать в том духе, в котором была проведена сама Реформа». Между тем, он подчеркивал, что деятельность намерен сочетать с «твердым сохранением установленных прав, исправлением совершенных злоупотреблений и возмещением причиненного зла». Среди мер, которые намеревался осуществить новый глава правительства перечислялись муниципальная реформа, освобождение всех классов от церковного налога, принятие нового закона о браке. Он обещал также рассмотреть требования диссентеров о предоставлении права обучаться в университетах и др. Несмотря на намеченные нововведения в области расши-

¹ J. Walter to James Scarlett, 8 December 1834. Цит. по: History of "The Times", v.1. P. 340-341.

² Gash N. Sir Robert Peel. P. 94.

рения прав сектантов и католиков и других неангликан, Пиль посчитал целесообразным еще раз подтвердить свое отношение к католической церкви¹.

По сути, глава правительства предложил альтернативу, как радикализму, так и ультра-торизму. Он сформулировал программу политики, допускавшую умеренные и постепенные преобразования. Это была реалистичная программа «рационального» консерватизма, опубликованная главой кабинета и, в определенной мере еще не общепризнанным, лидером партии, обращенная к народу. Такая апелляция главы кабинета к общественному мнению с программным документом стала первой в политической истории страны. К этому времени пресса превратилась в один из важнейших инструментов политической борьбы. Газеты, памфлеты, журналы, листовки активно использовались в баталиях противоборствующих сторон. Бывали также случаи, когда разные политические деятели использовали прессу для различного рода обращений к избирателям и до Тамвортского манифеста. Так, например, Т.Б.Макколей извещал своих избирателей, что их петиция передана по назначению, а также о снятии с себя полномочий члена парламента в связи с отъездом на службу в Индию². К общественному мнению обращались и кабинеты, издавая памфлеты с разъяснением своей политики. Однако глава правительства с программным политическим заявлением выступил впервые, что не осталось незамеченным. В аристократических салонах обсуждали прекрасный язык и стиль обращения³.

Виги и радикалы оценили значение этого пропагандистского приема. Уже в период проведения выборов виги обратились со своей прокламацией⁴. Она была написана ярким, доступным языком и рассчитана на сохранявшуюся веру в реформы. В ней говорилось: «Помните, что теперь вы сражаетесь за дело, ... за реальные последствия вашей реформы»⁵. Позднее

¹ Peel R. The Tamworth Manifesto. 1834. / EHD, v. XII (1). P. 127-130.

² Macauley T.B. The letters of Thomas Babington Macauley. Cambridge, 1976, v. III. P. 10, 18-19.

³ См., например, Greville Ch. Memoirs. V.III. P. 183.

⁴ Habermas J. Op.cit., P.67; Gladstone W.E. The Gladstone diaries. Oxford, 1968, v.2. P. 114; Parker C.S. Life and letters of sir James Graham. L., 1907, v.1. P. 221, 222; etc.

⁵ Цит. по: Habermas J. Op.cit., P.67.

подобного рода публикации в прессе стали обычной практикой политиков. Вместе с тем, радикалы резко критиковали само содержание манифеста¹. «Встречалась ли когда-либо подобная пустая болтовня», замечал Д..С. Милль. Он считал, что Пиль лишь позаимствовал идеи «бедных вигов», но не внес в них ничего нового². Тогда как еще в начале ноября он полагал, что, если тори и придут в министерство, то оно должно стать «даже более реформаторским, чем был бы кабинет вигов. В противном случае они будут сметены в первый же день сессии»³. Милль и другие радикалы всячески преуменьшали значение провозглашенных Пилем реформ, в то же время консервативная пресса в своих похвалах его преувеличивала. В обстановке нестабильности в обществе консервативные идеи были противопоставлены, по словам «Квотерли Ревью», «революционной реформе»⁴. Журнал полагал, что Пиль сумеет решить главную задачу дня, заключающуюся, по его мнению, в сохранении конституции, которая гарантирует спокойствие и порядок несмотря на то, что «все враги Трона и Церкви, протестантизма и колониальной системы, протекционистских пошлин, палаты лордов, Закона о реформе, Унии с Ирландией – и всех остальных наших институтов, ... будут добиваться разрушения целостного организма»⁵.

Выборы, проходившие в начале января 1835 г., отразили наметившиеся изменения в общественном настроении. Законы 1833-34 гг. вызвали недовольство части общества, а раздоры министров не способствовали укреплению авторитета власти. Еще летом 1834 г. «Таймс» предсказывала неизбежность наступления правительственного кризиса в связи с политикой, проводимой вигами. В газете подчеркивалось, что она принесла с собой «лишь тиранию новых Законов о бедных и возрастание налогов»⁶. Консервативная пресса предвещала неизбежность падения кабинета Мельбурна. В стране, констатировал «Квотерли Ре-

¹ Thomas W. The Philosophic radicals. Oxford, 1979. P. 274.

² Mill J.S. To John Pringle Nicol, 18 December 1834. / Collected works, v. 12. P. 245.

³ Mill J.S. Collected works, v. 12. P. 240.

⁴ The Quarterly Review, 1836, N 60. P. 556.

⁵ Ibid., v.55. P. 269, 274, 275.

⁶ The Times, 1834, 14 June.

вью», уже раздавались голоса, требовавшие перемен¹. Без сомнения, консерваторы преувеличивали силу и распространение общественного негодования, но при этом и сторонников возвращения к власти тори было мало. Тем не менее, правительство заметно теряло свой авторитет. Показателен случай, произошедший с одним из министров бывшего кабинета лорда Мельбурна Мэннерс Саттоном. Избиратели его округа заявили, что он с 1833 г. ничего не сделал для удовлетворения их требований, и не избрали его вновь².

Выборы 1835 г. были отмечены ощутимым ростом электората с 813 тыс. до 846 тыс. человек и показали увеличение числа сторонников консерваторов. Ими было избрано 273 депутата — тори. Рост числа консерваторов в палате общин явился следствием как обращения Р.Пиля, так и наступавшим разочарованием в политике вигов части аристократии и среднего класса³. Безусловно, в атмосфере обозначившегося недовольства, программа Р.Пиля не могла не вызвать симпатий у консервативно настроенной части населения, заинтересованной в сохранении стабильности в стране. Тамвортский реформизм, по словам Н.Гэша, внеся свежую струю, несколько «изменил баланс сил и вызвал возрастающее понимание в общественном мнении того, что под руководством Пиля Консервативная партия станет более восприимчивой к потребностям времени и обеспечит реальную реформу, которая при этом не будет таить в себе опасности самой сущности государственного устройства»⁴. Несомненно, изложенная Пилем программа умеренных преобразований, обещавших как безопасность, так и прогресс, привлекла современников политической новизной. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что глава кабинета лишь заявил о готовности провести ряд преобразований умеренного характера в то время, как их необходимость была очевидна в силу возрастания диссентерского движения, усиления требований радикалов проведения муниципальной реформы и т.д. Однако в обществе были свежи воспоминания о половинчатых реформах тори двадцатых годов, а доверие

¹ The Quarterly Review, 1835, N 55. P. 272, 274.

² The Holland House diaries. P. 279.

³ Arbutnot Ch. The Correspondence. P. 182; Stewart R. The Foundation. P. 95.

⁴ The Conservatives. P. 75-76.

вигам оставалось высоким. Большинство мест в палате общин осталось за либеральным крылом, которое получило 385 мест¹.

Когда виги вернулись к власти, кабинет провел Муниципальную реформу, законодательство о гражданском браке и другие акты. Но правительство Пияля, предлагавшего те же реформы до того, натолкнулось на резко негативную реакцию в стенах парламента. Виги, радикалы, ирландские депутаты и часть независимых членов палаты, забыв на время свои разногласия, объединились и выступили против кабинета консерваторов. И это объединение является вторым эпизодом, на который необходимо обратить более пристальное внимание.

Именно в период противостояния в нижней палате один из видных радикалов Д.Юм попытался создать партию из радикалов, вигов и ирландских депутатов. При этом он предложил избрать единого лидера². Партия им подразумевалась в традиционном понимании тех лет, как оформление единой оппозиционной группы, которая бы располагалась на одной скамье во время заседаний палаты. И как бы ни было велико расхождение во мнении всех группировок, у них появилась общая цель — сопротивление консервативному кабинету³. Это и стало платформой их объединения. Оппозиционеры постоянно собирались для обсуждения линии поведения, выработки единой тактики. Они действовали настолько успешно, что уже в начале марта 1835 г. Мальграф в доверительной беседе сообщал Ч.Гревиллу: оппозиция настолько сильна, что может разбить правительство по любому вопросу. Никому кроме вигов она не предоставит возможности вести дела на протяжении всей сессии⁴. Такая концентрация оппозиционных сил и привела их к победе.

Таким образом, идея объединения сил для отстаивания и проведения своей политики стояла на повестке дня не только перед консервативным лагерем, но была актуальна и для либерального крыла. Попытки вигов и радикалов найти компромисс и объединиться предпринимались и ранее (имеется в виду пери-

¹ British Parliamentary election results. 1832-1885. L., 1977. P.622-623.

² Huch R.R., Ziegler P.R. Joseph Hume: the peoples M.P. Philadelphia, 1985. P. 86.

³ Arbutnot Ch. The correspondence. P. 189; Clark G.K. Peel and the Conservative Party. P. 232.

⁴ Greville Ch. Op. cit., v.III. P. 226, 230, 231.

од после парламентской реформы), но такой мощный, сплоченный союз, к которому присоединились ирландские и часть независимых депутатов, сформировался впервые. Н.Гэш полагал, что это объединение дало толчок созданию викторианской либеральной партии¹. В данном случае скорее можно говорить, что успешное временное объединение дало толчок идее создания такой партии. Образованная коалиция базировалась на негативной платформе противостояния политике кабинета, и сразу распалась после достижения своей цели. Разобщенность, отсутствие единого лидера, единой программы, тактики, амбиции лидеров еще долгое время оставались наиболее острыми проблемами и для вигов, и для радикалов. В конечном итоге они и не были так до конца преодолены при оформлении Либеральной партии во второй половине столетия.

В том же 1835 г., но несколько позднее, другой видный радикал У. Мольсворт, недовольный политикой возвратившихся в кабинет вигов, также высказал идею создания партии. На этот раз речь шла о партии чисто радикального характера. Попытка осуществления предложения Мольсворта потерпела крах. Несмотря на то, что радикалов объединяло стремление к кардинальным преобразованиям, они расходились по многим вопросам как принципиального, так и тактического характера. Немногочисленность их парламентской группировки не стала препятствием разобщенности и отсутствия единства действий. Хотя потребность в объединении ощущалась довольно остро. Эту проблему они сами неоднократно обсуждали и в этот период, и позднее².

Разобщенным оставался и лагерь вигов. В нем довольно четко в это время определились три группировки политиков, объединившихся вокруг популярных фигур: лорда Грея, лорда Мельбурна и лорда Стэнли. На тот момент Стэнли был одним из самых блестящих ораторов в палате и в нем многие видели наиболее вероятного преемника Мельбурна³. Необходимость единения, создания новой коалиции парламентских лидеров признавали и виги. Так, Т.Б. Маколей видел в ней единственную воз-

¹ The Conservatives ... P. 64. Того же мнения придерживается и Д. Сойттрейт. / Southgate D. The passing of the Whigs 1832-1886. P. 57-60.

² Mill J.S. Collected works. V. XIII. P. 374, 377, 380, 382-383, etc.

³ Cambridge modern history. V. X. P. 663.

можность преодолеть личные амбиции и зависть, которые были характерны, по его словам, для либеральных лидеров¹.

Таким образом, попытка Вильгельма IV навязать свою волю парламенту имела непредвиденные, но важные последствия в дальнейшей трансформации монархии, как института исполнительной власти, так и парламентских партий в партии политические. Со всей очевидностью стало ясно, что кабинет не может действовать, не опираясь на большинство сторонников своей партии в палате общин, несмотря на поддержку короля и верхней палаты. А это большинство в гораздо большей степени зависело от выбора избирателя, а не использования патроната и коррупции в связи с сокращением числа мелких избирательных округов в результате проведенной парламентской реформы.

Выбором Вильгельма IV решился наиболее острый вопрос для партии консерваторов – вопрос о лидере. Р.Пиль сформулировал программу действий, которая могла стать основой для объединений консервативных сил. Ее главный мотив заключался в признании необходимости проведения части назревших реформ. Впервые используя прессу для обнародования заявления, Пиль сумел добиться усиления группировки своих сторонников в парламенте. Вместе с тем этот шаг явился признанием роли общественного мнения, прессы.

Не менее значим альянс вигов, радикалов и ирландских депутатов, их успешная оппозиция консервативному кабинету, зарождением идеи объединения. Между тем, в продвижении к реальному объединению консерваторы достигли успехов ранее либерального крыла, что было обусловлено рядом причин. Важнейшим фактором стало их поражение по вопросу о парламентской реформе, которое привело к резко негативному отношению общества к ним. Теперь для консерваторов приход к власти был возможен только в случае завоевания большинства на выборах.

Бесплодный шаг Вильгельма IV, наконец, проявил те подвиги, которые произошли в статусе и полномочиях монарха в системе исполнительной и законодательной власти. Потеряв реальные рычаги влияния на расклад политических сил в парламенте, на формирование внешнеполитического курса государства, монарх не мог выйти за пределы позиции арбитра «над схваткой» вне зави-

¹ Greville Ch. Op. cit., v.IV. P. 117.

симости от его личных симпатий и антипатий. Все четче вырисовывались новые социальные и политические функции, которые и определили характер правления королевы Виктории. Она взошла на престол после смерти своего дяди в 1837 г.

Зарождение чартистского движения.

После периода активной законотворческой деятельности в 1832-1836 гг. по преобразованию институтов старого порядка в парламенте наступило относительное затишье. На первый план в 1836-37 гг. вышли вопросы экономической политики и проблемы управления колониальными владениями в связи с восстанием в Канаде. Открывая сессию парламента в последний год правления Вильгельм IV в послании (подготовленном кабинетом лорда Мельбурна) отметил удовлетворительное состояние торговли и промышленности, при этом говорил и о тех трудностях, которые испытывали «некоторые классы» его подданных. Однако конкретных пожеланий по исправлению ситуации со стороны монарха и министров не последовало¹. Тема помощи бедствовавшим слоям населения, практически, не поднималась на протяжении всей сессии. Судя по стенографическим отчетам, заседания обеих палат проходили довольно спокойно. Неспешно обсуждались законопроекты, связанные со строительством нового здания парламента, железных дорог, рассматривались жалобы на осуществление Закона о бедняках.

В общественно-политической сфере, напротив, происходили бурные события. За стенами парламента зарождались движения, которые на протяжении последующих лет приковали к себе внимание буквально всей страны. Недовольство результатами парламентской реформы 1832 г. и политикой вигов вылилось в движения протеста различных слоев и классов общества. Самыми крупными среди них стали чартизм и фритредерское движение, которое протекало в форме деятельности Лиги борьбы против хлебных законов. Продолжились выступления за дальнейшие ограничения в фабричном законодательстве, диссентерское и кооперативное движения.

¹ PD, 1836, v.31. P. 1-5.

Чартизм – самое крупное народное движение первой половины XIX в. за осуществление политических преобразований не только в Великобритании, но и в мире. Чартизм олицетворял, с одной стороны, возмущение и протест, вызванных ухудшением социально-экономического положения. С другой стороны – веру в законодательный орган государства и силу всеобщего избирательного права; надежду на то, что избранный на основе всеобщего избирательного права парламент станет проводить политику в интересах народа. И в то же время – веру в действенность общественного мнения, которую питали победы abolitionистов, эмансипация католиков, парламентская реформа, осуществленные под давлением массовых общественных движений. Чартисты надеялись, что представленная народом хартия не будет отвергнута парламентом, и он проведет их требования в жизнь.

Движение не было ни единым, ни однородным. Его региональное и локальное разнообразие выражалось в составе участников, их идеях и требованиях, степени активности. Это явилось следствием различного уровня экономического развития и особенностей социальной структуры регионов. По словам профессора А.Бриггса, «Чартизм был подобен движению снежного кома, который собрал воедино все местное недовольство и пытался выразить его в общенациональной агитации»¹.

В движении приняло участие несколько групп населения. Среди них находилась часть ремесленников (печатники, портные, столяры-краснодеревщики и др.), фабричные рабочие (как правило, из текстильных районов страны), надомные рабочие (ткачи, работавшие на ручных станках, вязальщики, изготовители гвоздей), мелкие лавочники. Широкий социальный состав участников отражал происходившие перемены в обществе, когда наряду с промышленным еще было сильно ремесленное производство, а большинство фабрик имело до 100 рабочих².

Зарождалось движение почти одновременно в двух видах регионов: как старых областях рассеянной мануфактуры, либо экономически отсталых, так и в новых интенсивно развивавшихся центрах. В крупных городах численность участников движения была больше, но они отличались меньшей воинствен-

¹ Briggs A. The Local background of Chartism. / *Chartist Studies*. L., 1959. P.2.

² Royle E. Chartism. L., 1980. P. 1-2.

ностью, чем их товарищи из экономически менее развитых областей. При этом движение охватило не всю страну, оставались районы, в которых не было чартистских организаций. Центрами зарождения чартизма в 1836 г. стали Лондон, Бирмингем и Лидс.

Важную роль в создании в 1836 г. и деятельности столичной организации – Лондонской ассоциации рабочих сыграли Вильям Ловетт, Генри Гетерингтон, Джон Клив. В.Ловетт родился в Ньюлине в 1800 г., юношей переехал в Лондон, работал столяром-краснодеревщиком. Там он занимался самообразованием, сначала примкнув к оуэнистам-кооператорам, а затем и к сторонникам радикальной политической реформы. Г.Гетерингтон также был последователем Р.Оуэна, издавал «незаконную» (т.е. не обложенную налогом) газету. Участие в борьбе за парламентскую реформу, за распространение кооперативных знаний, за удешевление газет сформировало политические и социальные взгляды Ловетта и его сподвижников. Они разделяли идеи традиционного радикализма, направленного против аристократии, монополий, высоких налогов и коррупции. Важным элементом концепции Ловетта стала идея о важности распространения знаний. Исходя из собственного опыта, он придавал образованию особое значение и полагал, что основными задачами чартистов должны стать пропаганда и просвещение рабочих. Менее заинтересованный в немедленном политическом результате, он скорее стремился добиться социальной независимости рабочего класса. К середине тридцатых годов все они имели большой опыт общественной деятельности благодаря участию в работе Британской ассоциации по распространению кооперативных знаний (1829 г.), Национального союза рабочих классов (1831 г.), Ассоциации по обеспечению дешевой и честной прессы (1836 г.). С мая 1836 г., когда парламент снизил налог на прессу, Ассоциация рабочих была распущена. На ее базе и с участием членов ряда других организаций¹ создана Лондонская ассоциация. Она просуществовала 3 года и не превратилась в крупную организацию. Ассоциация насчитывала в период подъема до 300 человек, «массового членства она не достигла»².

¹ Royle E., Walvin J. English radicals and reformers 1760-1848. Brighton, 1982. P. 160.

² Hammond B. William Lovett 1800-1878. L., 1922. P. 11.

Бирмингемский политический союз возродился по требованию рабочих в мае 1837 г. и стал самым крупным провинциальным объединением. На первых этапах он сплотил фабрикантов и рабочих, пострадавших от экономического кризиса, которые в трудную минуту опять обратились к идее о парламентской реформе. Вновь его возглавил Т.Аттвуд. В мае 1838 г. Союз опубликовал собственную Национальную петицию о парламентской реформе. Т.Аттвуд по-прежнему панацеей от всех бед видел в проведении реформы денежного обращения, введении права голоса для домовладельцев и тайной подаче голоса, 3-годовалном сроке полномочий парламента, жалование для членов парламента и отмене для них имущественного ценза.

Поводом нарастания протеста на севере страны явилась попытка введения в действие Закона о бедных в начале 1837 г. Движение быстро приняло форму чартистского. В Лидсе был создан Большой северный союз, в который вошли в основном рабочие, связанные с промышленным производством региона. Возглавил его Фергюс О'Коннор, небогатый ирландский землевладелец, известный участием в ирландском движении. В начале тридцатых годов его избрали в парламента, как представителя сторонников отмены Унии с Британией. В палате общин он примкнул к радикальному крылу. В 1835-1836 гг. благодаря выступлениям на митингах в Лондоне и на севере страны он стал популярен¹. О'Коннор являлся сторонником мирных средств борьбы, хотя в его выступлениях порой звучали угрозы применения «физической силы». Это был своего рода странствующий оратор, в духе времени он переезжал из города в город. О'Коннор писал об этом времени: только «с 18 декабря по 15 января я посетил 22 больших публичных митинга в Лондоне, Бристоле, Лидсе, Ньюкастле, Карлайсле, Глазго, Эдинбурге и проехал более 1500 миль»². Уделяя столько времени посещению чартистских регионов, он демонстрировал стиль лидера, наиболее отвечавшего нуждам движения. Своими действиями он при-

¹ Epstein J. The lion of freedom: Fergus O'Connor and the Chartist movement, 1832-1842. L., 1982. P. 8, 12-14, 18-19, etc.

² The Northern Star, 1839, 19 January.

знавал, что наилучшим средством общения в движении является личный контакт с людьми¹.

Вместе с тем, О'Коннор высоко оценивал силу печатного слова. Прессу он рассматривал как действенное оружие, которое, по его словам, «предпочитал держать в собственных руках»². Его мечта о создании собственной газеты воплотилась в жизнь благодаря собранным по подписке средствам, необходимым для такого предприятия. Газета «Норзерн Стар» начала выходить с ноября 1837 г. К январю следующего года она расходилась тиражом до 10 тыс. экземпляров (летом 1839 г. ее тираж достиг 50 тыс. экземпляров³), довольно быстро превратившись в популярное провинциальное издание, став рупором чартистского движения. Помимо «Норзерн Стар» выходили и многочисленные региональные издания, но ни по тиражу, ни по значимости не сопоставимые с ней.

Особое место среди деятелей чартистского движения занимали О'Брайен и Джулиан Гарни. Молодой, талантливый и образованный журналист Бронтер О'Брайен был поклонником идей Р.Оуэна и последовательным сторонником его теории. Ее осуществлению на практике, по его мнению, должно было предшествовать изменение политических учреждений в стране. Первым шагом в этом направлении он считал предоставление политических прав рабочим. Он выступал также за национализацию земли и проведение денежной реформы.

Джулиан Гарни полагал, что народ не может надеяться на мирное осуществление своей программы и должен готовиться к революционной борьбе. В начале 1837 г. он со своими единомышленниками в противовес организации Ловетта создал Демократическую ассоциацию Восточного Лондона, затем в 1838 г. — Лондонскую демократическую ассоциацию, занявшую крайнее левое крыло в чартистском движении. Ассоциация Гарни обращалась к рабочим тех отраслей экономики, которые в наибольшей мере пострадали от депрессии, обещая им улучшение их положения и создания общества, провозглашенного Т.Пэном.

¹ Pickering P. Class without words?: Symbolik communication in the chartist movement. / Past and Present. 1986, N. 112. P. 146.

² Цит. по: Ward J.T. Chartism., 1973. P. 88.

³ Epstein J. The lion of freedom. P. 68.

Перечисленные выше лидеры и их позиции не отражают всего многообразия чартистского движения, однако даже краткая характеристика их взглядов демонстрирует широкий спектр мнений, порой и эклектичность воззрений чартизма, в которых отразилась сложная переходная эпоха промышленной революции.

Программу парламентской реформы, с которой выступили чартисты, сформулировала Лондонская ассоциация Ловетта с помощью радикалов Ф.Плейса, Д.Робака и др.¹ Она получила название «Народная хартия», став символом всего движения и дав ему название. Хартия состояла из 6 пунктов. Это: требование введения всеобщего права голоса для мужчин, тайного голосования, равных избирательных округов, отмены имущественного ценза для кандидатов в депутаты, ежегодные выборы в парламент и выплаты жалования членам парламента. В сущности, Хартия повторяла программу радикального движения, отражая тесную связь с традициями радикализма и обществами XVIII в., веру в то, что изменения в системе представительства являются решающим фактором улучшения социально-экономического положения. Укреплению и усилению такой веры способствовала критика правительства и парламента, а также сама агитация за новую реформу. О ее убедительности свидетельствует, например, одна из статей О'Брайена. В ней говорилось: «Всеобщее избирательное право означает еду и питье, одежду, хорошие дома и кровати ... Всеобщее избирательное право — это совершенная власть всех людей над всеми законами и учреждениями в стране ...» и т.д.²

Необходимо отметить, что радикалы не были полностью удовлетворены парламентской реформой 1832 г. и неоднократно пытались поднимать в парламенте вопрос о дальнейших изменениях в системе представительства, расширении избирательного права, сокращении сроков полномочий парламента и введении тайного голосования. Виги полагали, что новые шаги в этом направлении невозможны до тех пор, пока не станут явными все последствия уже проведенных преобразований³. Позицию правительства озвучил лорд Рассел. 29 ноября 1837 г. он произнес,

¹ Ward J.T. Chartism. P. 83-84.

² Operation, 1839, 17 March. / Цит. по: History in the Making. P. 144.

³ Maccoby S. English Radicalism 1832-1852. P. 55.

ставшую впоследствии знаменитой, речь на эту тему. Он категорично заявил об «окончателности» перемен в системе представительства, отвергнув тем самым все предложения радикалов¹. Выступление министра внутренних дел вызвало бурную реакцию, по стране прошли митинги протеста. Как правило, инициаторами и участниками были в основном радикалы. Так, на митинге в Финсбари утверждалось, что нельзя говорить об «окончателности» реформы, так как она, по существу, провалилась. Реформированный парламент не сократил государственных расходов, не изменил систему управления колониями, не улучшил положение дел в Ирландии. «В действительности, – говорил один из выступавших, – можно утверждать, что в своем ничегонеделании виги превзошли тори»². В том же духе уже давно высказывалась и чартистская пресса: «Грустно наблюдать за дискуссиями, которыми наполнены заседания парламента. ... Все они посвящены торговле или доходам, назначениям или привилегиям, либо частным делам, которые интересуют лишь членов парламента и часть богатого населения, избравшего их. Послушать членов парламента, так кажется ..., что в стране нет промышленного класса вообще, либо же он столь незначителен, что и не стоит о нем думать»³. Таким образом, когда вновь поднималась волна движения за всеобщее избирательное право, кабинет занял жесткую позицию. Это спровоцировало резкую критику парламента, а Джон Рассел был насмешливо прозван «окончательным Джеком».

8 мая 1838 г. опубликована Народная хартия. Во вступительной части говорилось, что «Акт о реформе лишь перенес государственную власть от одной властолюбивой клики к другой, а народ оставил таким же беспомощным, как прежде». Для того, чтобы палата общин «мудро и честно выполняла возложенную на нее великую задачу, она должна стать верным и точным представительством желаний, чувств и интересов народа»⁴. Петиция (коей, по сути, и была Хартия) сразу же стала популярна. Участники проходивших в регионах митингов одобряли ее и

¹ PD, 1837, v.39. P. 68-71.

² Galignani's Messenger, 1838, 16 December.

³ London Mercury, 1837, 19 February. / Цит. по: History in the Making. P. 139.

⁴ Цит. по: Ерофеев Н.А. Чартизм. С. 41. См. также Гингор С.В. Указ. Соч. С. 35.

подписывались под ней. В этом и заключалась тактика чартистов: сбор максимально возможного числа подписей под одной петицией. Исходя из опыта политической борьбы прошлых лет, чартисты полагали, что обращение, поддержанное всем народом, заставит, вынудит парламент и правящие классы провести в жизнь новую реформу. Она была призвана покончить с тяжелым экономическим и социальным положением, несправедливостью.

Постепенно возрастал масштаб чартистских собраний. Небольшие поначалу митинги, которые проводились на городских площадях и в залах, к концу 1838 г. превратились в грандиозные манифестации¹. В них участвовали десятки, а иногда и сотни тысяч человек. Такие многочисленные собрания прошли, например, в Бирмингеме, Лидсе, Глазго. На них уже не просто собирали подписи под Хартией, но стали избирать делегатов для участия в работе Национального Конвента, на которых возлагалась организация представления петиции в парламент. В конце 1838 – начале 1839 гг. Лондон и Бирмингем начали постепенно терять контроль над движением. «Чартистский энтузиазм» устремился на север страны. В значительной степени он явился продолжением агитации Остлера, который вместе со своими сторонниками изменения фабричного законодательства настоятельно отнесся к идее всеобщего избирательного права. При этом он поддержал экономические и социальные требования чартистов. Главным оратором на митингах стал О'Коннор – этот «апостол Севера»².

Углубление очередного экономического кризиса, охватившего отрасли промышленности в 1838 г., привело к дальнейшему расширению состава участников и активизации борьбы. О первом наглядно свидетельствует вовлечение в движение женщин, создававших локальные женские группы. Они поддерживали мужчин и боролись за «освобождение» от бедности. Женщины Британии в то время еще не выступили за предоставление им равных с мужчинами прав³. О нарастании движения говорит серия грандиозных ночных митингов, на которых речи ораторов приобретали более угрожающий, чем обычно, харак-

¹ Pickering P. Class without words? P. 146.

² Ward J.T. The factory movement. P. 190.

³ Royle E. Chartism. P. 107.

тер¹. В это время Политический союз Бирмингема осудил призывы к физическому насилию и дистанцировался от движения. Союз подтвердил стремление добиться поставленной цели легитимным путем.

В один день — 4 февраля 1839 г. — открылась сессия парламента, собрались делегаты ассоциаций против хлебных законов для создания единой организации и начались заседания чартистского конвента: «Всеобщего конвента промышленных классов Великобритании». На конвент приехало 53 делегата. Как упоминалось выше, его основной задачей стала подготовка петиции для ее последующего представления в парламент. Внутри Конвента возникли разногласия по тактике, путях и методах борьбы за хартию, обозначились расхождения между сторонниками физического и морального воздействия на парламент. Левая группировка во главе с Гарни отстаивала вооружение народа и революционные действия. О'Коннор, О'Брайен и их сторонники полагали, что парламент не останется глухим к требованиям народа. Задача чартистов заключается, доказывали они, в организации давления, нажима на парламент. Вокруг них и сплотилось большинство.

К концу апреля 1839 г. завершился сбор подписей, в мае документ доставили на квартиру Т.Аттвуда. Избранный в парламент Аттвуд обещал представить петицию.

Правительство с самого начала следило за событиями. По мере их нарастания возрастала и его тревога². Рабочие в разных частях страны приобретали оружие и обучались пользоваться им. Некоторые исследователи склонны рассматривать это скорее как тактику давления, создание впечатления той реальности, которой не было в действительности. Вместе с тем, нельзя не принять во внимание и то, что небольшая часть чартистов готовилась применить силу, если угрозы ее применения не окажут воздействия на правительство. В связи с этим вооружение мож-

¹ Митинги за городом с использованием факельного освещения чартисты устраивали в тех случаях, когда магистраты запрещали их проведение в городе.

² См., например, Greville Ch. Memoirs. V.IV. P. 160, 183; Peel R. Sir Robert Peel. V.2. P. 404; etc.

но рассматривать и как прием политический, и как подготовку к вооруженному столкновению с властями¹.

Озабоченностью положением дел продиктован первый запрос, обращенный к министру внутренних дел, по поводу слухов о вооружении рабочих. 20 апреля виконт Дуганнон запрашивал, не располагает ли министр внутренних дел сведениями о митинге, прошедшем «несколько дней тому назад» (имелся в виду митинг в Смитфилде – *М.А.*). Лорд Рассел признал, что правительство получило подробный отчет о нем, а также о распространении оружия в различных частях королевства, особенно – в Ланкашире². Краткая реплика Рассела не могла ни предупредить, ни успокоить возраставших опасений. Но только 15 мая к этому вопросу вернулся В.Винн. Он заявил, что палата общин на протяжении длительного времени не исполняет свой долг по обеспечению безопасности граждан, не предпринимаются меры для усиления магистратов. Тогда как в сложившихся условиях местные власти особо нуждаются в помощи. В ответе лорда Рассела раскрыта осторожная позиция кабинета в связи с чартистскими выступлениями. Он утверждал, что правительство действует в рамках существующего закона, и нет необходимости вводить специальные законодательные акты. «Цели тех лиц, которые влияют на умонастроение народа и подстрекают его вооружаться, настолько вредны, что не могут встретить сочувственный отклик», утверждал министр. Принятие экстраординарных мер против участников митингов могут привести к нежелательным последствиям: вызовут сочувствие народа и привлекут его на сторону «подстрекателей». Он считал, что в каждом отдельном случае надо принимать меры с учетом ситуации, сложившейся в данной местности³. Свою точку зрения высказали радикалы. Вопрос о сути требований чартистов и пересмотре системы представительства не затронул никто из них. Т.Аттвуд полагал, что разговоры о вооружении народа явно преувеличены. Д.Юм считал, что агитация ведется несколькими личностями, тогда как основная масса собиравшихся на митингах людей введена в заблуждение. Он «высказал надежду», что

¹ Thomis M., Holt P. Op. cit. P. 103.

² PD, 1839, v. 47. P. 682.

³ PD, 1839, v. 47. P. 1025-1026.

большая часть тревоги в стране проистекает от преувеличения опасности¹. Тем не менее, в мае местные власти получили право запрещать митинги, ношение оружия и обучение стрельбе, когда сочтут это необходимым. Они стали широко пользоваться таким правом. Одновременно началась переброска военных частей в промышленные районы.

В мае 1839 г. Конвент принял решение переехать в Бирмингем в связи с относительно слабой поддержкой в Лондоне, большими расходами и сложностями, вызванными пребыванием в столице. Углубились расхождения чартистских руководителей. В Конвенте отсутствовало единодушие в вопросах его функций и стратегии. Умеренные представители из Бирмингемского союза вскоре покинули Лондон, а его деятельность постепенно затихала. Экстремисты предлагали выйти за рамки петиционной кампании, а Конвенту стать своего рода анти-парламентом и призвать к дальнейшим действиям, если петиция будет отклонена.

Первую петицию чартистов в парламент представил Т.Аттвуд 14 июня. Положение Аттвуда было затруднительным, так как вскоре после реформы 1832 г. парламентом принято решение не обсуждать поступающие петиции из-за их большого количества. Ему пришлось обратиться к палате с просьбой позволить разъяснить собственную позицию в этом вопросе. Такой маневр дал возможность обойти запрет и говорить о движении и требованиях чартистов в палате общин. Оправдание петиционеров, доказательство их честности, верности закону и конституции стали основным мотивом небольшого по времени его выступления. По словам Аттвуда, петиция зародилась в Бирмингеме и была принята на грандиозном митинге 6 августа 1838 г. Затем ее переправили в Глазго, где она собрала не менее 90 000 подписей. В поддержку петиции прошло почти 500 митингов, а перечень городов и деревень, где она принята и подписана, доходил до 240 наименований. На момент внесения в парламент под петицией стояло 1 280 000 подписей. Вторым мотивом речи Аттвуда стало осуждение поведения парламента, который столь долго игнорирует «воплъ о бедствии» коим является сама петиция. Члены палаты общин, ставшие ими по рождению, патрона-

¹ PD, 1839, v. 47. P. 1026-1028.

жу, богатству и образованию даже не выказали заботы о страданиях народа, не попытались уменьшить бедствия рабочих классов, «которые верят в свои права, принадлежащие им как британским подданным»¹. Выступление Аттвуда вызвало раздражение у некоторых членов палаты, недовольных нарушением регламента². Обсуждения петиции не последовало.

Верный делу реформы и слову, данному чартистам, 12 июля Т.Аттвуд предпринял попытку иного рода, он внес предложение создать парламентский комитет и обсудить Национальную петицию. Его поддержала часть радикалов, видевших свои пути решения бедствий народа³. Консерваторы использовали заседание для критики правительства вигов. Так, например, начинающий, но уже известный политик — Б.Дизраэли заявил, что недовольство народа использовала кучка агитаторов. Само же это недовольство имело экономические и политические истоки, но основную его причину он видел в новом Законе о бедных. При этом Дизраэли категорически высказался против всеобщего избирательного права⁴. В числе консерваторов выступил лорд Стэнли. Основной причиной роста недовольства он назвал ужасающее санитарное состояние городов и неграмотность рабочих, правительство же этим вопросам не уделяет должного внимания⁵. Позиция правительства оставалась неизменной⁶.

Последующие обращения парламента к рассмотрению вопросов, связанных с чартистским движением, были обусловлены дальнейшим развитием событий в стране и, прежде всего, в Бирмингеме. Еще в начале июля власти города издали постановление, запрещавшее проводить митинги на городской площади, одновременно из Лондона они вывали подкрепление. Разгон митинга 4 июля послужил началом наступления властей на чартистов. Тогда арестовали до 80 человек, в том числе и нескольких депутатов Конвента. События в Бирмингеме вызвали

¹PD, 1839, v. 48. P. 222-224.

²Ibid. P. 226.

³Ibid. v. 49. P. 220-236, 252-258.

⁴Ibid. P. 246-252. Однако именно Б.Дизраэли совместно с лордом Дерби провели следующую реформу системы представительства в 1867 г., которая существенно расширила электорат, в том числе предоставила избирательные права верхушке рабочего класса.

⁵Ibid. P. 258-259.

⁶Ibid. P. 237-246.

отклик по всей стране. Конвент вернулся в Лондон. 15 июля в центре столицы собралась многочисленная толпа, громили дома и магазины. После прибытия подкрепления водворился порядок, произведены новые аресты¹.

16 июля лорд-лейтенант графства – глава судебной и исполнительной местной власти – в парламенте доложил о произошедших в Бирмингеме событиях. В его выступлении явственно прозвучало стремление переложить всю ответственность на магистрат и обелить себя². Поиски виновных продолжились на следующий день, когда министр внутренних дел был вынужден отвечать на депутатский запрос. Лорд Рассел заверял, что расследование событий будет проведено обязательно. В то же время, он был уверен, что вина лежит как на лорд-лейтенанте графства, так и на городском магистрате. Для оппозиции тема заседания вновь явилась очередным поводом для нападок на политику вигов³.

Летом этого же года в парламенте проходил акт, расширявший права столичной полиции, рассматривались предложения об увеличении армии, о сельских констеблях. Билль о выделении средств и создании бирмингемской полиции прошел все стадии рассмотрения довольно быстро⁴. По существу, укрепление армии и полицейской службы стало реакцией исполнительной власти на выступления чартистов. Еще зимой 1839 г., когда набирало силу чартистское движение, Ч.Гревилль записывал в дневнике: «правительство позорно слабо, неспособно проявить волю В стране нет военной силы, которая бы смогла противостоят опасным демонстрациям»⁵ Эти-то пробелы и пытались судорожными, чрезвычайными мерами восполнить правительство и парламент. Вняв призывам и обращениям местных властей⁶, центральные органы строили политику на запретах и усилении репрессивных мер.

¹ Гингор С.В. Указ. Соч. С. 58-59; Ерофеев Н.А. Чартистское движение. С 58-60.

² PD, 1839, v. 49. P. 370-371.

³ PD, 1839, v. 49. P. 408-419.

⁴ Ibid. 3.620, 691, 727-773, 938, etc.

⁵ Greville Ch. Memoirs. V. IV. P. 160-161.

⁶ The Early chartists. L., 1971. P. 208-209.

Направленный командовать войсками на севере страны, Ч.Нэпир не сомневался, что вооруженные пиками, а кое-где и устаревшими мушкетами, чартисты не смогут представлять реальной угрозы для армии, и «будут разогнаны в три дня»¹. Позднее он записал в дневнике: «бедные создания. Их угроза нападения жалка. Половина с патронташами, половина с пиками, без денег, без дисциплины, без толковых лидеров, они намеревались напасть на тех, кто имел деньги, дисциплину и был хорошо вооружен. ... Бедные люди!»².

Мнение Нэпира подтвердили дальнейшие события 1839 г. Без сомнения, неорганизованные и плохо вооруженные чартисты не смогли противостоять армии и полиции. Митинги и демонстрации в конце лета, стычки с войсками осенью в очередной раз обнаружили также и нежелание лидеров движения прибегать к силовому достижению главной цели. Нарастала волна репрессий, за решеткой оказались многие наиболее видные лидеры, по стране проходили судебные процессы. Массовое движение правительство и парламент подавили репрессивной политикой. В сентябре Конвент был вынужден распуститься. Таким образом, власть расправилась с чартистским движением, как это происходило и по завершению наполеоновских войн, хоть и не столь сурово. Существенное отличие от демократического движения рубежа 1820-1830-х годов состояло в том, что ни одна из политических группировок не поддержала требования чартистов в парламенте. Консерваторы оставались противниками подобных изменений, виги полагали, что преобразования в этой сфере завершены. Немногочисленные радикалы в палате общин не могли изменить расстановку сил.

Известный публицист, писатель и моралист Т.Карлейль в памфлете «Чартизм», опубликованном в 1840 г., попытался проанализировать причины движения. Он писал: газеты уверяют о разгроме движения, что правительство покончило с «химерой чартизма». Но читатели газет знают, что покончено именно с химерой, но не с чартизмом. Одним из первых Карлейль расценил чартизм как симптом социального характера, как «жестокое недовольство, выросшее ... из несправедливых условий, или

¹ Цит. по: Ward J.T. Chartism. P. 128.

² Цит. по: Royle E. Chartism. P. 98.

несправедливого положения рабочих классов Англии в обществе. Это просто новое название того, что имеет много имен, а будет их еще больше»¹. Корень зла он видел в пренебрежении парламента к делам всей нации. Можно было ожидать, что «реформированный парламент вникнет в народное недовольство до того, как оно дойдет до критической точки пик и факелов», однако в центре его внимания стояли распределение должностей, пенсий, Канада, Ирландия, Вест-Индия и т.д., но не свои подданные². «Английский народ предан идее всеобщего избирательного права, это его панацея от всех тех бед, которые он испытывает; единственная идея-фикс: каждый человек имеет право избирать члена парламента. ... Так пусть будет расширено избирательное право»³.

Книга Карлейля привлекла внимание различных слоев общества, отношение к ней складывалось неоднозначное. С его оценкой чартизма соглашались немногие, среди них Г.Мартино. В чартизме она также видела «протест против социальной несправедливости»⁴. Дж.-Ст.Милль рассматривал чартизм, как восстание рабочих классов против всей системы взаимоотношений в обществе. Он писал: «демократическое движение среди рабочих классов положило начало отделению интересов, чувств, взглядов между трудившейся частью сообщества и всеми другими классами»⁵. Однако преобладал иной взгляд на чартистов. Публикации либеральной и консервативной прессы, действия самих участников движения, когда они порой громили лавки и врывались в дома горожан, создавали у обывателя представление о них как о монстрах, непохожих на людей⁶. Дворянство и крупная буржуазия в гораздо большей степени видели в них угрозу собственности и безопасности страны⁷.

За спадом первой волны чартистского движения последовало дальнейшее укрепление государственной судебной систе-

¹ Carlyle T. Chartism. L., 1840. P. 2.

² Ibid. P. 4-5.

³ Ibid. P.90-91.

⁴ Martineau H. The History of England. V. III. P. 262-263.

⁵ Mill J.S. Collected works. V.IV. P. 369-370.

⁶ Lovett W. Life and struggle of William Lovett. N.Y., 1910,v.2. P. 249; Brown R., Daniels Ch. The Chartists. L., 1984. P. 94-109.

⁷ См., например.: Longford E. Wellington. Pillar of state. L., 1972. P. 350, 353.

мы. В парламенте в 1841 г. прошел билль о создании окружных судов в английских графствах. Закон упростил прохождение гражданских процессов.

Радикалы, которым были близки требования чартистов, озаботились судьбами арестованных и осужденных чартистов. Уже 14 апреля 1840 г. Варбуртон обратил внимание на тяжелые условия содержания В.Ловетта и Коллинза. Он говорил о скудной и плохой пище, холодных камерах и предлагал освободить их в связи с тем, что они уже отсидели 9 месяцев из 12, присужденных судом. Его поддерживали Д.Юм и Талфорд¹. Это заступничество не вызвало отклика в нижней палате. Однако в мае Т.Данкомб представил петицию, принятую на прошедшем в Йоркшире митинге, в защиту О'Коннора. Вновь говорилось о тяжелых условиях, о том, что он отсидел 18 месяцев в тюрьме, не имея теплой одежды и лишенный доступа посетителей. В петиции высказывалась просьба перевести О'Коннора в долговую тюрьму, где условия содержания заключенных были менее суровы. По всей видимости, инициаторами такой петиции стали либо сам О'Коннор, либо его близкие друзья, так как вскоре последовали обращения самого осужденного того же содержания. Он просил об облегчении его участи. Непродолжительное обсуждение вопроса выявило сочувствие, которое выказали не только радикалы, но и некоторые консерваторы. Именно они предлагали перевести О'Коннора в долговую тюрьму².

Вопрос об одном из наиболее заметных лидеров чартистского движения поднимался еще не раз. В том числе и 5 августа, когда нижняя палата заседала на правах комитета. Такого рода заседания менее формализованные предоставляли возможность членам палаты выступать по несколько раз на одну и ту же тему. В тот день обсуждались многочисленные петиции, поступившие от осужденных чартистов с жалобами на тяжелые условия. Нельзя не отметить, что среди, в целом, однотипных петиций была и жалоба на то, что в одной из тюрем заключенных заставляли выполнять тяжелую работу, а это, писали они, не было предусмотрено решением суда. О'Коннор вновь сетовал на содержание в маленькой камере с каменным полом, сон на же-

¹ PD, 1840, v. 53. P. 1103-1113.

² PD, 1840, v. 54. P. 647-648, 655, 908-913.

сткой железной кровати, болезни и т.д.¹ Эти обращения осужденных чартистов являются не только ярким свидетельством их веры в парламент, но и осознания ими своих гражданских и человеческих прав. Вместе с тем, они послужили причиной инспекции смотрителя тюрем, доклад которого еще не был готов к 5 августу. Несмотря на его отсутствие, краткое, вынужденное обсуждение этого вопроса все-таки состоялось.

Позиция правительства, озвученная Джоном Расселом, была жесткой: таковы условия содержания всех заключенных и в отношении чартистов они не будут изменены. В то же время он возмущался сочувственными высказываниями о судьбе О'Коннора. Этот человек – владелец газеты, которая вела постоянные наскоки на институты и законы страны, создавая тем самым угрозу ее безопасности, негодовал министр внутренних дел. В ответ Т.Данкомб подчеркнул, что поступают жалобы не на сам факт заключения, а на те условия, в которых содержатся узники. В то же время он затронул вопрос о состоянии тюрем. Попытка Данкомба перевести разговор в иную плоскость потерпела провал. Палата отказалась рассматривать вопрос далее на том основании, что заключенные осуждены по политическим мотивам². Однако в обществе судьба чартистов вызвала иной отклик, на протяжении всего 1840 г. в стране проходили митинги протеста, собирались средства для оказания помощи семьям заключенных.

*Образование Лиги борьбы против хлебных законов
и ее агитация в обществе и парламенте.*

Движение за свободу торговли к середине тридцатых годов добилось существенных успехов. Но сохранение протекционистского по своей сути таможенного законодательства и Навигационных актов, регламентировавших транспортировку грузов, продолжали сдерживать развитие промышленности и торговли. В конце 1836 г. в Лондоне образована Ассоциация против хлебных законов. Основными ее членами стали парламентские радикалы – Д.Грот, У.Мольсворт, Д.Юм и Д.А.Робак.

¹ PD, 1840, v. 55. P. 1287-1289.

² PD, 1840, v. 55. P. 1292-1294.

Ассоциация приступила к агитации, результатом которой явились первые петиции, поступившие в парламент. Осенью 1838 г. подобного рода Ассоциация создана в Манчестере. В ее деятельности активное участие принимала Торговая палата города. А среди ее членов находился промышленник Ричард Кобден, обладавший недюжинными организаторскими способностями и целеустремленностью. Исходя из постулатов доктрины так называемой Манчестерской школы, отстаивавшей принципы невмешательства государства в экономику, сторонники движения настаивали на введении свободы торговли. Ее они рассматривали как панацею от всех бед и полагали, что с отменой протекционистских пошлин упадут цены на продукты питания. А это, в свою очередь, приведет к снижению заработной платы, уменьшению цен на британскую продукцию и повышению ее конкурентоспособности на мировом рынке. Таким образом, полагали они, и наступит экономическое процветание. Участники движения удачно избрали объект критики и сконцентрировали свои усилия лишь на одной статье таможенного законодательства, но эта статья затрагивала интересы всего населения – пошлины на зерно, а значит цены на хлеб, который оставался основным продуктом питания для большинства жителей страны. В движении приняло участие, главным образом, городское население: средний класс, часть рабочих, поверивших в обещания фритредеров, городские низы. Подобные общества создавались и в других городах.

В январе 1839 г. манчестерская Лига приступила к сбору средств для создания денежного фонда, а также организации подачи петиций в парламент. Уже в марте того же года все ассоциации объединились в рамках одной организации – Лиге борьбы против хлебных законов. Руководил ее деятельностью Исполнительный совет из 50 человек. Возглавил его Р.Кобден. Помимо совета сформированы и отдельные бюро, каждое из которых отвечало за свое направление деятельности: вопросы торговли, печати, финансов, выборов, корреспонденции и т.д. Ими руководили члены Лиги¹.

¹ Longmate N. The breadstealers: The Fight against the Corn Laws, 1838-1846. N.-Y., L., 1984; Smith G.B. The life and speeches of the right hon.

Для формирования общественного мнения Лига использовала митинги и печать. Митинги проводились в разных городах, со временем они превратились в обязательное еженедельное мероприятие. Лига издавала журналы, газеты, брошюры, памфлеты и плакаты, в которых разъяснялась ее позиция и требования.

Развернутая кампания Лиги напрямую затрагивала интересы тех слоев, которые были связаны с существовавшей политикой торговых преференций: часть землевладельцев, фермеров и предпринимателей, имевших деловые контакты с североамериканскими и вест-индскими плантаторами. К ним присоединились некоторые члены аболиционистских обществ, опасавшиеся, что снижение пошлин на сахар будет способствовать усилению эксплуатации рабов на Кубе и в Бразилии¹. Несмотря на их сопротивление уже к лету 1839 г. Лига представляла собой многочисленное, достаточно сплоченное и финансово обеспеченное объединение фритредеров. Мощная финансовая поддержка промышленных кругов позволила широко развернуть агитацию и приступить к сбору подписей под петициями в парламент.

В своей тактике Лига использовала ставшие традиционными для страны направления: формирование разветвленной сети отделений Лиги во всех регионах; создание определенного общественного мнения, настроя в обществе благодаря использованию разнообразной прессы и митингов; оказание давления на парламент петициями; продвижение в парламент своих сторонников. При этом были внесены и некоторые новшества. В отличие от чартистов, намеревавшихся собрать максимальное число подписей под одной петицией, фритредеры стремились воздействовать многочисленными петициями. Об их гибкости свидетельствует также и то, что они стали активно участвовать в регистрации избирателей, внося за них обязательный ежегодный взнос².

В начале парламентской сессии 1839 г. сторонники Лиги предприняли первую серьезную попытку добиться решения об отмене хлебных законов. Несмотря на неудачу, они использовали каждый удобный случай для выступлений. В следующем го-

John Bright, M.P. v.1-2. L., 1931; Morley J. The life of Richard Cobden. V.1-2. L., 1903; etc.

¹ The Annual Register. 1841. L., 1842. P. 94-95.

² Briggs A. The age of improvement. P. 265.

ду в палату общин они представили 763 петиции и 22 в палату лордов¹. Таким образом, тема хлебных законов превращается в одну из важнейших проблем в обществе, обойти ее уже не могли ни либеральные, ни консервативные издания².

*Стратегия и тактика консерваторов
в борьбе за власть в 1835-1841 гг.*

Во второй половине четвертого десятилетия проходило дальнейшее размежевание политических сил и оформление партии консерваторов. Борьба за большинство представителей партии в палате общин протекала в двух направлениях: в парламенте и за его пределами. Главной тактической задачей в парламенте, где концентрировалась политическая жизнь страны, Р.Пиль считал не противостояние правительству вигов, а объединение все еще разрозненных консервативных сил³. И это стало новым явлением в истории оппозиции в системе институтов власти. Объединение под руководством Пили шло по двум направлениям. Первое заключалось в привлечении на свою сторону других, близких по взглядам депутатов большей частью из среды задне-скамеечников. Второе состояло в активизации деятельности парламентских организаторов вигов.

С середины тридцатых годов вины еженедельно рассылали членам своей группировки документы, в которых детально перечислялись парламентские дела на каждый день следующей недели, указывались также и имена наиболее важных ораторов⁴. О напористости вигов, их стремлении любым путем обеспечить явку членов парламента на заседания в обществе рассказывались всевозможные анекдоты. Так, например, Ч.Диккенс, одно время бывший парламентским корреспондентом одной из лондонских газет, в «Очерках Бозы» привел такой случай. Он поведал читателям, имевшую хождение в стенах нижней палаты историю о том, как вилл поднял с постели тяжело заболевшего де-

¹ Джефсон Г. Платформа. Т.2. С. 314.

² См., например: Quarterly Review, 1841. N. 135. P. 239-281; N. 136. P. 494-534; 1842. N. 141. P. 244-314; etc.

³ Clark G.K. Peel and the Conservative Party. P. 83-84, 86; The Conservatives. P. 59-60.

⁴ Wilding N., Laudy Ph. An Encyclopedia of Parliament. L., 1958. P. 603-604.

путата, заставил его придти и проголосовать нужным для партии образом. Таких усилий бедняга не выдержал и тут же скончался, успев все-таки исполнить свой долг¹. Скорее всего выдуманный эпизод удивительно точно передает и настойчивость вивов, и их преданность делу партии.

Випы консервативного лагеря Томас Фремантль, Джордж Клерк, Джон Янг по решению Р.Пиль еще в 1834 г. сменили прежних организаторов². Вместе они сыграли заметную роль в осуществлении планов лидера. Следует отметить, что выбор Пиль был весьма удачен. По своим организаторским способностям все трое, безусловно, превосходили вивов радикалов и либералов, неизменно добиваясь лучших результатов. Они настойчиво и регулярно собирали депутатов, проводили беседы, разъясняли возникавшие ситуации, указывали, как голосовать в каждом конкретном случае и т.д. Пиль, поставивший вилами консерваторов своих единомышленников, добился того, чтобы инструктаж проходил в нужном для него русле. В 1837 г. сделан следующий шаг – учрежден специальный фонд, пополнявшийся добровольно, для печатания циркуляров с инструкциями.

Р.Пиль дома или в консервативном Карлтон-клубе постоянно проводил совещания со своими экс-министрами и наиболее влиятельными консерваторами обеих палат. Такие встречи были необходимы, прежде всего, для детального обсуждения каждой конкретной ситуации, выработки единой позиции и тактики совместных действий. Непременными участниками таких собраний были вины³.

Наряду с организационной повседневной работой внутри консервативной группировки шла «работа» с колеблющимися депутатами, в среде которых консерваторы искали сторонников. Эта сфера деятельности была настолько успешной, что к 1840 г. к ним присоединилось более 40 человек из числа ранее непримиримых противников, тех, кто голосовал за парламентскую реформу. Среди «новичков» находились и такие заметные и влиятельные виги, как лорд Стэнли, Д.Грэхем и их сторонники, занимавшие правое крыло лагеря вигов. Если и тот и другой в

¹ Диккенс Ч. Собрание сочинений. Т.1. С. 222.

² Разумность этого шага оценили современники. / *The Conservatives*. P. 68-69.

³ Peel R. Sir Robert Peel from. V.2. P. 314, 319, 322, 411, 415, etc.

1834 г. отказались войти в кабинет Р.Пиля, то к концу 1830 – началу 1840-х годов их разногласия с политикой лорда Мельбурна достигли пика и привели к разрыву. Уже в начале 1841 г. ультра-тори возлагали на Стэнли большие надежды в связи с тем, что он становился «все более и более главою ториев». По мнению обозревателей, он превращался в серьезного соперника Пиля. Для ультра аристократ Стэнли представлялся более подходящей фигурой в качестве лидера, нежели сын фабриканта. Свидетельством тому стало появление в это время памфлета под названием «Кто будет нашим главою? Стэнли или Пиль?», в котором излагались претензии ультра к Р.Пиллю, начинавшиеся с Акта об эмансипации католиков 1829 года. Автор настоятельно рекомендовал своей партии собираться под знамена лорда Стэнли. Ответом послужил другой памфлет в защиту Р.Пиля, где автор уверял, что с уходом Пиля может раздробиться вся партия¹. Таким образом, для правого крыла консерваторов Р.Пиль все еще оставался спорным лидером, которому не могли простить его «грехов», что не останавливало его на своем пути.

В 1830-е годы уточнялась тактическая линия поведения консервативной партии. Р.Пиль не был теоретиком консерватизма. Он не относился к числу глубоких мыслителей, «напротив, – образно писал о нем Гизо, – это был ум по преимуществу практический, на каждом шагу совещался он с фактами, как мореплаватель с состоянием неба»². Нельзя не согласиться и с высказыванием проф. Р.Макдауэла, что Пиль «был скорее административным, нежели философским консерватором»³. Тем не менее, опытный и талантливый политик он сумел сформулировать свое кредо, позицию и тактическую линию поведения. Идеи, высказанные им в ходе выборов 1834 г. в Тамвортском манифесте и в других выступлениях постепенно оттачивались и получали развитие. Но в главном его позиция оставалась неизменной. Так, в 1838 г. в одном из выступлений Р.Пиль говорил: «Цель, которую я преследую уже много лет, состоит в том, чтобы положить основание крупной политической партии, которая уменьшила бы риск и ослабляла удар от столкновения между

¹ Сын Отечества. Спб., 1841. № 13. С. 238; № 19. С. 117.

² Гизо. Сэр Роберт Пиль. / Русский вестник. 1856, ч. IV. С. 171.

³ McDowell R.B. British conservatism 1832-1914. L., 1959. P. 17.

двумя ветвями законодательного органа. Которая могла бы сдерживать нетерпеливое рвение желающих добра, но слишком поспешно стремящихся к переменам в конституции и законах Англии. Ту партию, которая авторитетным голосом сказала бы этому беспокойному духу революционных попыток: «Вот предел, далее которого ты не можешь идти»¹. Против крайностей радикалов, прежде всего, объединял своих сторонников Р.Пиль. Об этом также свидетельствует то, что из 43 голосований по проектам правительства Мельбурна Пиль высказался против лишь 3 раза². Сдержанность и реализм политики привлекали к Пиллю сторонников как в парламенте, так и по всей стране, при этом их число год за годом постоянно увеличивалось³.

Р.Пиль стремился подчеркнуть и сохранить многие традиционные элементы старого торизма. Прежде всего, они состояли в проповеди сильного правительства, законности, порядка, защиты собственности и сохранения конституции. Как писала газета «Таймс», он обращался к национальным интересам в период «опасного радикализма», но при этом продолжал признавать необходимость реформ, которые помогут сохранить эти ценности⁴. В такой позиции заключался определенный парадокс, отмеченный Н.Гэшем. По его словам, Р.Пиль «защищал систему, интеллектуальным критиком и активным реформатором которой он был; и которую он поддерживал в принципе и изменял в деталях»⁵.

Важнейшим направлением деятельности консерваторов стала активизация работы вне парламента. Тридцатые и сороковые годы были временем беспрецедентной внепарламентской агитации в интересах различного рода социальных групп и слоев общества. Как правило, они апеллировали к общественному мнению и опирались на прессу. К середине 1830-х годов в Британии, по свидетельству «Морнинг Пост», выходило 274 ежедневные газеты, что составляло десятую часть всех европейских изданий⁶. При этом, практически, все провинциальные издания

¹ The Times, 1838, 14 May.

² Stewart R. Op. cit. P. 101.

³ Gash N. Sir Robert Peel. P. 235.

⁴ The Times, 1835, 26 January, 5 September; 1837, 14 January, etc.

⁵ Gash N. Sir Robert Peel. P. XXVI.

⁶ Morning Post, 1835, 17 September.

за исключением специальных коммерческих, имели собственную политическую направленность. Кроме выпуска газет, журналов, памфлетов, плакатов и листовок, практиковались также и поездки лидеров движений по стране для выступлений на митингах, собраниях, лекциях и банкетах. Создавались многочисленные общества и клубы. Это свидетельствовало о глубоких изменениях в социальной сфере, подъеме общественного самосознания, осознании своих интересов и задач различными слоями общества, о возрастании роли общественного мнения в жизни страны, наконец, политизации широких кругов населения. От выборов к выборам все ошутимее становилась роль электората в формировании состава палаты общин. В связи с этим возрастала и активность политиков, искавших поддержки у избирателей, и применявших все те методы воздействия на общественное мнение, которые утвердились в социальной сфере.

Наиболее активно в этом направлении действовали находившиеся в оппозиции консерваторы. Росло число консервативных объединений, создававшихся в различных регионах¹. Внешне это были самостоятельные, не связанные с Лондоном клубы, ассоциации и общества. Определенным стимулом, толчком к их созданию стало назначение Р.Пиля главой кабинета в 1834 г. К 1836 г. сеть объединений консерваторов охватывала как аграрные районы и графства, так и промышленные центры. Точное число определить невозможно, но, по мнению исследователей, их насчитывалось не менее нескольких сотен². Консервативная пресса подробно освещала деятельность этих обществ, сообщая обо всех мероприятиях³. Это были собрания, сбор средств по подписке, обеды, на которых члены парламента встречались с местными землевладельцами. Каждая структура имела постоянного секретаря и казначея. Главным направлением их деятельности стала подготовка и проведение выборов. В их ведении оставался подбор и выдвижение кандидатов, оказание им материальной поддержки, участие в регистрации избирателей. Деятельность комитетов, безусловно, оказала влияние,

¹ Clark G.K. An expanding society. P. 24; Stewart R. Op. cit. P. 130, 135.

² The Conservatives ... P. 65-66.

³ См., например, The Morning Post, 1835, 17 September, 2, 26 October; The Times, 1834, 3, 6 June; 1835, 1 September, etc.

как на рост числа депутатов — консерваторов, так и на политическое размежевание в провинции. Участие в политической жизни переставало быть прерогативой столицы, узкого круга аристократической верхушки и членов парламента.

В сороковые годы активность консервативных клубов снизилась, что было связано с рядом причин. Среди них — появление аграрных протекционистских обществ, которые привлекли направленностью своих целей часть консерваторов; а также долги организаций. Однако наряду с другими факторами клубы внесли свой вклад в победу партии на выборах 1841 г.

Своеобразными организационными центрами были Карлтон-клуб и Карлтонский комитет. Клуб возник в начале 1832 г. и превратился в штаб-квартиру консерваторов столицы. Первое время он являлся их единственным объединительным центром после поражения по вопросу о парламентской реформе. Вслед за консерваторами свои клубы стали создавать виги и радикалы. У.Мольсворт, мечтавший об объединении радикалов, потратил немало сил и средств на создание клуба. В феврале 1835 г. он писал матери, раскрывая суть своей идеи: «Главной целью является достижение того, чтобы Реформаторы всей страны присоединились к нему, с тем, чтобы они имели место для встреч, когда приедут в столицу»¹.

Длительное время клубы являлись закрытыми аристократическими учреждениями, объединяли своих членов по положению в обществе или по интересам. Изменения в их численности и многообразие поражали воображение иностранцев, посещавших Британию на рубеже десятилетий. Так, российский путешественник К.Паулович писал: «Есть клубы второстепенные, из коих иные бывают ученые, другие просто общественные, а иные деловые, и относящиеся к промышленности. ... имеют также ученые, ремесленники, купцы, военные, офицеры, игроки и обжоры свои клубные дома»². Отличительной чертой второй половины тридцатых годов стало появление политических клубов, что знаменовало зарождение новой черты в политической куль-

¹ W.Molesworth to Lady Molesworth, 19 February 1835. Цит. по: Ad-burgham A. A radical aristocrat. The Rt. Hon. Sir William Molesworth Bart, PC, M.P. Padstow, 1990. P. 31.

² Паулович К. Замечания о Лондоне. Отрывок из путешествия по Европе, части Азии и Африки. Харьков, 1846. С. 332.

туре Британии. В XVIII столетии виги и тори обычно предпочитали собираться в своем излюбленном заведении, где не исключалась случайная встреча с политическим противником, либо в собственных домах в часы приема и т.д. Теперь же здания возводились или покупались специально для создания такого заведения для представителей той или иной партии. Как писал Н.Гэш после 1832 г. наступил «золотой век политических клубов», продолжавшийся вплоть до следующей парламентской реформы, которая была проведена в 1867 г.¹

К 1839 г. Карлтон-клуб насчитывал 1 100 членов². Они имели возможность ежедневно встречаться в его стенах в неформальной обстановке. Среди его наиболее значительных мероприятий стало проведение ежегодных обедов в Гринвиче, в которых без труда можно увидеть прообраз, предшественник будущих регулярных партийных съездов.

Организационным и информационным центром консерваторов стал Карлтонский комитет. Формально не вмешиваясь в дела локальных организаций, он был осведомлен о состоянии их дел. Члены комитета занимались отбором и регистрацией кандидатов, вербовали сторонников, возмещали расходы. Партийные нужды оплачивались из секретного фонда, пополнявшегося добровольными взносами. По мнению профессора Р.Стюарта фонд консерваторов по размерам был примерно равен подобному же секретному фонду вигов, издержки тех и других на выборах также примерно равны³.

Наличие организационного центра, разветвленной сети местных союзов и комитетов, создание единого фонда — все это свидетельствовало об определенном качественном изменении в трансформации структуры парламентских партийных группировок, ее приближении к той модели, которая функционировала во второй половине столетия. Впервые оппозиционная партия имела постоянную организацию, целью которой стала победа на выборах, т.е. приход к власти через электоральный процесс.

Помимо Р.Пиля в консервативном лагере выдвинулись другие лидеры, сыгравшие впоследствии заметную роль в исто-

¹ Gash N. Politics P. 393.

² Stewart R. Op. cit. P. 121.

³ Ibid.

рии страны — У.Гладстон и Б.Дизраэли. Кроме того, вокруг Р.Пиль сплотилась определенная группа лиц, которых можно характеризовать как партийных функционеров. Среди них Р.Ф. Боухэм, Ф.Роберт и другие. Боухэм был старше Пила на три года, происходил из англо-ирландской семьи, и стал настоящей находкой для партии. В 1835 г. именно он посоветовал Пиллю обратить внимание на регистрацию при подготовке к выборам¹. Регистрацию избирателей ввел Акт о парламентской реформе 1832 г. По сути, она стала своего рода отступлением от провозглашенного расширения электората: для того, чтобы принимать участие в выборах те, кто имел право голоса, должен был ежегодно вносить свое имя в избирательные списки, выплачивая при этом определенную зафиксированную сумму. Это новшество затрудняло участие в выборах и давало возможность, помимо всего прочего, манипулировать выборами². Р.Пиль оценил и использовал совет Боухэма. Уже в ноябре 1838 г. в письме к Ч.Арбатноту он писал, что та партия станет сильнее, которая сумеет повернуть процесс регистрации в свою пользу³. Он обратился ко всем консерваторам с призывом присутствовать при ежегодном внесении в реестры имен избирателей, а в реальности это означало выплату требовавшейся суммы. Присутствие при регистрации быстро превратилось в систему⁴. Благодаря усилиям консерваторы сумели несколько расширить социальную базу партии, привлечь на свою сторону часть среднего класса⁵. Вслед за консерваторами радикалы и виги также стали участвовать в регистрации избирателей. Однако их деятельность оказалась менее успешной. В 1841 г. после поражения на выбо-

¹ Gash N. Sir Robert Peel. P. 36.

² Evans E.J. The Great Reform Act of 1832. L., N.-Y., 1983. P.39.

³ Peel R. Sir Robert Peel from. V.2. P. 368.

⁴ Ibid. P. 368. Помимо всего прочего, ход регистрации и ее характер, предпочтение избирателей давали политикам возможность прогнозировать будущие результаты выборов. / Macaulay T.B. Op. Cit. v.III. P. 299.

⁵ Paul W. A History of the Origin and Progress of Operative conservative societies. 2nd ed. Leeds, 1839. P. 7-8, 14-16. / O'Gorman F. British Conservatism. P. 140-143.

рах лорд Ливсон напишет отцу: «... регистрацией занимались тори, а мы пренебрегли ею»¹.

Что касается расширения социальной базы, то это имело существенное значение для консерваторов. По мере углубления промышленной революции, с ростом городов социальная база консерваторов постепенно сужалась. Вплоть до конца двадцатых годов, т.е. утверждения парламентом Акта об эмансипации католиков, на стороне тори находились наиболее влиятельные силы страны: корона, церковь, университеты, часть аристократии, подавляющее большинство сквайров и многие коммерческие круги. Между 1829 и 1832 гг. они потеряли значительную часть этой поддержки. Тем не менее, уже к 1841 г. консерваторам удалось вернуть почти всех своих сторонников. Для этого им не потребовалось длительного времени, как предполагали современники в 1832-1833 гг. К началу сороковых годов на стороне консерваторов были «старые» коммерческие структуры, заинтересованные в сохранении протекционистской политики. Однако основной опорой по-прежнему оставались землевладельцы, причем те слои, что в меньшей мере были вовлечены в процесс промышленного производства или другие несельскохозяйственные предприятия, в отличие от землевладельцев – вигов. Будучи главой кабинета, Р.Пиль в сороковые годы сумел добиться поддержки также и некоторых кругов среднего класса, благодаря бюджетной политике. В тридцатые же годы консерваторы не смогли существенно расширить социальную базу, их главной опорой по-прежнему оставались аграрные графства, хотя Пиль и пытался привлечь на свою сторону консервативно настроенные слои городского среднего класса². Осознавая необходимость такого шага, он осуществлял его не в программных документах, а в аргументации, фактах, приводившихся во время выступлений, а также в выборе места для них. В речах он напрямую обращался не только к аристократии и джентри, но и к торговцам, промышленникам, банкирам, доказывая, что общественный порядок и экономическое процветание основаны на

¹ Lord Leveson to Lord Granville, July 6, 1841. Цит. по: Fitzmaurice E. The life of Granville George Leveson Gower, second Earl Granville. L., N.-Y., 1906. v.1. P. 36.

² Gash N. Aristocracy and People. P. 180-186; Clark G.K. The making. P. 78.

сохранении принципов консерватизма. А, по его мнению, именно в сохранении порядка и экономическом благополучии и были заинтересованы средние классы¹.

Территориально это была английская партия, опиравшаяся на население английских графств. Уже к 1837 г. консерваторы имели большинство мест в нижней палате от Англии и Уэльса. На политическое размежевание составных частей Великобритании обращали внимание современники. Так, например, Ч.Арбатнот писал сыну: «Мне кажется, что Англия становится все более и более консервативной, Шотландия и Ирландия все более и более радикальными»².

Как отмечалось выше, консерваторы активно использовали прессу. Еще с первых шагов Р.Пиля в роли премьера в 1834 г. его близкие друзья обращали внимание на необходимость поддерживать хорошие отношения с прессой³. Сближению с самым влиятельным изданием того времени «Таймс» способствовала негативная позиция газеты по вопросу о новом Законе о бедных, а впоследствии и ко всей политике вигов. В сентябре 1835 г. на ее страницах прозвучало следующее жесткое заявление: «Мы поддерживаем курс подлинного охранения, как противопоставление ... тому опасному курсу столь быстрых и скоропалительных изменений»⁴. Тесное общение консерваторов с газетчиком Т.Барнсом принесло им большую пользу, так как к 1830-м годам ко мнению газеты прислушивались не только в Лондоне и по всей стране, но и в Европе. Дружественная позиция «Таймс» способствовала упрочению позиции консерваторов. Д.Клерк стал «доверенным лицом» и регулярно сотрудничал с газетой от лица консервативной партии⁵. «Таймс» стала подробно описывать выступления в парламенте и мероприятия консерваторов, речи Р.Пиля публиковались ею в полном объеме. Издавались также и чисто консервативные газеты, причем число их неизменно возрастало. Помимо газет выходили из печати и такие журналы, как «Квотерли Ревью», «Блэквудс Эдинбург Мэгэзин», «Фразерс Мэгэзин», «Стэндард». В них публиковали ма-

¹ Conservatives. P. 70-71.

² Arbuthnot Ch. Op. cit. P. 192; см. также: P. 193, 194.

³ Clark G.K. R. Peel. P. 215-216.

⁴ The Times, 1835, 4 September.

⁵ The History of "The Times", v.1. P. 341, 348, 457-461.

териалы «литературные звезды» того времени Вордсворт, Саузи, Вильсон, Хэлэм, Чалмерс, Крокер и Теккерей. Они обеспечивали партию главными аргументами и интеллектуальной поддержкой. В журналах помимо литературных обзоров, в каждом номере помещались материалы по злободневным вопросам политики правительства вигов, их лидеров. Постоянная полемика с вигами и радикалами затрагивала наиболее острые для общества проблемы¹.

Пропаганда консерваторов осуществлялась не только в прессе, но ими использовались и различного рода обеды, собрания, митинги для озвучивания собственных взглядов. Р.Пиль был одним из тех, кто наиболее активно выступал перед широкой аудиторией, разъясняя свою позицию, а тем самым и позицию партии. Ярким примером может служить следующий эпизод в жизни Пили. После избрания его лордом-ректором Университета Глазго, Пиль, вопреки сложившейся традиции, произнес обычную в таких случаях речь не перед небольшой университетской аудиторией, а на обеде, на котором присутствовало около 3,5 тысяч жителей города и его окрестностей. Это была продолжительная, аргументированная речь от имени партии в защиту палаты лордов, конституции и религии². При этом Пиль достиг двойного эффекта. О его выступлении говорили не только в Глазго, но, благодаря подробным публикациям в прессе, и читающая публика по всей стране. Он получил поток писем с выражением благодарности и признательности³. Более того, речь имела большой успех не только в Британии, но и за ее пределами. Ее высоко оценил Николай I, приказавший перевести речь на русский язык и распространить в российских университетах⁴. Обращение Пили ко всем, кто являлся сторонником реформ и в то же время противником «демократического» влияния, ускорило сближение лорда Стэнли и Д.Грэхема с ним⁵. Тем самым, традиционный банкет послужил поводом для выступления

¹ См., например, кампанию «Таймс» против Т.Б.Маколея: *The Times*, 1839, 8, 9, 16, 21, 31 October; Macauley T.B. *Op. cit.* P. 310.

² *The Times*, 1837, 14 January; Clark G.K. R.Peel. P. 329-330.

³ Peel R. *Op. cit.* v.2. P. 327-329, 331.

⁴ Об этом подробно доложил британский посол из Санкт-Петербурга. / Cecil E.A.R. *Queen Victoria*. P. 107.

⁵ Parker C. S. *Life and letters of James Graham*, v.1. P. 246-247.

перед широкой аудиторией, включавшей не только сторонников — консерваторов, но и вигов, и принес свои ощутимые плоды.

Таким образом, наличие опубликованной программы в виде Тамвортского манифеста, лидера, единого центра в Лондоне и сети обществ в регионах, партийного фонда, использовавшегося для проведения выборов, прессы для пропаганды позиции и привлечения новых сторонников, ежегодные собрания, появление партийных функционеров и организаторов, целеустремленная деятельность, направленная на достижение победы на выборах, а тем самым большинства в палате общин — все это говорит о качественном преобразовании партийной структуры, о появлении нового характера партийной организации. Консервативная партия Р.Пиля может быть охарактеризована, как определенная переходная ступень от парламентских группировок к политическим партиям второй половины столетия. Вместе с тем, это не была еще в достаточной мере развитая и организационно оформленная партия, но и не группировка даже конца двадцатых годов.

Избранная тактика консерваторов оказалась успешной. Выборы демонстрировали постепенное увеличение их сторонников в палате общин. Так, в 1832 г. их было 150, в 1835 — 273. В 1837 г. в связи со смертью Вильгельма IV и началом нового правления парламент был распущен и назначены новые выборы. На них консерваторы одержали следующую победу, получив 313 мест — либералы 345¹. Эти цифры свидетельствуют не только об увеличении численности депутатов — консерваторов и изменении отношения к ним избирателя, но и дальнейшей поляризации общества и парламента. К 1837 г. в нем резко сократилось число независимых депутатов, большинство имело определенную политическую ориентацию, представляя тот или иной лагерь.

Возможно, одной из самых трудных задач Р.Пиля было налаживание связей с двором и королевой. Юная Виктория невзлюбила Пиля: « ... он такой холодный человек ... Порой я даже не могу понять, что он имеет в виду, когда говорит. Мне не

¹ British parliamentary election results. P. 622.

нравятся его манеры», как-то записала она¹. Виктория отдавала предпочтение лорду Мельбурну, который был ее первым премьер-министром и наставником в государственных и политических делах. Судя по ее дневниковым записям, он сразу произвел на нее благоприятное впечатление красотой и манерами, которое со временем усилилось. Она писала: «Мне он очень нравится, и я доверяю ему. Он очень прямой, честный, умный и прекрасный человек»². Лорд Мельбурн, как по своему характеру, так и стилю управления страной, являлся скорее политиком XVIII столетия, царедворцем, умевшим польстить молоденькой девушке. Он сохранял пост благодаря личной привязанности Виктории. Его неудачная политика вкупе с нараставшей социальной напряженностью в стране только способствовала консолидации сил консерваторов. Слабость кабинета уже во время правительственного кризиса 1839 г. не вызывала сомнений не только в стране, но и за ее пределами. Петербургский журнал «Сын Отечества» в июне 1839 г. отмечал: «Все показывает, что положение английских министров весьма затруднительно и неверно. Отвергая помощь и требования радикалов, они в то же время не выполняют требования и охранителей прежнего порядка»³. Непродолжительная отставка Мельбурна не повлекла серьезных политических изменений. Радикалы в силу малочисленности не могли даже претендовать на лидерство в палате. Сам Мельбурн в письме Виктории подчеркивал, что они не способны возглавить правительство, к тому же не имеют хоть какого-нибудь признанного лидера⁴. В силу обстоятельств Виктория обратилась к единственно возможному претенденту. Р.Пиль в ответ на предложение возглавить правительство выдвинул условием замену статс-дам и фрейлин королевы из кланов вигов дамами из торийских семейств, после ее отрицательного ответа он отказался от поста. Вмешательство Пили в дела двора, в ее бли-

¹ The Letters of Queen Victoria. A selection from Her Majesty's correspondence between the years 1837 and 1861. In 3 vls. Ed. By A.Ch. Benson. L., 1907, v.1. P. 200.

² The Letters of Queen Victoria, v.1. P. 98, 99.

³ Сын Отечества, 1839, № 9, отд. 5. С. 33.

⁴ Viscount Melbourne to Queen Victoria, 7 May 1839. / The Letters of Queen Victoria, v.1. P. 195.

жайшее окружение вызвало гнев Виктории¹ и закрепило негативное отношение к самому Р.Пилю. Мельбурн постарался укротить его. Он писал королеве: «Вы должны понимать, что он не привык разговаривать с королями, он человек совершенно других моральных качеств и ума. Он не такой как я, который вырос среди королей и принцев. Я знаю всю королевскую семью и знаю точно, что и как сказать кому-либо из них»². Подчеркивая неаристократическое происхождение Пиля, Мельбурн лукавил. Он «забыл» упомянуть неопытной королеве те должности, что занимал его политический соперник, его близость к Георгу IV и Вильгельму IV. Не все консерваторы были довольны отказом Пиля занять пост, но «Квотерли Ревью» целиком поддержал его и заявил: «Когда Консерваторы водрузятся на Капитоли, то это событие должно стать результатом триумфа, победы, а не мелкой перепалки»³. В конечном итоге кризис завершился тем, что Мельбурну удалось возглавить кабинет, и он продолжил политику проволочек, затягивая принятие наиболее важных решений. 31 декабря 1839 г. Ч. Гревиль записал в дневнике: «Мы перенесли тяжелые испытания, которые доставил нам чартизм, и достигли конца одного года и начало следующего. Парламент вот-вот откроется. Партии сильны. Правительство слабо, каждого заботит то, что может произойти, но никто не видит ясно пути вперед. Всеобщее мнение заключается в том, что оппозиция, если сможет, возьмет власть в свои руки, используя в борьбе каждое слабое место, каждый промах правительства»⁴.

Однако на протяжении 1840 г. виги смогли удержать власть в своих руках. В институтах власти в этот год произошло важное событие: Виктория вышла замуж. После трех лет круговорота праздников, балов, приемов она страстно, восторженно полюбила Альберта Саксен-Кобургского. Появление рядом с королевой столь обожаемого ею немецкого принца не могло не вызвать определенного напряжения в верхах, опасений, что он станет вмешиваться в дела государства. Альберт сумел занять

¹ Ibid., v.1. P. 212-214; Peel R. Op.cit., v.2. P. 388, 391, 395-398, 457.

² Queen Victoria in Her Letters and journals. A selection by Ch. Hilbert. L., 1984. P. 50.

³ Quarterly Review, 1840, N. 130. P. 601. См. Также: Peel R. Op.cit., v.2. P. 455-456.

⁴ Greville Ch. Op. cit., v. IV. P. 259.

достойное положение, он наладил ведение дел при дворе, и обратился к общественной деятельности. Исключить его влияния на Викторию было невозможно. И именно благодаря этому влиянию королева стала постепенно менять отношение к лидеру консерваторов, так как Пиль довольно быстро добился расположения принца¹.

Весной 1841 г. положение вигского кабинета стало критическим. Общество бурлило, раздавались требования его отставки и роспуска парламента. Во всех лондонских клубах, по словам Ч.Гревилла, царило «необычайное оживление»². Политическую обстановку, накал страстей остро ощущали иностранцы, побывавшие в стране в этот период. К.Паулович так описывал происходившее: «... все ремесленники, извозчики, поденщики и даже нищие участвуют в этой политике и по обстоятельствам, от какой партии надеются получить больше выгод, пристают к ториям, или к вигам, или к радикалам. ... Эти люди то одну, то другую, то третью партию защищают и превозносят, за оную кричат, спорят, ссорятся и часто дерутся. Эти сцены производятся по питейным и харчевенным домам, по некоторым улицам и частям города; также по деревням, уездам и даже по целым графствам». При этом следует учесть, что только в Лондоне, по его же сведениям, было до 500 таверн и до 600 кофеен в это время³. Глаза стороннего наблюдателя подмечают то, что стало давно привычным, обыденным для жителей страны. В силу этого картина, нарисованная Пауловичем, весьма ценна для понимания состояния британского общества в условиях нараставшего кризиса. Дополняет ее и «Библиотека для чтения», замечавшая, что в английских домах «политика — любимый предмет разговоров за первым завтраком, который продолжается с час», обсуждение темы разговора заканчивалось обычно за обедом⁴.

Камнем преткновения стал предложенный правительством бюджет, сохранявший прежние пошлины на импортный сахар, при этом правительство было намерено лишь незначи-

¹ Подробнее об этом см.: Cecil E.A.R. Queen Victoria and her prime ministers. L., 1953. P. 108-109.

² Greville Ch. Op. cit., v.IV. P. 403-404; см. также: Macaulay T.B. Op. cit. v. III. P. 372, 373.

³ Паулович К. Замечания о Лондоне. С. 104-105, 15.

⁴ Библиотека для чтения. С.-П., 1841. № 45. С. 83, 86.

тельно сократить другие пошлины. Как отмечалось выше, льготными тарифами облагалась продукция британских колоний и, прежде всего, вест-индский сахар и ром, тогда как продукция Индии относилась к иностранной. Накануне начала дебатов 5 мая в столице прошел многочисленный митинг. На нем присутствовали все те, кто в той или иной мере был заинтересован в утверждении парламентом правительственного проекта¹. Однако в реальности кабинет поддерживала лишь незначительная часть населения, что понимал и сам Мельбурн. С 7 мая парламент заседал на правах комитета.

Джон Рассел от имени правительства обрисовал положение в колониях. Сохранение протекционистской системы, практически, в неизменном виде он объяснял следующими обстоятельствами. Первое касалось сахара. Снижение пошлин на иностранный сахар может привести к тому, что вест-индская продукция не выдержит конкуренции. А понижение доходов плантаторов повлечет отказ негров работать за гроши, прекратится производство сахара, который не является предметом первой необходимости для самой Вест-Индии. А сахар, подчеркивал он, «чрезвычайно важен для поддержки народа нашей страны». Он является «одним из наиболее важных компонентов самой умеренной и воздержанной диеты» британца. Далее. В связи с кризисом в хлопчатобумажной промышленности он полагал, что любые изменения тарифов могут привести к непредвиденным последствиям, прежде всего, закрытию английских перерабатывающих фабрик, которые зависят от привозного сырья. И в ответ на требования сторонников свободы торговли правительство предполагало лишь незначительное сокращение некоторых пошлин². Безусловно, в сложной обстановке оно опасалось резких шагов и социального взрыва. И в качестве основных аргументов выдвигало заботу о бедняках и неграх, интересы промышленности.

Решительно против представленного бюджета выступили фритредеры, подвергнув правительственный проект критике. Так, Хэндли говорил с позиций сторонника отмены хлебных законов, а Лашингтон отстаивал интересы ост-индских производителей. Поддержание высоких пошлин он рассматривал как

¹ The Morning Post, 1841, 6 May.

² PD, 1841, v.58. P. 16-53.

действие, которое ухудшает существующее положение, и в то же время противоречит интересам освобожденных рабов¹.

Итак, оппозиционный настрой палаты обнаружился со всей очевидностью. Напряжение тут же вышло за стены парламента. Недовольные бюджетом, торговцы угрожали спрятать сахар². Обеспокоенная ходом развития событий Виктория, тем не менее, заявила о намерении не вмешиваться в дела парламента. С 7 мая дебаты продолжались ежедневно вплоть до 18 числа. К их окончанию уже мало, кто сомневался в назначении Р.Пилля главой кабинета в ближайшее время. Одновременно проходили довыборы в палату, на которых консерваторы одержали победу, что только укрепляло во властных институтах и обществе ощущение скорых перемен. Сообщая об успехах консерваторов, «Морнинг Пост» писала: «Как мы уверены, теперешним министрам Короны суждено быть разбитыми по всем пунктам»³. 17 мая герцог Веллингтон в письме к Пиллю предлагал подготовиться к формированию своего правительства⁴.

А.А.Милютин, посетивший в эти дни заседания палаты общин, записал в дневнике: «Мне показалось удивительным, что несмотря на всю важность предмета, занимавшего нижний парламент в эту эпоху, когда дело шло о существовании министерства, заседание было так вяло, тихо и что большая часть скамей была пуста»⁵. Эти «тишина» и «вялость» являлись следствием очевидности ситуации для всех. Как показывает переписка Мельбурна с Викторией в эти дни, уже в начале мая он понял, что палата не примет бюджет, несмотря на поддержку незначительной группировки сторонников сохранения протекционистской политики. Таких, как те, кто организовал тот митинг, который состоялся накануне начала обсуждения бюджета. Мельбурн же, со своей стороны, был занят разрешением иной проблемы: уходить в отставку или распустить палату⁶.

¹ Ibid. P.82.

² Greville Ch. Op. cit. V.V. P. 4.

³ The Morning Post, 1841, 12 May.

⁴ Peel R. Op. cit. v.2. P. 461.

⁵ Милютин А.А. Английский дневник 1841 г. / Проблемы британской истории. М., 1974. С. 198.

⁶ Viscount Melbourne to Queen Victoria, 4 May 1841. / The Letters of Queen Victoria, v.1. P. 337.

Прения по бюджету завершились 18 мая в 3 часа ночи. Большинство в 36 голосов высказалось против сохранения пошлин¹. В доме Р.Пиля прошло совещание его сторонников. После длительного обсуждения они приняли решение выносить вотум недоверия кабинету, что и было сделано вечером в парламенте. Как сообщали газеты, в стране царил оживление, повсюду проходили митинги, агенты по выборам разъехались по округам. В Бирмингеме и других городах собирались подписи под петициями в поддержку вотума недоверия правительству². Голосование прошло лишь 4 июня. Большинство в один голос палата вынесла недоверие кабинету Мельбурна. 7 июня парламент был распущен и назначены новые выборы. Хотя они проходили в атмосфере понижения политической активности в обществе, кое-где отмечались случаи жесткой борьбы между кандидатами вплоть до шельмования противника³. Виги построили свою предвыборную агитацию на новых обещаниях, исполнение которых откладывалось на неопределенное время. Подобного рода тактика не могла принести им успеха. Она только давала лишний повод консерваторам усилить критику политики бывшего правительства⁴. Консерваторы одержали победу на выборах и получили большинство мест в нижней палате – 367, виги, потеряв 91 место, получили 291⁵. Как писал «Эннюзл Реджистер», виги лишились доверия Церкви, землевладельцев и фермеров, предпринимателей, обеспокоенных положением дел в колониях. От них отвернулись и радикалы, недовольные провозглашением «окончательности» реформ. Правление министров привело к настолько негативным последствиям, что победа вигов была бы для страны «почти самоубийственным актом»⁶. Либеральная пресса высказывала надежду, а иногда и уверенность в том, что правление консерваторов будет столь же кратким, как и в 1834-35 гг., и страну ожидают близкие новые выборы. Консервативный орган «Дублин Мейл», вступая в полемику, писал: «Угро-

¹ PD, 1841, v.58. P. 667.

² The Morning Post, 1841, 24-27 May; The Times, 1841, 24, 26, 29 May; Санкт-Петербургские ведомости, 1841, 4, 5, 8 июня, и др.

³ Сын Отечества, 1841, № 26. С. 125-126; № 27. С. 303; № 28. С. 325, 327.

⁴ The Annual Register. 1841. L., 1842. P. 145.

⁵ British parliamentary election results. P. 622. «Квотерли Ревью» приводил иные цифры: 362 консерватора и 271 вига. / Quarterly Review, 1841, v. LXVIII. P. 508.

⁶ The Annual Register. 1841. P. 143-144.

зы вторичного роспуска парламента только доказывают, в каком слабом положении находится министерская партия ... Если еще раз представится случай к выборам, то мы доставим Роберту Пилю большинство не семидесяти, а двухсот голосов. События последнего времени достаточно обнаружили силу и влияние охранительных начал»¹. Редактор «Таймс» в эти дни записал в дневнике: «Страна против них ... Страна устала от старых рук и хочет воспользоваться новым доктором»². Один из ближайших друзей Пиля Д.Крокер писал ему «Выборы прекрасны. Удивительно то, что все обращаются к имени сэра Роберта Пиля. Впервые, насколько я помню нашу историю, народ избрал первого министра для Короля»³. Более того, консервативную партию поддержала значительная часть чартистов во главе с О'Коннором. Это объяснялось тем, что либералов, опиравшихся на предпринимателей, они считали худшими врагами рабочего класса⁴.

24 августа собрался вновь избранный парламент. Правительство Мельбуерна ушло в отставку, кабинет консерваторов возглавил Р.Пиль, который опирался на большинство партии в нижней палате. Победу консерваторов в определенном смысле можно рассматривать, как приход к власти партии в современном смысле этого слова. Причиной этого является то, что победа стала результатом длительной целенаправленной политической кампании, в ходе которой сформировалась программа партии, ее структуры, формы и методы агитации. Анализируя причины прихода к власти консерваторов, большинство историков отмечают роль лидера – Р.Пиля⁵. Бесспорно, талантливый политик, он сумел сформулировать идейную платформу, объединить консервативные силы в стране и парламенте, привлечь на свою сторону избирателей, значительную часть населения. Однако деятельность Р.Пиля является важным, но не единственным условием победы. Один он едва ли смог бы в такой краткий срок добиться столь существенных результатов. Наличие организации и активистов, их деятельность стали одной из

¹ Цит. по: Сын Отечества, 1841, № 30. С. 362.

² Цит. по: Stewart R. Op. cit. P. 154.

³ Peel R. Op. cit. v.2. P. 475.

⁴ Cooper T. The life of Thomas Cooper written by himself. N.-Y., 1971. P. 149-150, 156.

⁵ Stewart R. Op. cit. P. 151; Blake R. The Conservative party from Peel to Thatcher. L., 1985. P. 49; O'Gorman F. British conservatism. P. 26; etc.

предпосылок успеха. Этому способствовала также и обстановка в стране. Экономический кризис, связанные с ним ухудшение положения торговцев, предпринимателей¹, мелкого производителя и рост преступности² обострили проявлявшееся на протяжении всего пореформенного периода недовольство политикой вигов. Так, во многих местах во время выборов немаловажную, а кое-где решающую роль играло отношение кандидатов к этой политике. Прежде всего, речь шла о Законе о бедных и фабричном законодательстве³. Безусловно, говоря об успехах консерваторов, необходимо принимать во внимание и такие мощные общественные движения, как чартизм и борьба против хлебных законов, которые обычно игнорируются исследователями политической истории. Между тем, оба движения сыграли важную роль в привлечении определенных слоев населения, прежде всего, аграрного на сторону консерваторов, обещавших спасти конституцию и сохранить социальный порядок от «деструктивных» элементов. Джентри и фермеры, напуганные размахом агитации Лиги, поверили в обещания консерваторов сохранить прежние тарифы. Размах первой волны чартистского движения не мог не напугать городского и сельского обывателя, готового отдать свой голос тому, кто обещал навести порядок в стране. Таким образом, консерваторы обязаны победой не только слаженным целенаправленным действиям, своей организации и лидеру, но и тем конкретным условиям, которые сложились в стране к началу сороковых годов. Неспособность кабинета Мельбуерна решать наиболее важные и острые вопросы экономической и социальной политики в условиях кризиса явилась одной из важнейших причин поражения вигов.

Таким образом, подводя итоги общественно-политической истории Британии 1830 – начала сороковых годов необходимо отметить следующее. Пореформенный период стал важным этапом в изменении соотношения сил в институтах власти и их взаимоотношении с обществом.

В функционировании парламента, как законодательного органа, и кабинета министров, как органа исполнительной вла-

¹ О размерах кризиса свидетельствуют, например, такие цифры: за 1838-1841 гг. только в Лидсе разорилось 88 предприятий, а уровень производства упал на 40-45%. / Ward J.T. Op. Cit. P. 229.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.2. С. 362.

³ Ward J.T. Op. Cit. P.224-225.

сти, дальнейшее размежевание консерваторов и либералов, в основе которого лежало различное отношение к реформированию институтов «старого порядка», приобретает новые черты. Идея организационного единения, давно осознанная участниками социальных движений, была воспринята политиками, и получила дальнейшее развитие в политической сфере. В наибольшей мере эта идея осуществилась на практике в деятельности Р.Пиля и его сподвижников консервативного лагеря. Таким образом, в расстановке сил в ветвях высшей законодательной и исполнительной власти происходили дальнейшие перемены, в результате которых усиливалась значимость партийного фактора. Это еще не были партии в современном смысле этого слова. Ни в одном лагере не было реальной политической программы и избираемого лидера, строгой дисциплины голосования, четкой партийной организации и т.д. Порой члены группировок меняли политическую ориентацию, переходили на сторону противника. Но это уже не были и парламентские партийные группировки, которые концентрировали внимание на внутрипарламентской борьбе, проходившей, практически, без учета мнения общества. Роль общества, общественного мнения и настроения избирателей превращается в одно из важнейших условий прихода той или иной партии к власти

В статусе монарха также происходили дальнейшие подвижки. Виктория самоустранилась при обострении правительственного кризиса в 1841 г., закрепив этим шагом невмешательство короны в политические дела. Однако при уменьшении политической роли монарха его социальные функции сохранялись в полном объеме. Более того, он оставался важной частью законодательного процесса – так как билль становился законом только после его подписания монархом. Монарх открывал и закрывал сессию парламента, объявлял роспуск и выборы в новый парламент.

Зародившиеся в тридцатые годы масштабные общественные движения – чартистов и фритредеров, явились показателем нового уровня развития институтов самоорганизации. Используя традиционные организационные формы и методы агитации, чартисты и фритредеры объединились быстрее, энергичнее повели агитацию в обществе и активнее воздействовали на власть в достижении своих целей.

Глава 9. Власть и общество в 1840-е годы

Агитация фритредеров и чартистов в первой половине сороковых годов. Политика кабинета Р.Пилля

Положение страны в начале сороковых годов было крайне тяжелым. Вследствие затянувшегося экономического кризиса в основных промышленных районах разорялись владельцы, закрывались крупные и мелкие предприятия, что вело к росту безработицы и нищеты, снижению заработной платы в связи с частичной занятостью на еще работавших фабриках и мастерских. Кризис затронул и торговлю. Застой в промышленности и торговле привел к небывалому дефициту бюджета, который в 1841 г. превышал 6 млн. фунтов стерлингов¹. Финансовую нестабильность усугубляла затянувшаяся опиумная война с Китаем, неудачные военные действия в Афганистане, ухудшение взаимоотношений с Соединенными Штатами из-за канадской границы, сирийский кризис на Ближнем Востоке. Непокойной была и внутривластная обстановка. Современники отмечали резкое ухудшение положения трудящихся масс². Так, например, американский социалист Д.Ф.Брей, работавший в 1830-40 годы в Лидсе наборщиком в типографии в письмах на родину описывал небывалое ухудшение жизни в Англии. Его брат в ответном письме отмечал, что положение трудящихся классов в Англии было гораздо хуже, чем рабов в Америке³. Кризис способствовал нарастанию фабричного, чартистского и фритредерского движений.

¹ The Morning Post, 1841, 27 May.

² В газетах, журналах и памфлетах печатались отчеты различных комитетов, обследовавших условия жизни рабочих, в них приводились подробности, свидетельствующие о том, насколько кризис ухудшил положение трудящихся. Одно из таких изданий помещено в сборнике документов. Adshear J. Distress in Manchester. Evidence of the state of the labouring classes in 1840-42. L., 1842. // Focal aspects of the Industrial Revolution 1825-1842. Five pamphlets. Shannon, 1971. P.127-180.

³ РГАСПИ, ф.220, оп.1, лл. 21-26, 39-42.

Особую активность в эти годы проявляла Лига борьбы против хлебных законов, выдвинувшая такой привлекательный лозунг, как дешевый хлеб. “Аннюзл реджистер” отмечал необыкновенную энергичность Лиги, создававшей новые ассоциации, рассылавшей платных лекторов и эмиссаров, “которые должны были организовать общественное мнение и привлечь его к проблеме хлебных законов”. Все бедствия страны фритредеры объясняли высокими ценами на хлеб¹. Вместе с тем нарастало и сопротивление сторонников протекционизма. Так, накануне обсуждения бюджета в мае 1841 г. только 3 числа в палату лордов поступило 120 петиций, требовавших сохранить шкалу пошлин в неизменном виде².

В такой обстановке Р.Пиль пришел к власти. Его позиция была ослаблена тем, что консервативная партия, объединенная идеей прихода к власти, не представляла собой монолитно сплоченной парламентской группировки. Объединение консерваторов уже не было столь необходимо, как во время борьбы за власть. По-прежнему сохранялся разброс мнений, депутаты-консерваторы имели свои интересы и позицию, концепции значения и характера власти, ее задач³. Причем пилиты либерального толка, на которых опирался премьер-министр, составляли меньшую часть консервативного лагеря, примерно от четверти до трети⁴.

Главное направление своей внутренней политики Р.Пиль видел в ослаблении социальной напряженности, восстановлении финансовой стабильности, создании базы для национального процветания и повышения жизненного уровня. В ирландской политике он попытался нейтрализовать опасное для Великобритании движение О’Коннела, договорившись с католической частью среднего класса, и укрепить тем самым позицию английского правительства в Ирландии. Ч.Гревилль писал: “Он поднял чрезвычайно высоко планку и действовал как с величайшим благородством, так и проворством”. Гревилль отмечал также и менявшееся в либеральных кругах мнение о премьер-министре,

¹ The Annual Register. 1841. L., 1842. P.94.

² The Morning Post, 1841, 4 May.

³ Gash N. Reaction and ... P.148.

⁴ Позднее кризис 1846 г. показал, что на стороне Р.Пилиа была треть всех консерваторов в палате общин.

политика которого являлась резким контрастом по сравнению с предыдущим правлением Мельбурна, что "расширяло и усиливало благоприятное отношение к Пиллю"¹.

Одним из важнейших шагов кабинета стало утверждение бюджета 1842 г. Как свидетельствует переписка Р.Пилля того времени, его направления он начал вырабатывать еще осенью 1841 г. Как и в период борьбы за власть, он опирался на ближайшее окружение. В данном случае статьи бюджета премьер обсуждал со своими министрами².

Открывая сессию, королева Виктория в речи уделила внимание вопросу о хлебных законах, что предвосхитило поистине реформаторский характер бюджета Пилля. Он состоял из трех частей, в которых предполагался пересмотр подоходного налога (впервые после 1816 г.), целью которого был переход от косвенного к прямому налогообложению; снижение акциза на ввозимую пшеницу, пересмотр шкалы пошлин на зерно; пересмотр шкалы пошлин в целом. Всего были снижены показатели по 750 позициям³. Хлебные законы также подверглись серьезным изменениям. Бюджет предусматривал введение новой "скользящей шкалы", существенно снижавшей, примерно наполовину, уровень тарифной защиты английского зерна по сравнению со шкалой 1828 г. Р.Пиль не мог не считаться с давлением на общество и парламент, которое оказывала Лига. Уже в первом выступлении в качестве премьера он заговорил о хлебных законах и необходимости их пересмотра⁴. Это было, в сущности, продолжение традиций Питта и Гэскиссона, и имело целью снижение стоимости жизни в стране. Бюджет не мог не вызвать возражений, уже первые предложения об изменении тарифов встречались консервативными кругами с недовольством и достаточно холодно⁵, тем не менее он был утвержден палатой при небольшом сопротивлении консерваторов. "Квотерли Ревью", занимавший умеренную позицию, по окончании сессии парламента

¹ Greville Ch. Ibid., v. V. P.90-91; см. также P.137.

² Peel R. Ibid., v.2. P.498, 502-506.

³ Янжул И. Указ. соч. С. 29.

⁴ PD, 1842, v.60. P.40.

⁵ Greville Ch. Ibid., v. V. P.84.

поместил хвалебную статью о финансовой политике Пиля, безоговорочно поддержав ее, как “оригинальную и благородную”¹.

Тем не менее, сторонники свободы торговли, и, прежде всего, члены Лиги не были удовлетворены частичными мерами, и в одном из выступлений Кобден выдвинул задачу активизации деятельности в двух направлениях: усиление агитации и увеличение собираемых средств. В те дни он писал: “Мы должны существенно продвинуться вперед в ближайшие двенадцать месяцев”². Результаты сказались быстро: только в течение парламентской сессии 1842 г. было подано 2881 петиция с 1 540 755 подписями с требованиями отмены хлебных законов и введения свободы торговли³.

Начинался новый подъем чартистского движения. Он отличался от предыдущего этапа, прежде всего, дальнейшим размежеванием в лагере чартистов; та часть среднего класса, которая участвовала в движении, отошла от него и стала его противником. Сосредоточившись на борьбе с хлебными законами, фритредеры выступили против “насильственных” мер борьбы, массовых действий и стачек. Они полагали, что чартисты должны сконцентрировать свои усилия на воспитательной работе, чутко уловив изменения в настроении некоторых лидеров.

Осуществление знаменитых шести пунктов в ближайшее время выпавший из тюрьмы В.Ловетт считал нереальным; путь решения всех бедствий он увидел в образовании, получение которого даст рабочим умственное развитие и представительство⁴. Он высказался за создание Национальной ассоциации, целью которой бы стала подготовка общественного мнения в пользу хартии. Все силы чартистов следовало бы направить на распространение образования среди рабочих, открыть в каждом городе рабочие клубы и библиотеки. В дальнейшем В.Ловетт отошел от активной деятельности в движении за хартию. Его идея об образовании начала осуществляться в 1841 г., когда Национальная ассоциация провозгласила своей целью распространение знаний. К В.Ловетту присоединились все те, кто считал действия

¹ Quarterly Review, 1842, v.70, N 140. P.492, 494, 515.

² R.Cobden to F.Cobden, July 20, 1842. Цит. по: Morley J. Op. cit. P.159-160.

³ Джефсон Г. Указ. соч., т. 2. С. 314.

⁴ Lovett W. Op. cit., v. 2. P.250-253.

чартистской ассоциации незаконными. Среди них были и радикалы Д.С.Миль, Д.Юм, Д.Грот, Ч.Буллер и др.¹

Ф. О'Коннор разработал Земельный план, нацеленный на наделение желающих небольшими участками земли для создания мелких ферм. Проект представлял собой сочетание, смесь взаимопомощи, учения Р.Оуэна и диггеров периода революции середины XVII в. Идеей он проникся еще летом 1840 г., однако к ее осуществлению приступил уже после 1842 г. План Ф. О'Коннора приобрел популярность среди той части рабочих, которые недавно порвали связи с деревней и стремились вернуться обратно. Позднее создана Национальная земельная компания, ее члены вносили еженедельно небольшую плату, на которую и приобретались участки земли. Она просуществовала вплоть до 1851 г. и была распущена из-за финансового краха². Тем не менее, принятие плана в сентябре 1843 года в значительной мере ослабило чартистское движение на севере страны³. В Шотландии и ряде других регионов в то время развивалось свое самостоятельное движение.

20 июля 1840 г. в Манчестере собрались представители молодого поколения чартистов, заменившие находившихся в тюрьмах прежних лидеров движения, для создания единой "Национальной чартистской ассоциации". С ее возникновением произошла реорганизация чартистских объединений⁴. Создание всеобщего совета и принятие устава явились важным шагом вперед к объединению усилий чартистов по всей стране. Вступавшие в ассоциацию уплачивали членские взносы, получали членскую карточку, избирали делегатов во всеобщий совет⁵. Отечественные историки рассматривали эти нововведения как

¹ J.S.Mill to W.Lovett, 27 June 1842. // Mill J.S. Ibid., v. XIII. P.533.

² Большинство историков склоняется к мысли, что крах наступил из-за слабости финансовой базы и неустойчивого поведения автора проекта. Проект не был настолько нереален, как это могло бы показаться, считает Ф.Мазер, так как аграрный сектор мог стать источником существования многих желающих, которые бы сочетали жизнь в деревне с занятиями ремеслом. // Mather F.C. Chartism. L., 1965. P.15.

³ Ward J.T. The factory movement ... P.271.

⁴ Ward J.T. Chartism. L., 1973. P.142.

⁵ Aims and Rules of the National Chartist Association. // The early chartists. P. 288- 293.

установление партийных форм членства в организации¹. Однако эти аргументы не могут являться решающими доводами существования партии чартистов. Традиции британских общественных объединений заключались в том, что взносы уплачивали члены различных обществ, ассоциаций и клубов. Как отмечалось выше, они могли быть добровольными или обязательными. Так, например, дневниковые записи одного из чартистских лидеров более позднего времени В.Адамса, который в начале пятидесятых годов был членом многочисленных обществ, свидетельствуют, что он регулярно уплачивал взносы и имел членские карточки во всех организациях². В то же время взносы и карточки являлись неизменным атрибутом и ремесленных союзов. А их традиции сохранялись в середине XIX века³.

Кризис 1841 г. способствовал активизации деятельности, как чартистов, так и фритредеров, видевших в свободной торговле, и, прежде всего – в отмене хлебных законов, возможность улучшения экономического положения. В среде радикалов родилась мысль о союзе с чартистами. Особенно активно ее отстаивал Д.Стредж⁴. Эта идея нашла отклик и у некоторых чартистов. Они полагали, что их главным врагом является аристократия. Именно в борьбе против нее рабочие и средние классы должны объединиться, продолжая традицию борьбы за избирательное право рубежа тридцатых годов⁵. Весной 1842 г. предпринята попытка оформления такого рода союза буржуазии с группой радикалов, оказавшегося непрочным и недолговечным. Уже в декабре обозначились существенные расхождения по вопросу о реформе парламента⁶.

¹ Резников А.Б. Первая классовая битва пролетариата. С.9.

² РГАСПИ, ф. 222, оп. 1, д.1-2. Выписки из дневников. С. 5,6,7, 9, 10, 11 и т.д.

³ Лиз К., Соли Г. "Неодолимая фаланга": ассоциации ремесленников в Западной Европе. 1300-1800 гг. // Предваряя союзы. Наемные рабочие и коллективные действия в Европе 1300-1850. М., 1997. С.19-78.

⁴ Джеймс Стредж был сторонником отмены системы ученичества в колониях. В 1836-1837 гг. он объездил вест-индские колонии и опубликовал результаты поездки, где доказывал необходимость немедленных действий. // Stanton H.B. Sketches of reforms and reformers. Reprint. Miami, 1969 P.217-218.

⁵ Bamford S. Passages in the life of a radical. Oxford, N.-Y., 1986. P.364-365; Lovett W. Op. cit., v.2. P.266-267, 280-281.

⁶ Lovett W. Op. cit., v.2. P.288-291, 295-296.

Возобновилась деятельность Конвента, который собрался в Лондоне 12 апреля 1842 г. и вновь выдвинул идею петиции, обращения в парламент, с которым чартисты продолжали связывать надежды на улучшение своего экономического положения. Началась новая кампания по сбору подписей, проходили митинги и демонстрации. Вторая петиция отличалась от первой более резким тоном, обличением политического строя и требованием расторжения унии с Ирландией. На этот раз в ней содержалась также и просьба заслушать в парламенте представителей чартистов. К моменту внесения в парламент под петицией было собрано 3 315 752 подписи. Эта цифра сразу же вызвала сомнение. Поддерживая правительство, вигская и консервативная пресса утверждала, что реально под петицией не более 20 тыс. подписей. А ее внесение в парламент называлось “майским шоу”, а не политической демонстрацией. В связи с этими доводами предлагалось не слушать представителей чартистов в парламенте¹.

Радикал Т.Данкомб представил петицию в парламент 2 мая. Выступая на заседании палаты общин, он вновь говорил о том, что парламент “пренебрегает” интересами рабочих классов тогда, как они лишь просят выслушать их². Клерк зачитал петицию. На следующий день “Таймс” писала, что петиция “содержит различные жалобы. Некоторые из них, как на новый Закон о бедных, реальные и положение можно исправить актом парламента. ... Другие достаточно реальные, но являются обычным следствием состояния человеческого общества в наши дни, или нашего теперешнего состояния, либо же находятся за пределами законодательства и не могут быть исправлены... Но главная и основная цель их атаки — существующее положение системы представительства”. По мнению газеты, перед парламентом должен стоять не вопрос о полноте представительства народа, а великий вопрос, как им управлять и создавать наилучшие условия для осуществления прав, данных конституцией³. Влиятельная газета предвосхитила ход обсуждения обращения чартистов, которое прошло 5 мая.

¹ PD, 1842, v.63. P. 32, 34.

² Ibid. P.1374.

³ The Times, 1842, 3 May.

Т.Данкомб в связи с вопросом о достоверности количества подписей, заявил, что петицию подписали не только взрослые мужчины, рабочие страны, но и их жены и дети. А их численность, по его мнению, доходила до 1 миллиона. Он вновь говорил о тяжелом, бедственном положении народа, голос которого должен быть услышан палатой¹. Данкомб, выступавший, по мнению чартистов, “смело и мужественно”², был поддержан некоторыми парламентариями, среди них – Лидер, Боуринг, Филден, О’Коннел и Робак. Однако предложение выслушать чартистов и сама петиция были встречены негативно. И консерваторы, и виги были солидарны, с редким единодушием выступили Р.Пиль и Д.Рассел. Д.Грэхем считал, что осуществление требований приведет к худшим последствиям и большим бедам, чем нынешнее состояние страны³. С пространной речью, которая довольно быстро стала широко известна, выступил Т.Маколей. Согласившись с разумностью требования тайной подачи голоса на выборах, частично – с сокращением срока полномочий парламента; Маколей решительно высказался против всеобщего избирательного права, которое он рассматривал как катастрофу для существования цивилизации. Цивилизация, по его мнению, основывалась на защите собственности. Выборы без определенных ограничительных цензов могли бы привести к тому, что власть окажется в руках врагов собственности, т.е. к гораздо худшим для страны последствиям, чем нынешняя депрессия⁴. Таким образом, члены парламента высказались против предложения Т.Данкомба, за него было подано лишь 49 голосов. Чартистская пресса тут же атаковала парламента⁵. Вновь участники движения стояли перед дилеммой, что делать дальше, как воздействовать на парламента.

Брожение началось в центральных графствах на каменно-угольных шахтах и было вызвано понижением заработной платы. Забастовщики получили поддержку рабочих Стаффордшира и Ворвикшира. Забастовочное движение поднялось стихийно. В

¹ PD, 1842, v.63. P.14-32.

² Cooper T. The life of Thomas Cooper written by himself. P.179.

³ PD, 1842, v.63. P.41-43.

⁴ Ibid. P.43-46.

⁵ Наиболее активно выступала “Норзерн стар”. // Ward J.T. Chartism. P.157-158.

августе остановилось большинство до того еще работавших манчестерских фабрик. Волна забастовок и митингов вызвала сильную тревогу не только в правительственных кругах, но и в среде аристократии, промышленников и среднего класса. В письме к Д.Грэхему Р.Пиль подчеркивал: "Мы должны быть бдительны и тогда зима не застанет нас врасплох"¹. Еще осенью 1841 г. обращаясь к Арбатноту, он признавался, что Лига и чартизм вызывали наибольшую озабоченность правительства². Судя по переписке главы кабинета и министра внутренних дел с королевой Викторией, они ясно сознавали, что движение носило политический характер, и не было вызвано лишь последствиями экономического кризиса³.

Чартистская конференция в Манчестере 17 августа приняла решение о всеобщей забастовке. Забастовки и демонстрации проходили почти по всей стране, в движение включились ремесленники и фабричные рабочие. В толпах демонстрантов находилось много женщин, протестовавших против высоких цен и голода⁴. Однако и в этот период движение страдало теми же недостатками, что и предыдущий, и последующий. Не было единства среди забастовщиков, ни сплоченности среди лидеров. Достигнув наивысшей точки к 20 августа, движение пошло на убыль.

В 1842 году консервативный кабинет действовал более решительно, чем вигский в 1839 г. Позиция правительства определилась летом 1842 г. Она заключалась в жестком противостоянии "бунтовщикам", опоре на войска, среднюю и мелкую буржуазию в городах, джентри в деревне – Тогда было принято решение опубликовать прокламацию с призывом к населению воздержаться от участия в митингах и других акциях. Иными словами от всех действий, что могли бы нарушить общественный порядок в стране⁵. Министр внутренних дел Д.Грэхем писал королеве, что помимо армии, которую невозможно держать во всех населенных пунктах королевства, необходимо опираться

¹ Peel R. Sir Robert Peel from. v. 2. P.546.

² R.Peel to mr. Arbuthnot, 29 September 1841. // *ibid.*, v.2. P.510-511.

³ Sir James Graham to Queen Victoria, 15 august, 1842; Sir Robert Peel to Queen Victoria, 18 august, 1842. // *The Letters of Queen Victoria*, v.1. P.530, 531, etc.

⁴ Royle E., Walvin J. English radicals and reformers 1760-1848. P.167.

⁵ *The Letters of Queen Victoria*, v.1. P.529.

на каждого “добропорядочного” гражданина. Чартисты представлялись ему, да и не только ему, разбушевавшейся толпой грабителей, а им противостоит горстка войск и магистраты. Он считал, что необходимо за счет графств создать сельскую полицию, а в городах поощрять институт специальных констеблей. Их оплата должна осуществляться за счет налогов на бедных¹. Помимо военного противостояния правительство применило жесткую репрессивную политику, около 1,5 тыс. человек было арестовано, проходили судебные процессы. Многих чартистов приговорили к высылке в колонии, других ждало тюремное заключение на родине. Р.Пиль высоко оценил быстрые и решительные действия армии и констеблей².

Нужда и репрессии стали причиной сокращения числа членов Национальной ассоциации, читателей чартистской прессы. Чартизм потерял свой массовый характер, ослабла агитация, прекратились грандиозные митинги. Тем не менее, даже правительство понимало, что с движением не покончено. Как отмечал сам Р.Пиль, “сохранялось ядро политического радикализма”: организации и пресса³, а Д.Грэхем писал: бунты подавляются, но “бунтарский дух не сломен”⁴.

Бирмингемский Союз полного избирательного права, созданный сторонниками Стерджа, вносил свою петицию отдельно от Национальной чартистской ассоциации дважды. Она повторяла шесть пунктов и была отвергнута парламентом и в 1842, и в 1843 г. Однако во втором случае, при ее внесении часть депутатов заговорила о неудовлетворительном представительстве народа в палате общин. Ряд депутатов признал возможным расширение избирательного права лишь тогда, когда будут заметны “огромные изменения в образовании и морали народа”. В 1843 г., безусловно, сказалось влияние обсуждения проблем образования при подготовке билля о фабричных школах. Р.Пиль заявил на заседании палаты общин, что осуществление предлагаемой ре-

¹ Parker H.T. Life and letters of sir James Graham ..., v.1. P. 320-324.

² См. например, письмо Р.Пилья к герцогу Веллингтону 24 апреля 1842 г. // Peel R. Op. cit., v.2. P.540.

³ Ibid. P.168.

⁴ Parker H.T. Life and letters ..., v. 1. P.324.

формы приведет к республиканской форме правления, а это противоречило бы конституции и намерениям правительства¹.

13 февраля 1843 г. началось обсуждение бедственного положения в стране, которое фритредеры сумели превратить в обсуждение пошлин на продукты питания, главным образом, на хлеб. Палата заседала на правах комитета несколько дней и закончила обсуждение вопроса лишь 17 числа. Прения открыл виконт Ховик, который, ссылаясь на послание королевы, предложил обсудить кризисное состояние экономики и тяжелое положение в стране. Решение бед, то есть преодоление кризиса в промышленности, застоя в делах и рост нищеты, он видел в отмене всех ограничений и барьеров в торговле². Речь Кобдена в защиту свободы торговли, произнесенная во время этого обсуждения, была немедленно размножена, ее тираж составлял сотни тысяч экземпляров. Обсуждение проходило крайне тяжело, страсти в течение нескольких дней были настолько накалены, что в палате общин приходилось останавливать слишком увлекшихся ораторов. Противники свободы торговли упрекали Лигу в том, что она своими митингами пытается подтолкнуть людей на незаконные действия и оказать давление на парламент. Высказывались и другие обвинения в подобном духе³. Р.Пиль обещал не менять хлебные законы в эту сессию, хотя в обществе, по утверждению Ч.Гревилла, уже появилась уверенность в том, что их полная отмена необходима и неизбежна⁴.

В 1843 г. центр деятельности фритредеров переместился в столицу, где только за полгода было проведено 136 митингов в специально построенном помещении⁵. Более того, росла поддержка движения со стороны предпринимателей. Об этом свидетельствует такой яркий факт: только за 1,5 часа на митинге в Манчестере было собрано 12 тысяч фунтов стерлингов в фонд Лиги⁶. В 1843 г. для сбора средств впервые была использована промышленная выставка, ее успех превзошел все ожидания и

¹ PD, 1843, v.69. P.500-526.

² PD, 1843, v.66. P.470.

³ PD, 1843, v.66. P.816.

⁴ Greville Ch. Ibid., v.V. P.87.

⁵ Там же. С. 318.

⁶ Джефсон Г. Указ.соч., т.2. С. 326.

принес 10 тысяч фунтов стерлингов дохода¹. Финансовые средства позволяли расширить агитацию. Кобден разработал новый проект. Его суть состояла в непосредственном, личном обращении к каждому зарегистрированному избирателю. План Кобдена состоял в рассылке “пакета публикаций, содержавших всю аргументацию фритредеров и перечисление тех результатов, которые принесет отмена хлебных законов торговле и сельскохозяйственным производителям”². Результаты осуществления проекта оказались более грандиозным, чем предполагал Кобден. Специально нанятые 500 человек разнесли трактаты Лиги по домам жителей страны. 5 млн. экземпляров поступило к тем, кто имел право голоса, 9 млн. – к тем, кто его не имел. Платные лекторы выступили в 140 городах страны³. Таким образом, 1843 год действительно стал временем небывалой активизации агитации Лиги, причем использовались такие новые приемы, как непосредственное личное обращение к гражданам (брошюры, разносившиеся по домам) и устройство выставки для сбора средств. “Таймс” назвала Лигу “... новой силой в государстве”⁴. Размах ее деятельности, и, прежде всего, митинги, на которых присутствовало до нескольких десятков тысяч человек, вызвал тревогу у правительства⁵.

В 1844 г. правительство предприняло дальнейшие шаги в сторону существенного снижения пошлин на импортный сахар, выращенный без использования рабского труда, доведя его почти до уровня пошлин на сахар, производившийся в вест-индских колониях. В этом же году проведена реформа банковской системы, которая заложила основы викторианского процветания и финансовой стабильности.

Назревшие проблемы финансовой деятельности акт 1833 г. о продлении хартии Лондонского банка решил лишь частично. Финансовые кризисы 1836 и 1839 г. заставили общество и

¹ Кобден Р. Лига и борьба против хлебных законов. Речи Кобдена в парламенте и на митингах. М., 1899. С. XXXVII.

² Cobden R. to E.Bains, October 25, 1842. Цит. по: Morley J. Op. cit. P.160.

³ Кобден Р. Лига и борьба против хлебных законов. С. 35; Morley J. Op. cit. P.186.

⁴ The Times, 1843, 18 November.

⁵ Peel R. Op. cit., v.2. P.510-511.

парламент обратить внимание на денежное обращение, финансирование предпринимателей и появление новых банков. Неоднократно создавались выборные комитеты для изучения состояния акционерных банков, однако их деятельность окончилась безрезультатно, решения парламентом не принимались. В начале сороковых годов в парламент поступили петиции от финансистов и предпринимателей, которые терпели убытки от колебания ценности бумажных денег¹. Р.Пиль, и прежде интересовавшийся финансовыми проблемами, принял активное участие в обсуждении состава нового комитета². А 19 июля 1844 г. пересмотрена хартия Английского банка и введена новая система организации банковского дела. Суть реформы сводилась к следующему: банковские операции отделялись от выпуска банковских билетов — бумажных денег; запрещалось открывать новые банки с правом выпуска банкнот. Вводился принцип открытости деятельности банков и система строгого регулирования обращения банкнот; их выпуск переходил под контроль государства при сохранении номинального управления директорами банков. Выпуск банкнот зафиксирован определенной суммой в 14 миллионов фунтов стерлингов, которая гарантировалась государством и золотым запасом Английского банка³. Даже орган вигов — “Эдинбург Ревью” был вынужден признать положительное значение финансовой политики Пили. Подводя итоги деятельности его кабинета в 1843-1844 гг., автор обзора писал, что за сокращение налогов, пошлин и пересмотр банковской хартии Р.Пиль заслужил благодарность общества⁴.

Социальная политика также была обусловлена, как собственной позицией Р.Пили по этому вопросу⁵, так и тем давлением, которое оказывалось на парламент и на главу кабинета. Под давлением общественного мнения и движения протеста парламент принял решения об изменении статей о бастардах в Законе о бедных, об улучшении санитарного состояния городов, работы медиков⁶, а также фабричный билль в 1843 г., затронувший про-

¹ PD, 1839, v.49. P.33-37.

² PD, 1840, v. 52. P.1112-1250.

³ Peel R. Op. cit., v.3. P.134-139.

⁴ Edinburgh Review, 1844, N 162. P.489.

⁵ Peel R. Op. cit., v.2. P.530-531, 533.

⁶ PD, 1843, v.66. P.574; Edinburgh Review, 1845, N 163. P.235.

блему образования. С 1836 г. в обществе шло обсуждение, ставшего поистине жизненно важным, вопроса об образовании, и той роли, которую должна играть религия в обучении детей. Было учреждено Центральное общество по образованию, выдвинувшее идею создания национальной общеобразовательной системы с демократическим контролем и государственными инспекторами. Общество объединило радикалов и вигов, которые издавали памфлеты и обращались с петициями в парламент. Молодые консерваторы, среди которых были У.Э.Гладстон, лорд Эшли и Д.Сардон, выдвинули план епархиального образования, включавший обучение учителей в колледжах и создание системы школ для детей средних классов¹. Приход к власти консерваторов в 1841 г., казалось, положил конец разногласиям.

28 февраля 1843 г. лорд Эшли, который со времени принятия фабричного закона 1833 г. постоянно выступал в парламенте с требованием введения 10-часового рабочего дня, произнес речь по этому вопросу. Он призвал правительство обратить внимание на “моральное и религиозное воспитание рабочих классов”. Эшли относился к тем, кто считал, что надлежащим воспитанием и образованием можно исправить многие пороки. Таким образом, панацеей от всех бед и беспорядков он видел в надлежащем образовании. Основываясь на статистических данных, Эшли привел сведения о преступности в крупных промышленных центрах. Они показывали, что число владеющих грамотой преступников было гораздо ниже безграмотных нарушителей закона. В силу убедительности приведенных им доводов о пьянстве, безграмотности и деградации беднейших слоев населения, речь произвела огромное впечатление на парламент и общество. Ч.Гревилль записывал в эти дни: “Я не припомню ни такого сильного волнения, которое было вызвано Десятичасовым биллем лорда Эшли, ни более курьезного политического положения вещей, перемещения партий, такого смущения оппозиции ...”². Грехэм, поддержав Эшли, говорил, что ощущается большая потребность в проектах образования, и религиозное

¹ PD, 1839, v.47. P.1377-1396; v.48. P.227-301, 1234-1336 etc.; Norman E.R. Church and society in England 1770-1970. Oxford, 1976. P.113-114; Machin G.I.T. Politics and the churches in Great Britain 1832 to 1868. Oxford, 1977. P.152; Gash N. Reaction and reconstruction. P.78.

² Greville Ch. Ibid., v. IV. P.241.

соперничество в этом вопросе должно быть забыто¹. В целом, виги одобрили проект, возражения последовали со стороны торри, увидевших ущемление интересов государственной церкви, и диссентеров, рассматривавших выдвинутые идеи, как попытку вмешательства в религиозное воспитание.

7 марта 1843 г. палата общин рассмотрела билль в первом чтении, которое прошло спокойно². Предложенный правительством законопроект предусматривал введение запрета на работу детям до 8 лет; дети с 8 до 13 лет должны были работать не более 6,5 часов, им предоставлялся 3-часовой перерыв на занятия в фабричной школе. Предусматривалось строительство новых школ. Расходы должны были оплачиваться частично государством из сумм, поступавших от налога на бедных, частично самими учащимися. Предполагалось, что образование будет носить религиозный характер. Также вводился контроль над осуществлением билля, который возлагался на англиканских священников, представителей магистратов и мастеров фабрик.

Работа над законопроектом была проведена до 1843 г. Его детально обсуждали члены правительства, неоднократно он был темой и частной переписки Д.Грэхэма того времени³. По мнению Д. Грэхэма, “недооценка образования являлась одной из главных причин вредного духа, который охватил большие группы общества” (т.е. чартизма – М.А.)⁴. В вместе с тем, в отличие от Эшли, он не придавал ему столь большое значение особенно в период кризиса. Обращаясь к Р.Пилю, Грэхэм писал, что дешёвый хлеб, немного картофеля, недорогой американский бекон “будут иметь более умиротворяющий эффект, чем вся мыслимая культура, которую может предоставить правительство”⁵.

Неожиданно для правительства второе чтение билля вызвало сильное сопротивление в палате общин, причиной которого стал пункт об опоре на Англиканскую церковь. Высказывались возражения против самого проекта правительства и мо-

¹ Parker C.S. Life and letters ..., v.1. P.329;

² PD, 1843, v.67. P.422-424.

³ J.Graham to Dr. Kay-Shuttleworth, 30 August, 1842 // Parker C.S. Op. cit., v.1. P.329; Lord Brougham to J.Graham, 21 October, 1841 // ibid. P. 337; etc.; Machin G.I.T. Op. cit. P.152.

⁴ Parker C.S. Life and letters ..., v.1. P.329;

⁵ J.Graham to R.Peel, 25 August 1842 // Peel R. Op. cit., v.2. P.541.

нопольного положения Англиканской церкви в образовании. Уже ко второму чтению билля только 24 марта в палату поступили многочисленные петиции протеста от частных лиц, от Религиозного свободного общества, Комитета Протестантского общества, от Баптистского союза, от диссентеров, пресвитериан, индипендентов, баптистов, Комитета Союза воскресных школ, и от других организаций, а также петиция, принятая диссентерским митингом в Ливерпуле¹.

На проект правительства общество отреагировало бурно². Продолжали поступать петиции: только от нонконформистов было внесено 11 611 петиций, причем под ними стояло 1 757 294 подписи. Против передачи церкви такого влияния над школой выступили диссентерская пресса, Р.Кобден, Д.Рассел, Д.Грей и другие. Сила оппозиции биллю в обществе даже вызвала удивление правительства, не готового встретить подобную реакцию общества³. Всего против билля поступило 13 369 петиций с 2 068 059 подписями⁴. Причем против законопроекта выступали Англиканская церковь и диссентеры, виги и фритредеры, публицисты и литераторы. Среди противников был и Ч.Диккенс. Он полагал, что катехизис Англиканской церкви “никак не может побороть царящее ныне невежество”. Диккенс отстаивал систему образования, которая была бы основана на “самой широкой веротерпимости”⁵. С марта по май в обеих палатах неоднократно поднимался вопрос об образовании, правительство было вынуждено отвечать на многочисленные запросы членов парламента⁶. Срочно созданный парламентом комитет оказался в затруднительном положении. Грехэм пытался пойти на уступки, которые не принимались диссентерами. В результате при подготовке билля к третьему чтению пришлось изъять статьи об образовании. Нонконформисты выиграли битву. Именно несогласие общественного мнения заставило парла-

¹ PD, 1843, v. 67. P.1411.

² Проходившее с конца 30-х годов обсуждение вопроса в обществе выявило довольно большой спектр позиций по этой проблеме. // Macaulay T.B. Op. cit., v. III. P.327.

³ Ward J.T. Op. cit. P.257-262.

⁴ Ibid. P.263.

⁵ Диккенс Ч. Указ.соч. т. 29. С. 177.

⁶ См., например, PD, 1843, v. 68. P.39, 40-49, 738, 829 etc.

ментский комитет, а затем и правительство отказаться от религиозного характера начального образования в фабричных школах¹. Такой немедленной реакции общества на законопроект, поистине всенародного давления на правительство не было со времен выступлений против хлебных законов в 1815 г. и борьбы за парламентскую реформу 1832 г. В отличие от них протест против пунктов нового билля достиг цели быстро.

Агитация за 10-часовой рабочий день продолжалась. 15 марта 1844 г. лорд Эшли вновь предложил поправку о 10-часовом рабочем дне. Р.Пиль был противником этой меры. Он полагал, что сокращение рабочего времени, с одной стороны может вызвать вздорожание продукции и тем самым подорвет позиции британской промышленности на внешнем рынке, а с другой — повлечет за собой уменьшение заработной платы. В коллекции английских документов XIX в. РГАСПИ хранится ответное послание Р.Пиля на обращение рабочих Ланкашира и Йоркшира. Это письмо датировано лишь 17 февраля и с полным правом может быть отнесено как к 1844, так и 1845 г. Р.Пиль признал обязательства своей семьи перед текстильными рабочими. Вместе с тем, он писал, что дальнейшие законодательные ограничения рабочего времени не сообразуются с законностью и разумной политикой². В парламенте же он твердо высказывался против дальнейших изменений в фабричном законодательстве, угрожая своей отставкой в противном случае³.

Среди противников фабричного законодательства по-прежнему были не только фабриканты. С различных позиций против него выступали радикалы и фритредеры, отстаивавшие принцип невмешательства государства в дела предпринимателей. Негативно к нему относились и некоторые литераторы, но с других позиций. И в этом отношении показательно и интересно письмо Ч.Диккенса, в котором он отказывался от предложения принять участие в фабричном движении. Диккенс писал: "Кругом такая нужда, такие тяжелые условия жизни, так свирепствует бедность — словом, миллионы людей с таким трудом сводят концы с концами, что я, право, не знаю, как можно помешать им и

¹ Peel R. R. Peel to the Queen, 16 June, 1843. // Peel R. Op. cit., v.2. P.561.

² РГАСПИ, ф. 458, оп. 2, сп. 3, д. 1, лл. 84.

³ PD, 1844, v.74. P.1104, 1108.

не дать заработать лишний полупенсовик в неделю. Необходимость все изменить в корне я вижу ясно; вместе с тем у меня не поднялась бы рука сократить заработки какой-либо семьи, когда средства к существованию у нее так скудны и неопределенны»¹.

Однако борьба продолжалась. Весной 1845 г. началась новая массовая кампания. Лорд Эшли и Д.Филден, заменивший отошедшего от борьбы Р.Остлера, совершали поездки по стране и выступали на митингах². Рассмотрение хлебных законов в парламенте отодвинуло вопрос о 10-часовом рабочем дне.

Важнейшим направлением в деятельности консервативного правительства была ирландская политика. Р.Пиль стремился нормализовать отношения с католической церковью и тем самым привлечь на свою сторону хотя бы часть ирландской буржуазии. В этом он и его сторонники видели единственную возможность сохранения Унии с Ирландией³. Вместе с тем он считал необходимым сохранять и репрессивный характер политики Великобритании. В 1842-1844 гг. обострение социально-политической напряженности в Англии совпало с новым подъемом национально-освободительного движения в Ирландии. Дебаты, прошедшие в парламенте в феврале 1844 г., показали непопулярность ирландской политики Пилия, которая подверглась резкой критике как справа, так и слева. В это же время Пиль представил кабинету документ, в котором рассматривались принципы и цели новой ирландской политики, хотя действовать в соответствии с этим направлением он начал ранее. В ноябре 1843 г. создана комиссия по изучению системы земельной аренды в Ирландии, рекомендации этой комиссии учтены не были. Однако Пиль пошел на косвенное ущемление привилегий государственной Англиканской церкви в Ирландии ради сохранения Унии и позиций самой церкви. Это вызвало резко негативное отношение со стороны ультра-тори, приравнявших государственную Англиканскую церковь и Унию с Ирландией к незабываемым ценностям, не подлежащим изменениям. Тем не менее, парламент принял билль о благотворительных дарениях, кото-

¹ Диккенс Ч. Доктору Саутвуду Смиту, 1 февраля 1843 г. // Диккенс Ч. Указ. соч., т. 29. Р. 170.

² Ward J.T. Ibid. P.311-313, 320-321.

³ Peel R. Ibid., v.3. P.165.

рый изменил состав органа, управлявшего ирландскими благотворительными фондами, в пользу католиков, и разрешил католической церкви принимать дарения в виде движимой и недвижимой собственности. В апреле 1845 гг. парламенту представлен билль об увеличении субсидий католической семинарии в Мэйнуте¹ и превращении этих субсидий в постоянную дотацию. В мае 1845 г. прошел билль об ирландских академических учреждениях. Эти законопроекты проходили с большим трудом, при резкой оппозиции ультра-тори, но при поддержке части вигов и радикалов. Тема обсуждений постепенно менялась, все меньше она касалась основ ирландской политики Р.Пиля и все больше – личности самого премьер-министра. Такой поворот отражал естественную реакцию на происходившие изменения как сторонников, так и противников Пиля². Прения в парламенте сопровождались резко негативными выступлениями протестантов, диссентеров, методических организаций, консервативной прессы и обсуждались в обществе³. Консолидация противников ирландской политики способствовала быстрому становлению оппозиционной Пилю “протекционистской партии”⁴. С этого времени началась атака Б.Дизраэли на Пиля. Дебаты по Мэйнутскому колледжу Д.С.Милль охарактеризовал, как самое крупное политическое столкновение года⁵.

Политика Р.Пиля не могла не вызывать сопротивления со стороны его прежних союзников, не говоря о противниках. Так, например, уже в 1842 г. был опубликован памфлет в форме письма Ричарда Вивиана, в котором он резко и враждебно высказался против проводимого Пилем курса. В это же время появились и другие памфлеты. В них выражалось несогласие с та-

¹ Колледж в Мэйнуте создан в 1795 г. для подготовки служителей католической церкви и оставался единственным учебным заведением подобного рода в Ирландии.

² The conservatives ... P.90-91.

³ Greville Ch. Ibid., v.V. P.282-285; Mill J.S. Collected work. v. XIII. P.662-663.

⁴ Калинин А.А. Ирландская политика второго правительства Роберта Пиля и раскол консервативной партии в 1846 г. Историографический обзор. // Проблемы историографии международных отношений и национальных движений в странах Западной Европы. Межвузовский сборник. М., 1982. С. 57-58.

⁵ Mill J.S. Collected works, v. XIII. P. 662.

моженным курсом и снижением хлебных пошлин. Премьер-министра обвиняли в том, что он продолжил политику правительства Мельбурна¹. Разногласия консерваторов по налогам, пошлинам, по всему кругу вопросов, связанных с Ирландией, по фабричным законам наметились, практически, с первых шагов деятельности кабинета Р.Пиля. Но они не были опасны для правительства². Не представляла поначалу угрозы и группа “Молодая Англия”, созданная Б.Дизраэли в 1843 г. Випы пользовались авторитетом, реальной оппозиции тори не наблюдалось вплоть до 1845 г. Вместе с тем шло разрушение консервативного лагеря, начавшееся с усиления несоблюдения дисциплины голосования³. Нередко Р.Пилу приходилось прибегать к угрозе ухода в отставку для того, чтобы добиться принятия нужного ему закона, или даже какой-либо формулировки статьи билля. И хотя ему удавалось достигать намеченной цели, недовольство его прежних сторонников было огромным, разрывались узы, связывавшие Пиля со многими друзьями-консерваторами. Судя по переписке тех дней, противники главы кабинета ожидали его скорой отставки⁴. Тем не менее, правительство удержалось.

Отмена хлебных законов и раскол консервативной партии.

В 1844 году деятельность Лиги продолжала расширяться, в парламент поступали многочисленные петиции со всех концов страны. В своей агитации она по-прежнему использовала еженедельные митинги и прессу. Новым элементом ее пропаганды стало привлечение широко известных публицистов к написанию брошюр фритредерского содержания, одна из которых была заказана Г.Мартину⁵, а в 1845 году вопрос об отмене хлебных законов был в центре внимания всего общества. Лига использовала неурожай картофеля для еще большего привлечения общест-

¹ Quarterly Review, 1842, N 140. P.494-503.

² Stewart R. Op. cit. P. 188.

³ Gash N. Reaction and ... P.152.

⁴ Arbuthnot Ch. Op. cit. P.240-241, Hardinge H.H. The letters of the First Viscount Hardinge of Lahore to Lady Hardinge and Sir Walter and Lady James, 1844-1847. L., 1986. P.143, 145, 171.

⁵ Martineau H. to Fanny Wedgwood, 29 September, 1845. // Harriet Martineau's letters to Fanny Wedgwood. Stanford, 1983. P.83-85.

венного мнения на свою сторону. Осенью “Таймс” констатировал: “Если раньше мы говорили о свободе торговли хлебом, то теперь мы должны ее ввести”¹. Выступлениями фритредеров воспользовались виги для резкой критики политики консерваторов. 22 ноября 1845 г. лорд Рассел обратился к своим избирателям, опубликовав письмо в газете. В нем он писал, что правительство не исполняет своего долга перед королевой и страной. Этот долг заключался в том, чтобы положить конец системе, препятствовавшей развитию торговли и сельского хозяйства и являвшейся причиной раздора в обществе. Публикация письма привлекла к себе внимание общества, оно быстро распространилось и стало широко известно. По мнению ближайшего сподвижника Кобдена Джона Брайта, публикация письма Рассела сделала отмену хлебных законов неизбежной².

4 декабря “Таймс” первым сообщил о решении кабинета отменить хлебные законы³. Хотя консервативная пресса и отвергала достоверность этого сообщения, в декабре 1845 г. Пиль действительно был намерен отменить хлебные законы постепенно, что позволило бы стране подготовиться к переменам. Для него по-прежнему было важным, чтобы изменения явились результатом политики, проводимой консерваторами, а не деятельности Лиги⁴.

Р.Пиль заявил об этом намерении на открывшейся в 1846 г. сессии парламента. Сам Р.Пиль рассматривал отмену хлебных законов как самый консервативный (охранительный) акт, так как он, по его мнению, способствовал установлению реальных цен на аренду земли и на хлеб, расширению рынка сбыта сельскохозяйственной продукции Британии. Таким образом, полагал Пиль, отмена была бы направлена на защиту позиции земельной аристократии, а не на ее подрыв. Этим актом он закладывал необходимую предпосылку для развития сельского хозяйства Англии, что и подтвердилось расцветом фермерства в середине века. Он связал отмену хлебных законов с неурожаем картофеля и страшным голодом в Ирландии. Однако разрешение доступа

¹ The Times, 1845, 29 October.

² Morley J. The life of Richard Cobden. P.217-218.

³ The Times, 1845, 4 December.

⁴ Stewart R. Party and politics. P. 77, 79.

дешевого импортного зерна на рынки страны не могло спасти крестьян, не имевших денег для его закупки. Связь между этими событиями находилась глубже. В той политической обстановке, которая сложилась в парламенте к концу 1845 г., Р.Пиль не мог обратиться к нему с просьбой о дополнительных субсидиях, необходимых для поддержания голодающего населения, что спровоцировало бы бурю протеста. А в условиях надвигавшихся очередных выборов в палату общин такой конфликт премьеру был не нужен, тем более, что и Лига становилась его мощным соперником. К середине сороковых годов на ее стороне было, практически, все городское население страны¹, с мнением которого уже нельзя было не считаться. Р.Пиль пошел по другому пути – удовлетворения требований Лиги. Хотя, следует признать, что его предложение полной отмены хлебных законов за 3 года вызвало недовольство фритредеров, требовавших немедленного решения вопроса.

Обсуждение законопроекта длилось около 3 месяцев. В те дни Р.Кобден писал: “Самые большие надежды я возлагаю на Пилиа. На него я могу положиться в большей степени, чем на лидеров вигов. Он понимает политико-экономические проблемы гораздо лучше лорда Джона (Рассела – *М.А.*) ... Он и сэр Джеймс Грэхем не делают секрета из своей позиции: победить или потерпеть поражение в борьбе за свой билль”². Однако сам Кобден стремился к победе, внимательно следил за ходом дебатов, активно участвовал в них. В коллекции РГАСПИ есть небольшая записка Кобдена от 7 мая, в ней он просил предоставить сведения о дебатах по вопросу о принятии хлебных законов в 1815 г.³ Это обращение свидетельствовало о его попытке найти новые аргументы, проследить зарождение столь ненавистного закона. 25 июня после продолжительной парламентской борьбы хлебные законы прекратили свое существование, была установлена чисто символическая таможенная пошлина на ввозимое зерно. В июле королева писала: ситуация в Ирландии и агитация против хлебных законов были таковы, что, если бы Пиль не предпринял изменений, которые от него требовала вся страна, “в скором

¹ Cobden R. Speeches on free trade. P. 190-191.

² Cobden R. to Mr. T.Hunder, 12 March, 1846. Цит. по: Morley J. Op. cit. P. 238.

³ Cobden R. to M. Bert, 7 May 1846. // РГАСПИ, ф.458, оп.2, сп. 3, д.1, л. 1.

времени произошли бы общественные беспорядки, и мы все равно были бы вынуждены уступить то, что преподнесено как благодеяние”¹.

Это была победа мощной целенаправленной кампании, которую вела Лига на протяжении 9 лет. В своей агитации она активно использовала как тот опыт воздействия на общественное мнение и правительство, который приобрели общественные движения, так и новые приемы. В их числе, безусловно, участие в регистрации избирателей и создание мощной группы фритредеров в стенах парламента, проведение выставки и сбор средств, распространение брошюр по всей стране.

Причины, побудившие Р.Пиля пойти на этот шаг, продолжают интересовать исследователей, пытающихся разобраться, почему отмена аграрного протекционизма была проведена аграрной и протекционистской партией², когда две трети консервативных членов палаты общин проголосовали против отмены хлебных законов. При этом порой довольно трудно определить, какое значение имела политическая ориентация депутатов при голосовании в палате. При выборе ими позиции немаловажную роль, как считают исследователи, уже играло отношение к закону их избирателей, в прямом смысле слова дававших наказы политикам³. Сама же консервативная партия оказалась между двумя противоположными решениями, на перепутье двух дорог. Как отмечалось выше, пропаганда Лиги и политика Р.Пия вызвали контр-движение так называемой “Анти-Лиги” в аграрных районах страны. С начала 1843 г. появились отдельные местные протекционистские общества, а спустя несколько месяцев в восточных и южных областях страны подобных организаций было около сотни. В 1844 г. образовано Центральное аграрное протекционистское общество с герцогом Ричмондом во главе. В ноябре – декабре 1845 г., когда позиция Пия обозначилась до-

¹ Queen Victoria to the King of the Belgians, 2 July, 1846. // The Letters of Queen Victoria, v.2. P.103.

² McKeown T.J. The politics of Corn Law repeal, and theories of commercial policy. // British journal of Political Science, 1989, N.19. P.353-380; McLean J. The politics of Corn Law repeal. // British Journal of Political Science, 1989, N.20. P.279-281; McLean J. Rational choice and the Victorian voter. // Political Studies, 1992, v.40, N.3. P.503-511; etc.

³ The Conservatives ... P.99.

вольно ясно, движение приняло антиправительственный характер. Партия консерваторов в парламенте, по свидетельству Ч.Арбатнота, также была настроена против него¹. В декабре 1846 г. в Лондоне прошел митинг Центральной ассоциации, а в январе подобные митинги были проведены в южных и юго-восточных графствах. На них принимались решения о том, чтобы депутаты от этих мест занимали протекционистскую позицию в парламенте. Фермерская агитация сыграла существенную роль в обострении парламентского кризиса 1846 г.² Сразу же после объявления Р.Пилем о намерении провести отмену хлебных законов на специальном митинге Центрального протекционистского общества обсуждалась идея о создании оппозиционной консервативной партии. Политические соперники Пилы — лорд Бентинк и Б.Дизраэли приступили к действиям во время правительственного кризиса.

Позицию Р.Пилы по хлебным законам невозможно объяснить каким-либо одним фактором, ее определившим. По нашему мнению, необходимо принять во внимание его голосование против в 1815 г., когда парламентом вводилась новая шкала пошлин, его участие в осуществлении либеральных экономических реформ двадцатых годов, а также его отношение к реформам, когда он заявлял, что остро необходимые преобразования нужно проводить. Далее, существенную роль играли агитация Лиги, социально-политическая и экономическая обстановка в стране.

Палата вынесла вотум недоверия Р.Пилю в связи с вопросом о приостановке конституционных гарантий в Ирландии. 26 июня на заседании кабинета Р.Пиль заявил о своем намерении уйти в отставку. Его поддержал герцог Веллингтон. Он полагал, что в отставку также должно уйти и все правительство. Веллингтон отметил, что его партия в палате общин пришла в состояние “полной дезорганизации”³. 27 июня 1846 г. Р.Пиль подал в отставку. Она была принята и уже на следующий день королева обратилась к лорду Джону Расселу с предложением возглавить правительство. Начиналось новое правление вигов. С

¹ Arbuthnot Ch. Op. cit. P.240.

² The Conservatives ... P.102.

³ Memorandum by Prince Albert, 28 june, 1846. // The Letters of Queen Victoria, v.2. P.96.

Пилем в отставку ушли и ведущие организаторы партии – вицы Д.Янг и Р.Боухэм, а на выборах 1847 г. партийный фонд использовался только для поддержки своих сторонников. Анти-пилитам – Д.Бентинку, Б.Дизраэли, лорду Стэнли – пришлось начинать все заново: создавать структуру, фонд, определять лидера. Однако их продвижение вперед облегчалось тем, что они опирались на уже созданные локальные организации¹.

Проблема раскола консервативной партии – один из спорных пунктов в зарубежной историографии. Исследователи расходятся во мнении, что послужило его причиной – ирландская политика Р.Пилиа или же отмена хлебных законов². На наш взгляд, как ирландскую, так и таможенную политику Р.Пилиа следует рассматривать скорее в качестве повода для раскола, тогда как его причина лежит глубже. Она коренится в самом характере объединения консервативных сил для достижения прихода к власти, но разделенных отношением к реформам. Еще в тридцатые годы было ясно, что различия между старыми тори, или ультра, и консервативными реформаторами велики³. Их союз носил чисто утилитарный характер, в его основе было стремление добиться успеха на парламентских выборах, занять большинство мест в палате общин, тогда как управление страной виделось ими по-разному. Таким образом, причина раскола лежит не только в характере политики Р.Пилиа, но и в неразвитости партийной организации, отсутствии избранного лидера, утвержденной программы, несоблюдении дисциплины голосования. Наиболее ярко это проявилось и в позиции самого Р.Пилиа. Задачу премьер-министра на данном этапе, в отличие от своих предшественников, он видел в служении во славу своей страны, и действовал как глава кабинета, а не лидер партии⁴. Именно этим и была обусловлена проводимая им, главой консервативного правительства, фритредерская политика.

¹ Blake R. Op. cit. P.57-58; Stewart R. Op. cit. P.206.

² Калинин А.А. Указ.соч.

³ J.Graham to Peel, 21 november, 1836. // Peel R. Op. cit., v.2. P.329.

⁴ Peel to Croker, 20 September 1841. // Croker J.W. The Croker papers, 1808-1857. L., 1967. P.184-185. Это письмо Р.Пилиа чрезвычайно важно для определения его позиции в этом вопросе, так как оно опровергает утверждения некоторых исследователей, что она заключалась в служении королеве.

Таким образом, с 1836 г. в Великобритании развернулось широкое, мощное движение фритредеров, объединившихся в Лигу борьбы против хлебных законов. Возглавлял ее деятельность Исполнительный комитет, члены которого руководили работой отдельных бюро. Опираясь на постулаты Манчестерской школы, панацеей от всех бед они рассматривали отказ от протекционистской политики и провозглашение свободы торговли и предпринимательской деятельности. Все усилия были сконцентрированы на одной статье таможенного законодательства, а именно — хлебных пошлинах, отмена которых, по мнению фритредеров, должна была принести процветание стране и благосостояние народу. Лига удачно избрала объектом критики хлебные законы, ее успеху способствовала и тактика направления в парламент многочисленных петиций. Она имела финансовую поддержку от торгово-промышленных кругов наиболее развитых регионов страны, благодаря которой смогла развернуть и проводить крупномасштабную агитационную кампанию на протяжении 9 лет. Проведенный анализ показывает, что в своей агитации, воздействии на общественное мнение фритредеры использовали как традиционные (митинги, пресса, направление петиций в парламент), так и нетрадиционные методы (организация выставки, заказ на написание и распространение специальных брошюр, предназначенных для всех избирателей). Главную тактическую задачу они видели в направлении в парламент максимального числа петиций с тем, чтобы оказывать на парламент и правительство постоянное давление. В 1837, а главным образом в 1841 г. они, используя парламентские выборы и регистрацию избирателей, смогли выдвинуть своих депутатов и добились расширения группы фритредеров в палате общин, которые использовали подачу петиций для выступлений в нижней палате.

Поддержка, оказанная Лиге, а также выступления диссентеров против проектов образования, свидетельствовали о росте влияния общественного мнения, вовлечении в петиционные кампании широкого круга населения, различного имущественного положения и политических взглядов.

Целенаправленная агитация и деятельность Лиги способствовали размежеванию в консервативной партии, выделению протекционистской группы, возглавившей движение Анти-Лиги.

Отмена хлебных законов в 1846 г. явилась, с одной стороны, победой широкого общественного движения, а с другой – следствием “рациональной” политики Р.Пиля. Неординарный шаг главы консервативной партии, опиравшейся преимущественно на аграрные графства Англии и Уэльса, был продиктован как интересами аграрного сектора экономики (расширение потребительского рынка в стране способствовало расширению производства зерна, мяса, молока) и политическими соображениями (нейтрализация Лиги как соперника на предстоявших выборах), так и личным отношением к хлебным законам. Внутренняя политика кабинета Р.Пиля выявила непрочность объединения консерваторов, основанного на противоборстве с вигами и радикалами в борьбе за власть, что способствовало его отставке в 1846 г.

В деятельности второго кабинета Р.Пиля прослеживается продолжение политики тори середины двадцатых годов. Выход из кризисной ситуации правительство искало не столько в полицейских мерах, сколько в принятии экономических мер.

Власть и общество Британии в середине XIX в.

К середине века в Великобритании завершалась промышленная революция, которая превратила страну в ведущую капиталистическую державу мира и самую крупную колониальную империю. Одним из наиболее важнейших достижений в экономической области явилось объединение страны сетью железных дорог и создание единого рынка. Перепись 1851 г. показала, что в королевстве проживало более 27 млн. человек, при этом численность городского населения сравнялась с численностью сельских жителей¹. Города превратились в центры экономической, политической и культурной жизни страны. Ведущее положение Великобритании на мировом рынке упрочила отмена Навигационных актов в 1849 г.

Выступления фритредеров против них начались в 1847 г.² и встретили сопротивление судовладельцев, утверждавших, что такое решение может подорвать позиции Великобритании в мировой торговле. Однако экономическая выгода отмены Навига-

¹ EHD, v. XII (1). P.203.

² PD, 1847, v.89. P.1007-1020.

ционных актов была доказана не только экономистами, но и подтверждена парламентскими комитетами, рассматривавшими эту проблему. Требования фритредеров поддерживали британские колонии и некоторые европейские страны¹. Борьба по вопросу о Навигационных актах была непродолжительной и закончилась поражением судовладельцев, подготовив почву для отмены Навигационных актов в 1849 г., которая прошла более спокойно и менее болезненно для парламента и общества, чем отмена хлебных законов. Как Муниципальная реформа явилась логическим завершением начавшихся в 1832 г. изменений в системе представительства, так и отмена Навигационных актов подытожила проводившийся с двадцатых годов курс, направленный на отход от принципов протекционизма, либерализации экономической политики, приведший страну к середине века к полной победе свободы торговли и предпринимательской деятельности. Этот шаг имел далеко идущие последствия: он не только завершил преобразование экономической политики правящих кругов, переход к либеральным принципам, но и способствовал расширению торговли с колониями, ликвидировал разногласия по этому вопросу между Великобританией и такими ее владениями, как Канада, Тринидад, Ямайка.

Бурное развитие промышленности и торговли по-прежнему сопровождалось экономическими кризисами. Последним на протяжении рассматриваемого периода был кризис 1847 г., затронувший все отрасли британской экономики. Ухудшение социально-экономического положения трудящихся вызвало новый подъем чартистского движения, который подстегнула волна революций в Европе, и, прежде всего, революция во Франции. В течение марта 1848 г. по всей Англии прошли митинги, зазвучали радикальные речи, призывы к решительным действиям. Уже первые признаки оживления движения в 1848 г. правящий класс рассматривал как серьезную угрозу, и в марте пресса была тревогу².

¹ Ерофеев Н.А. Английский колониализм. С. 59.

² См., например.: The Times, 11, 13, 28 March 1848; Parker Ch.St. Life and letters ..., v.2. P.69; Greville Ch. Op. cit., v.VI. P.164,166; Goodway D. London Chartism, 1838-1848. Cambridge, 1982. P.68.

4 апреля открылись заседания третьего чартистского Конвента. Вновь перед участниками заседаний встал вопрос, какие предпринимать действия в том случае, если парламент откажется выполнять программу чартистов. С небольшими поправками прошла программа Джонса, предусматривавшая объявление Конвента верховным органом страны и проведение массовых митингов и собраний в один день и час. Предполагалось передать письмо королеве Виктории с требованием распустить парламент и правительство, провести выборы в Национальное собрание. Принято решение представить третью петицию в парламент 10 апреля. Чартисты намеревались провести митинг, а затем и шествие, которое должно было сопровождать экипажи, предназначенные для доставки в парламент списков с подписями под петицией.

Правительство колебалось: сначала разрешило жителям участвовать в митинге и доставке петиции к зданию парламента, затем запретило и то, и другое, впоследствии разрешило лишь проведение митинга. 7 апреля парламент обсуждал предстоявшее мероприятие. В связи с тем, что на ближайшие дни заседания палаты уже были расписаны, принято решение отложить обсуждение петиции¹. Практически одновременно в палате довольно быстро проходит принятие закона "Об охране Короны и правительства". Он объявлял преступлением любые речи "мятежного характера", виновных ожидала ссылка в колонии.

И хотя намечалось проведение мирного митинга и шествия, собственники объединились, невзирая на политические разногласия. В это время Лондон буквально превратился в крепость, ожидавшую серьезного нападения неприятеля. В город прибыли войска и вместе со столичным гарнизоном их численность превысила 7 тыс. солдат; доставлены тяжелые орудия, подступы к общественным зданиям забаррикадированы, а правительственные помещения, конторы и банки охранялись. Число специальных констеблей доходило до 85 тыс. человек². 9 апреля Ч.Гревиль записал: "Весь Лондон занят приготовлениями к завтрашнему столкновению с чартистами: настолько больши-

¹ PD, 1848, v.98. P.4-5.

² Ward J.T. Chartism. P.202-204; Goodway D. Op. cit. P.72-74.

ми, что они выглядят или очень уж грандиозными, или совершенно смешными”¹.

По словам Ч.Гревилла, 10 апреля в столице прошло “удивительно” спокойно². Однако в том, что сам митинг все-таки состоялся, многие современники справедливо увидели проявление силы и мощи британской законности. Действие демократических принципов Великобритании продемонстрировала перед всем миром³. И именно в Великобритании, где либерализация общественной жизни сопровождалась упрочением гражданских прав жителей государства, нашли приют многие политические эмигранты из Европы.

Внесенная в парламент петиция подверглась проверке Выборного комитета по общественным петициям, свой отчет он представил 13 апреля. Из 5 706 000 подписей, комитет признал достоверными лишь 1 975 496 на том основании, что остальные подписи сделаны одной и той же рукой, либо же под именами тех людей, которые заведомо поставить их не могли. Среди последних: Королева Виктория, герцог Веллингтон, Роберт Пиль и другие. Были проставлены и просто какие-то прозвища. Ф. О’Коннор отказался признать выводы комитета, так как петиция, по его выражению, стала результатом небывалой активности и энтузиазма народа, выразившихся в количестве подписей. Он считал, что за столь короткий срок невозможно проверить доставленные списки. Последующее обсуждение свелось к дискуссии по поводу достоверности числа подписей, поступивших в парламент⁴.

23 мая Д.Юм в палате общин попытался внести предложение о расширении права голоса за счет домовладельцев. Оно не прошло. Однако важным моментом в дискуссии по этому вопросу стало заявление премьер-министра Д.Рассела, что в интересах мира и спокойствия страны он не исключал возможности обращения к этому вопросу со временем⁵.

Третья петиция чартистов была рассмотрена в парламенте лишь 2 июля 1849 года. Инициатором был Ф. О’Коннор. Он зая-

¹ Greville Ch. Ibid., v. VI. P.168.

² Ibid.

³ Greville Ch. Ibid., v.VI. P.169.

⁴ PD, 1848, v. 98, p.286-301.

⁵ Ibid., p.1307-1308, 1312.

вил, что долгом парламента является обсуждение всех тех вопросов, которые волнуют общество. Среди них, по его мнению, в то время находился вопрос о требованиях чартистов. Ссылаясь на происходившие в Европе события, он призывал парламент дальше двигаться по пути реформ и признать права народа на участие в выборах. Выступавшие вслед за ним члены парламента, полностью или частично отвергавшие 6 пунктов, в основном соглашались с необходимостью изменений в системе представительства¹, которые позднее были предприняты в 1867, 1884 и 1885 годах. Всеобщее избирательное право женщины получили лишь после завершения первой мировой войны. И хотя народная хартия вновь была отвергнута, именно обращения чартистов и дискуссии в парламенте и обществе по вопросу о реформах избирательной системы конца сороковых годов подготовили почву для дальнейшего ее преобразования.

Чартистское движение, потерпев крах в парламенте и утратив массовый характер, постепенно пошло на убыль. В середине века активизировались тред-юнионистское (профсоюзное) движение, выдвигавшее чисто экономические требования.

Чартисты трижды собирали подписи под своими петициями и вносили в парламент требования проведения реформы, осуществления 6 пунктов, и каждый раз парламент отказывался рассматривать их. Голосования по этим вопросам свидетельствуют о наличии среди депутатов на протяжении практически десяти лет сторонников дальнейшего изменения системы представительства, причем их численность оставалась стабильной. В каждом отдельном случае реакция парламента на действия чартистов строилась примерно по одной схеме: запросы о мерах, предпринимавшихся правительством против движения, одобрение решительных мер и сурового наказания “смутьянов”. Однако проблема “чартизм и власть” выходит за рамки внесения петиций, а влияние чартизма на деятельность парламента и правительства ими не ограничивалось. Оно сказалось в нескольких направлениях.

Наиболее важные из них – это дальнейшее формирование государственного аппарата, вылившееся в совершенствовании полицейской службы и судебных органов капиталистического общества. Не менее весомым стало также и изменение социальной по-

¹ Ibid., 1849, v.106. P.1268-1302.

литики правящих классов. Свою роль в этом сыграли как размах движения, так и прозвучавшее в прессе и парламенте убеждение в том, что причиной чартистского движения было игнорирование правительством и парламентом проблем трудящихся, отсутствие заботы о социальном положении рабочих, образовании, санитарном состоянии городов и жилищ. Консервативное правительство Р.Пиль в начале сороковых годов приняло ряд законодательных актов социального характера. Ф.Энгельс писал: “В лице сэра Роберта Пиль торизм решился на признание движения, увидел шаткость английской конституции и идет на уступки лишь для того, чтобы возможно дольше сохранить это прогнившее жалкое сооружение”¹. Именно исходя из своей фундаментальной позиции – сохранения “священных” институтов, служения стране и короне – Р.Пиль был вынужден пойти на определенные уступки народу. В 1840 г. палата общин назначила Выборный комитет по фабричному законодательству, в 1842 г. – Комиссию по рассмотрению занятости детей. В 1844 г. принят новый фабричный акт. Позднее, в 1847 г. парламентом одобрен закон, установивший десятичасовой рабочий день для женщин и детей. В 1847-1848 гг. прошел ряд законов, касавшихся медицинского обслуживания населения и санитарного состояния городов.

В 1846 г. “Эдинбург Ревью” писал, что вплоть до недавнего времени положение трудящихся не волновало правительство. Однако внимание прессы и общества в целом “постепенно, но неуклонно обратилось к этой теме”. И наиболее отличительной чертой в жизни страны уже с середины 1840-х годов, по мнению журнала, стало необычайно большое внимание общества к условиям труда и быта рабочих классов². Эта же мысль высказана и на страницах консервативного органа³. Создавались различного рода организации, как, например, Общество содействия улучшению условий жизни рабочих классов. Они проводили обследования, а затем издавали отчеты, ими публиковались также и многочисленные памфлеты, в которых описывались условия жизни в трущобах, пьянство, грязь и нищета. В прессе

¹ Ф.Энгельс. Положение Англии. Английская конституция. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр.соч., т. 1. С. 620.

² Edinburg Review, 1846, N. 167. P.64.

³ Quarterly Review, 1847, N 163. P. 142.

шла дискуссия о том, что нужно делать для исправления этого положения, какую роль должно сыграть образование, религиозное воспитание и улучшение бытовых условий.

Еще одним важным следствием чартистского движения, его настойчивого требования парламентской реформы было постепенное изменение позиции ведущих политиков по этому вопросу. Умеренное предложение Д.Юма в 1848 г. об избирательном праве для всех домовладельцев встретило поддержку 84 депутатов, почти в два раза больше, чем первая петиция чартистов в 1839 г. Еще десять лет тому назад считавший вопрос окончательно решенным, Д.Рассел признал возможным проведение следующей реформы.

Парламентские дебаты позволили выявить и такой важный факт, как обращение осужденных чартистов с жалобами в парламент, который свидетельствует об определенном уровне гражданского самосознания. Настойчивые жалобы на тяжелые условия, в которых содержались чартисты, стали одной из причин обращения к исследованию состояния тюрем и последовавших преобразований в этой сфере.

Подводя итоги вышеизложенного, необходимо отметить, что социально-экономическая политика консервативного правительства Р.Пеля в первой половине сороковых годов была обусловлена не только его личным отношением к реформам, но и тем давлением, которое оказывали на парламент и кабинет различные общественные движения. С 1841 по 1846 годы в стране были проведены важнейшие преобразования таможенного законодательства и финансовой сферы, законы социального характера. Отмена хлебных законов в 1846 г. и Навигационных актов в 1849 г. знаменовали завершение процесса отхода от протекционистской и утверждение либеральной экономической политики в стране, что соответствовало на данном этапе экономического развития интересам торгово-промышленных и финансовых кругов и способствовало укреплению позиций Великобритании на мировом рынке.

Раскол консервативной партии и отставка Р.Пеля явились следствием как проводившейся им политики, так и неразвитости партийной структуры в сороковые годы, когда глава правительства действовал не как избранный лидер партии.

Несмотря на отставку Р.Пеля оставался одним из наиболее заметных политиков в парламенте, и уже весной 1848 г. в

политических кругах возникла мысль о необходимости назначения его главой кабинета из-за слабости правительства Д.Рассела¹. После преждевременной смерти Р.Пиля в 1850 г. началась перегруппировка политических сил. Его сторонники – пилиты – и до того имевшие тенденцию сближения с вигами² со временем вошли в состав либеральной партии. Консерваторы объединились вокруг сторонников протекционизма.

В конце сороковых годов наступил новый этап в общественной жизни Великобритании. С завершением чартистского движения окончился и период массовых движений в Великобритании. Массовые общественные движения, сыгравшие значительную роль в процессе реформирования институтов «старого порядка», становления гражданского самосознания и просвещения народа, утрачивали свое значение в качестве инструмента организованного давления на власть. Их сменили различного рода общественные, профсоюзные и политические организации, которые использовали накопленный опыт борьбы за осуществление тех или иных требований. Трансформация парламентских группировок тори, вигов и радикалов привела к формированию внепарламентских партийных клубов, ассоциаций и обществ по всей стране. Эти организации и пресса стали выразителями общественного мнения, требований различных слоев и классов. Это кардинально изменило характер связи власти и общества, расширив каналы воздействия на власть. Сила общественного мнения была такова, что противостояние неконформистов и Англиканской церкви принятию правительственного проекта об образовании в 1843 г. достигло успеха без длительной борьбы, вне рамок общественного движения. С одной стороны, это отложило на десятилетия введение обязательного всеобщего начального образования в Британии. Такой закон был принят только в 1870 г. С другой – явилось важным проявлением изменения позиции властных институтов. Политика консенсуса, учета общественного мнения, интересов всех слоев общества шла на смену репрессивным мерам.

¹ Greville Ch. Ibid. v. VI. P.150-151.

² Russell R.W. America compared with England. The respective social effects of American and English systems of government and legislation. L., 1849. P.154.

Заключение

За 1750-1850 гг. в политической системе и социальной структуре Британии произошли глубокие сдвиги. Государственно-политический режим, установленный «Биллем о правах» в ходе Славной революции 1688-89 гг., в результате прецедента и складывавшихся традиций претерпел изменения за счет постепенного сокращения прерогатив монарха. Первые десятилетия правления Ганноверской династии отмечены отказом от права вето и упрочением такого института исполнительной власти, как кабинет министров. Со второй половины XVIII столетия обозначившиеся тенденции формирования основ парламентаризма получили дальнейшее развитие. Фигура монарха окончательно утратила сакральность, а его двор – политические функции. Уже к концу века король подвергался критике в парламенте и прессе, превращался в объект насмешек карикатуристов. Падение авторитета монарха связано с личностью Георга IV. Непопулярный король потерпел сокрушительное поражение в деле о разводе с Каролиной Брауншвейгской. А руководство внешнеполитическим курсом государства перешло в руки кабинета министров. В годы непродолжительного правления Вильгельма IV завершилось формированием политической системы, характерной для викторианской эпохи. От воли монарха, его симпатий и антипатий не зависело назначение главы правительства и его состав, а сам монарх превращался в «отца нации», арбитра, стоявшего над схваткой противоборствующих сил.

1750-1850 гг. – время упрочения парламента в качестве верховного законодательного и судебного органа, центра политической жизни государства. В середине XVIII столетия законодательный корпус являл собой скорее закрытую корпорацию аристократии кланово-родственного типа, нежели собрание представителей народа. Смена монархов в 1760 г. повлекла изменение расстановки внутривнутриполитических сил. Слабая в обеих палатах оппозиция начала прибегать к использованию внепарламентских методов для укрепления собственной позиции. С конца века размежевание тори и вигов приобретает черты идео-

логического противостояния либералов и консерваторов. Основы политики британского консерватизма и либерализма формировались в 1820-1840-х годах, когда водоразделом послужила проблема путей реформирования институтов «старого порядка».

Первая парламентская реформа 1832 г. системы представительства ликвидировала наиболее мелкие избирательные округа, унифицировала избирательное право в городе, предоставила право направлять своих представителей крупным торгово-промышленным центрам. Сокращение коррупции на выборах повлекло за собой постепенное возвышение нижней палаты, уменьшение ее зависимости от верхней. Расширение электората за счет среднего класса города и деревни явилось отправной точкой изменения характера выборов, нарастания политической борьбы, усиления роли самого избирателя. Еще на рубеже 1820-1830-х годов эта тенденция проявилась со всей очевидностью. Избиратели начинают руководствоваться не волей местного магната, а все более программой, взглядами, личностью кандидата от их округа.

К середине XIX в. в основных чертах сложилась система парламентаризма с характерным для ее функционирования четким разделением и сложным взаимодействием ветвей власти. Лидер победившей на выборах партии становился главой кабинета, из числа представителей законодательного корпуса, преимущественно нижней палаты, формировалось правительство. В качестве органа исполнительной власти кабинет нес политическую ответственность перед законодательным органом. Принципы ответственности и поле деятельности кабинета вырабатывались на протяжении XVIII и в первой половины XIX в. Монарх играл роль номинального главы исполнительной власти, но законы вступали в силу только после его подписи. Утратив значительную часть политических функций, монарх оставался главой Англиканской церкви, в его ведении находилось управление колониями. При этом социальная значимость монарха сохранялась. Изменения в расстановке сил в высших институтах власти государства: законодательной, исполнительной власти и монарха происходили постепенно на протяжении столетия, что вело к упрочению принципов парламентаризма, превращению Британии в парламентскую монархию. Особенность государственно-политического режима состояла в том, что его утверждение в

общественно-политической системе явилось органичным результатом развития страны и самой системы.

Не менее значительные перемены свершались в социальной сфере. Рост городов и численности городского населения, которое в середине XIX в. сравнялось с численностью сельских жителей, сопровождался размыванием вертикальных социальных связей, утверждением новых связей, форм общения, появлением институтов самоорганизации граждан страны. Кофейни, клубы, объединения прочно вошли в быт горожан. Разнообразные по целям и сфере деятельности многочисленные объединения стали характерной чертой в жизни городов со второй половины XVIII в. Они стали организационным ядром массовых социальных движений национального масштаба от борьбы за парламентскую реформу до пересмотра протекционистской таможенной политики в следующем столетии. В достижении поставленных целей участники движений использовали прессу, митинги, шествия для формирования общественного мнения и оказания давления на власть, закрепляя в повседневной жизни британцев демократические права и свободы. Не менее значимо содержание проводимой агитации. Просвещая различные слои общества, она способствовала распространению и укоренению либеральных ценностей, правового, гражданского, национального самосознания. Вместе с тем, движения сыграли важную роль в снятии социального напряжения, роль своего рода «выпускного клапана», когда «пар» недовольства направлялся в законные рамки его выражения, предохраняя тем самым страну от революционного взрыва.

Перечисленные выше перемены, проявились в отношениях власти и общества. Традиционные каналы связи – выборы и петиции – на протяжении столетия наполнялись новым содержанием. Выборы, несмотря на сохранявшийся подкуп и коррупцию, все в большей мере становились полем реальной политической битвы за голоса избирателей, за власть. В 1820-1840-х гг. консерваторы и либералы начинают формулировать собственную платформу, программу действий для привлечения на свою сторону электорат. С другой стороны, обозначившаяся на рубеже 1820-1830-х гг. практика «наказов» свидетельствует о более осознанном выборе представителя в парламент, который должен был там проводить политику в интересах избирателей. Петиции

теряли присущий им прежде характер выражения жалобы на несправедливость или притеснение. Они постепенно превращаются в инструмент давления на власть. При сохранении традиционной формы петиции наполняются новым содержанием, и использовались общественными объединениями и движениями для выражения своих требований по проведению преобразований в политической, экономической, социальной, религиозной и т. д. сфере, либо же требований отказа от той или иной реформы. Спонтанный социальный протест сменяют иные формы выражения недовольства. Ими становятся митинги, шествия, отказ (либо угроза отказа) от уплаты налогов.

Для представителей власти еще в конце XVIII в. недопустима была сама мысль о том, что низшие слои общества могут обсуждать вопросы политические или государственного устройства. Стремление к объединению, деятельность различных ассоциаций политического характера приравнивалась ими к вооружению народа. Боязнь революционного взрыва побуждала использовать приостановку Habeas Corpus Акта, запреты, репрессии, судебное преследование и т.д., вплоть до применения войск. Еще в 1820-1840-е годы социальные движения расценивались отдельными представителями власти, как следствие влияния кучки подстрекателей. И, вместе с тем, сила, мощь общественного мнения, продемонстрированная в период прохождения хлебных законов в 1815 г. и подъема массового движения 1816-1819 гг., вынудила власть имущих считаться с ним. Этими соображениями продиктован выпуск памфлета «Положение народа» в 1822 г. кабинетом лорда Ливерпуля, а в конце 1820-х годов правительство герцога Веллингтона вынуждено идти на осуществление требований католиков Ирландии вопреки собственной позиции по этому вопросу, вопреки воле монарха и значительной части группировки тори в парламенте. Воин Веллингтон исключил возможность использования войск для подавления движения Католической лиги, осознавая его бесперспективность так, как силой можно прекратить движение лишь на время, но не искоренить само стремление участников движения к достижению поставленной цели. Массовый характер движения в пользу парламентской реформы на рубеже 1820-1830-х годов исключал саму возможность его подавления. Последний раз войска применялись властями при подавлении выступлений

чартистов в первый период движения, он стал последним случаем применения войск в истории городов Британии.

Сокращение расстояния между властью и обществом состояло не только в выдвижении со стороны общественных сил требований реформ и постепенном их осуществлении властными институтами. Оно происходило через использование социальными объединениями и движениями методов пропаганды, сложившихся в политической сфере в начале XVIII в. А затем — в использовании представителями власти, как форм объединения, так и методов пропаганды, укоренившихся в социальной сфере. В наибольшей мере это проявилось в 1830-1840-х годах в период создания консервативной партии Р.Пилем, в деятельности вигов и радикалов.

Несмотря на то, что власть на протяжении столетия концентрировалась в руках аристократии, а выходцы из ее среды составляли подавляющую часть депутатского корпуса, в характере деятельности правительства и парламента обозначился поворот к учету интересов всех слоев общества. Безусловно, это было не только следствием давления со стороны общества. Там, где интересы власть имущих совпадали с выдвинутыми требованиями, реформирование осуществлялось быстрее. Функционирование законодательной и исполнительной власти становилось более открытым обществу благодаря прессе, публикациям стенографических отчетов парламентских дебатов, докладов парламентских комитетов. Жители столицы знали в лицо членов парламента, их имена и позиции по всем наиболее важным вопросам.

Таким образом, с полным правом можно утверждать, что процесс становления гражданского общества происходил в контексте сближения власти и общества, выработки новых форм их взаимоотношений, в поиске компромиссов, каковыми стали постепенные, частичные преобразования. Они завершились к середине XIX в. установлением свободы предпринимательской деятельности; расширением гражданских и политических прав граждан государства, поворотом к социально ориентированному законодательству. А установление нового характера взаимоотношений власти и общества стало одним из важных факторов этого процесса, и в то же время его результатом. Закрепление и дальнейшее развитие этих процессов происходило во второй половине XIX в.

Список основных документов и литературы

Документы

1. АВПРИ, фонд "Канцелярия", оп. 469 ф. 184
2. ОПИ ГИМ. Фонд 18, оп.1, д.85, л.62.
3. РГАСПИ, ф.220, ф. 222, ф. 458
4. British Museum. Department Manuscripts. Catalogue ADD 35 149. Author F.Place. The political correspondence. v. II.
5. Голубков П. Собрание актов о привилегиях, дарованных английским правительством Ост-Индской компании и Лондонскому банку. М. 1843
6. Hansard's parliamentary debates. 1804 – 1850. L.
7. The Parliamentary history of England. 1750 – 1804. L.
8. Report of Committee on factory Children's Labour 1831-32. L., 1833 / English economic history select documents.
9. The English Historical Documents. L. 1959. v.XI.
10. Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. IX (X) Трактаты с Англиею 1710-1801. СПб, 1892.
11. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. / Собр.соч. в 8 т. СПб., 1803- 1804. Т.2 .
12. Милютин А.А. Английский дневник 1841 г. / Проблемы британской истории. М., 1974.
13. Паулович К. Замечания о Лондоне. Отрывок из путешествия по Европе, части Азии и Африки. Харьков, 1846
14. «Я берег покидал туманный Альбиона ...». Русские писатели об Англии. 1656-1945. М., 2001.
15. Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993.
16. Гейне Г. Путевые картины. Английские фрагменты. / Гейне Г. Собрание сочинений. М., 1982, т. 3.
17. Гизо. Сэр Роберт Пиль. / Русский вестник. 1856, ч. IV
18. Диккенс Ч. Собрание сочинений. Т.1
19. Кобден Р. Лига и борьба против хлебных законов. Речи Кобдена в парламенте и на митингах. М., 1899
20. Мальтус Т.Р. Опыт о законе народонаселения или изложение прошедшего и настоящего действия этого закона на благоденствие человеческого рода с приложением нескольких исследований о надежде на отстранение или смягчение причиняемого им зла. Пер. П.А.Бибикова. В 2-х тома. СПб., 1895.

21. Честерфилд. Письма к сыну. Максимум. Характеры. Пер. с англ. М., 1971.
22. Шелли. Письма. Статьи. Фрагменты. М., 1972.
23. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2.
24. Bamford S. Passages in the life of a radical. Oxford, N.-Y., 1986
25. Bentham J. The works of Jeremy Bentham. L., 1843, 8 vls.
26. Birch A.H. Representative and Responsible Government. An essay on the British Constitution. Toronto, 1964
27. Boswell J. The journals of James Boswell. L., 1991.
28. British Parliamentary election results. 1832-1885. L., 1977
29. Burke E. The correspondence of E.Burke. Cambridge, 1963, 4 vls.
30. Carlyle T. Chartism. L., 1840
31. Cobbett W. The Autobiography of William Cobbett. ed.by Retzel W.
32. Cockburn H. Memorials of his time. L., 1974
33. Consideration on the British Commerce with Reference Particularly to the British India, the United States of America and the Slave Trade. L., 1817
34. Cooper T. The life of Thomas Cooper written by himself. N.-Y., 1971
35. The correspondence of Charles Arbutnot. L., 1941
36. The correspondence of King George the Third. V.1-4.
37. The correspondence of George Prince of Wales. 4 vls. L., 1964
38. Craton M., Walvin D., Wright D. Slavery. Abolition and Emancipation. A thematic documentary. Norfolk, 1976.
39. Creevy Th. The Creevy papers. A selections from the correspondence and diaries of the late Thomas Creevy, M.P. born 1768 – died 1838. L., 1905.
40. Croker J.W. The Croker papers, 1808-1857. L., 1967.
41. Focal aspects of the Industrial Revolution 1825-1842. Five pamphlets. Shannon, 1971
42. Greville Ch. The Greville diary. L., 1927, v. 1,2.
43. Greville Ch. The Greville memoirs. A journal of the reigns of King George IV, King William IV and Queen Victoria. A new ed. in eight volumes. L., N.Y., 1899-1904, 8 vls.
44. Hardinge H.H. The letters of the First Viscount Hardinge of Lahore to Lady Hardinge and Sir Walter and Lady James, 1844-1847. L., 1986
45. Harriet Martineau's letters to Fanny Wedgwood. Stanford, 1983
46. The Holland House diaries 1831-1840. The diary of Henry Richard Vassal Fox, third Lord Holland. L., 1977
47. The Letters of Queen Anna. Ed. by B.C.Brown. L., 1968.
48. The Letters of Queen Victoria. A selection from Her Majesty's correspondence between the years 1837 and 1861. In 3 vls. Ed. By A.Ch. Benson. L., 1907

49. London radicalism 1830-1843. A selection from the Papers of Frances Place. L., 1970
50. Lovett W. Life and struggle of William Lovett. N.Y., 1910, v.1, 2
51. Macauley T.B. The letters of Thomas Babington Macauley. Cambridge, 1976, v. III
52. Martineau H. A History of the Thirty Year's Peace, 1816-1846. L., 1877-1878. v.IV.
53. Memoirs of George Selwyn and his contemporaries. L., 1843, v.1-3.
54. Mill J.S. Collected works. V.12
55. Mill J.S. The letters of John Stuart Mill. L., 1910, v.1
56. Parker C.S. Life and letters of sir James Graham. L., 1907, v.1,2.
57. Peel R. Sir Robert Peel from his private papers. L., 1899, 3 vls.
58. Place F. The autobiography of Frances Place (1771-1854). Cambridge, 1972.
59. Powell J. Statistical illustrations of the Territorial Extent and Population, Rental, Taxation, Finances, Commerce, Consumption, Insolvency, Pauperism and Crime of British Empire. L., 1827.
60. Queen Victoria in Her Letters and journals. A selection by Ch. Hilbert. L., 1984
61. A radical reader. The struggle for the change in England, 1381-1914. Harmondsworth, 1984.
62. Roebuck J.A. The Colonies of England: A Plan for the Government of Some Portion of our Colonial Possessions. L., 1849
63. Russell J. Recollections and Suggestions, 1813-1873. L., 1875
64. Selections from the Papers of the London Corresponding Society. 1792-1799. Cambridge, 1983.
65. Smith G.B. The life and speeches of the right hon. John Bright, M.P. v.1-2. L., 1931
66. Stanton H.B. Sketches of reforms and reformers. Reprint. Miami, 1969
67. Walpole H. Memoirs of King George II. V. 1-3. L., New Haven, 1985.
68. Webb S. and B. English local government: English poor law history. L., - N.-Y., 1927, v.2.
69. Wellington A.W. Wellington political correspondence. L., 1975.
70. Williams E.N. The Eighteenth century constitution. Documents and commentary.

Пресса

1. Вестник Европы
2. Московские ведомости,
3. Русская старина, 1903, № 6
4. Санкт-Петербургские ведомости

5. Северная пчела. Спб
6. Сын Отечества
7. The Annual Register
8. The Black Dwarf. 1819- 1826
9. The Companion to the Newspapers
10. Courier de Londres. 1820
11. The Edinburgh Review, or critical journal.
12. Galignani's Messenger
13. The Leeds Mercury
14. The Loyal Reformers' Gazette
15. The Morning Post
16. Le Moniteur Universel. 1832
17. The Northern Star
18. The Political Register
19. Quarterly Review
20. The Republican
21. The Times

Отечественные и зарубежные исследования

1. Абрамова С.Ю. Африка: четыре столетия работорговли. М., 1978.
2. Айзенштат М.П. Британия нового времени. Политическая история. М., 2007.
3. Айзенштат М.П., Гелла Т.Н. Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX веке. М., 1999.
4. Апрыщенко В.Ю. Клановая система горной Шотландии: традиции и модернизация. Ростов н/Д., 2006.
5. Британия и Россия. М., 1997.
6. Бугашев С.И. Уильям Питт Старший: политическая биография. Спб., 1998
7. Дерюжинский В.Ф. Из истории политической свободы в Англии и Франции. Спб., 1906
8. Егер О. Новая история. Т.1. Спб., 1999. Т.1.
9. Ерофеев Н.А. Очерки по истории Англии. М., 1959.
10. История Ирландии. М., 1980
11. Кертман Л.Е. География, история и культура Англии. М., 1979.
12. Ковалевский М.М. Английская конституция и ее история. М., 1880.
13. Ковалевский М.М. История Великобритании. Спб., 1911
14. Лабутина Т.Л. Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005.
15. Новая история Индии. М., 1961.

16. Олтаржевский В.П., Бейдина Т.Е., Воронкова Г.А. Английская Ост-Индская компания в XVII веке. Иркутск, 1988
17. Павлова Т.А. Дух Просвещения и ранние квакеры. / Человек XVII столетия. Часть 1. М., 2005.
18. Пономарева В.В. Парламент и политическая элита Великобритании XVIII века. Красноярск, 2002.
19. Семенов С.Б. Политические взгляды английских радикалов XVIII века. Самара, 1995.
20. Семенов С.Б. Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII века. Самара, 2008.
21. Соколов А.Б. Правь, Британия, морями? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. Ярославль, 1996.
22. Соловьева Т.С. Религиозная политика либеральных тори в Англии (20-ые гг. XIX века). М., 2000.
23. Фадеева Л.А. Очерки истории британской интеллигенции. Пермь, 1995.
24. Черняк Е.Б. Демократическое движение в Англии 1816-1820 гг. М., 1957.
25. Чудинов А.В. Размышления англичан о Французской революции: Э.Берк, Дж.Макинтош, У.Годвин. М., 1996.
26. Штокмар В.В. История Англии в средние века. С.-Пб., 2000
27. Янжул И. Борьба за свободу торговли в Англии в 1820-1846 гг. М., 1879.
28. Бродель Ф. Игры обмена. М., 1988. С.498.
29. Джексон Т.А. Борьба Ирландии за независимость. Пер. с англ. М., 1999.
30. Джефсон Г. Платформа, ее возникновение и развитие. Пг., 1903. т.1-2.
31. История Великобритании. Под ред. Кеннета О. Моргана. Пер. С англ. М., 2008
32. Кларк П. Время, пространство и социальный диалог: социальные изменения в британских городах в XVIII веке. / Социальная история. Ежегодник 1997. М., 1998.
33. Предвария союзы. Наемные рабочие и коллективные действия в Европе 1300-1850. М., 1997
34. Рюде Д. Народные низы в истории 1730-1848. М., 1984.
35. Теккерей У. Четыре Георга. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 11. М., 1979
36. Тревельян Дж.М. Социальная история Англии. М., 1959.
37. Шервин О. Шеридан. Пер. с англ. М., 1978.
38. Adburgham A. A radical aristocrat. The Rt. Hon. Sir William Molesworth Bart, PC, M.P. Padstow, 1990

39. Aspinall A. *Politics and the press*. L., 1949.
40. Aspinall A. *Lord Brougham and the Whig Party*. Hamden, 1972
41. Aylmer G.E. *The struggle for the constitution*. L., 1963
42. Becker M. *The emergence of Civil Society in the Eighteenth Century: A Privileged Moment in the history of England, Scotland and France*. Bloomington, 1994; etc.
43. Black E.Ch. *The association. British extraparlimentary political organization. 1769-1793*. Cambridge, 1963.
44. Black J. *Introduction. British politics and society from Walpole to Pitt 1742-1789*. L., 1990
45. Brewer J. *Party ideology and politics*.
46. Briggs A. *A Social History of England*. L., 1983.
47. *British politics and society from Walpole to Pitt 1742-1789*. Ed. by J.Black. L., 1990. Brown R., Daniels Ch. *The Chartists*. L., 1984
48. Brundage A. *England's "Prussian minister": Edwin Chadwick and the politics of government growth*. L., 1988
49. Butterfield H. *George III, Lord North and the people*. L., 1949.
50. Calhoun C. (ed.) *Habermas and the Public Sphere*. Cambridge, 1992.
51. *The Cambridge Social history of Britain*. Cambridge, 1990. V.1-3.
52. Cannon J. *Parliamentary reform 1640-1832*. Cambridge, 1973
53. Clark G.K. *Peel and the Conservative party. A study in party politics 1832-1841*. L., 1964.
54. Clark G.N. *The Later Stuarts 1660-1714*. Oxford, 1947.
55. Clark J.C.D. *English society 1688-1832. Ideology, social structure and political practice during the ancient regime*. Cambridge, 1985
56. *Chartist Studies*. L., 1959
57. Christie I.R. *The Yorkshire association, 1780-1784: A study in political organization*. / *The Historical journal*, 1960, N.2.
58. Cooley L. *Britons: Forging the nation 1707-1837*. New Haven and London, 1992.
59. Coupland R. *The British anti-slavery movement*. L., 1933
60. Cox G.W., Ingram J.W. *Suffrage expansion and legislative behavior in nineteenth-century Britain*. / *Social science history*. 1992, v. 16, N.4.
61. Cranfield S.A. *The development of the Provincial newspaper. 1700-1760*. Oxford, 1962.
62. *Culture and society in Britain*. Ed. J.Black. Manchester, 1997.
63. Derry J. *Reaction and Reform. 1793-1886*, L., 1970
64. Dickinson H.T. *Liberty and Property*. N.Y., 1977.
65. Djang T.K. *Factory inspection in Great Britain*. L., 1942.
66. Driver C. *Tory Radical, the life of Richard Oastler*. N.-Y., 1946
67. *The Early chartists*. L., 1971
68. *The eighteenth century*. Ed. by P.Rogers. L., 1978.

69. Epstein J. *The lion of freedom: Fergus O'Connor and the Chartist movement, 1832-1842.* L., 1982
70. Feiling K. *Warren Hastings.* L., 1955.
71. Fitzmaurice E. *The life of Granville George Leveson Gower, second Earl Granville.* L., N.-Y., 1906. v.1.
72. Flick C. *The Birmingham Political Union and the Movement for the Reform in Britain. 1830-1839.* Kent, 1978.
73. Gash N. *Aristocracy and People.* Cambridge, 1979.
74. Gash N. *Pillars of Government and Other Essays on State and Society.* L., 1986
75. F.O'Gorman. *The Long Eighteenth century: British political and social history 1688-1832.* L., 1997. P.107.
76. Greenberg M. *British Trade and Opening of China 1800-1842.* Cambridge, 1951
77. Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Burgeois Society.* Cambridge, 1989
78. Hammond B. *William Lovett 1800-1878.* L., 1922
79. Hanson L. *Government and the press.* L., 1939.
80. Harris R.W. *Political ideas 1760-1792.* L., 1963.
81. Hilbert Chr. *George IV. Prince of Wales.* L., 1977.
82. *The history of "The Times".* L., 1935, v. 1,2.
83. Hobsbaum E. *Nation and Nationalism since 1780.* Cambridge, 1990
84. Huch R.R., Ziegler P.R. *Joseph Hume: the peoples M.P.* Philadelphia, 1985
85. Hudson D. *Thomas Barnes of "The Times". A biography by Derek Hudson. With selections from his critical essays, never before re-printed, edited by Harold Child.* Cambridge, 1944
86. Kerr D.A. *Peel, priests and politics.* Oxford, 1982
87. King R., Rayer J. *The middle class.* L., 1981
88. Klingborg F. *The anty-slavery movement in England.* New Haven, 1926
89. Knott J. *Popular opposition to the 1834 Poor Law.* L., 1986
90. Kronenberger L. *The Extraordinary mr. Wilkes.* N.-Y., 1974.
91. Longford E. *Wellington. Pillar of state.* L., 1972
92. Longmate N. *The breadstealers: The Fight against the Corn Laws, 1838-1846.* N.-Y., L., 1984
93. Maccoby S. *English radicalism. 1765-1785.* L., 1955.
94. Machin G.I.T. *Politics and the churches in Great Britain 1832 to 1868.* Oxford, 1977.
95. Mackenzie A.M. *The kingdom of Scotland.* Edinburgh, 1940.
96. Mackey T.A. *History of the English Poor Law.* L., 1899
97. Marshall P.J. *Problems of Empire. Britain and India 1757-1813. Studies and documents.* L., N.Y., 1968.

98. Mintz S. W. Sweetness and Power. The place of sugar in modern history. Harmondsworth, 1986.
99. Mitchell A. The Whigs in opposition 1815-1830. Oxford, 1967.
100. Mitchell L. The Whig World. L., 2007.
101. Morgan M. Manners, morals and class in England, 1774-1858. Hong Kong, 1994
102. Morley J. The life of Richard Cobden. V.1-2. L., 1903
103. The New Cambridge modern history, v. IX. Cambridge, 1965
104. Newman G. The rise of English nationalism: A cultural history, 1740-1830. N.-Y., 1987
105. The Nineteenth Century Europe. 1789-1914. Edit. By T.C.W. Blanning/ Oxford, 2000.
106. Nobbe G. The North Briton. N.-Y., 1939
107. Norman E.R. Church and society in England 1770-1970. Oxford, 1976
108. Peterson W. Malthus. Cambridge, 1979.
109. Philips C.H. The East India Company 1784-1834. Manchester, 1961
110. Pike E.R. Britain's prime ministers from Walpole to Wilson. L., 1968
111. Popular movements 1830-1850. L., 1970
112. Politics and the Public Conscience. Slave Emancipation and the Abolitionist Movement in Britain. L., 1978.
113. Roberts Cl. Schemes and undertakings. Ogio, 1985
114. Roberts M. The Whig Party 1807-1812.
115. Royle E. Chartism. L., 1980
116. Royle E., Walvin J. English radicals and reformer 1760-1848. Brighton, 1982
117. Rude J. The laboring classes in early industrial England, 1750-1850. L., 1986. P. 232, 234.
118. Rude G. Wilkes and Liberty. Oxford, 1983.
119. Slavery and British Society 1776-1846. L., 1987.
120. Smith E.A. George IV. L., New Haven, 1999
121. Smith H. Georgian monarchy: Politics and culture, 1714-1760. Cambridge, 2006.
122. Stewart R. The foundation of the conservative party 1830-1867. L., N.-Y., 1978.
123. Taylor G.R.S. Robert Walpole and his age. L., 1931.
124. Thale M. London debating societies in the 1790s. / The Historical journal. 1989, N.1.
125. Thomas W. The Philosophic Radicals. Oxford, 1979.
126. Trevelyan G.M. British history in the Nineteenth century and after. L., 1937.
127. Turner R.E. The relations of James Silk Buckingham with the East India Company. Pittsburg, 1930.
128. Ward J.T. Chartism. L., 1973

129. Ward J.T. The factory movement, 1830-1855. L., 1962
130. Williams B. The Whig supremacy 1714-1760. Oxford, 1942.
131. Wolf E.R. Europe and the people without history. L., 1982
132. Wilding N., Laudy Ph. An Encyclopedia of Parliament. L., 1958

Айзенштат М.П.

**Власть и общество
Британии 1750-1850 гг.**

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

ISBN 978-5-94067-287-6

9 785940 672876

Л.Р. ИД №01776 от 11 мая 2000 г.

Подписано к печати 28.10.2009

Формат 60х90

Гарнитура Times New Roman Печать офсетная

Усл.печ.л. 25 Тираж 200 экз.

Заказ № 391.

ИВИ РАН Ленинский пр-т, 32-а